

ПОГРЕБЕНИЯ КОЧЕВНИКОВ VI-VII ВВ. ИЗ СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО ПРИАЗОВЬЯ

Работами Херсонской археологической экспедиции Института археологии АН УССР под руководством А.И.Кубышева в 1976-1984 гг в степях Северо-Западного Приазовья было исследовано несколько погребений 2-й пол.VI – VII в., частично опубликованные Р.С.Орловым и послужившие основой для выделения нового культурного типа – “типа Сивашовки” (Орлов Р.С., 1985). За следующие 20 лет этот термин прочно вошел в научный обиход, несмотря на то, что сам комплекс п.2 к.3 Сивашовки, также как и многие другие погребения этого же круга, в целостном виде до сих пор не были опубликованы. В зависимости от целей исследователей публиковались или переопубликовывались отдельные вещи, планы, делались реконструкции, но фрагментарность и разрозненность информации, отсутствие ее системного анализа создавали почву для ошибок и недоразумений как на уровне описания и интерпретации отдельных нюансов, так и на уровне этнокультурных построений, размывали культурные и хронологические рамки “сивашовского типа”, оставляли открытым вопрос его соотношения с богатыми кочевническими комплексами круга Перешепины.

Настоящая публикация призвана ввести в научный оборот полный комплекс материалов эпонимного п.2 к.3 Сивашовки, а также еще 6 рядовых кочевнических погребений 2-й пол.VI – VII в. из раскопок Херсонской археологической экспедиции¹. Задача это непростая, поскольку часть материалов и полевой документации ныне утрачены, да и сами раскопки проводились в сложных условиях новостроечных экспедиций, никак не благоприятствующих полноте и точности фиксации. В результате многие обстоятельства стратиграфии заполнения, локализации находок и др. так и остались неопределенными, хотя часть информации и чертежей благодаря детальному изучению полевых фотографий все же удалось уточнить. Постоянная

необходимость аргументации оснований интерпретации или реконструкции отдельных моментов обусловила структуру данной публикации, в которой описательная и аналитическая части не выделены в два самостоятельных блока, а органично связываются между собой, позволяя поочередно концентрировать внимание на каждом из затронутых узких вопросов.

I. Погребение 2 кургана 3 Сивашовки

Курганная группа, исследовавшаяся в 1980 г у с.Сивашовка Новотроицкого р-на Херсонской обл. (рис.1, 17), располагалась в 3 км на ССВ от села, занимая небольшую мысообразную возвышенность, вытянутую с запада на восток. Всего в 4 км к югу от нее начинается зона солончаков и соленых озер, которая тянется все 9 км до Гнилого моря (Сиваша). Курган 3 находился в восточной части занятой могильником возвышенности, длительное время распахивался. В плане округлый, вдоль пол на момент раскопок еще были заметны углубления от кольцевых рвов. Его сохранившаяся высота – 0,65 м от древней поверхности, диаметр – около 22 м. Сооружен в срубное время, к которому относятся погребения 1 (основное) и 3, а также связанные с ними два кольцевых ровика с перемычками, расположенными по линии запад-восток (рис.2). В восточной части основного ровика, к северу и к югу от перемычки, обнаружены следы тризны и жертвоприношения лошади, отнесенные автором раскопок кургана – Ю.А.Шиловым – также к срубному времени.

Впускное раннесредневековое погребение 2 находилось в центре кургана, в 1 м севернее репера (рис.2). Совершено в яме с заплечиками. Входная яма, ориентированная по линии юго-запад – северо-восток (ЮЗ-СВ), в слое насыпи практически не

¹ В основу настоящей публикации под общей редакцией А.В.Комара и Р.С.Орлова положены описания погребений и иллюстративный материал, подготовленные А.И.Кубышевым и В.В.Дорофеевым, а также полевые отчеты под редакцией А.И.Кубышева, соответствующие разделы которых написаны авторами раскопок курганов – В.В.Дорофеевым, С.А.Куприем, С.В.Полиным, В.В.Сердюковым, Ю.А.Шиловым (Кубышев А.И. и др., 1976; 1979; 1980; 1981; 1982). Описание комплексов – А.В.Комар, А.И.Кубышев, Р.С.Орлов; анализ и реконструкции погребального обряда и состава погребального инвентаря, датировка погребений, раздел VI – А.В.Комар; таблицы и рисунки – А.В.Комар, Р.С.Орлов, Н.В.Хамайко.

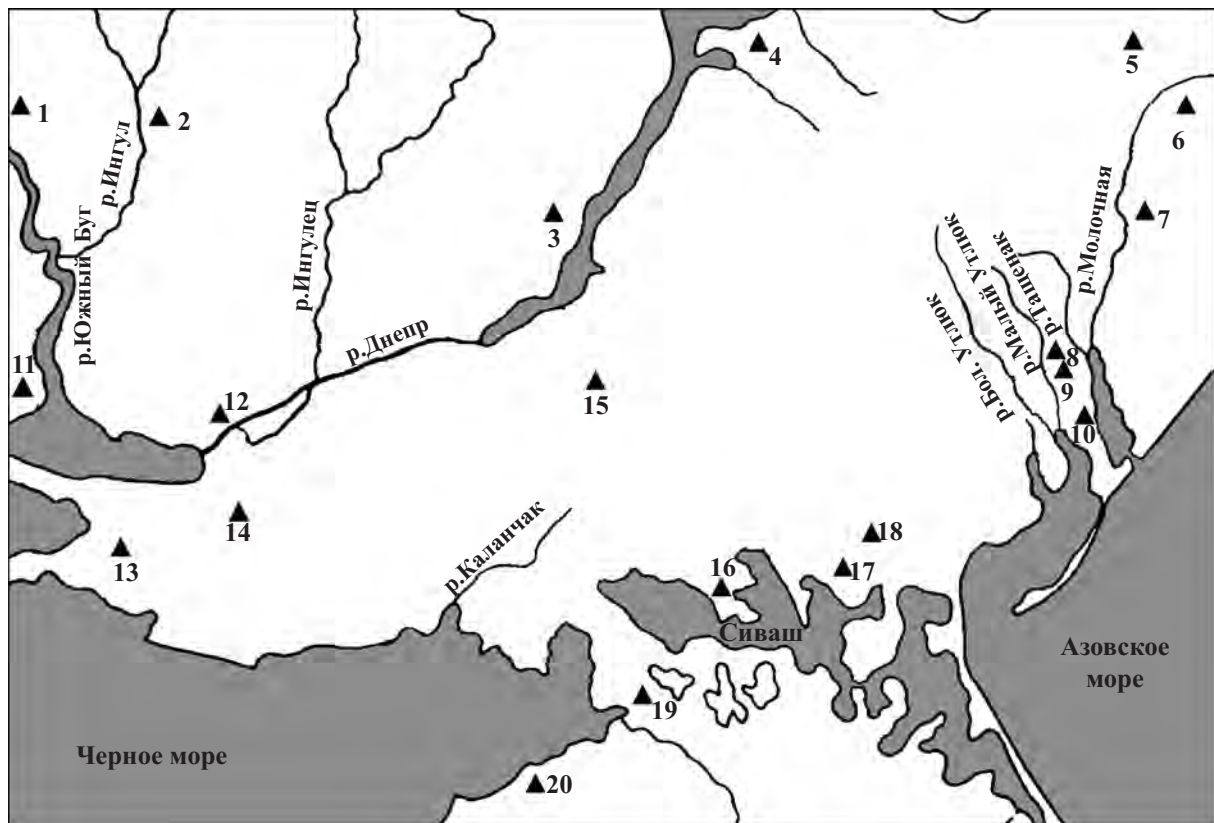

Рис. 1. Памятники кочевников 2-й пол. VI – VII в.: 1 – Новая Одесса; 2 – Христофоровка; 3 – Суханово; 4 – Великая Знаменка; 5 – Виноградное; 6 – Большой Токмак; 7 – Аккермень; 8 – Малая Терновка; 9 – Родионовка (Радивоновка); 10 – Шелюги; 11 – Аджиголь; 12 – Белозерка; 13 – Черноморское; 14 – Келегеи; 15 – Костогрызово; 16 – Васильевка (Василевка); 17 – Сивашовка; 18 – Сивашское; 19 – Рисовое; 20 – Портовое.

Fig. 1. Nomads monuments of the 2nd half of the VI – VII c.: 1 – Novaya Odessa; 2 – Khristoforovka; 3 – Sukhanovo; 4 – Velikaya Znamenka; 5 – Vinogradnoie; 6 – Bolshoi Tokmak; 7 – Akkermen; 8 – Malaya Ternovka; 9 – Rodionovka (Radivonovka); 10 – Shelyugi; 11 – Adzhigol; 12 – Belozerka; 13 – Chernomorskoie; 14 – Kelegei; 15 – Kostogryzovo; 16 – Vasilievka (Vasilevka); 17 – Sivashovka; 18 – Sivashskoie; 19 – Risovoie; 20 – Portovoie.

прослеживалась, ее дно зафиксировано на глубине 0,7-0,8 м от нулевой отметки, т.е. фактически на уровне перекрытия могилы, где находился скелет коня (рис.3; 4, 1). Судя по полевым фотографиям, траншея, пробитая бульдозером, срезала северо-восточный угол погребения по линии восточной стенки бровки, задев при этом череп коня (рис.4). Размеры ямы на этом уровне составляли около 2,4x1,1 м, но контуры очерчены лишь условно. Если учесть линию согнутых ног лошади (рис.3), не исключено, что юго-восточная стенка входной ямы проходила несколько ближе и не совсем параллельно яме для тела.

На дне входной ямы на перекрытии из поперечных и диагональных деревянных брусков шириной 4-5 см на левом боку лежал скелет коня (рис.3;

4, 1). Ориентирован по линии ЮЗ-СВ (азимут 47°); ноги подогнуты; голова повернута храпом на восток (азимут 93°). На левой и правой щеках лошади находились двуштитковые бляшки оголовья (рис.3, 3; 4, 2); южнее головы, справа и слева от шейных позвонков – серебряные наконечники (рис.3, 6; 4, 2); слева – фигурная серебряная бляшка (рис.3, 5). Серебряная восьмеркообразная бляшка, согласно плану, также найдена слева от черепа (рис.3, 4), а по отчету и фотографии (рис.4, 2) она располагалась на затылке лошади. В данной ситуации больше доверия вызывает локализация на плане, поскольку при изучении всего комплекса полевых фотографий обнаружилась явная тенденция передвигать под фотографирование небольшие бляшки с земли на возвышенные участки.

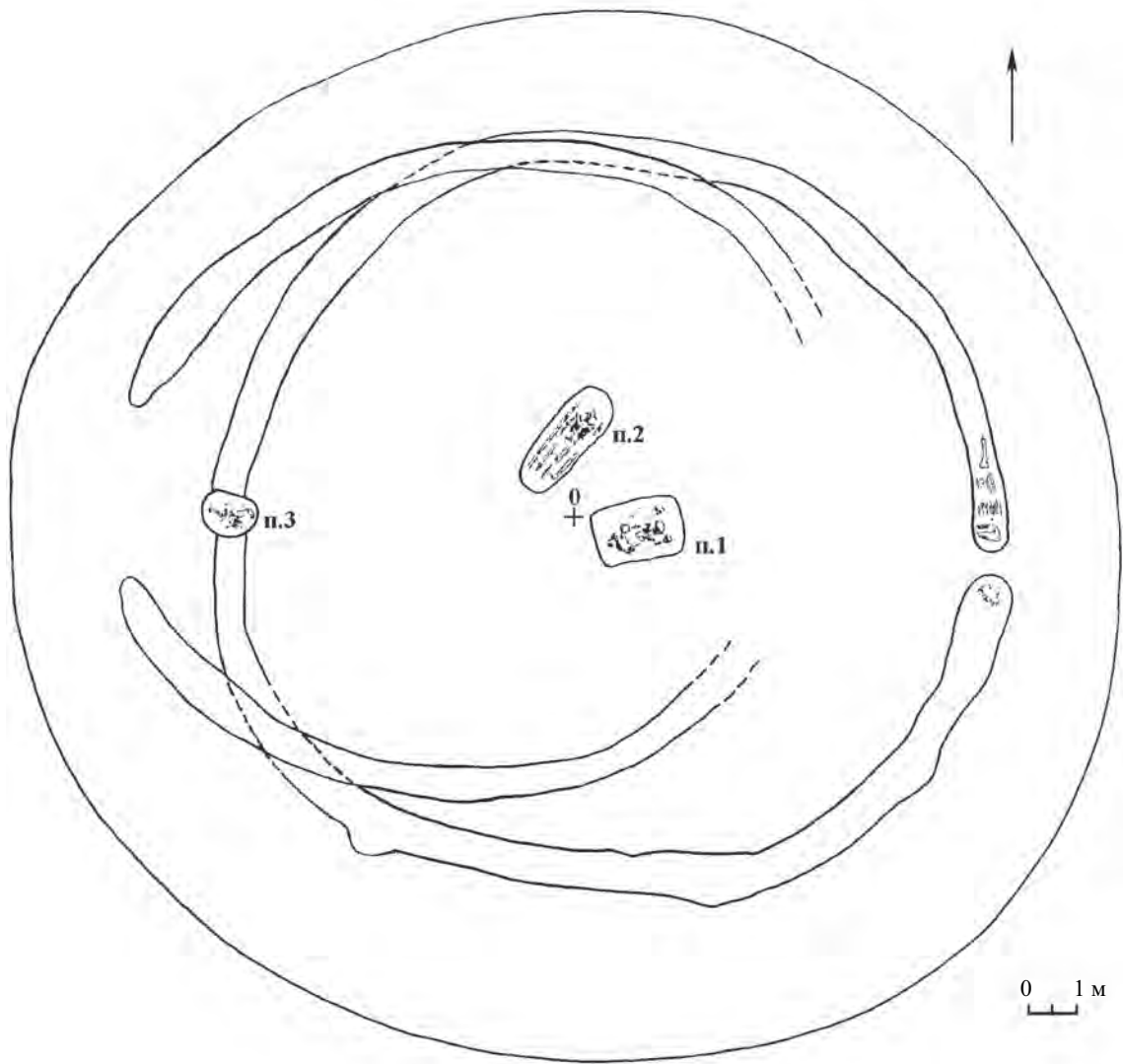

Рис. 2. План кургана 3 у с.Сивашовка.
 Fig. 2. The layout of barrow 3 near Sivashovka village.

Согласно описанию, в зубах коня и слева от него найдены обломки железных удил с остатками органических псалиев. На рисунке из отчета, опубликованном Р.Рашевым (Рашев Р., 2004, табл.35, 1), удила смещены к носу и фактически выглядят не вложенными в зубы коня, а уложенными рядом. Но на полевых фотографиях (рис.4), четко видно, что носовые кости черепа, где, согласно плану, должны были находиться, удила, срезаны бульдозером. На фотографии же, после снятия скелета коня под левой щекой черепа *in situ* зафиксирована часть удил с остатками кожаных ремней узды (рис.6, 1; 9, 4). Таким образом, удила действительно находились в зубах коня, но в обычном положении (глубоко вложенными) (рис.3, 1, 2).

На ребрах коня (ближе к тазу) обнаружены остатки деревянного седла (рис.3, 9, 11; рис.4, 1)

с железной кольчужной обкладкой передней луки (рис.3, 12; рис.4, 1), а также две железные подпружные обоймы (рис.3, 7, 10). Слева от седла между ребрами скелета в вертикальном положении находился деревянный кольшечек с ушком (рис.3, 8; 22, 2). Также слева от скелета коня на уровне кольчужной обкладки седла найдена серебряная двущитковая бляшка (рис.3, 13). За тазовыми костями обнаружены серебряные пряжка и Т-образная бляшка (рис.3, 14, 16; 4, 1), а также “половинка медного диска” (рис.3, 15). Идентифицировать последнюю находку по довольно схематичному рисунку на плане сложно. Речь должна идти о небольшой половинке бляшки, размером со шляпку заклепки, но среди находок погребения такого предмета нет. Зато в комплексе есть половинка бронзового зеркала с ручкой (рис.28), нигде в отчете не упомянутая. Сейчас

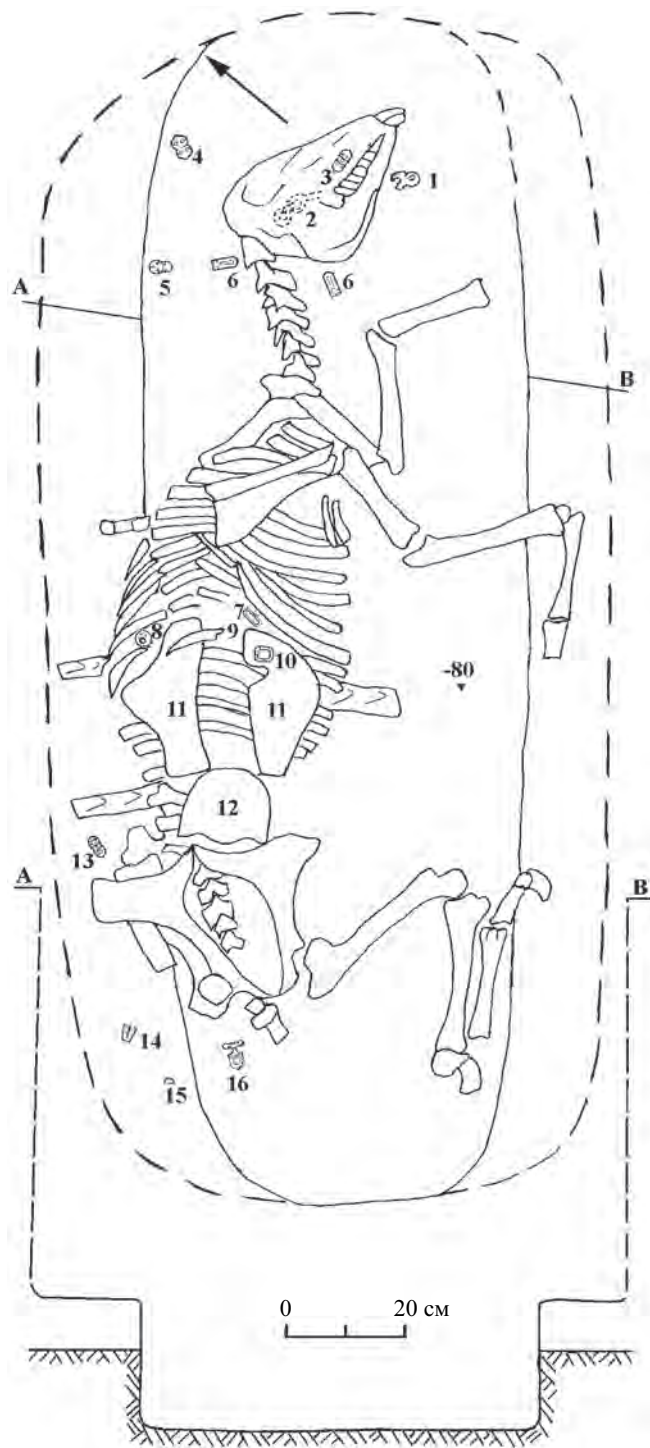

Рис. 3. Погребение 2 к.3 Сивашовки. План погребения коня: 1, 2 – фрагменты удиц; 3-6 – серебряные бляшки узды; 7, 10 – железные обоймы подпруги; 8 – деревянный колышек; 9 – задняя лука седла; 11 – деревянные полки седла; 12 – кольчужная бармица передней лука седла; 13 – серебряная двущитковая бляшка; 14 – серебряная пряжка; 15 – “половинка медного диска”; 16 – серебряная T-образная бляшка.

Fig. 3. Burial 2 of Sivashovka barrow 3. The layout of horse burial: 1, 2 – fragments of the bits; 3-6 – silver plaques of a bridle; 7, 10 – iron beckets of a saddle-girth; 8 – wooden peg; 9 – rear arch of a saddle; 11 – wooden ledges of a saddle; 12 – a chain armour covering of a front arch of a saddle; 13 – a silver two-shields plaque; 14 – a silver buckle; 15 – a half of a copper disk; 16 – a silver T-shape plaque.

Рис. 4. Погребение 2 к.3 Сивашовки. Погребение коня: 1 – общий план (вид с ЮВ); 2 – расположение украшений узды (вид с СЗ).

Fig. 4. Burial 2 of Sivashovka barrow 3. A horse burial: 1 – a general layout (a view from the SE); 2 – a location of a bridle decorations (a view from the NW).

трудно сказать, отнесено ли зеркало к комплексу в результате ошибки, или же его намеренно исключили из состава находок п.2 еще на этапе составления отчета, учитывая его внешнюю “скифоидность”. В любом случае, как увидим ниже, зеркало совсем не выпадает из хронологического и культурного контекста погребения, поэтому, хотя к этой находке и следует относиться с осторожностью, мы даем ее описание в составе предметов из п.2.

После разборки скелета коня на глубине 0,85-0,9 м оконтурилась более узкая вытянуто-овальная яма для тела человека размерами 2,4х0,7 м (рис.5), также ориентированная по линии ЮЗ-СВ (азимут 40°). Стенки ямы вертикальные, дно ровное, но имеет заметный наклон в сторону головы (в головах глубина могилы – 1,05 м, в ногах – 0,95 м). На уровне верха ямы и в верхней части ее заполнения (гл. 0,85-0,9 м) зафиксированы остатки деревянного перекрытия могилы в виде поперечных и диагональных деревянных брусов шириной 4-5 см и толщиной до 4 см (рис.5, а; б), ниже которого находилась рамчатая деревянная конструкция гробовища. Под давлением массы коня перекрытие просело в яму, в результате чего автором раскопок – Ю.А.Шиловым – все остатки деревянных конструкций были объединены в единое целое – перекрытие гробовища в виде “двускатной или аркообразной крыши”, тогда как к перекрытию могилы отнесены только поперечные плашки (Кубышев А.И. и др., 1980, с.194). Как увидим ниже, эта реконструкция не отвечает действительности, и деревянные плахи разделяются на принадлежащие перекрытию могилы и решетчатой верхней раме гробовища.

Ниже уровня перекрытия ямы для тела, на верхней раме гробовища, у северо-западного края ямы находились костяные обкладки сложного лука, из которых на плане и фотографиях локализована только одна концевая (рис.5, 1). Южнее, у северо-западной стенки, слегка выходя за край ямы, располагался берестяной колчан со стрелами (рис.5, 2), на котором лежала половинка ножа (рис.5, 15). Колчан, в свою очередь, перекрывал деревянное блюдо (рис.8, а; 9, 1) с пауптвенной пищей (кости крестца и хвостовые позвонки барана) (рис.8, 1). Здесь же, на блюде, находились две серебряные пряжки (рис.8, 2), две бронзовые заклепки с круглыми шляпками (рис.8, 3) и деревянный остроконечный предмет (рис.8, 4). На общем плане из отчета (Кубышев А.И. и др., 1980, табл.СVIII, II), опубликованном Р.Рашевым (Рашев Р., 2004, табл.35, 2), поверх блюда изображена одна из пластин поясного наконечника, но отсутствие упоминания об этом, так же как и нахождение второй пластины ниже уровня верхней рамы гробовища позволяют считать этот рисунок ошибочным. Вообще, на указанном плане неверно локализовано и само блюдо, смещенное

верхним краем к нижней части таза, в то время как на полевых фотографиях этот край блюда зафиксирован выше правого плеча (рис.7). В районе же находки пластин поясного наконечника блюда просто не было. Также ошибочно на этом плане локализован и колчан, смещенный юго-западнее и расположенный не под углом, а параллельно стенкам ямы (Рашев Р., 2004, табл.35, 2). Благодаря фотографиям (рис.9, 2) установлено также, что несколько ниже уровня верхней рамы гробовища, фактически уже на уровне костей ног скелета, найдены и фигурная серебряная бляшка с серебряным наконечником дополнительного ремешка (рис.5, 4, 5).

На дне ямы, на нижней части конструкции гробовища в виде трапециевидной рамы с 7 поперечными плахами находился скелет молодого мужчины (рис.5, б; 7). Скелет лежал вытянуто на спине, с вытянутыми вдоль тела руками, пятки не сведены, ориентирован на СВ (азимут 42°), голова слегка повернута вправо. Между левой рукой и корпусом находился меч в деревянных ножнах, положенный на ребро скобами вниз (рис.5, 7). Пластина железного перекрестья оказалась отломанной и лежала на том же уровне, но слева от руки (рис.5, 8; 9, 3). Основная часть находок концентрировалась в районе пояса и таза, где находились детали поясного набора (рис.15). К сожалению, здесь зафиксированы лишь детали, найденные на скелете, точное же расположение еще 5 поясных деталей, обнаруженных после его снятия, нами не установлено. На лучевой кости правой руки и слева от позвоночника, возле меча, найдены две серебряные щитовидные бляшки с круглым вырезом (рис.5, 10; 15, 1, 4). Справа от позвоночника рядом с тазом находилась серебряная Т-образная бляшка (рис.5, 11; 15, 3). Между бедренными костями и под лучевой костью правой руки – два серебряных наконечника (рис.5, 14; 15, 8). Между правой рукой и позвоночником, заходя под таз, лежал костяной кочедык (рис.5, 9; 15, 2); между бедренными костями, рядом с тазом – кремнево-каменный отщеп (рис.5, 12, 13; 15, 6, 7), а слева от левого бедра, под мечом – боевой нож (рис.5, 15; 15, 9). С внутренней стороны левого бедра, недалеко от колена, находилась железная пряжка (рис.5, 16). Следующий блок находок принадлежал деталям обуви (рис.8, б; 17). На правой и левой ногах найдено по железной пряжке с медной заклепкой (рис.8, 5; 17, 2, 5), серебряной обойме (рис.8, 7; 17, 4, 8) и по два серебряных наконечника ремней (рис.8, 6; 17, 3, 6, 9). У правой ноги находились две сдвоенные серебряные и одна медная заклепка (рис.8, 3, 9; 17, 1), а на левой – двущитковая бляшка (рис.8, 8; 17, 7). Под ступнями найдено по серебряной пряжке.

Не локализованы на плане, но упомянуты в отчете как найденные в заполнении в разных местах

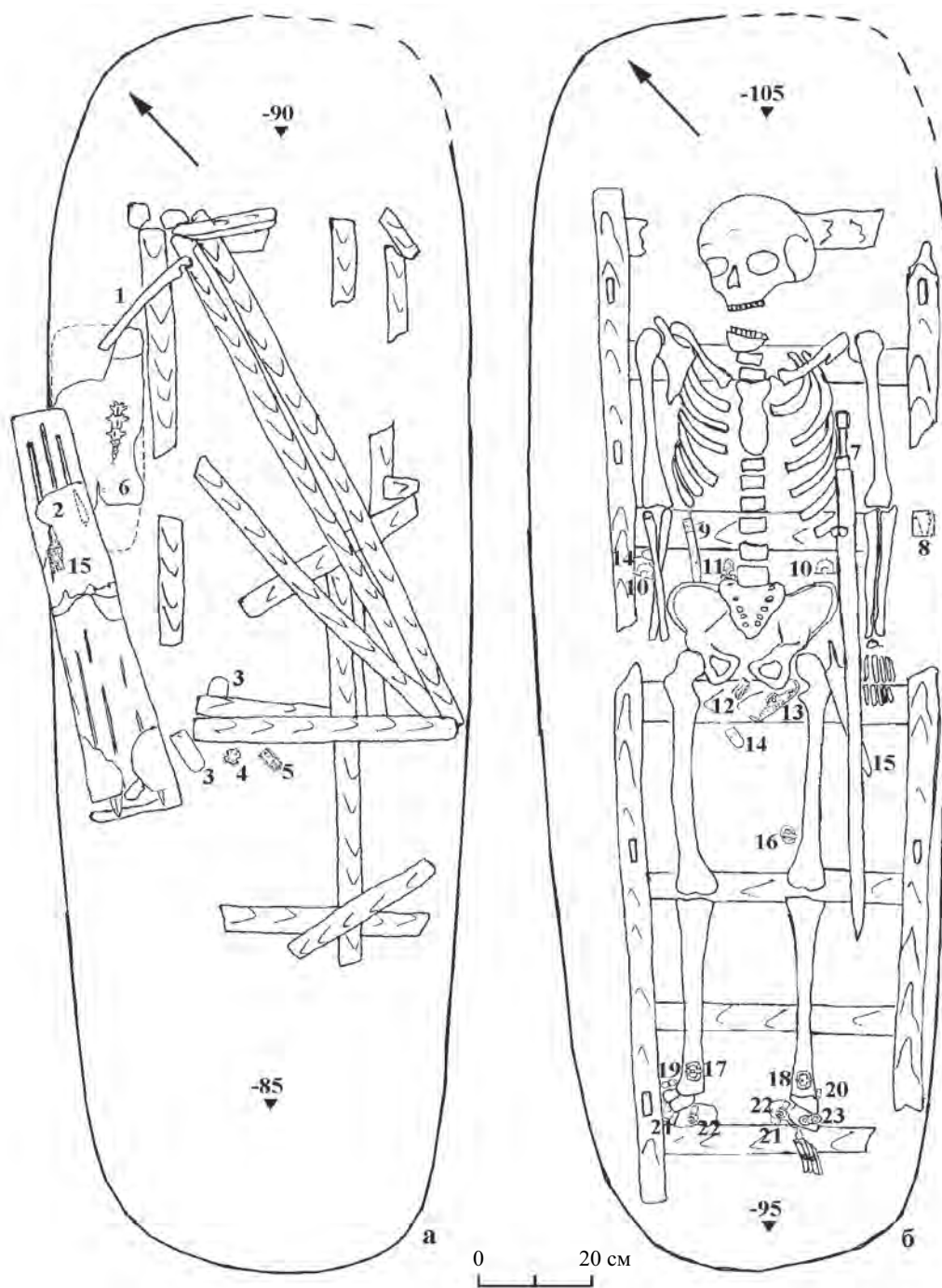
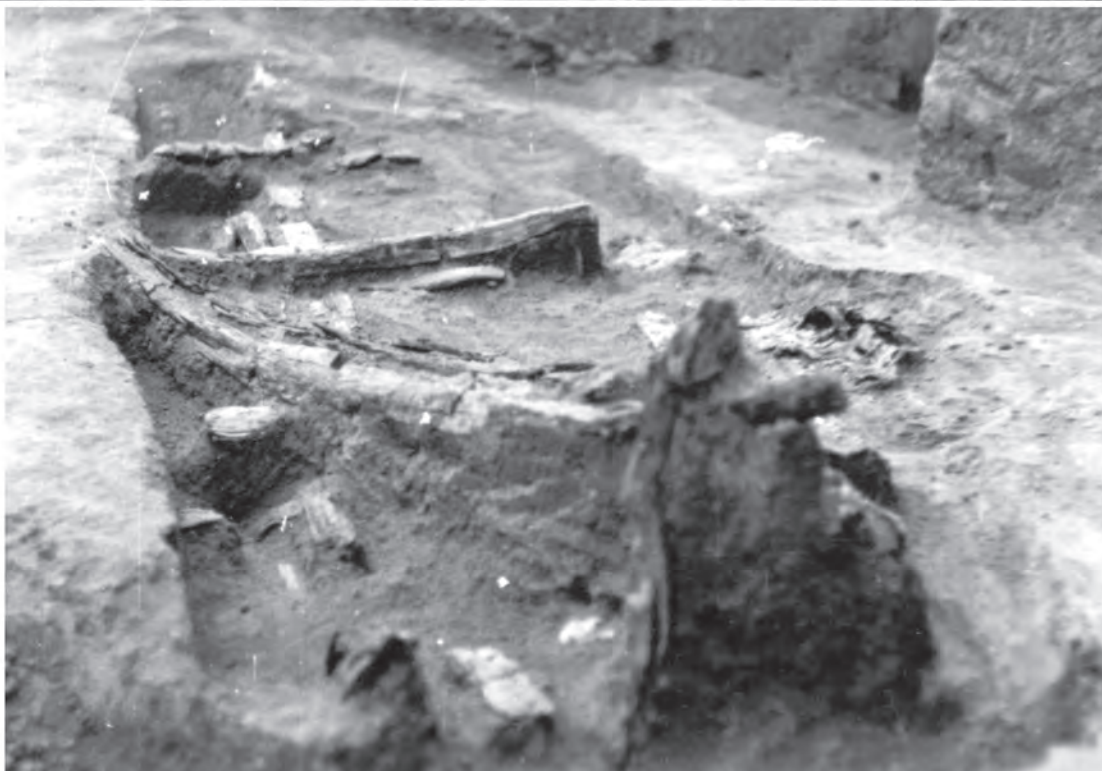

Рис. 5. Погребение 2 к.3 Сивашовки. План погребения на уровне перекрытия (а) и на уровне дна могильной ямы (б): 1 – костяная накладка лука; 2 – берестяной колчан; 3 – пластины серебряного поясного наконечника; 4, 5, 10, 11, 14, 23 – серебряные бляшки; 6 – деревянное блюдо; 7 – меч; 8 – фрагмент пластины перекрестья меча; 9 – костяной кочедык; 12 – кремь; 13 – кресало; 15 – ножи; 16 – железная пряжка; 17, 18 – железные пряжки с бронзовыми заклепками; 19 – двоянные заклепки; 20, 21 – серебряные наконечники; 22 – серебряные обоймы.

Fig. 5. Burial 2 of Sivashovka barrow 3. The burial layout at the covering level (a) and at the bottom level (б): 1 – a bone cover plate of a bow; 2 – a birch bark quiver; 3 – plates of a silver belt ferrule; 4, 5, 10, 11, 14, 23 – silver plaques; 6 – a wooden dish; 7 – a sword; 8 – a fragment of a plate of sword hilt; 9 – a bone kochedyk; 12 – a flint; 13 – a fire steel; 15 – knives; 16 – an iron buckle; 17, 18 – iron buckles with bronze rivets; 19 – twin rivets; 20, 21 – silver ferrules; 22 – silver becketts.

1

2

Рис. 6. Погребение 2 к.3 Сивашовки. Перекрытие могильной ямы: 1 – вид с СЗ; 2 – вид с СВ.
Fig. 6. Burial 2 of Sivashovka barrow 3. The covering of the grave pit: 1 – a view from the NW; 2 – a view from the NE.

Рис. 7. Погребение 2 к.3 Сивашовки. Уровень дна могильной ямы (вид с ЮЗ).
Fig. 7. Burial 2 of Sivashovka barrow 3. The level of the grave pit bottom (the SW view).

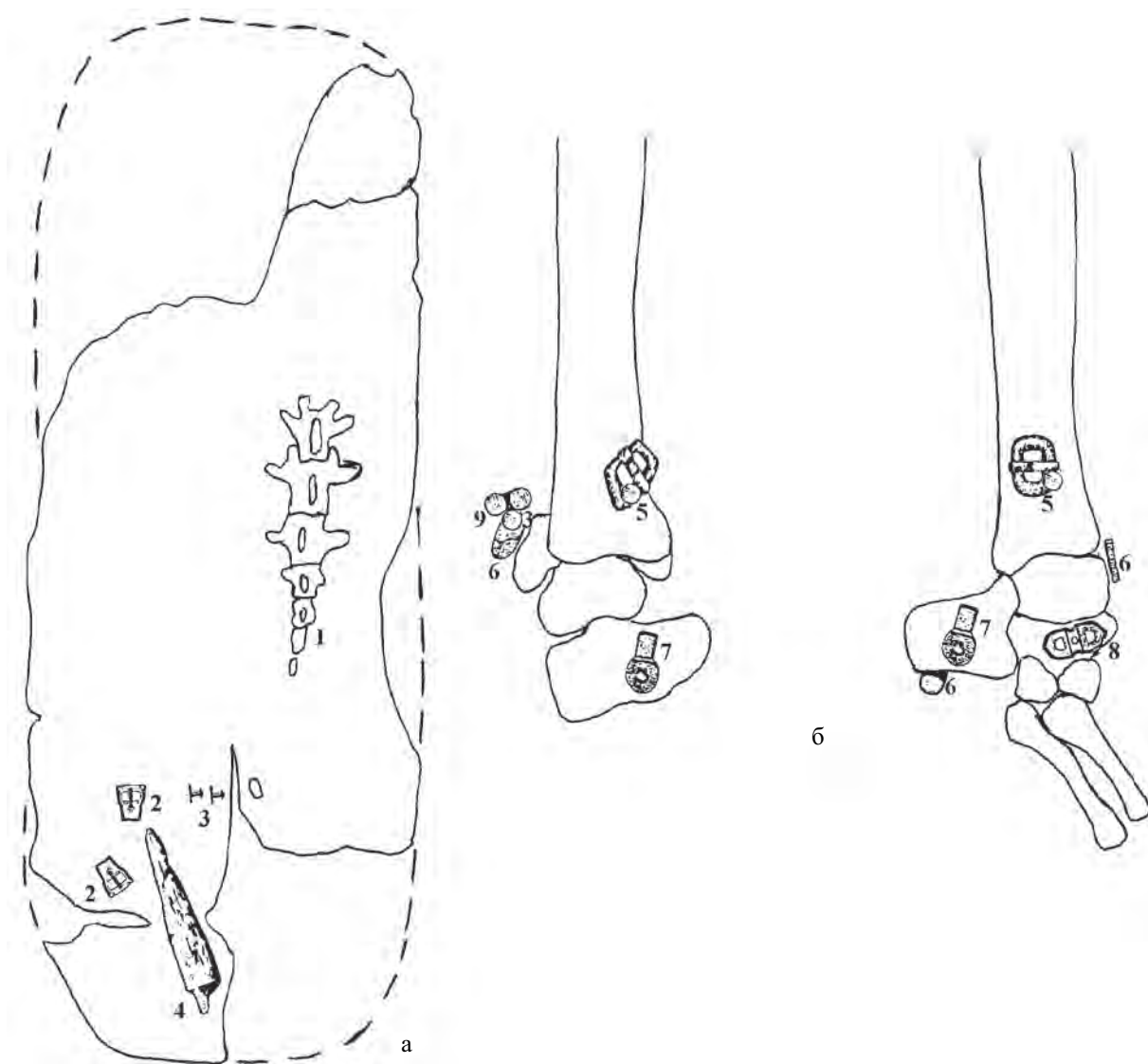

Рис. 8. Погребение 2 к.3 Сивашовки. Расположение находок на деревянном блюде (а) и в районе ног скелета (б): 1 – крестец барана; 2 – серебряные пряжки; 3 – бронзовые заклепки; 4 – деревянные наконечники стрелы; 5 – железные пряжки с бронзовыми заклепками; 6 – серебряные наконечники; 7 – серебряные обоймы; 8 – серебряная бляшка; 9 – сдвоенные серебряные заклепки. Без масштаба.

Fig. 8. Burial 2 of Sivashovka barrow 3. The arrangement of finds on a wooden dish (a) and near the skeleton legs (б): 1 – an edgebone of a ram; 2 – silver buckles; 3 – bronze rivets; 4 – wooden arrowheads; 5 – iron buckles with bronze rivets; 6 – silver ferrules; 7 – silver becketts; 8 – silver plaque; 9 – twin silver rivets. Without scale.

две фрагментированные железные пряжки и обломки двух железных щитков пряжек, деревянный полуовоидный предмет, костяное ушко стрелы.

1.1. Обряд погребения

Реконструкция. Реконструкция обряда, по которому было совершено погребение, базируется

не только на поэтапной интерпретации главных признаков конструкции погребального сооружения и положения скелета, но и на детальном анализе особенностей взаиморасположения предметов, часть из которых могла носить случайный, непреднамеренный характер, а другая, наоборот, отражает осмысленные ритуальные действия.

Этап первый – выбор кургана. Выбор места для подкурганного погребения в районе с.Сива-

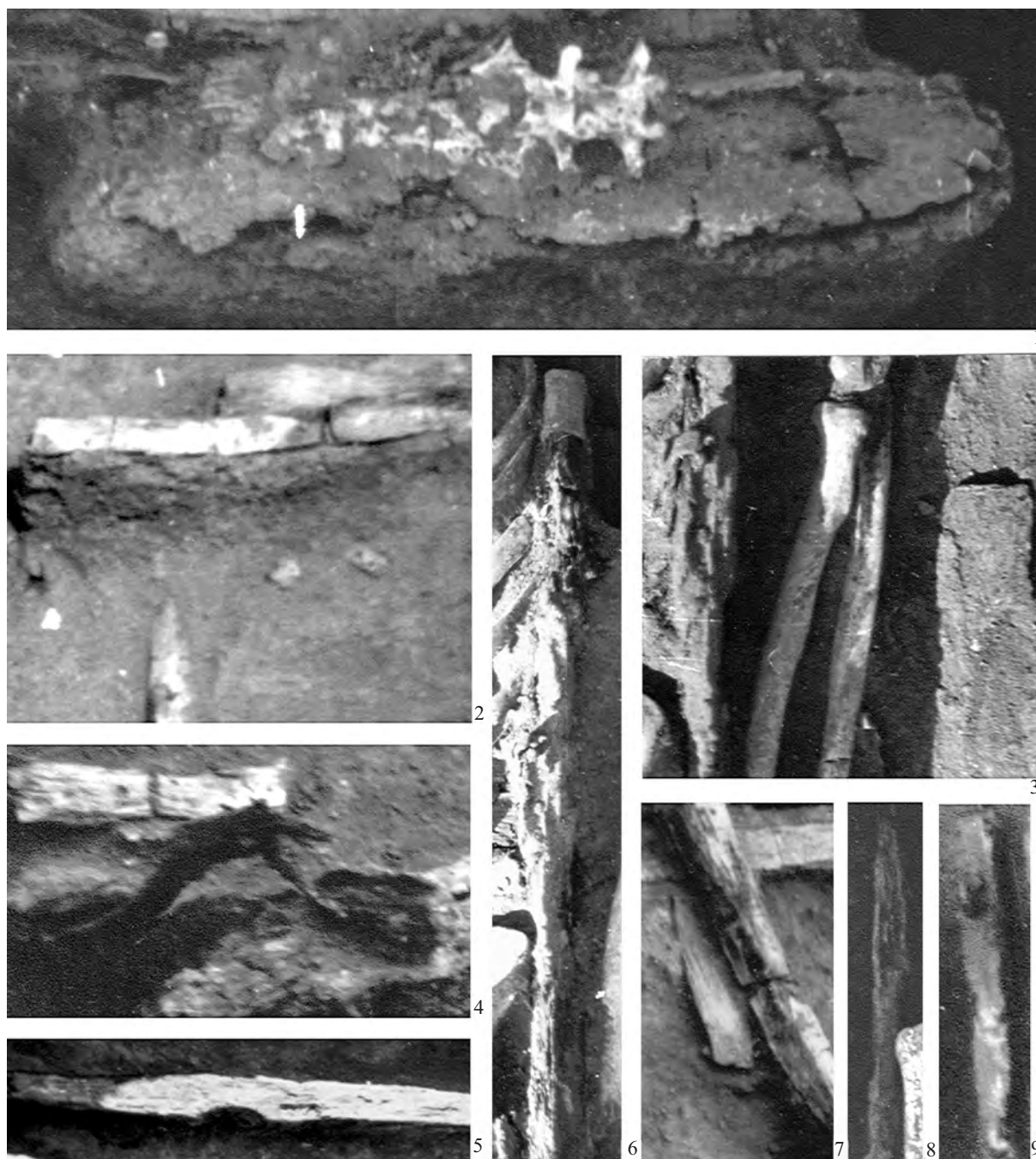

Рис. 9. Погребение 2 к.3 Сивашовки. Детали погребения in situ: 1 – деревянное блюдо; 2 – серебряные бляшки; 3, 6 – детали меча; 4 – фрагмент удила с кожаным ремнем; 5, 7-9 – конструктивные детали гробовища.

Fig. 9. Burial 2 of Sivashovka barrow 3. The burial items in situ: 1 – a wooden dish; 2 – silver plaques; 3, 6 – parts of a sword; 4 – a fragment of the bits with a leather belt; 5, 7-9 – structural parts of a coffin.

шовка был небольшим. Здесь нет хорошо выраженных водоразделов, а природные возвышенности представлены только невысокой полосой к западу от села, вытянутой по линии С-Ю, и возвышен-

ностью на север от села, вытянутой по линии З-В, из которых предпочтение второй было отдано еще строителями курганов эпохи бронзы. Для погребения был выбран невысокий и небольшой в диаметре

тре курган, вокруг которого на момент погребения явно прослеживался древний кольцевой ровик с перемычками с западной и восточной сторон. Расположение погребения в центре насыпи указывает на то, что яму начали рыть в самой высокой точке кургана, и небольшое смещение погребения в северный сектор кургана не носило намеренного характера.

Определение направления ориентировки тела всегда начиналось на этапе закладки ямы. В рассматриваемом случае яма ориентирована по линии ЮЗ – СВ (азимут 40°), а тело – головой на СВ (азимут 42°). Традиционно подобную ориентировку называют отклонением от северной или восточной, но учитывая ориентирование древнего населения по солнцу, имеющего большой сектор сезонного смещения, ни одно из направлений ориентировки скелета на самом деле не может быть априори объявлено “отклонением”. Особенно это относится к степной зоне, где точки восхода и заката хорошо видны в силу плоского рельефа местности и отсутствия лесов.

Самый простой способ определения линии С-Ю состоит в проведении перпендикуляра к оси между точками восхода и заката солнца. Независимо от времени года, этот способ дает устойчивую линию с отклонением не более 5° , о чем, вне всякого сомнения, были хорошо информированы кочевники любого из исторических периодов, преодолевавшие во время перекочевков довольно большие расстояния, очень часто по местности, лишенной естественных географических ориентиров. Менее надежный способ определения линии С-Ю состоит в обращении лицом к полуденному солнцу, т.е. в момент его нахождения в зените. Ошибка с временем определения дневного солнцестояния означала смещение примерно на 15° в час, но, например, отклонение меридиональной ориентировки на 40° к востоку означало бы, что направление ямы заложили примерно в 9.20 утра, что, разумеется, неприемлемо. Визуальное определение зенита обычно колеблется во временных рамках 11 – 13.30, т.е. объяснимое отклонение при таком способе ориентирования дает сектор $335-15^\circ$, а выход за рамки этого сектора относится уже к ошибкам.

Точное определение географической линии З-В по солнцу заключалось в проведении оси между точками восхода и заката или же, в дневное время, путем проведения перпендикуляра к уже определенной по полуденному солнцу линии С-Ю. Отказ от этого способа и попытка ориентироваться только на точку восхода или захода солнца в силу сезонного смещения этих точек неминуемо привели бы к постоянным ошибкам в определении направления передвижения кочевников при перекочевках, а, следовательно, ориентирование умер-

ших на заходящее или восходящее солнце носило сознательный ритуальный характер. Точки захода и восхода солнца приблизительно совпадают с географическим западом и востоком лишь в дни весеннего и осеннего равноденствия (20 марта и 22 сентября или, точнее, для Украины 17-18 марта и 25 сентября). Во время же летнего (21-23 июня) и зимнего (19-23 декабря) солнцестояний солнце всходит и заходит в рамках сектора $315-45^\circ$ и $135-225^\circ$ соответственно. Следовательно, азимут в 45° достигался при ориентировании умершего головой в сторону восходящего солнца во 2-й половине июня – начале июля или же при ориентировании его ногами в сторону заходящего солнца в декабре – начале января.

Погребение 2 к.3 Сивашовки ориентировано на СВ с азимутом $40-42^\circ$. Перед нами либо отклонение от меридиональной (северной) ориентировки с критическим значением ошибки в $25-40^\circ$, либо отклонение от широтной (восточной) ориентировки июня или декабря со значением в 5° , т.е. в рамках небольшой погрешности. Как увидим ниже, умерший был одет в легкий “летний” вариант сапог, поэтому наиболее вероятным временем совершения погребения оказывается конец июня.

Третий этап – это сооружение погребальной ямы. Строители четко представляли себе ее необходимые размеры и конструкцию, начав рыть широкую входную яму под погребение коня, в которой с определенного уровня соорудили более узкую яму под тело человека. Согласно разрезу насыпи (рис.2, 2), логика древних, скорее всего, заключалась в расположении всего комплекса погребения, в т.ч. и коня, ниже уровня древней поверхности, глубина же ямы под тело уже определялась исключительно высотой гробовища (рис.3; 7). Таким образом получилось погребальное сооружение, которое обычно называется “ямой с низкими заплечиками”.

Гробовище. К кургану умершего доставили в заранее сделанном деревянном решетчатом гробовище. Лучше всего сохранилась его нижняя часть (рис.5, б; 7), представляющая собой трапециевидную раму длиной 1,93 м и шириной 0,6 м в головах и 0,5 м в ногах. Она состояла из двух продольных брусьев с 7 вставленными в пазы плоскими поперечинами (рис.11, 1). Ширина 4 планок, на которых лежала верхняя часть тела, составляла 7 см, ширина остальных трех – 4,5 см. Расстояние между поперечинами – около 19 см, а между четвертой и пятой (считая от головы) – 28 см. Сверху в продольных брусьях прослежено также 4 пары пазов с остатками вертикальных планок шириной 3-4 см и толщиной около 1 см (рис.9, 8, 9). В центральной части рамы сохранность дерева хуже (рис.5, б; 7), но здесь также должна была располагаться пара вертикальных стоек.

По мнению В.Н.Шалобудова и П.П.Лесниче-го (Шалобудов В.Н., Лесничий П.П., 2003, с.194) в данном случае мы имеем дело не с гробовищем, а с кузовом повозки, использовавшейся, согласно письменным источникам и археологическим дан-ным, в похоронном ритуале позднесредневековых монголов и половцев (Рассамакин Ю.Я., 2003; Яворская Л.В., 2004; Плано Карпини Д., 1997, с.38, 39). Но о том, что речь идет именно о раме гробо-вища, а не о повозке, говорит ее трапециевидная форма, в то время как у повозок стороны кузова всегда параллельны. Также отметим наличие ана-логичного по конструкции перекрытия, которое в любом случае будет означать осознанное создание замкнутого сверху и снизу пространства деревян-ного гробовища.

Другой вопрос, не могли ли при сооружении гробовища использовать детали разобранной по-возки? На возможность этого варианта в Сивашов-ке указывает полукруглый вырез на правом брус-е рамы гробовища (рис.9, 5), напоминающий вырез для какой-то оси. Чуть дальше, у южного конца гробовища, с внешней стороны бруса прибита не-большая тонкая доска (рис.7), свидетельствующая, что эта деталь действительно использовалась рань-ше по другому назначению, а не была изготовлена специально для погребения. Отметим еще один мо-мент – во всех случаях, где в погребениях половец-кого времени найдены детали повозок, решетчатые “кузова” оказываются очень узкими и длинными, рассчитанными только на ширину и длину тела, что не согласуется ни с этнографическими данными, ни с рисунками двухколесных повозок позднего средневековья (Вайнштейн С.И., 1991, рис.32; 33; 34, 1). Получается, что перед нами – особый тип повозок, возможно, специально изготавливаемых для погребения из наличных под рукой деталей старых грузовых повозок.

Верхняя часть гробовища сохранилась гораз-до хуже, поэтому ее реконструкция вызывает не-которые трудности. По мнению автора раскопок кургана – Ю.А.Шилова, – “перекрытие имело сложную конструкцию: в ССВ торце ямы сохрани-лись вертикальные бруски, на которые опирались продольные лаги, служившие двускатной или ар-кообразной крышей гробовища” (Кубышев А.И. и др., 1980, с.194).

Как уже отмечалось выше, перекрытие ямы просело под давлением массы коня, поэтому все деревянные конструкции в верхней части ее за-полнения были зарисованы на плане в комплексе (рис.5, а). Но при анализе полевых фотографий можно довольно уверенно отделить детали пере-крытия ямы. Вдоль юго-восточной длинной стенки 5 верхних массивных брусьев выходят на ее край (рис.6, 1, 2). Два длинных бруса в северо-западном

углу ямы перекрыты коротким поперечным; еще один короткий брус, судя по остаткам, лежал ниже длинных, но также подходил к краю юго-восточной стенки. Таким образом, реконструкция перекрытия (рис.10, 1) показывает, что оно достоверно состоя-ло из 7 брусьев. Ракурс с СВ (рис.6, 2) показывает, что в этой части брусья перекрытия немного при-подняты, но они явно не относятся к “аркообразной или двускатной крыше гробовища”, как допускал Ю.А.Шилов. На плане также не удалось иденти-фицировать и “вертикальные бруски”, на которые опиралась “двускатная крыша”. Не видно их и на фотографии (рис.6, 2); деталь же, создающая впе-чатление опоры подобной “крыши”, на самом деле является провисающим вниз кожаным ремнем узды (рис.6, 2; 9, 4).

Ниже массивных брусьев перекрытия за-фиксированы 3 продольные и 3 тонкие попереч-ные доски, заметная разница в толщине которых, по сравнению с брусами перекрытия (рис.6; 9, 7), указывает на их явно не несущий характер. Тем не менее, отнесение всех трех продольных планок к деталям верхней части гробовища вызывает со-мнение. Графическое совмещение верхней и ниж-ней рам (рис.11, 3) показывает, что центральная верхняя планка не параллельна продольным бру-сьям нижней рамы и не составляет осмысленного конструктивного элемента гробовища, поскольку просто набитая для усиления рамы она вряд ли рас-полагалась бы вплотную к одному из краев. Также заметим, что самая южная сохранившаяся попереч-ная доска верхней рамы, согласно плану (рис.5, а), выходит далеко за границу продольной планки, а на одном из ракурсов фотофиксации (рис.6, 2) мож-но заключить, что эта центральная планка лежит на одном уровне или даже выше толстого поперечного бруса перекрытия. Таким образом, у нас есть все основания удалить данную деталь из состава пере-крытия ямы (рис.10, 2). Это, в свою очередь, свиде-тельствует, что уступы для перекрытия (заплечики) имелись не только вдоль длинных, но и вдоль ко-ротких сторон.

Реконструированная верхняя рама гробовища имела такую же длину, как и нижняя, но была зна-чительно уже – 0,45 м в головах и 0,35 м в ногах. При шаге в 0,29 м, зафиксированном для двух на-ходящихся рядом поперечин, верхняя рама должна иметь 6 поперечин. С другой стороны, расстоя-ние между поперечинами нижней рамы именно в этом месте составляло 0,28 м (рис.11, 1, 2), т.е. на верхней раме, также как и на нижней, могло быть 7 поперечин. Ни на верхней, ни на нижней раме не прослежено следов торцевых планок. Похоже, что так конструкция и задумывалась изначально, а выступающие концы продольных брусков могли

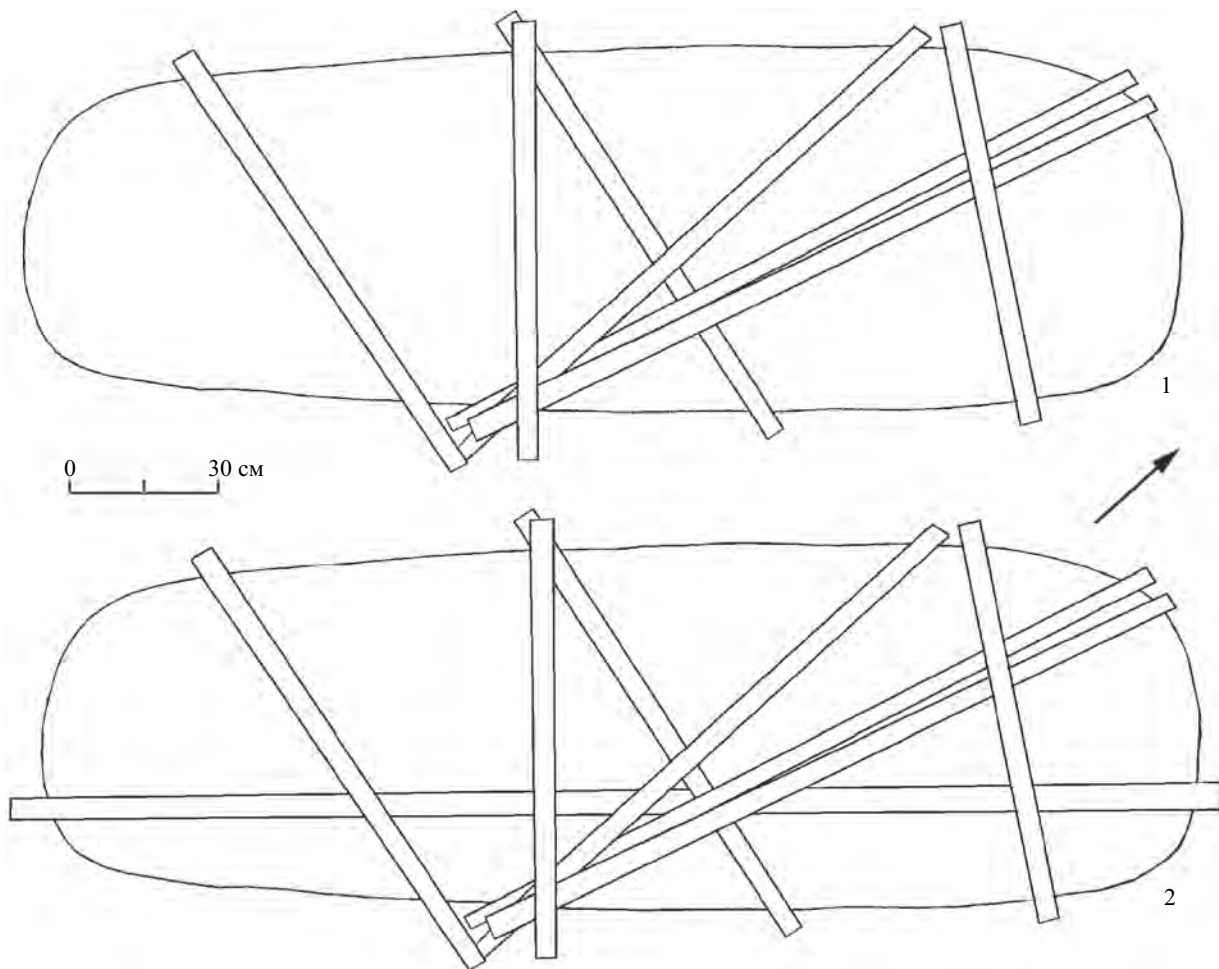

Рис. 10. Погребение 2 к.3 Сивашовки. Варианты реконструкции перекрытия могильной ямы.
 Fig. 10. Burial 2 of Sivashovka barrow 3. The variants of reconstructions of the grave pit covering.

использоваться как ручки носилок. В этом плане конструкция гробовища родственна обычным погребальным носилкам.

При высоте гробовища в 25 см совмещенные верхняя и нижняя рамы никак не могли соединяться прямыми вертикальными стойками (рис.11, 3), несмотря даже на небольшой наклон, отмеченный для левой крайней стойки (рис.9, 9). Приходится предполагать, что стойки были выполнены из гибкого дерева, создавая своеобразный “свод” над умершим (рис.11, 3). Внешний вид такого гробовища можно представить по графической реконструкции (рис.11, 4).

Поскольку закрепление подобного перекрытия гробовища – процесс сложный, его явно выполнили еще на стойбище, а к могиле тело принесли в уже готовом гробовище. Вопрос, на который полевые наблюдения не дают ответа, состоит в том, было ли закрыто гробовище тканью или

кожей? Функция любого гробовища, прежде всего, состояла в изоляции тела, предотвращении его контакта с землей. Решетчатое гробовище само по себе такой функции выполнять не могло, поэтому версия об его обтягивании – единственная приемлемая в интерпретации данного типа деревянного погребального сооружения. Учитывая сохранность берестяного колчана, мы можем уверенно исключить возможность обивки гробовища берестой или лубом, подобно гробовищу из к.3 Шипово (Засецкая И.П., 1994, с.189). Из кожаных изделий сохранились фрагмент кисета для кресала, фрагменты обивки ножен меча и ремень повода, по следам органики прослежена также кожаная обувь, т.е. речь идет о хорошо обработанных дубленых вещах. Но гробовище вполне могло быть закрыто невыделанными или слабо дублеными овечьими шкурами, шансов проследить которые в нашем случае было мало. Более дорогой способ покрытия, который

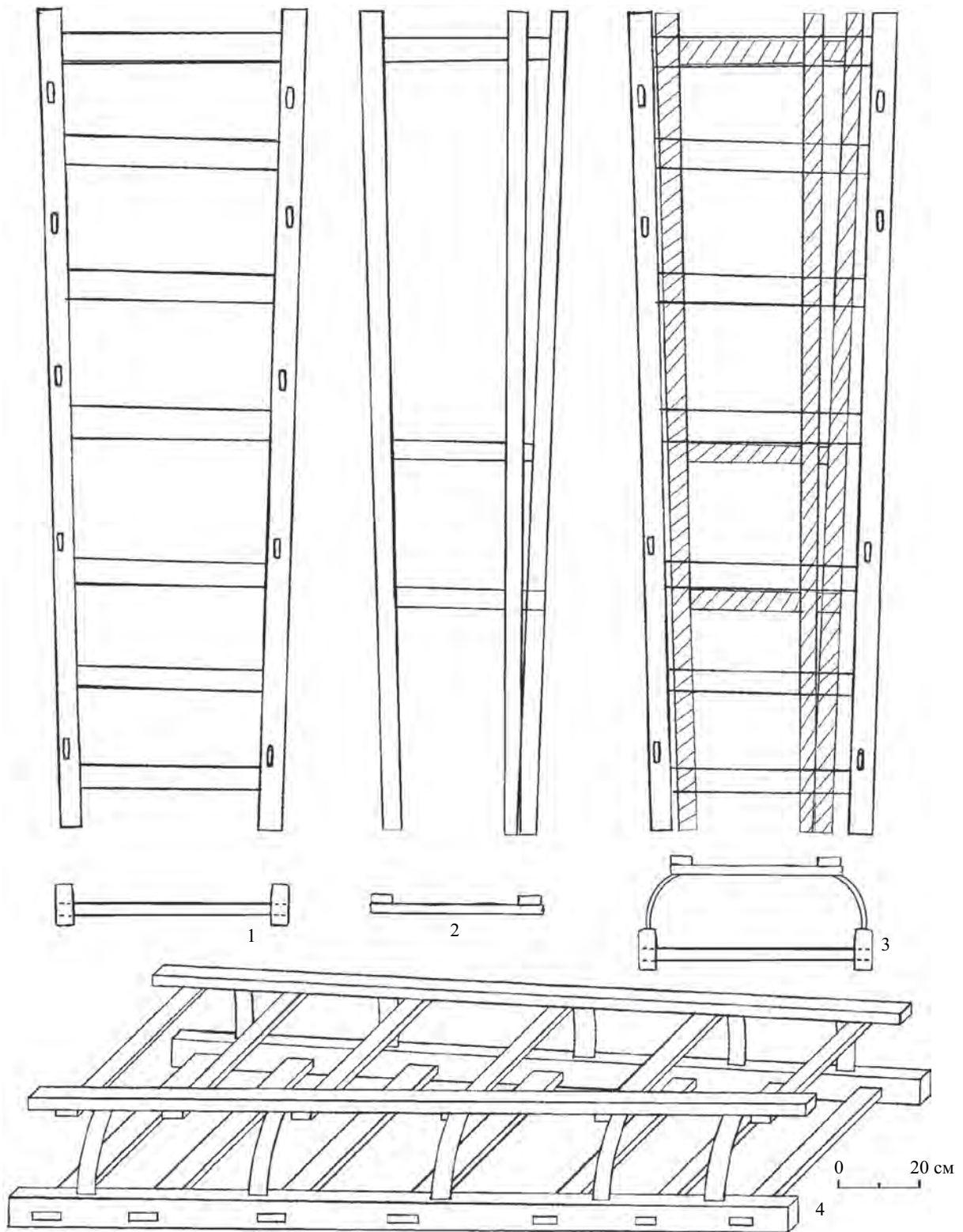

Рис. 11. Погребение 2 к.3 Сивашовки. Реконструкция гробовища: 1 – детали нижней рамы; 2 – детали верхней рамы; 3 – совмещенное расположение зафиксированных деталей рам гробовища; 4 – реконструкция гробовища.

Fig. 11. Burial 2 of Sivashovka barrow 3. The reconstruction of a coffin: 1 – parts of the lower frame; 2 – parts of the upper frame; 3 – combined location of fixed coffin parts; 4 – the reconstruction of a coffin.

также трудно проследить, – это обтягивание гробовища войлоком.

Закрытый статус гробовища влияет на определение места совершения ряда действий в похоронной церемонии, а также на интерпретацию некоторых деталей расположения вещей, так как полностью обитый еще на стойбище гроб автоматически означал, что все вещи, находящиеся внутри, были положены с телом еще там, а не во время совершения захоронения.

Умершего уложили на деревянную нижнюю раму головой в более широкой ее части, ногами, соответственно, – в более узкой. Специальной позы телу не придавали – его просто оставили в вытянутом положении. Из убора реконструируются только невысокие тонкие кожаные сапожки, перетянутые ремнями с серебряными деталями; об одежде, к сожалению, информации нет. Третий элемент убора – пояс – в погребении присутствует, но расположение его деталей противоречит опоясыванию им умершего. Обратим сначала внимание на центральную часть, где вместо пряжки и наконечника располагается Т-образная бляшка (рис.15, 3). Это побудило В.В.Дорофеева считать именно Т-образную бляшку поясной застежкой, что и было отражено на реконструкции пояса из Сивашовки (Толочко П.П., 1999, рис.10). На самом деле поясной пряжки в погребении не найдено вообще, а поясной наконечник располагался в заполнении выше тела справа от него (рис.5, 3). Отметим еще один важный момент: одна из щитовидных бляшек на всех полевых фотографиях располагается *in situ*, перекрывая одновременно правую лучевую кость руки и правый длинный брус нижней рамы гробовища (рис.5, 10; 15, 1). Тело вплотную придвинуто к правой стенке гробовища (рис.7), а боевой нож, меч и левая рука очень плотно прилегают к левому бедру (рис.15, 5, 9). Совокупность этих наблюдений позволяет предположить, что тело было привязано при помощи пояса к правой стенке гробовища. Ремень завязали с правой стороны рамы, а оставшийся длинный конец с поясным наконечником перебросили через длинный брус верхней рамы, чем и объясняется его расположение в заполнении выше остальных поясных деталей. Помещение в могилу пояса без поясной пряжки и связывание ремнем рук умершего обычно рассматривается исследователями через призму обряда “обезвреживания” покойников. Но, заметим, что привязывание тела ремнем к раме гробовища в нашем случае больше похоже на чисто практическое желание сохранить позу тела и расположение на нем предметов во время тряски при транспортировке умершего к кургану. Подтверждают этот вывод и наблюдения за положением рук.

Обычно действие трупных газов приводит к радикальному расхождению рук и их сгибу в локтях². Левая рука сивашовского скелета действительно отошла к краю гробовища, слегка согнувшись в локте, а правая, прижатая вплотную к стенке гробовища, осталась прямой (рис.7). В то же время меч, который при вздутии тела несомненно должен был упасть в промежуток между левой рукой и туловищем, так и остался лежать прижатым к ребрам. Получается, что пояс удерживал меч, но оставил свободной левую руку, т.е. намеренного ритуального связывания рук в данном случае не было.

Сложнее оценить нюансы расположения и состояния других находок. Меч не был подвешен к поясу и не был уложен в обычном положении при ношении у левого бедра – навершие рукояти оказалось на уровне сердца, а острие – чуть ниже колена. Меч уложили в ножнах, но половина железной пластины перекрестья оказалась зафиксированной в погребении не на мече, а отдельно – слева от левой руки (рис.5, 8; 9, 3, 6). Поскольку ни на одной из фотографий в этом месте не заметно следов деятельности грызунов, приходится констатировать, что перекрестье было либо разломано при ритуале, либо пострадало в бою. Второй случай нарушения комплектности вещей – находка двущитковой серебряной бляшки с правого сапога не на ноге (рис.17), а на уровне перекрытия могилы, возле костяка коня (рис.3, 13). Впрочем, этот небольшой предмет мог быть легко перемещен кротами. Третий момент – это находка на уровне перекрытия могилы Т-образной бляшки (рис.3, 16), не идентичной поясной, но все же, по типу, принадлежащую поясным деталям. Как будет показано ниже при реконструкции пояса, от деталей пояса данный экземпляр отличается еще и способом крепления, что позволяет допустить его принадлежность другому ремню. Четвертый момент: кремь, несмотря на расположение рядом с кресалом (рис.15, 6, 7), найден вне кожаного кисета. Конечно, нельзя исключать существование специального мешочка для трута, куда вкладывали и кремь, как и банального выпадения кремня из кисета при тряске в нехарактерном для него горизонтальном положении. Выскажем и версию о намеренном изъятии кремня из кисета с кресалом с целью символического “умерщвления” последнего. Пятый момент – это обломанное острие костяного кочедыка. В таком состоянии этот предмет явно не мог использоваться по назначению, поэтому налицо символизм обряда, когда старая сломанная вещь могла заменять новую, а фрагмент или деталь предмета – целый предмет. Наконец, шестой факт – это расположение верхней концевой накладки лука (рис.5,

² Благодарим за консультацию В.В.Мингалеву.

1; 6, 1), которая свидетельствует о сломанном состоянии последнего.

Итак, с умершим в гробовище уложили боевой нож и меч в ножнах, а кiset с кресалом и кремнем, а также костяной кочедык, скорее всего, были привешены к поясу, которым тело привязали к правой стороне гробовища. После этого гробовище закрыли войлоком или овчиной и в таком виде отвезли к месту погребения.

Наклон головы и правой ступни вправо, так же как и расположение гробовища под левой стенкой, свидетельствуют о том, что гробовище опускали с левой (юго-восточной) стороны. На уровне правого плеча умершего между стенками ямы и гробовища поставили деревянное блюдо с частью спины барана. Затем под небольшим углом на край ямы и верх гробовища уложили колчан с 5 стрелами (рис.6, 1), а сверху на колчан – обломок ножа. Также у северо-западного края ямы на гробовище уложили сломанный лук.

После этого яму для тела перекрыли деревянными брусками. Согласно нашей реконструкции (рис.10, 2), сначала уложили длинную планку, затем два коротких бруска, ориентированных по линии З-В, следом – три более длинных бруска, ориентированных меридионально, и, наконец, сверху два коротких поперечных бруска. Судя по провисанию ремня узды (рис.6, 2), перекрытия сверху шкурами или войлоком не было.

Следующий ритуал погребального обряда связан с жертвоприношением коня погребенного. Коня подвели к могиле с юго-восточной стороны. При этом, скорее всего, к кургану конь шел оседланным боевым седлом, а перед принесением в жертву его расседлали, но оставили узду. Затем коня убили, завалив на левый бок. Способ принесения коня в жертву у тюрков традиционно предполагал сохранять неповрежденными кости и сухожилия лошади. Например, у якутов верхового и вьючных коней, хоронившихся вместе с умершим, засекали насмерть кнутами, а жертвенных кобыл, мясо которых съедалось на поминках, убивали, завалив набок, вспарыванием живота (Алексеев Н.А., 1980, с.185, 186). Из других способов жертвоприношения лошади на похоронах у тюрков известны закалывание и перерезание ножом загривка (Алексеев Н.А., 1980, с.203, 207). Факт же наличия в нашем случае между ребрами деревянного колышка (рис.23) с убийством коня однозначно никак не связан. Не было никакого видимого смысла и во вбивании такого колышка в мертвое тело – скорее всего, он был подвешен к седлу и просто слегка просел между ребрами уже в процессе разложения коня. Опускали коня в могилу на веревках, со все той же юго-восточной стороны, сохраняя ориентировку головой в сторону восходящего солнца. Вряд ли коню специально подгибали

ноги, скорее, он был просто придвинут вплотную к стенке (точную границу которой, напомним, проследить не удалось). Сверху на коня уложили седло передней лукой к крупу. Был ли в этом особый ритуальный смысл, связанный с переворачиванием, “обезвреживанием” вещей в погребальном обряде, сказать трудно, но в древних церемониях похорон значение имела каждая деталь. Находки бляшек на этом уровне связаны с украшениями сбруи, и, как увидим ниже, портупей меча. Еще один предмет, выпадающий из этого ряда – обломки бронзового зеркала. Если предмет действительно принадлежал погребенному, то в таком случае, перед нами, скорее всего, погребальный дар, хотя и в сломанном символическом виде.

Упоминаний о наличии в засыпке могилы угольков, пепла или костей животных нет, следовательно, на этом ритуале, связанные непосредственно с погребением, заканчивались, а яма засыпалась землей.

Аналогии. Основной круг аналогий обряду п.2 к.3 Сивашовки был очерчен Р.С.Орловым при первой частичной публикации комплекса, где, напомним, ряд памятников был выделен в отдельный “сивашовский тип” (Орлов Р.С., 1985, с.101-104). В настоящее время этот ряд может быть дополнен и значительно детализирован.

Погребальное сооружение в п.2 к.3 Сивашовки представляло собой большую входную яму с необходимым пространством для погребения коня и с меньшей ямой для тела человека, размерами под длину, ширину и высоту гробовища. Обычно подобное сооружение называется в археологической литературе “ямой с низкими заплечиками по всему контуру”. Такая же яма известна в п.3 бескурганного кочевнического могильника Рябовка (Обломский А.М., Терпиловский Р.В., 1993, рис.1, 3). Заплечики по всему контуру погребальной ямы отмечены также в п.11 к.1 Черноморского (см. публикацию в настоящем сборнике), но здесь заплечики обычные “высокие”. В п.2 к.2 Васильевки наличие широких “низких” заплечиков, как минимум, вдоль длинных сторон фиксируется расположением находок (Кубышев А.И. и др., 1984, табл.28, 1). В п.11 к.1 Ковалевки прослежено поперечное перекрытие под обычные продольные заплечики, но в головах зачем-то оставлен низкий уступ (Ковпаненко Г.Т. и др., 1978, рис.28, 16). Обычные “высокие” продольные заплечики хорошо зафиксированы и в п.2 к.2 Сивашовского (рис.29). В остальных же случаях, где речь шла о погребениях в простых ямах, наличие или отсутствие заплечиков, ввиду сложности их фиксации в слое насыпи, утверждать довольно проблематично.

В более раннее время, на этапе горизонта Суханово, заплечики отмечены в 3 из 6 известных по-

гребеней горизонта: п.1 к.22 Малой Терновки (см. ниже), п.1 к.1 Большого Токмака (Смирнов К.Ф., 1960, с.177) и п.4 к.7 Новой Одессы I (Шапошникова О.Г. и др., 1974). Самые низкие заплечики зафиксированы в п.1 к.1 Большого Токмака – 0,35 м, чуть выше – 0,4 м – в п.4 к.7 Новой Одессы I; эти значения в целом также можно отнести к “низким” заплечикам, хотя при строгом подходе собственно яма для человека нуждалась в глубине не больше 0,3 м.

Ориентировка ямы и погребенного в п.2 к.3 Сивашовки северо-восточная (азимут 40-42°). Общее представление об ориентировке других погребенных группы Сивашовки дает рис.50. Как видим, основная масса учтенных здесь погребений ориентирована в сектор 30-91°, ближайшие же показатели азимута у п.12 к.1 Верхне-Погромного (40°) (Шилов В.П., 1975), п.4 к.1 Изобильного (38°) (Айбабин А.И., 1999), п.12 к.8 Богачевки (38°) (Генинг В.В., Корпусова В.Н., 1989), п.2 к.22 Аккермена (39°) (Вязьмитина М.И. та інші, 1960), п.1 к.3 Малой Терновки (46°) (рис.40) и п.5 к.12 Портового (46°, но азимут погребальной ямы здесь иной – 52°) (Айбабин А.И., 1985; Баранов И.А., 1990).

Поза умершего – на спине с вытянутыми несведенными ногами и вытянутыми вдоль тела руками, несмотря на простоту, не является доминирующей в группе: п.2 к.2 Сивашовского (рис.29), п.2 к.1F Аджигоя (Ebert M., 1913), п.7 и п.12 к.7 Христофоровки (Prichodnyuk O., Fomenko V., 2003), п.2 к.22 Аккермена, п.3 к.5 Заплавки (Шалобудов В.Н., 1983), п.4 к.10 Калининской и п.2 к.29 Чапаевского (Атавин А.Г., 1996), Зиновьевка (Рыков П., 1929), п.2 к.3 Иловатки (Смирнов К.Ф., 1959), п.7 к.1 Бережновки I (Синицын И.В., 1959), п.1 к.1 Авиловского (Синицын И.В., 1954). В других погребениях наблюдается положение одной или двух рук на тазе, сведение ног в пятках или коленях, а иногда и согнутые ноги (п.4 к.1 Изобильного, п.11 к.1 Ковалевки, п.5 к.9 Бородаевки). В то же время, общим моментом является поворот головы и иногда слегка туловища вправо, что в сочетании с расположением тела в обычных ямах под левой стенкой, а в подбоях – под правой, однозначно свидетельствует об опускании тела в могилу с левой (обычно юго-восточной) стороны ямы. Исключения из этого правила единичны: п.4 к.1 Изобильного, Новопокровка (Гаврилов А.В., 1996), п.1 к.8 Старонижестеблиевской (Атавин А.Г., Паромов Я.М., 1991).

Гробовище из п.2 к.3 Сивашовки в рассматриваемой группе на сегодня самой хорошей сохранности и поэтому реконструировано с точностью, невозможной для других погребений. Ближе всего по принципиальной схеме – две рамы с поперечинами – конструкция из к.2 Белозерки (Скадовский Л.Г., 1897, рис.51). Согласно описанию Г.Л.Скадов-

ского, это гробовище имело по 14 поперечин сверху и снизу, т.е. в два раза больше, чем в Сивашовке; наибольшая его ширина фиксировалась в центре, а к краям конструкция сужалась (Скадовский Л.Г., 1897, с.110). В п.1 и 2 к.2 Васильевки прослежены только нижние рамы (Кубышев А.И. и др., 1984, с.53, 55; табл.28, 1). Судя по расстоянию между плашками (16-18 см), в раме п.1 могло быть до 10 поперечин; в п.2 шаг больше – здесь рама могла иметь 5 поперечин. Поскольку информации о деревянных конструкциях, расположенных выше скелета нет, приходится констатировать, что в данном случае мы имеем дело не с гробовищами, а с погребальными носилками, правда, п.2 к.2 Васильевки ритуально нарушено. Несмотря на конструктивную схожесть с сивашовским гробовищем, функциональное предназначение носилок состояло, все же, только в доставке тела к могиле, а не в предохранении его от земли. В то же время нельзя исключать, что тело на носилках накрывали так же как и решетчатые гробовища – т.е. овчиной или войлоком. Еще одно погребение, где зафиксированы как минимум остатки носилок, – Постапмуковский курган. Согласно описанию Н.П.Авенариуса, в кургане обнаружен “костяк в лежачем положении головой на восток, между сгнившими брусьями” (Авенариус Н.П., 1896, с.185). Также какие-то следы дерева под скелетом прослежены и в погребениях из Новоселок (Богачев А.В., 1998, с.30), Новопокровки (Гаврилов А.В., 1996, с.111) и п.7 к.6 Октябрьского (см. нашу публикацию в настоящем сборнике), но здесь более вероятны остатки помоста, а не носилок.

Версии В.Н.Шалобудова и П.П.Лесниченко, предположивших, что не только в половецкое время, но и в VII в. все решетчатые погребальные конструкции являлись не носилками или гробовищами, а кузовами повозок (Шалобудов В.Н., Лесничий П.П., 2003, с.194), противоречат не только трапециевидная форма сивашовского гробовища и подовальная белозерского, но и наличие верхней рамы перекрытия в обоих погребениях. Важно еще одно обстоятельство – ни в одном из погребений рассматриваемого хронологического среза, в отличие от погребений XI-XIII вв. или бронзового века, пока не найдено ни колес, ни осей, ни других достоверных деталей повозок, зато известны гробовища других типов. В п.12 к.7 Христофоровки и к.1 Авиловского речь идет о трапециевидных гробовищах-колодах (Prichodnyuk O., Fomenko V., 2003, fig.2, 1; Синицын И.В., 1954, рис.1); в п.2 к.3 Иловатки “костяк сверху был прикрыт досками и сам лежал на досках” (Смирнов К.Ф., 1959, с.219), т.е. речь идет о дощатом гробе; такой же гроб вероятен и для п.12 к.8 Богачевки, где под скелетом и над ним в заполнении камеры подбоя зафиксированы остатки дерева (Генинг В.В., Корпусова В.Н.,

1989, с.9, 10). В п.4 к.1 Изобильного древесный тлен прослежен только под скелетом, но под и над ним фиксировалась “посыпка мелом” (Колотухин В.А., 1991, с.3), которая часто является всего лишь органическим тленом. В п.7 к.1 Костогрызово (см. ниже) умерший был завернут в выкрашенный в красный цвет древесный луб, в к.14 Белозерки – в “звериную шкуру”, а в Уч-Тепе – в ткань или кожу (Иессен А.А., 1965, с.173).

Традиция сооружения гробовищ существовала и у кочевников Восточной Европы предыдущих хронологических периодов. В к.3 Шипово 1-й трети VI в. зафиксировано деревянное трапециевидное гробовище с решетчатыми боковыми стенками, покрытое сверху берестой (Амброз А.К., 1981, рис.8, 7; Засецкая И.П., 1994, с.189). К сожалению, из описания и плана не ясно, были ли в данном гробовище какие-либо поперечные деревянные детали. Достоверно замыкался в прямоугольный контур гроб из п.12 к.3 Ленинска 1-й пол.V в., хотя здесь также нет информации о перекрытии и нижней части конструкции (Засецкая И.П., 1994, с.185; рис.3, 4). Перекрытие зато прослежено в п.2 к.36 Покровска (Энгельс), где прямоугольный гроб из тонких поставленных на ребро досок был перекрыт сверху тонкими плашками (Засецкая И.П., 1994, с.181; рис.3, 1). Еще одно гробовище прослежено в п.1 к.1 Большого Токмака 2-й пол.VI в. (Смирнов К.Ф., 1960, с.177). Здесь речь идет о трапециевидной дощатой раме, закрытой досками с торцов, а также о следах дерева под скелетом, но, к сожалению, не удалось установить, было ли это в виде планок или же сплошного дощатого дна.

Как видим, традиция сооружения гробовищ в V-VI вв. в целом едина – это замкнутый с четырех сторон гроб, перекрытый плашками или же более легким покрытием. В VII в. принцип меняется – полностью закрытые гробовища остаются только в виде массивных колод или продольных дощатых гробов, а легкие решетчатые конструкции не закрываются с торцов, зато имеют перекрытие. Прямой генетической линии подобных гробовищ проследить пока не удастся. У авар Подунавья и тюрков Средней Азии в VI-VIII вв. доминировали прямоугольные дощатые гробы-рамы с продольным перекрытием. Аналогии же решетчатым гробовищам приходится искать в более дальнем круге памятников. Во II-I вв. до н.э. похожие решетчатые конструкции, но закрытые с торцов, зафиксированы у сармат (Власкин М.В., 2000, рис.1, 2; 3, 6). Позже, в 1-й пол.I тыс. н.э., сочетание решетчатых гробов и гробов-колод известно в могильнике Чаоухугоу-3 в Турфанской котловине (Молодин В.И., Кан Ин Ук, 2000, рис.6, 2, 4). В VI-VII вв. в могиль-

никах Центральной Азии есть решетчатые носилки (Восточный Туркестан ..., 1995, с.334), а подобная же решетчатая рама из Кенкольского могильника стояла на высоких ножках и представляла собой погребальное ложе (Амброз А.К., 1981, рис.10, 1). В VIII в. решетчатые гробовища отмечены в Европе в погребениях типа Соколовской балки (Иванов А.А., 2000, с.18), а в X в. они опять появляются здесь вместе с огузами (Круглов Е.В., 2001, рис.10, 8; 13, 4).

Сопроводительные жертвы в п.2 к.3 Сивашовки представлены верховым конем и бараном, точнее, часть туши последнего присутствует в погребении в качестве напутственной пищи. В рассматриваемом круге памятников напутственная пища в виде горшка с похлебкой или частей барана, реже – козы и коровы, известна в более чем половине погребений. Тем не менее, при более детальном взгляде на части животных, помещенные в погребения, оказывается, что в подавляющем большинстве случаев речь идет о немясных частях – голове и конечностях, тогда как в п.2 к.3 Сивашовки положена часть спины (крестец) барана. Добавлены мясные части только в 4 погребениях: п.3 к.5 Виноградного, п.12 к.8 Богачевки и Новопокровке (голова, конечности и часть грудины) (Орлов Р.С., Рассамкин Ю.Я., 1996, с.108; Генинг В.В., Корпусова В.Н., 1989, с.10; Гаврилов А.В., 1996, с.111), а также в п.1 к.111 Бережновки II (голова, ноги и лопатка) (Синицын И.В., 1960, с.106). И только в п.2 к.2 Сивашского умершему положили лопатку и часть позвоночника барана (рис.29, а)³.

Помещение в могилу крестца барана в п.2 к.3 Сивашовки и п.2 к.2 Сивашского несомненно восходит к общетюркским представлениям о престижности различных частей туши. Самым почитаемым традиционно был именно крестец (тат. “курдюк”, алт. “уча”) – т.е. самая жирная часть, которая традиционно преподносилась почетному гостю. Традиционно именно крестцовые позвонки – остатки курдюка – обнаруживаются и в тюркских “оградках” Алтая VIII-IX вв. (Кубарев В.Д., 1984, с.55, 56). Далее значение частей у разных тюркских народов отличалось. У сойот, например, второй по рангу получал грудину, третий – ребра, четвертый – лопатку (Вайнштейн С.И., 1990, с.123, 124). И уж совсем символическим в этом плане выглядит помещение в могилу немясных частей – конечностей и головы.

Особенности напутственной пищи из п.2 к.3 Сивашовки на этом не исчерпываются. Крестец барана был уложен на деревянное блюдо. Такое же блюдо сохранилось в п.5 к.9 Бородаевки (Синицын И.В., 1947), но на нем не было костей животных,

³ На рисунке, скорее всего, изображены крестец и хвостовые позвонки.

хотя мясо могло быть представлено несохранившейся филейной частью. Остатки еще одного деревянного блюда, возможно, прослежены в п.7 к.1 Костогрызово (см. ниже), где на древесном тлене лежала голова барана. Практически во всех известных нам погребениях напутственная пища располагалась на одном уровне с телом человека, а не между стенкой и перекрытием гробовища. Выше находились череп и конечности коровы только в п.3 к.1 Топыла, но здесь шкура коровы, скорее, замещала шкуру коня, поскольку ниже, на одном уровне с погребенным, найдены черепа и конечности двух телят (Левченко Д.И., 2001). В подбойном п.5 к.9 Богачевки черепа двух коз лежали на ступеньке, но в головах погребенного стоял горшок с напутственной похлебкой (Генинг В.В., Корпусова В.Н., 1989, с.13). Нельзя, конечно, полностью исключить, что и в п.2 к.3 Сивашовки в головах, в срезанном бульдозером углу ямы, находился сосуд или, например, кожаный бурдюк с водой, поэтому блюдо и не расположили в надлежащем для этого месте. С другой стороны, в п.5 к.9 Бородаевки деревянное блюдо уложено также не в головах, а у правой руки погребенного, а в п.7 к.1 Костогрызово – у левой, т.е. канон помещения в могилу пищи на деревянном блюде действительно был другим. Поскольку тело человека в п.2 к.3 Сивашовки находилось в гробовище, а расстояние между правыми стенками гробовища и ямы физически не позволяло втиснуть туда блюдо, зафиксированное его расположение, очевидно, просто отражает наиболее рациональное в данном случае решение.

Не менее редким вариантом представлено в п.2 к.3 Сивашовки и сопровождающее погребение коня. В подавляющем большинстве погребений рассматриваемого круга речь идет о нахождении в погребении черепа и конечностей коня, т.е. о его символическом замещении шкурой или чучелом, тогда как его мясо съедалось во время поминок. В Сивашовке ситуация иная – здесь на перекрытие могилы уложили целого коня. В сочетании с ямой с заплечиками подобная ситуация есть только в бескурганном п.3 Рябовки. Конь здесь также лежал на перекрытии на левом боку, головой на левом виске, храпом на ЮВ (Обломский А.М., Терпиловский Р.В., 1993, рис.1, 3). Но в погребении находилась только половина лошади, т.е. в данном случае мы наблюдаем как бы смешение обрядов – расположение в могиле целого коня и одновременно использование его мяса для поминок. Близкая картина наблюдается и в ритуально нарушенном п.2 Рябовки, где в заполнении найдены череп, передние конечности и ребра лошади, очевидно, указывающие на первоначальное нахождение в могиле именно передней части лошади. Целые скелеты коней в погребениях круга Сивашовки найдены только в

подбоях: в п.5 к.12 Портового (Айбабин А.И., 1985, рис.9) и п.3 к.5 Виноградного (Орлов Р.С., Рассмакин Ю.Я., 1996, рис.1, 1). Поза лошади в указанных погребениях близка – на животе с подогнутыми задними ногами, но со слегка развернутой передней частью туловища: в п.5 к.12 Портового – влево, а в п.3 к.5 Виноградного – вправо, но голова в обоих случаях повернута храпом вправо, к погребенному. Канон расположения шкур коня в остальных погребениях одинаков – он имитирует расположение коня на животе с вытянутой вперед головой, а также с вытянутыми соответственно вперед или назад передними и задними ногами. Отклонений здесь немного – в п.11 к.1 Ковалевки II шкура имитирует положение коня на правом боку головой на правом виске (Ковпаненко Г.Т. и др., 1978, рис.23, 14), также лежала голова коня и в п.3 к.5 Заплавки, но шкура здесь уложена под углом к телу, не имитируя какой-нибудь определенной позы коня (Шалобудов В.Н., 1983); а в п.2 к.2 Сивашовского не только передние, но и задние ноги коня лежат копытами вперед (рис.29, б).

Погребения человека с конем – наиболее классический вариант погребений тюркских народов Центральной Азии V-VIII вв. По А.А.Гавриловой, близкие сивашовскому варианты расположения коня (на левом боку, головой в сторону восхода солнца) есть в памятниках берельского и кудыргинского типов, но канон расположения коня здесь несколько другой – на ступеньке слева или справа от погребенного (Гаврилова А.А., 1965, с.54-61; Могильников В.А., 1981, с.32-34). Близкий канон и у погребений авар – сбоку в одной плоскости с телом человека или же на ступеньке; есть также варианты продольного расположения коня в ногах человека (Kiss G., 1996). Расположение коня на перекрытии гробовища на Алтае можно отметить в могильнике у с.Малая Иня, лишенного четких хронологических указателей, но относимого авторами раскопок к гуннскому времени (Могильников В.А., Суразаков А.С., 1995). Лошади здесь лежат выше перекрытия каменных гробниц, головой так же как и человек на восток, но на правом, а не на левом боку, с соответствующим поворотом головы вправо. Полностью же аналогичное сивашовскому положение лошади известно в тюркских погребениях Алтая – к.IV и V могильника Мойгун-Тайга-58 (Могильников В.А., 1981, рис.18, 5, 6).

Близким сивашовскому называлось и п.5 к.Мадары кон.VII в. из Болгарии, где конь находился выше погребенного, головой в ту же сторону (на С) (Fiedler U., 1992, S.319-322; Рашев Р., 1993). Могила располагалась высоко в слое насыпи, поэтому ее точные контуры и тип не ясны. Справа от погребенного найдены ременной наконечник и костяная пластина, маркирующие широкую яму со

свободным пространством справа от скелета. Аналогии известны в болгарских могильниках VIII–IX вв., где справа располагали тушу коня, теленка или овцы (Станчев Ст., Иванов Ст., 1958, обр.3-8; Въжарова Ж.Н., 1976, обр.46), что наблюдаем и в п.1 к.8 Старонижестеблиевской (Атавин А.Г., 1996, табл.23). Кости коня из мадарского погребения со времени публикации В.Микова интерпретируются как целый скелет, но внимательное чтение показывает, что от “скелета” сохранились только нижняя челюсть и части ног (Миков В., 1934, с.432), т.е. обычные признаки “шкура”. Судя по описанию, шкура имитировала положение коня на правом боку, зафиксированное в п.11 к.1 Ковалевки II.

В памятниках типа Соколовской балки канон расположения коней в погребении в основном аналогичен группе Сивашовки – на перекрытии ям с заплечиками или на ступеньке подбоя, хотя доля целых костяков здесь выше – 21% (Иванов А.А., 2000, с.18). На могильниках салтовской культуры есть отдельные погребения коней (Крымский и Старокорсунский могильники), а погребения в сопровождении целых костяков коней – лишь в Красногорском (Аксенов В.С. и др., 1996). Расположение коня и человека в могильнике продольное, лишь в п.107 наблюдается схожая с п.3 Рябовки картина, когда передняя часть коня перекрывает ноги погребенного (Аксенов В.С. и др., 1996, рис.1, 2).

Состав и расположение погребального инвентаря обычно четко регламентировались ритуалом. В п.2 к.3 Сивашовки набор “необходимых” вещей умершего составляли: оружие (меч, боевой нож, лук, колчан со стрелами), средства для добывания огня (кресало и кремь), пояс, нож, кочедык для развязывания пут и снаряжение верхового коня (узда, седло, колышек коновязи).

Полный набор вооружения, подобный сивашовскому (меч, боевой нож, лук со стрелами), находился только в п.5 к.12 Портового. В п.5 к.4 Крупской набор включал меч, боевой нож и лук, но без стрел; в п.12 к.1 Верхне-Погромного I – меч, лук и стрелы; в п.3 к.5 Виноградного – меч и лук, но без стрел; в Арцибашеве – меч и стрелы, но без накладок лука; в Уч-Тепе – меч и боевой нож; только меч – в Епифанове, п.4 к.1 Изобильного, п.2 к.29 Чапаевского, Печеной; боевые ножи – в п.2 к.2 Сивашовского, п.1 к.3 Малой Терновки, п.7 к.1 Костогрызово, п.12 к.8 Богачевки, п.2 к.5 Родионовки, п.1 к.2 Васильевки, к.17 Наташино, п.2 к.3 Иловатки. Боевой нож во всех случаях находился у левого бедра, кроме п.2 к.3 Иловатки, где он лежал горизонтально на поясе, и п.1 к.3 Малой Терновки, где нож находился у правого бедра. Ритуальной нагрузки в таком расположении нет – речь идет лишь о способе ношения. Другая ситуация с мечами: в

п.5 к.4 Крупской, п.2 к.29 Чапаевского и п.4 к.1 Изобильного рукоять находилась приблизительно в области левого локтя, тогда как в Уч-Тепе, п.3 к.5 Виноградного и п.2 к.3 Сивашовки она располагалась ближе к плечу, а в п.5 к.12 Портового меч не только выступал за плечо, но и лежал острием к черепу. Намеренное повреждение ножен меча можно предполагать только в п.2 к.29 Чапаевского, где верхняя Р-образная скоба была сорванной (Атавин А.Г., 1996, табл.5, 1); такое же срывание Р-образных скоб боевого ножа зафиксировано в п.2 к.3 Иловатки (Амброз А.К., 1986, с.58), а в п.12 к.1 Верхне-Погромного I был сломан сам меч (Шилов В.П., 1975, рис.35, 8). Эти параллели позволяют считать неслучайным и сломанное перекрестье меча в п.2 к.3 Сивашовки.

Элементы снаряжения лучника отмечены приблизительно в 30% погребений, но сочетание лука с колчаном со стрелами – только в к.1 Авилковского и, возможно, также (судя по ровному кучному расположению стрел) в п.5 к.12 Портового, п.12 к.7 Христофоровки и п.3 к.30 Калининской; в п.7 к.1 Костогрызово зафиксированы остатки колчана со стрелами, но не было деталей лука. В трех подбойных погребениях (к.1 Авилковского, п.5 к.12 Портового, п.7 к.1 Костогрызово) луки и колчаны находились внутри подбоя, в ямном п.3 к.30 Калининской – возле тела человека, а в катакомбном п.12 к.7 Христофоровки в камере находился лишь колчан. В п.5 к.12 Портового и п.12 к.13 Рисового лук лежал у левой руки, в к.1 Авилковского и в п.3 к.5 Виноградного – у правой. В п.12 к.7 Христофоровки сломанный лук находился во входной яме, а в п.12 к.1 Верхне-Погромного – основная часть лука на перекрытии ямы, а один фрагмент концевой накладки – у правой ноги скелета. И только в п.2 к.2 Сивашовского сломанный лук лежал так же как и в п.2 к.3 Сивашовки, справа на перекрытии. Расположение колчана также разное: в к.1 Авилковского колчан лежал в гробовище на левой руке, наконечниками вниз; в п.7 к.1 Костогрызово – по диагонали через грудь наконечниками вверх; а в п.5 к.12 Портового, п.12 к.7 Христофоровки и п.3 к.30 Калининской, если здесь действительно были колчаны, – слева от левой руки наконечниками вверх.

Состав и количество стрел также важны. В п.2 к.3 Сивашовки в колчане находилось 5 стрел: 2 боевых трехлопастных, 1 бронебойная, 1 боевая неопределенного типа и 1 широкий срезень, применявшийся в охоте на крупного зверя или же в бою для поражения лошадей и незащищенного доспехами врага. Еще одна стрела с деревянным наконечником для охоты на пушного зверя, согласно отчету, найдена под колчаном на деревянном блюде, но нельзя исключать и ее проседание, поскольку, как показало наложение (рис.5, а), стрела лежала

параллельно другим стрелам, но наконечником вверх. С другой стороны, также возможно, что значительную роль играла и своеобразная “магия чисел”, т.е. в колчан намеренно положили лишь 5 стрел, а шестую – отдельно под колчан. Наконец, охотничья стрела на блюде с мясной пищей могла символизировать средство для добычи пропитания в загробном мире, поскольку стрелы подобного калибра, в основном, подходят для охоты на зайцев и лис. В других погребениях, где количество и состав стрел достоверно установлено, 6 наконечников найдено в п.5 к.12 Портового; в “Царском кургане” – 3; в п.3 к.30 Калининской – 4; в п.2 к.2 Сивашского и п.12 к.7 Христофоровки – по 7; в Арцибашеве и п.7 к.1 Костогрызово – по 8; в к.1 Авилковского – 14; т.е., наблюдается явная кратность числам 3 и 4 или 3+4. За исключением чисто “боевых” или универсальных наборов из “Царского кургана” и Арцибашева (только трехлопастные наконечники), а также “охотничьего” набора из п.3 к.30 Калининской (3 плоских, 1 бронебойный), остальные наборы состояли из трехлопастных боевых стрел и одного плоского “охотничьего” наконечника (в п.7 к.1 Костогрызово – двух). Таким образом, умершего обычно снаряжали боевыми стрелами, но вкладывали также и специализированные стрелы для охоты на крупного зверя, а в п.2 к.3 Сивашовки – еще на пушного.

Средства для добывания огня (кресало и кремь) также отмечены приблизительно в 30% погребений рассматриваемой группы, но собственно кресало, кроме п.2 к.3 Сивашовки, было лишь в одиннадцати: п.12 к.7 Христофоровки, п.2 к.2 Сивашского, п.7 к.1 Костогрызово, п.1 к.2 Васильевки, п.11 к.1 Черноморского, п.5 к.12 Портового, п.3 к.5 Виноградного, п.2 к.1F Аджиголя, п.3 к.30 Калининской, п.1 к.8 Старонижестеблиевской и п.12 к.1 Верхне-Погромного, в других находились лишь кремни. Ножи найдены более чем в половине погребений группы, но боевой нож с обычным бытовым, кроме Сивашовки, сочетался лишь в п.1 к.2 Васильевки и к.17 Наташино, что, на наш взгляд, свидетельствует об универсальности крупных ножей, использовавшихся в походных условиях не только в боевых, но и в бытовых целях. Достаточно редкая находка в анализируемой группе – костяной кочедык, представленный только в п.4 к.1 Изобильного, п.5 к.12 Портового, п.10 к.4 Калининской и Арцибашеве.

Несмотря на то, что кости коня сопровождали около половины погребений группы Сивашовки, снаряжения коня в полном наборе (удила, седло, стремяна, украшения узды) не было ни в одном погребении. Удила найдены в п.2 к.2 Сивашского, п.3 к.5 Виноградного, Арцибашеве, п.12 к.1 Верхне-Погромного и, возможно, в п.5 к.12 Портового,

причем в зубах лошади удила находились только в п.2 к.2 Сивашского и п.3 к.5 Виноградного, а в п.12 к.1 Верхне-Погромного они лежали у левого предплечья погребенного. Жесткое седло с деревянной основой обнаружено только в п.5 к.9 Бородаевки, причем в этом погребении, так же как и в п.2 к.3 Сивашовки, не было стремян. С.И.Вайнштейн в этом плане обращал внимание на рисунок на луке седла из м.9 Кудырге, где ноги всадников свисают свободно, хотя в этом же погребении найдены развитой формы стремяна (Вайнштейн С.И., 1966, с.66). В то же время, на сегодня ни в одном (!) из погребений типа Сивашовки или родственного им типа Новинок, где были стремяна, никаких следов седел не обнаружено. Не было стремян и в подкурганном комплексе келегейского типа из Павловки, где также найдено деревянное седло (Багалея Д.И., 1905, с.85). И лишь в самом богатом Перещепинском комплексе седло сочеталось со стремянами. Перед нами несомненно важная деталь, отражающая либо особенности погребального обряда кочевников рассматриваемой группы, либо же особенности способа верховой езды восточноевропейских кочевников VII в.

Наконец, последняя деталь – пояс. В п.2 к.3 Сивашовки с поясом связано два момента, которые могут относиться к ритуальным: сорванная или срезанная пряжка и привязывание тела при помощи пояса к гробовищу. Первый элемент – пояс без пряжки – к распространенным однозначно не относился. Об этом свидетельствует целый ряд погребений, где поясная пряжка обнаружена на поясе *in situ* – п.5 к.12 Портового, п.2 к.2 Сивашского, п.1 к.2 Васильевки, п.12 к.7 Христофоровки, к.2 Белозерки, п.2 к.1F Аджиголя, п.12 к.13 Рисового, п.6 к.13 Малаев, п.2 к.29 Чапаевского, п.5 к.4 Крупской, п.1 к.111 Бережновки II, п.7 к.1 Бережновки I, Новоселки, п.2 к.3 Иловатки, Уч-Тепе и др. Погребений без поясных пряжек при наличии поясных деталей немного: п.12 к.8 Богачевки, п.2 к.2 Васильевки, п.4 к.1 Изобильного, к.14 Белозерки (нарушено), п.10 к.4 и п.3 к.30 Калининской. Также не было поясной пряжки и в п.5 к.3 Мадары, что объясняется Р.Рашевым “обезвреживанием” умершего через призму распространенной трактовки о связи лишения пояса пряжки с лишением человека дееспособности (Рашев Р., 2004, с.176). В пользу подобного предположения, возможно, свидетельствует п.11 к.1 Черноморского (см. нашу публикацию в настоящем сборнике), где все поясные детали с пояса были сорваны и рассыпаны возле конечностей погребенного. Но следует учесть и другой вариант – лишение пояса пряжки могло отражать и символическое “умирание” самого пояса в представлениях народов, веривших в одухотворенность вещей. Более радикальный способ обезвреживания

умершего путем связывания его поясом в рассматриваемой нами группе пока доказательно не прослежен. Но сама возможность подобного случая вынуждает обратить более пристальное внимание на погребения, где руки плотно прижаты к телу: п.2 к.2 Сивашского, п.10 к.2 и п.12 к.13 Рисового, п.1 к.3 Малой Терновки, п.1 к.2 Васильевки, п.11 к.1 Ковалевки II, п.12 к.7 Христофоровки, п.5 к.9 Богачевки, п.3 к.3 Крыловки, п.10 к.4 и п.3 к.30 Калининской, п.6 к.13 Малаев, п.1 к.8 Старонижестеблиевской, п.2 к.3 Иловатки, Уч-Тепе. Подобное положение рук могло быть достигнуто разными способами: намеренным прижатием рук к телу уже после его опускания в могилу, завертыванием тела в ткань или кожу (что достоверно прослежено в Уч-Тепе), связыванием при помощи веревки или повседневного полотняного пояса.

Оценивая погребальный обряд п.2 к.3 Сивашовки в целом, можно констатировать, что по типу погребальной ямы ему ближе всего п.3 Рябовки, п.2 к.1 Васильевки и п.11 к.1 Черноморского; по типу гробовища – к.2 Белозерки, п.1 и 2 к.2 Васильевки; по ориентировке тела человека – п.12 к.1 Верхне-Погромного, п.2 к.22 Аккермена, п.4 к.1 Изобильного и п.12 к.8 Богачевки; по типу сопроводительного погребения коня и его расположению – п.2, 3 Рябовки, п.5 к.12 Портового, п.3 к.5 Виноградного; по составу напутственной пищи – п.2 к.2 Сивашского, а по способу ее расположения – п.5 к.9 Бородаевки; по составу погребального инвентаря – п.5 к.12 Портового и Арцибашев. Три из упомянутых погребений находятся вне Северного Причерноморья – Арцибашев (лесостепное Подонье), п.12 к.1 Верхне-Погромного и п.5 к.9 Бородаевки (Нижнее Поволжье); одно – к.2 Белозерки – к западу от Днепра; одно – п.3 Рябовки – в Левобережноднепровской лесостепи; три – п.5 к.12 Портового, п.4 к.1 Изобильного, п.12 к.8 Богачевки – в Северо-Восточном Крыму и, наконец, пять – п.2 к.1 Васильевки, п.2 к.2 Сивашского, п.11 к.1 Черноморского, п.3 к.5 Виноградного, п.2 к.22 Аккермена – в ближайшем окружении Сивашовки в Северном Приазовье. Хронологически указанные погребения разбиваются на две группы: п.2 к.2 Васильевки, п.2 к.2 Сивашского, п.5 к.9 Бородаевки, п.3 к.5 Виноградного, п.2 к.22 Аккермена, п.4 к.1 Изобильного и п.12 к.8 Богачевки принадлежат к горизонту Сивашовки – Макуховки, тогда как п.1 к.2 Васильевки, к.2 Белозерки, п.5 к.12 Портового, Арцибашев и, возможно, п.11 к.1 Черноморского – к следующему горизонту: Уч-Тепе – Келегеи. Как видим, погребальные традиции, наблюдаемые в п.2 к.3 Сивашовки, отражены в памятниках двух хронологических этапов на огромной степной территории юга Восточной Европы от Северного Причерноморья до Нижнего Заволжья.

1.2. Инвентарь погребения

Серебряные детали пояса

1. Щитовидная бляшка с серповидной прорезью и двумя отверстиями (рис.12, 1; 13, 3). Литая, прорезь выполнена вручную, поэтому слегка асимметрична. Крепилась к ремню при помощи трех слегка расклепанных на концах шпеньков. Высота – 2,4 см, ширина – 2,6 см.

Описанию и систематизации деталей “геральдического” стиля посвящен целый ряд работ, различных как по форме, так и по методике, а также по памятникам, на которых основана систематизация (Ковалевская В.Б., 1979; 2000; Айбабин А.И., 1990; Богачев А.В., 1992; Гавритухин И.О., Обломский А.М., 1996; Valint Cs., 1992). Отдать предпочтение какой-либо из систем трудно, поэтому здесь и ниже, ссылаясь на ту или иную работу, мы обращаемся больше к анализу исследователями круга находок и их аналогий, чем к самим классификациям.

Рассматриваемая бляшка довольно оригинальна. По морфологии она принадлежит к типу 3 подотдела 1 отдела 10, по В.Б.Ковалевской, но по декору представляет собой комбинацию подтипов 1 и 3. Ближе всего к ней бляшки подтипа 2 с вырезом в виде “трехрой” лунницы, которые, по мнению В.Б.Ковалевской, развивают подтип 1; распространены бляшки подтипа 2 в основном на Северном Кавказе (Ковалевская В.Б., 2000, с.151). В кочевнических погребениях из упомянутых подтипов присутствуют только бляшки подтипа 1 – п.12 к.8 Богачевки (Генинг В.В., Корпусова В.Н., 1989, рис.10, 2), п.11 к.1 Черноморского (см. нашу публикацию в настоящем сборнике), п.10 к.4 и п.3 к.30 Калининской (Атавин А.Г., 1996, табл.10, 5; 13, 14), “Царский курган” (Атавин А.Г., 1996, табл.17, 1, 2).

2. Щитовидные бляшки с круглым вырезом – 3 экз. (рис.12, 2-4; 13, 4). Бляшки литые, практически идентичные, различаются только в мелких деталях формы. Крепились к ремню при помощи трех напаянных шпеньков, слегка расклепанных на концах. На одной из бляшек после реставрации с лицевой стороны проявились следы деформации основы при пайке шпеньков (рис.12, 35). Высота – 2,5 см, ширина – 3 см.

Бляшки типа 6 отдела 10, по В.Б.Ковалевской (Ковалевская В.Б., 2000, с.151, 152), или щитковидные бляшки варианта 2, по А.И.Айбабину (Айбабин А.И., 1990, с.54; рис.50, 26, 27, 29-31); ареал распространения охватывает в основном Крым (Скалистое и Керчь) и Поволжье (Ковалевская В.Б., 2000, с.151; Богачев А.В., 1992, рис.27), находки

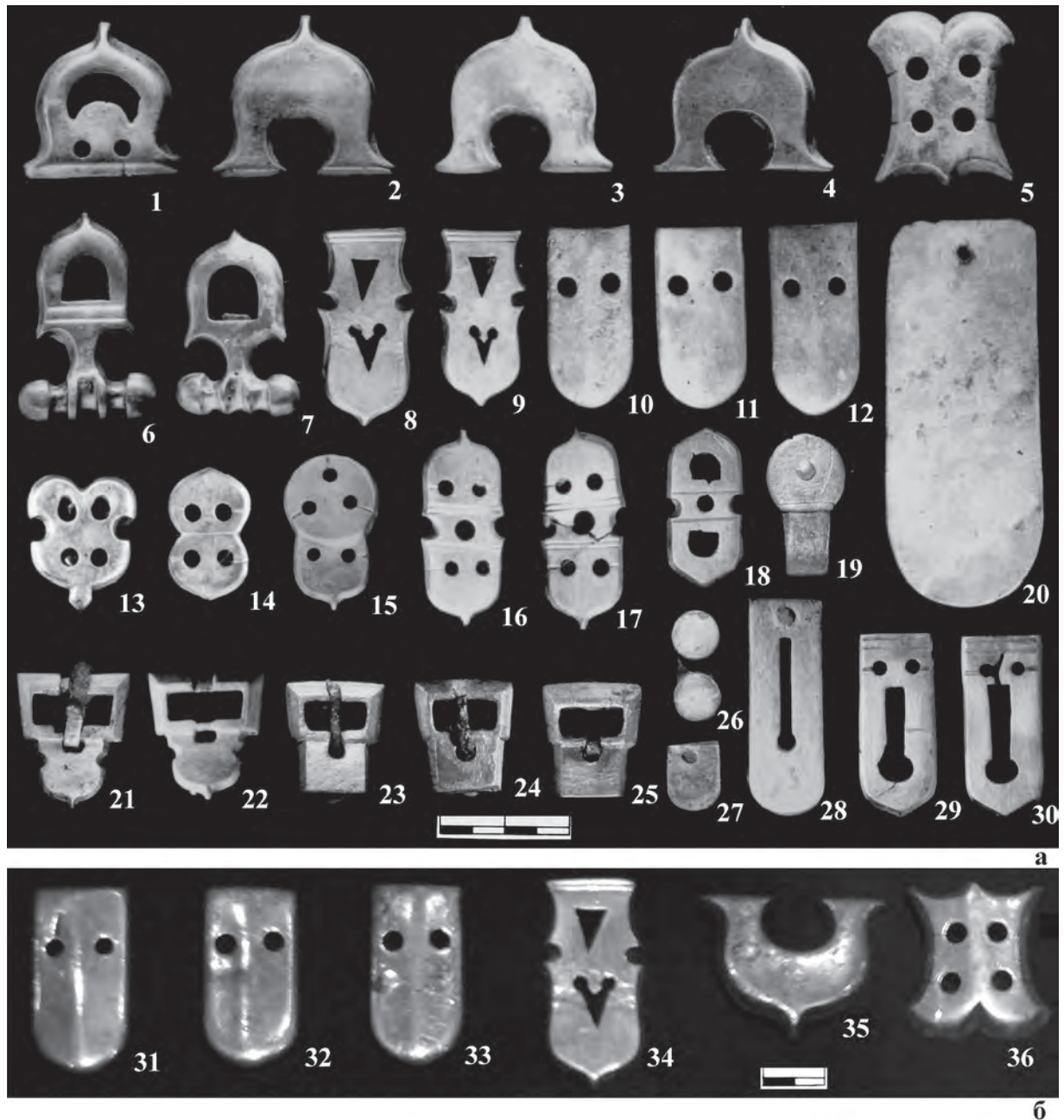

Рис. 12. Погребение 2 к.3 Сивашовки. Серебряные детали ремней: а – вид до реставрации; б – детали с проявившимися отличиями после реставрации.

Fig. 12. Burial 2 of Sivashovka barrow 3. Silver parts of belts: а – a view before restoration; б – parts with differences displayed after restoration.

известны также на Северном Кавказе (Гавритухин И.О., Обломский А.М., 1996, рис.79, 90; 82, 44; 87, 95), в Приуралье (Гавритухин И.О., 2001г, рис.3, 16) и Восточном Приаралье (Левина Л.М., 1996, рис.130, 35). В кочевнических же комплексах бляшки представлены в п.7 к.1 Бережновки I – 4 экз. (Синицын И.В., 1959, рис.34, 1), Елифанове – 1 экз. (Безуглов С.И., 1985, рис.1, 2), п.10 к.4 Ка-

лининской – 3 экз. (Атавин А.Г., 1996, табл.9, 10), т.е. во всех локальных группах: Северном Причерноморье, Нижнем Дону, Восточном Приазовье и Нижнем Поволжье.

3. “Двурогая” бляшка с четырьмя отверстиями (рис.12, 5; 13, 5). Литая, от отверстий к краям прочерчены узкие линии; после реставрации на бляшке проявилось едва заметное вертикальное

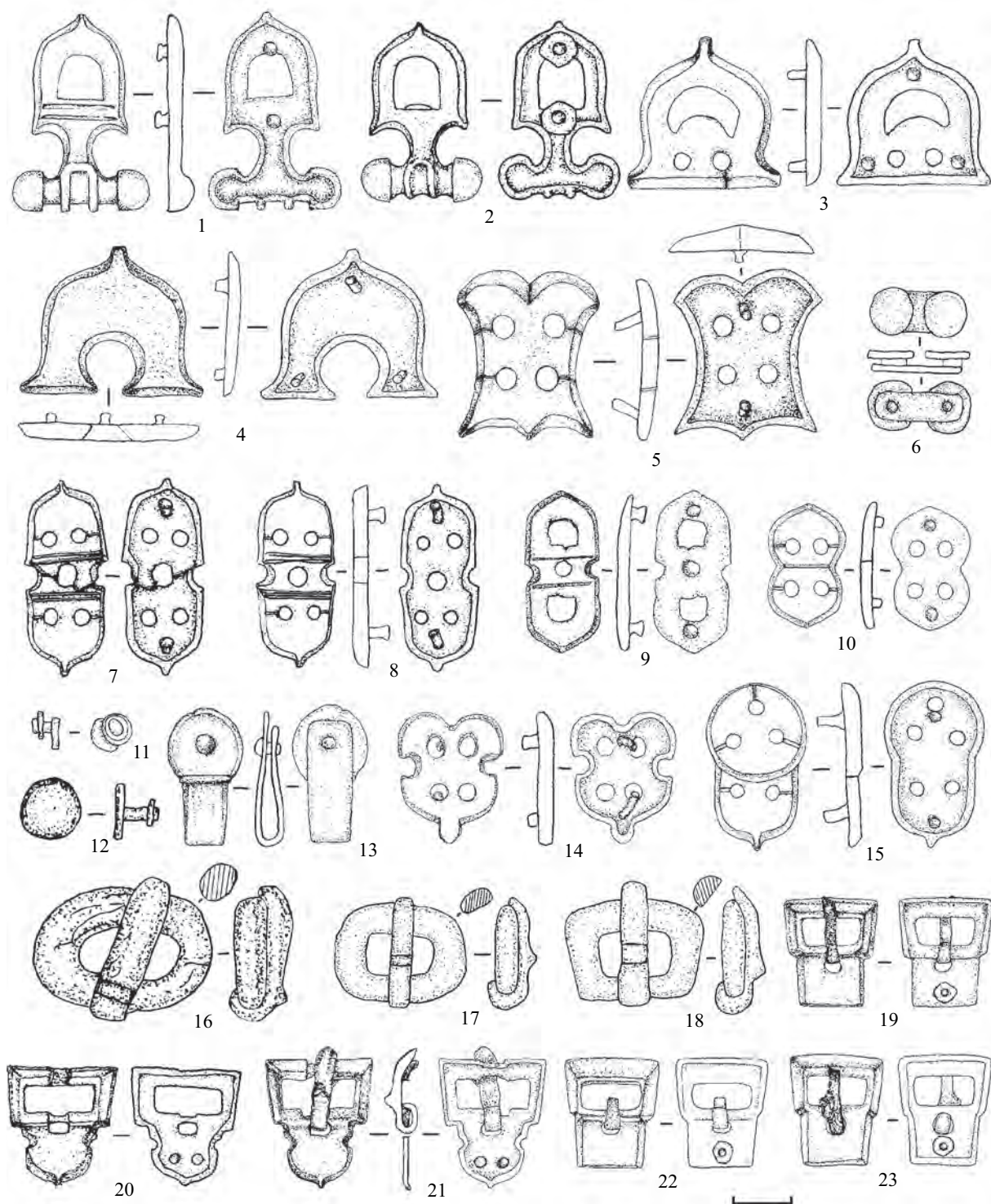

Рис. 13. Погребение 2 к.3 Сивашовки. Детали ремней: 1-5, 7-10, 13-15, 19-23 – серебро; 6 – серебро, бронза; 11, 12 – бронза; 16-18 – железо.

Fig. 13. Burial 2 of Sivashovka barrow 3. Parts of belts: 1-5, 7-10, 13-15, 19-23 – silver; 6 – silver, bronze; 11, 12 – bronze; 16-18 – iron.

ребро по центру (рис.12, 36). Крепилась к ремню при помощи двух шпеньков. Высота – 2,8 см, ширина – 2,4 см.

Бляшки типа 1 отдела 13, по В.Б.Ковалевской (Ковалевская В.Б., 2000, с.154), или одночастные двурогие бляшки вариант 2, по А.И.Айбаину (Ай-

бабин А.И., 1990, с.52; рис.50, 43). Ареал аналогий охватывает опять Крым (Скалистое и Керчь) и Северный Кавказ (Гавритухин И.О., Обломский А.М., 1996, рис.79, 87; 80, 24; 87, 96; Гавритухин И.О., 2001г, рис.11, 2); немного другая, менее профилированная, вариация распространена в Поволжье и Приуралье (Богачев А.В., 1992, рис.26; Гавритухин И.О., 2001г, рис.3, 12, 13; 4, 10; 5, 8, 9; 8, 14; 11, 11; 12, 4), а также в Восточном Приаралье (Левина Л.М., 1996, рис.130, 28, 33). В кочевнических комплексах аналогичные бляшки представлены в п.7 к.1 Бережновки I – 1 экз. (Синицын И.В., 1959, рис.34, 1) и п.2 к.29 Чапаевского (Атавин А.Г., 1996, табл.7, 1-3). Похожая бляшка, но с X-видной прорезью была зафиксирована в п.1 к.2 Васильевки (рис.49, 12); еще более отдаленные вариации представлены в п.2 к.3 Иловатки и п.5 к.12 Портового (рис.49, 11, 39). А несомненно родственные одночастным двучастные “двурогие” бляшки вариантов 1-3, 1-4, по А.И.Айбабину (Айбабин А.И., 1990, с.52), находились в п.7 к.7 Христофоровки (рис.49, 28) и п.10 к.4 Калининской (Атавин А.Г., 1996, табл.9, 5).

4. Т-образная бляшка (рис.12, 6; 13, 1). Литая, на щитке U-образная прорезь и две прочерченные поперечные линии. Крепилась к ремню при помощи двух шпеньков. Высота – 3,2 см, ширина – 2,3 см.

В погребении на уровне скелета коня найдена еще одна Т-образная бляшка, не парная рассматриваемой (рис.12, 7; 13, 2). Она крепилась к ремню при помощи шпеньков с шайбочками, поэтому вариант срывания бляшки с ремня в данном случае не возможен.

Т-образная бляшка варианта 2, по А.И.Айбабину (Айбабин А.И., 1990, с.53), или “щиток-подвеска” типа 2 подотдела 1 отдела 2, по В.Б.Ковалевской (Ковалевская В.Б., 2000, табл.6); аналогии собраны также Ч.Балинтом и И.О.Гавритухиным (Balint Cs., 1992, S.426-428; Taf.47, 35-48; Гавритухин И.О., Обломский А.М., 1996, с.25, 26; рис.37). Ареал находок охватывает Крым, Северный Кавказ, Поволжье и Приуралье. В кочевнических погребениях Т-образные бляшки данного варианта были в п.4 к.1 Изобильного (Айбабин А.И., 1999, рис.35, 5), п.3 к.5 Виноградного (Орлов Р.С., Рассемакин Ю.Я., 1996, рис.5, 11, 12), п.11 к.1 Черноморского (см. публикацию в настоящем сборнике), п.12 к.1 Дмитровки (см. публикацию в настоящем сборнике), п.2 к.2 Васильевки (Balint Cs., 1992, Taf.49, 9), п.2 к.29 Чапаевского (Атавин А.Г., 1996, табл.7, 4, 6); им близки и бляшки варианта 3, по А.И.Айбабину, с менее выраженным заострением кончиков щитка из п.12 к.8 Богачевки (Генинг В.В., Корпусова В.Н., 1989, рис.10, 2) и Новиновки (Werner J., 1956, Taf.25).

5. Наконечники дополнительных ремешков U-образной формы с двумя отверстиями – 3 экз.

(рис.12, 10-12; 14, 4, 7, 11). Прессованы в горячем виде из тонкого листа металла; отверстия пробивались при помощи чекана. Размеры: 3x1,4 см; 2,9x1,4 см; 2,9x1,3 см. После реставрации на всех трех экземплярах четко проявились неровные грани (рис.12, 31-33), а на одном из экземпляров сверху – даже тисненые загнутые вниз волоты (рис.12, 33). Тем не менее, намеренное нанесение данных элементов как декора вызывает некоторые сомнения. Так, “волоты” одного из наконечников (рис.12, 33) находятся в месте пайки двух шпеньков крепления; в этой же области расположены и вмятины на двух других экземплярах. Скорее всего, деформация тонких наконечников произошла во время их крепления к ремешку.

Наконечники относятся к варианту 1 подтипа 3 типа 6 подотдела 1 отдела 1, по В.Б.Ковалевской (Ковалевская В.Б., 2000, с.120). Такие наконечники редки в Крыму (Веймарн Е.В., Айбабин А.И., 1993, рис.66, 7; Айбабин А.И., Хайрединова Э.А., 1996, рис.9, 9, 10) и на Кавказе (Гавритухин И.О., Обломский А.М., 1996, рис.46, 10; 79, 54), а наибольшего распространения они достигают в Приуралье (Гавритухин И.О., Обломский А.М., 1996, рис.89, 81, 127) и Восточном Приаралье (Левина Л.М., 1996, рис.131, 13-15, 24). У кочевников аналогии локализируются в Поволжье – п.7 к.1 Бережновки I – 1 экз. (Синицын И.В., 1959, рис.34, 1) и Зиновьевка – 1 экз. (Рыков П., 1929), а также в Приуралье – Новиновка – 2 экз. (Werner J., 1956, Taf.25).

6. Наконечник дополнительного ремешка с боковыми вырезами (рис.12, 8; 14, 10). Литой; сверху прочерчены две горизонтальные линии; в верхней части расположена треугольная, а ниже – фигурная прорезь. Крепился к ремню двумя шпеньками, слегка расклепанными на концах. Высота – 3,1 см, ширина – 1,5 см.

Аналогичный по форме, но меньше по размерам наконечник (рис.12, 9) найден чуть выше скелета и, скорее всего, к поясу не относился, поскольку также, как и вторая Т-образная бляшка, крепился к ремню при помощи шайбочек. Такого крепления нет ни на одной из поясных деталей, в то же время так крепились пряжки португели колчана.

В классификации А.И.Айбабина ближе всего наконечники варианта II-1 (Айбабин А.И., 1990, с.55; рис.48, 22), а в классификации В.Б.Ковалевской – типа 2 отдела 17 (Ковалевская В.Б., 2000, с.127). По И.О.Гавритухину, это наконечник с боковыми вырезами варианта 2 (Гавритухин И.О., Обломский А.М., 1996, с.31; рис.43, 38-41). Из указанных аналогий ближе всего сивашовскому экземпляру из кат.89 Мокрой Балки (Афанасьев Г.Е., Рунич А.П., 2001, рис.99, 13). В кочевнических погребениях ближе всего наконечники из п.4 к.1 Изобильного (Айбабин А.И., 1999, рис.35, 7, 8), более

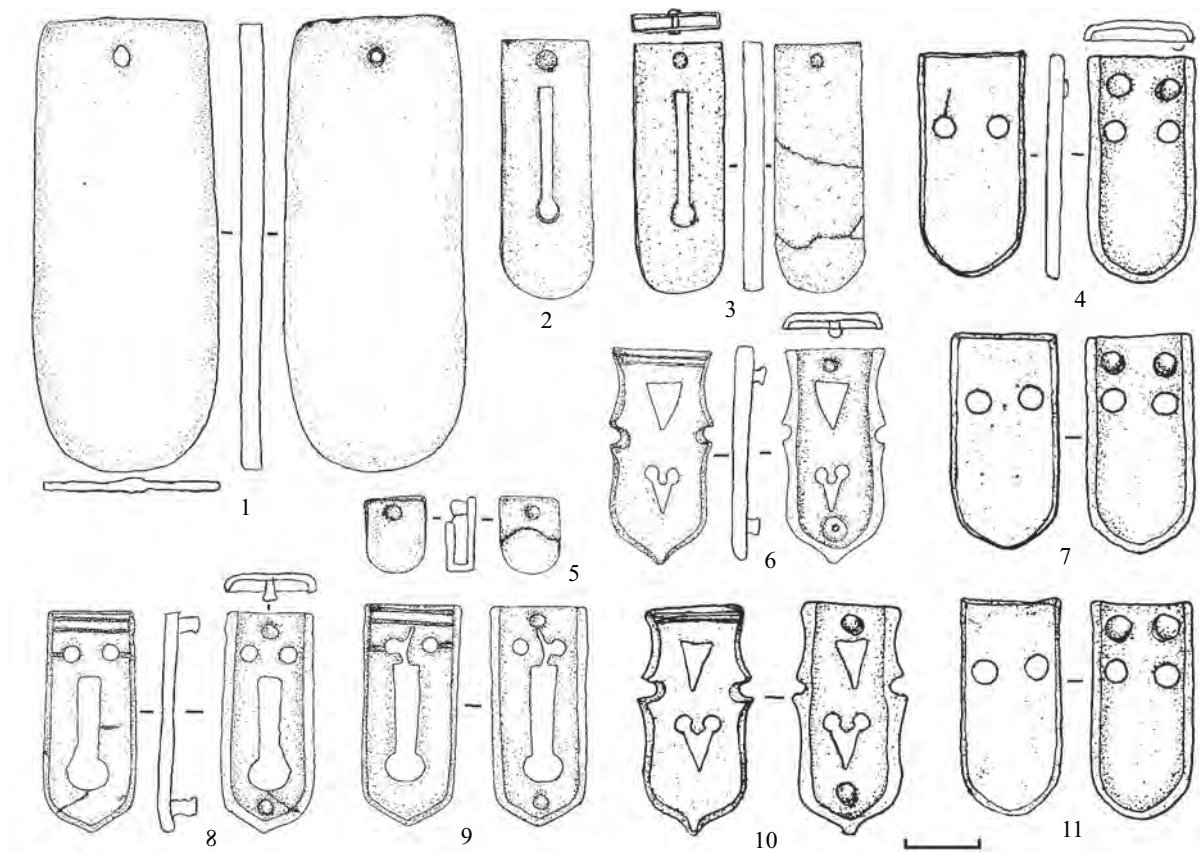

Рис. 14. Погребение 2 к.3 Сивашовки. Серебряные наконечники ремней.
Fig. 14. The Burial 2 of Sivashovka barrow 3. Silver ferrules of belts.

отдаленные – в п.12 к.8 Богачевки (Генинг В.В., Корпусова В.Н., 1989, рис.10, 2), п.10 к.2 Рисового (Щепинский А.А., Черепанова Е.Н., 1969, рис.52, 8) и п.12 к.1 Дмитровки (см. нашу публикацию в настоящем сборнике).

7. Коробчатый поясной наконечник (рис.12, 20; 14, 1). Состоял из двух вытянутых U-образных пластин размерами 6х2,5 см и ободка шириной 0,3 см, в древности спаянных в коробочку. Ремень пропускался внутрь и закреплялся заклепкой сверху наконечника.

Данный тип наконечников один из самых распространенных – его география охватывает Среднее Подунавье (ранне- и среднеаварское время) (Kovrig I., 1975a, fig.4, gr.15, 6; 5, gr.34, 12; Török G., 1975a, fig.3, gr.7, 4; Balint Cs., 1992, Taf.56, 10, 11; Гавритухин И.О., 2001в, рис.2, 3, 4; 6, 24; 7, 34; 8, 43; 11, 30; 12, 56; 13, 18, 45; 14, 40), Крым (Веймарн Е.В., Айбабин А.И., 1993, рис.59, 1, 2), Среднее Поднепрорье (Гавритухин И.О., Обломский А.М., 1996, с.35; рис.30, 4; 32, 2, 3, 5), Северный Кавказ (Дмитриев А.В., 1982, рис.12, 33; Афанасьев Г.Е., Рунич А.П., 2001, рис.106, 13; 155, 3), Южное Приуралье (Мажитов Н.А., 1981, рис.8, 16). В рядовых

кочевнических погребениях Восточной Европы это основной тип: п.2 к.2 Сивашского (рис.32, 22), п.7 к.1 Костогрызово (рис.37, 9, 16), п.12 к.8 Богачевки (Генинг В.В., Корпусова В.Н., 1989, рис.10, 1), п.12 к.7 Христофоровки (Prichodnyuk O., Fomenko V., 2003, fig.2, 16), п.4 к.1 Изобильного (Айбабин А.И., 1999, рис.35, 19, 20), к.16 Наташино (Колотухин В.А., 1983, рис.163, 1, 2), п.11 к.1 Черноморского, п.1 к.3 Шелюг (рис.47, 10, 11), п.2 к.29 Чапаевского, п.6 к.13 Малаев (Атавин А.Г., 1996, табл.4, 2, 3; 21, 1), п.7 к.1 Бережновки I (Синицын И.В., 1959, рис.34, 1), Новоселки (Богачев А.В., 1998, рис.8, 4).

Реконструкция пояса

Вариант реконструкции пояса из п.2 к.3 Сивашовки, выполненный В.В.Дорофеевым, был опубликован Р.С.Орловым и П.П.Толочко (Орлов Р.С., 1985, рис.18, 4; Толочко П.П., 1999, рис.10, 1) и также без замечаний переопубликован Р.Рашевым (Рашев Р., 2004, табл.35, 6). Тем не менее, эта реконструкция включает ряд моментов, которые не могут не вызвать возражение. Начать сле-

дует с расположения на поясе обеих Т-образных бляшек, помещенных рядом в горизонтальном положении. Причем именно Т-образная бляшка, согласно В.В.Дорофееву, должна была играть роль застежки, специально для которой исследователь реконструировал фигурную петлю. Подобная гипотеза явно возникла из-за расположения Т-образной бляшки *in situ* в центральной, как казалось, части пояса (рис.15, 3), тогда как в реальности умерший был не опоясан, а привязан поясом к гробовищу. К поясу добавлен и наконечник ремешка, на самом деле найденный, как уже упоминалось, выше тела, рядом с колчаном.

Рассмотрим детальнее имеющуюся в нашем распоряжении информацию. Согласно отчету, ширина пояса составляла 3,5 см (Кубышев А.И. и др., 1980, с.195). К сожалению, не указано, на чем основана данная информация: на полевых наблюдениях или же на максимальной высоте бляшек пояса (3,2 см). Дело в том, что ширина наконечника пояса и высота всех щитовидных бляшек совпадает – 2,5 см, а это вполне может означать ширину пояса именно в 2,5 см. Общую длину пояса можно приблизительно рассчитать, исходя из размеров тела человека и высоты гробовища: минимум – 1,05 м, максимум (если наконечник был переброшен через верхнюю раму гробовища) – 1,3 м. На фотографии (рис.15) перед нами порядок бляшек влево от пряжки: сначала щитовидная бляшка с вырезом ровной стороной вниз (рис.15, 1), затем в 17 см Т-образная бляшка перекадиной вниз (рис.15, 3), затем, еще в 17 см – вторая щитовидная бляшка с вырезом также ровной стороной вниз (рис.15, 4). Напротив Т-образной бляшки, в 30 см от нее, между бедренными костями располагался наконечник дополнительного ремешка округлой стороной вниз (рис.15, 8); такой же наконечник в перевернутом состоянии зафиксирован под правой лучевой костью в 4 см от щитовидной бляшки (рис.5, 14). Таким образом, расположение бляшек, которое реально зафиксировано, таково: щитовидная бляшка с вырезом и ниже ремешок с U-образным наконечником; затем Т-образная бляшка с ремешком с U-образным наконечником; затем щитовидная бляшка с вырезом без ремешка или с ремешком без наконечника. Далее, следуя реконструкции В.В.Дорофеева, если она действительно опиралась на дневниковое описание, должна следовать щитовидная бляшка с серповидной прорезью и наконечником дополнительного ремешка с боковыми вырезами; затем третья щитовидная бляшка с вырезом и ремешком с U-образным наконечником; следом – “двурога” бляшка, но без ремешка с наконечником с вырезами, который, как мы уже указывали, найден в другом месте. Интересно, что напротив щитовидной бляшки с вырезом, где не было наконечника, располагался кисет с

кресалом (рис.15, 4, 7), а в месте предполагаемого нахождения “двурога” бляшки, также без ремешка с наконечником напротив, найден костяной кочедык (рис.15, 2). Похоже, от них также отходили ремешки, на которых крепились не декоративные бляшки, а функциональные предметы.

Все щитовидные бляшки расположены на поясе острым окончанием кверху. “Двурога” бляшка на реконструкции В.В.Дорофеева также расположена острыми окончаниями кверху, но подобная ориентировка бляшки вызывает сомнения. На всех реконструированных поясах “геральдического” стиля из джетыасарских погребений “двуроги” бляшки обращены вверх “рогами” (Левина Л.М., 1996, рис.136-138); то же касается и поясов из Таш-Тюбе (Balint Cs., 1992, Taf.35, A) и п.552 Варнинского могильника (Гавритухин И.О., Иванов И.Г., 1999, рис.3). На наш взгляд, в ориентировке данного типа бляшек следует учитывать то обстоятельство, что варианты с заостренными концами, подобные сивашовскому экземпляру, довольно редки, более же распространены варианты таких бляшек с ровным нижним краем. Поэтому схема ориентировки “геральдических” бляшек на ремне просто предполагала их расположение ровным краем к низу.

К сожалению, в погребении не найдено пряжки с прорезью в 2,5 см или больше, поэтому тип поясной пряжки в нашем случае не реконструируется. Общий вид реконструкции пояса представлен на рис.16, 1. Информации о следах краски на ремне нет, поэтому предположение А.К.Амброза о раскрашенности поясов с бляшками “геральдического” стиля (Амброз А.К., 1981, с.17) в данном случае непроверяемо. Что касается цвета самих поясных деталей, то в п.2 к.3 Сивашовки речь идет не о белом серебряном сплаве, а о той пропорции серебра и меди, при которой детали приобретают желтый цвет. Под действием внешней среды на некоторых деталях появляется даже медный отлив, поэтому их несомненно приходилось начищать. Отметим, что в свете широкого распространения в VII в. латуней (Егорьков А.Н., Щеглова О.А., 2001), данный сплав никак не мог имитировать золото, тем более, что ни одной поясной детали, аналогичной сивашовским, в золотом исполнении пока не обнаружено. Золотые изделия из кочевнических погребений VII в. представлены совершенно другими типами, поэтому изготовление поясных деталей в п.2 к.3 Сивашовки не из высокопробного серебра, а из биллона диктовалось исключительно невысокими материальными возможностями заказчика.

Обратим внимание и на другой важный момент: на поясе присутствуют два комплекта бляшек и наконечников дополнительных ремешков: первый – щитовидная бляшка с серповидной прорезью и наконечник с боковыми вырезами (рис.12, 1, 8),

Рис. 15. Погребение 2 к.3 Сивашовки. Расположение находок in situ в районе пояса: 1, 3, 4, 8 – серебряные бляшки; 2 – костяной кочедык; 5 – меч; 6 – кремь; 7 – кресало; 9 – боевой нож.

Fig. 15. Burial 2 of Sivashovka barrow 3. Arrangement of finds near the belt in situ: 1, 3, 4, 8 – silver plaques; 2 – a bone kochedyk; 5 – a sword; 6 – a flint; 7 – a fire steel; 9 – a battle-knife.

сюда же мы склонны отнести и Т-образную бляшку (рис.12, б) на основании одинакового декора с наконечником в виде прочерченных двух линий; второй – 3 щитовидных бляшки с круглым вырезом и 3 U-образных наконечника (рис.12, 2-4, 10-12). Этот факт можно объяснить предположением, что пояс формировался в два этапа: сначала он был украшен бляшками первого комплекта, затем они были перенесены на новый пояс и дополнены бляшками второго комплекта. Позиция “двурогой” бляшки (рис.12, 5) не совсем ясна: на основании сходства диаметра отверстий на ней с отверстиями наконечников второго комплекта можно предполагать их комплектность, в то же время наличие прочерченных линий от отверстий к краю бляшки сближает ее стиль с бляшками узды (см. ниже).

Очень похожая ситуация наблюдается и в других кочевнических погребениях. В п.4 к.1 Изобильного (Айбабин А.И., 1999, рис.35) поясной на-

бор один из начальных (если, конечно, не учитывать уровень поясов без бляшек, только с одними пряжками и поясными наконечниками): здесь еще нет щитовидных бляшек, но есть два наконечника дополнительных ремешков с боковыми вырезами и Т-образная бляшка. В п.12 к.7 Христофоровки щитовидных бляшек также нет, но есть колчаный крюк и наконечник дополнительного ремешка с ровными сторонами и треугольной прорезью (Prichodnyuk O., Fomenko V., 2003, fig.2, 20, 21). В п.12 к.8 Богачевки набор уже состоит из одной щитовидной бляшки с волнистой прорезью, Т-образной бляшки и двух наконечников ремешков: с боковыми вырезами и без вырезом, но с треугольной прорезью (Генинг В.В., Корпусова В.Н., 1989, рис.10, 2). В п.11 к.1 Черноморского (см. нашу публикацию в настоящем сборнике) формирование пояса также началось с бляшки с волнистой прорезью и одного наконечника с боковыми выступами и треугольной

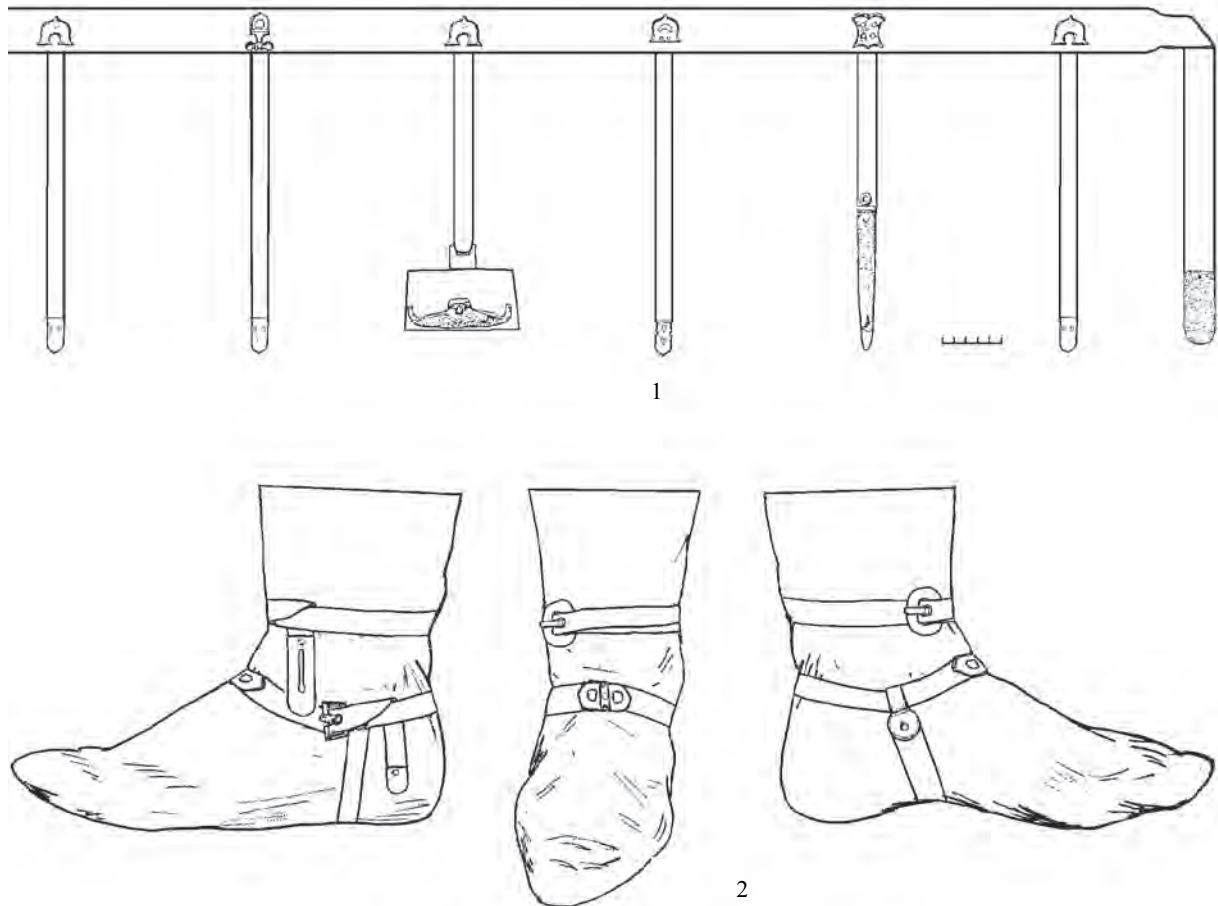

Рис. 16. Погребение 2 к.3 Сивашовки. Реконструкции пояса (1) и левого сапожка (2).
 Fig. 16. Burial 2 of Sivashovka barrow 3. Reconstructions of a belt (1) and a left boot (2).

прорезью; затем был добавлен второй комплект: 3 бляшки с круглым вырезом, 3 аналогичных предыдущему наконечника и 4 двучастных “двурогих” бляшки; Т-образных бляшек в этом наборе две, но сказать к какому из комплектов они относятся, сложно. В п.3 к.30 Калининской первый комплект составили бляшка с волнистой прорезью, Т-образная бляшка и наконечник с треугольной прорезью, затем к ним добавили 2 бляшки с круглым вырезом и наконечник с золотой вставкой с зернью (Атавин А.Г., 1996, табл.13, 5, 6, 11, 13, 14). В п.10 к.4 Калининской первоначальный комплект пояса состоял из щитовидной бляшки с волнистой прорезью и небольшого наконечника с боковыми выступами (Атавин А.Г., 1996, табл.9, 2; 10, 5), затем к нему добавили 3 щитовидные бляшки с круглым вырезом, 3 больших наконечника с боковыми выступами и двучастную “двурогую” бляшку (Атавин А.Г., 1996, табл.9, 1, 5, 10); комплект из двух щитовидных бляшек с волнистой прорезью и боковыми вырезами здесь, также как и в “Царском кургане”,

к поясу, скорее всего, не имел отношения (Атавин А.Г., 1996, табл.10, 4; 17, 1). Наконеч, в п.3 к.5 Виноградного первоначальный комплект пояса состоял из щитовидной бляшки с волнистой прорезью, 2 Т-образных бляшек и двух наконечников с прямыми боками и треугольной прорезью; затем к нему добавили золотой набор с грануляцией (Орлов Р.С., Рассемакин Ю.Я., 1996, рис.3, 3, 8, 11; 4; 5, 11, 12).

Другую линию (II) наблюдаем в “Царском кургане”, где первоначальный комплект пояса состоял из щитовидной бляшки с прямой прорезью и двух наконечников с треугольными прорезями (Атавин А.Г., 1996, табл.16, 9; 17, 8, 9); затем к ним добавили 4 щитовидных бляшки с круглыми вырезами и наконечники с прорезью в виде замочной скважины (Атавин А.Г., 1996, табл.17, 2-7). Начальный пояс этой линии лишь с одной щитовидной бляшкой с узкой прямоугольной прорезью наблюдаем в п.12 к.13 Рисового (Щепинский А.А., Черепанова Е.Н., 1969, рис.83, 5).

Третья линия (Ша) представлена п.2 к.3 Иловатки с одной щитовидной бляшкой с круглым вырезом и прототипом “двурогой” бляшки (Смирнов К.Ф., 1959, рис.7, 7, 8). К ней также относится комплекс из Епифанова с одной бляшкой с круглым вырезом, колчанным крюком и наконечником с прорезью в виде замочной скважины (Безуглов С.И., 1985, рис.1, 13, 14, 19). Первоначальный комплект пояса в п.2 к.29 Чапаевского состоял из щитовидной бляшки с омегаобразным вырезом, 2 Т-образных бляшек и наконечника с боковыми вырезами; затем к нему добавили 3 одночастных “двурогих” бляшки и 3 псевдопряжки (Атавин А.Г., 1996, табл.6, 2, 3, 5; 7, 1-6). Труднее разделить детали в п.7 к.1 Бережновки I (Синицын И.В., 1959, рис.34, 1), но явная закономерность добавления 3 щитовидных бляшек на второй стадии указывает на то, что первоначальный комплект пояса состоял из щитовидной бляшки с круглым вырезом и одного из наконечников, а также, судя по волнистой прорези щитка, 2 Т-образных бляшек; затем к ним добавили 3 таких же щитовидных бляшки и 2 наконечника; когда (на первой или второй стадии) была добавлена одночастная “двурогая” бляшка, точно не ясно.

Линия Шб родственна предыдущей, поскольку бляшки с U-образной прорезью, скорее всего, восходят к тому же прототипу, что и бляшки с круглой прорезью (рис.49). Начальный пояс этой линии только с одной щитовидной бляшкой был в к.35 Виноградного (Орлов Р.С., Рассемакин Ю.Я., 1996, рис.8, 6). В п.5 к.4 у хут.Крупской первоначальный комплект пояса состоял только из щитовидной бляшки, затем к нему добавили золотой набор с грануляцией (Атавин А.Г., 1996, табл.2). А в п.1 к.2 Васильевки в первоначальный комплект серебряного пояса входила щитовидная бляшка, а также одночастная и двучастная “двурогие” бляшки (рис.49, 7, 12, 14); затем к нему добавили серебряный набор с золотыми вставками с грануляцией. В п.7 к.7 Христофоровки щитовидных бляшек не было, а отнесли мы пояс к этой традиции, поскольку его украшали двучастная “двурогая” бляшка и 2 наконечника с прямыми сторонами с фигурной треугольной прорезью (Pritchodnyuk O., Fomenko V., 2003, fig.1, 12-14).

Своеобразным смешением линий I-Ша можно считать пояс из Арцибашева, начало формирования которого положили две щитовидные бляшки и два наконечника с боковыми вырезами, а затем пояс дополнили золотые детали с грануляцией (Монгайт А.Л., 1951, рис.43, 8, 9, 13). Дело в том, что обе бляшки в традициях линии I имеют декор в виде волнистых прорезей с двумя отверстиями под ними, но одна из бляшек дополнительно имеет большой круглый вырез в традициях линии Ша

(рис.49, 8), а вторая – узкую прорезь, согласно традициям линии II.

Географически наблюдается определенная закономерность: поясов линий I, II и Шб нет в Поволжье, тогда как линии Ша – в Северном Причерноморье; а в Восточном Приазовье и Подонье смешиваются все традиции. География аналогий также интересна. Пояса линии I в Подунавье и Крыму в комплексном виде не известны. Щитовидные бляшки с волнистой прорезью здесь представлены только в наиболее ранних “геральдических” наборах 2-й пол.VI – 1-й пол.VII в., но они, собственно, и составляют весь набор, никогда не дополняясь бляшками с круглым вырезом: Плевен-Кайлка, п.1 с.74 Лучистого, мог.1867 г из Керчи, склеп 449 Скалистого (Рашев Р., 2004, табл.109, 2-6; Айбабин А.И., 1990, рис.50, 1-12; 1999, рис.44, 10, 13, 15; Веймарн Е.В., Айбабин А.И., 1993, рис.59, 10, 11). Пояса с единичными бляшками с волнистой прорезью известны восточнее – на Северном Кавказе: п.15, 30 Борисово, п.318, 413 Дюрсо, п.114 Бжида, кат.34 Мокрой Балки, кат.17 Чми; п.101 Чир-Юрта (Археология. Крым ..., 2003, табл.77, 47; 78, 55, 58, 60; 83, 47, 48; Гавритухин И.О., Обломский А.М., 1996, рис.80, 25, 26; 82, 67, 68; 87, 60). А сочетание бляшек с волнистой прорезью и круглым вырезом находим в кугульском склепе 3 (Рунич А.П., 1979, рис.6, 27, 28). Линия II также находит, хоть и не совсем прямую, аналогию в крымских и кавказских поясных наборах кон.VI – 1-й пол.VII в., в которых представлены бляшки с Т-образной прорезью и их модификации с прямой прорезью: п.4 склепа 77 Лучистого; п.326, 455 Дюрсо, п.623/47 Самтавро, п.23 Квемо Алеви, кат.Г Чми, кат.94, 125 Мокрой Балки (Айбабин А.И., Хайрединова Э.А., 1996, рис.8, 10; Гавритухин И.О., Обломский А.М., 1996, рис.79, 34, 89; 82, 53; 87, 66, 80). Интересно также отметить появление щитовидных бляшек с прорезью внизу на китайских служебных поясах династии Тан (Balint Cs., 1992, Taf.2, 2). Линия Ша доминирует в Крыму: склепы 31, 107, 166, 220, 406, 422, 482 Скалистого; п.7 склепа 180 Керчи (Веймарн Е.В., Айбабин А.И., 1993, рис.4, 1-2; 5, 4; 14, 31; 20, 34; 66, 9; 75, 6, 7, 11, 12; 89, 10; Kazanski M., 1996, fig.7, 13-15), а также в Поволжье и Приуралья: п.191 Армиево; п.9, 32 Селиксы, п.30 Ундриха, Бахмутино, п.17 Петропавловска, п.3 к.15 Верх-Саи и др. (Богачев А.В., 1992, рис.26; 27; Гавритухин И.О., 2001г, рис.4, 6; 7, 2; 8, 7; 10, 3, 6; 11, 19); известна эта группа и на Северном Кавказе: п.308 Дюрсо, Гудермес, кат.100 Мокрой Балки (Археология. Крым ..., 2003, табл.83, 50; Гавритухин И.О., Обломский А.М., 1996, рис.82, 44; 87, 95). Линия Шб находит аналогии пока только в лесостепном Среднем Поднепровье: Мартыновка, Козиевка, Вишенки (Корзухина Г.Ф., 1996, табл.13, 7; 55, 14; 91,

24), там же обнаруживаем и “смешанную” арцибашевскую традицию: Мартыновка, Моква (Корзухина Г.Ф., 1996, табл.19, 19; 59, 21).

Как видим, в свое непосредственное географическое окружение хорошо вписываются поволжская группа с поясами линии Ша, восточноприазовская группа с поясами линий I, II, Ша, Арцибашево со смешанной “лесостепной” традицией и северо-причерноморские комплексы линий II и IIIб. Нижнедонская группа (Епифанов) с линией Ша оказывается родственной поволжской. И лишь наиболее массовая северопричерноморская группа линии I заметно отличается от своих крымских и особенно славянских соседей, обнаруживая в то же время, как это ни странно, близость с традициями формирования поясов северокавказского населения.

Возможно, дело просто в хронологии? Ведь несомненно более ранние первые комплекты бляшек поясов могли относиться ко времени бытования других стилей. В таком случае, следуя хронологии крымских геральдических наборов А.И.Айбабина (Айбабин А.И., 1990), нам придется допустить, что все погребенные со щитовидными бляшками с волнистой прорезью получили первый пояс не позже 1-й пол.VII в., а второй, учитывая их возраст (не старше 40 лет), в пределах 3-й четв.VII в. Подобный сценарий, правда, несколько нарушает п.10 к.4 Калининской со стремением с низким ушком (Атавин А.Г., 1996, табл.13, 10), находящим аналогии только в Вознесенке (нач.VIII в.). К поздней группе 6 относит И.О.Гавритухин и ряд крымских комплексов с такими бляшками (Гавритухин И.О., Обломский А.М., 1996, с.66; рис.68а). Ситуация явно сложнее, и, скорее, речь идет не о хронологии, а об идеологии – о сложении традиции первого пояса с фиксированными типами бляшек именно во время проникновения поясов “геральдического” стиля к рассматриваемой нами группе кочевников, т.е. в кон.VI – нач.VII в.

Ранговое значение пояса и поясных бляшек у тюрков фактически общепризнанно, но В.Н.Добжанский обратил внимание на руническую надпись, где подчеркивается ранговое значение конкретных типов бляшек: “На поясе мы водрузили луновидную пряжку. Так как у него была доблесть, то у хана достиг мой бег пряжки тутука” (Добжанский В.Н., 1990, с.49). В данном случае военная доблесть бега и его подданных обусловила их синхронный ранговый рост, вследствие чего бег получил титул тутука и право на ношение “пряжки тутука”, а автор надписи получил право на ношение луновидной бляшки. Тюркские “луновидные” (точнее, сердцевидные) бляшки этого времени, изображенные на изваяниях и найденные в погребениях, напоминают европейские щитовидные бляшки с круглым вырезом, но расположены они в тюркских

поясах иначе – на боку (Кубарев В.Д., 1984, рис.7, 6, 7; Киселев С.В., 1949, табл.Л, 5; Распопова В.И., 1965, рис.1, 32). В наборах их может находиться до 9 экз., а рунические надписи утверждают, что самые доблестные воины могли носить на поясе до 50 бляшек. Утверждать, что и в п.2 к.3 Сивашовки речь идет о тех же “луновидных” бляшках, разумеется, будет крайностью. Но факт получения воином нового поясного набора с тремя бляшками с круглым вырезом однозначно свидетельствует о присвоении ему нового статуса, приобретенного благодаря военной доблести.

Поскольку бляшки с круглым вырезом (рис.49, 10, 26, 27) и бляшки с круглой прорезью (рис.49, 24, 25) не только похожи, но и добавлялись обычно одинаковым комплектом в 3 экз., мы считаем пояса из п.2 к.3 Сивашовки, п.11 к.1 Черноморского, п.10 к.4 Калининской и п.7 к.1 Бережновки I принадлежащим людям одинакового ранга. Такого же ранга, судя по всему, были и погребенные в п.2 к.29 Чапаевского и “Царском кургане”. А вот п.3 к.30 Калининской, где щитовидных бляшек с круглой прорезью оказалось даже меньше, чем в перечисленных погребениях (2) к комплекту добавилась маленькая, но очень значимая деталь – наконечник ремешка с золотой вставкой с грануляцией. Начавшие свою карьеру с такого же серебряного пояса, как и другие воины, погребенные из п.1 и п.2 к.2 Васильевки, п.3 к.5 Виноградного, Арцибашева, п.5 к.4 у хут.Крупской дополнили его уже серебряными деталями с золотыми вставками с грануляцией. Пояса же погребенных из п.5 к.12 Портового, Уч-Тепе, п.1 к.8 Старонижестеблиевской, п.5 к.III Мадары вообще лишены деталей нижних рангов, очевидно, подчеркивая знатность рождения, а не военную доблесть их собственников. Золотые детали пояса свидетельствовали не только о доблести или знатности воина, но и, пожалуй, о более важном обстоятельстве – службе его собственника правителю (хану, кагану) (см. Комар А.В. “Перецепинский комплекс...” в настоящем сборнике). В этом плане погребенные из п.5 к.12 Портового, Уч-Тепе, п.1 к.8 Старонижестеблиевской, п.5 к.III Мадары сразу “следовали за знаменем хана” по праву рождения, тогда как погребенный из п.3 к.30 Калининской достиг этого права, только пройдя все ранги рядовых воинов.

В целом, пояса “геральдического” стиля из кочевнических погребений позволяют выделить 4 главных воинских ранга: I – пояса без бляшек, но с серебряными основными наконечниками, 1-2 наконечниками дополнительных ремешков (наконечники с боковыми вырезами или с прямыми сторонами и треугольной прорезью) и 1 Т-образной бляшкой; II – пояс с 1-2 щитовидными бляшками (бляшки с волнистой, прямой или круглой прорезью) или

“двурогой” бляшкой; III – пояс с комплектом из 3 щитовидных бляшек с круглым вырезом или прорезью, 3 наконечниками дополнительных ремешков или псевдопряжками, а также 1-4 “двурогими” бляшками; IV – пояс с золотыми деталями с грануляцией. Первые три ранга отражают градацию рядовых воинов, и только представители IV ранга принадлежали к знатым военачальникам или должностным лицам.

Согласно иерархии рангов, отраженной в Бугутской надписи, нижняя наиболее массовая прослойка воинов у тюрков именовалась просто “конные воины”, затем следовали тудуны и куркапыны (дословно “держатели пояса” с параллельным значением *qur* – “пояс, чин”), выше – тарханы и шады (шаданы) (Кляшторный С.Г., Лившиц В.А., 1971, с.139-142). Поскольку в перечне не упомянуты главы родов и племен – беги, мы с большой долей вероятности можем определить данную иерархию как происходящую от военной. На одном уровне с куркапынами в перечне фигурируют тудуны, хотя по другим источникам тудуны известны в основном как знатные каганские наместники зависимых областей. Но в данном случае следует вспомнить наличие тудунов не только у каганов, но и у шадов с функциями распорядителей-ревизоров (Мойсей Каганкатваци, 1861, с.128), т.е. “тудунами” назывались представители разных социальных рангов, служившие распорядителями кагана и членов его семьи (йабгу, шадов).

В анализируемой нами системе градаций поясов не вызывает сомнения принадлежность поясов I ранга “конным воинам”, а поясов III ранга – куркапынам. Пояса IV ранга явно принадлежали тарханам, а наличие золотой детали в п.3 к.30 Калининской может быть связано с занятием воином должности тудуна при ранге куркапына. Сложнее позиционировать пояса II ранга. С одной стороны, пояса II ранга относятся к начальным, с них начинаются пояса куркапынов и тарханов. С другой стороны, эти люди явно выделялись на фоне обычных “конных воинов”, что заставляет нас вспомнить и существование общетюркской традиции деления войск на отряды по 10, 40, 50, 100, 1000, 10000 человек. Военные ранги назывались соответственно численности отряда: он баши, кырк баши, элиг баши, джюс баши, бынга баши, тюмен баши, общий же термин “начальник отряда” – *qoq başu* (Сравнительно-историческая грамматика ..., 2001, с.567, 568). С.Г.Кляшторный считает формы *qurqarın* и *qoqarın* параллельными (Кляшторный С.Г., Лившиц В.А., 1971, с.142), поэтому взаимосвязь значений титула “куркапын” – “держатель отряда/чина/пояса” выглядит вполне закономерной. Таким образом, ранг куркапына получал уже младший начальник отряда – он баши (десять-

ник), затем он становился кырк баши (командиром сорока). Судя по историческим примерам, сотней командовали уже только представители знатных родов (тарханы и беги). Термин *elig başu* (командир пятидесяти), вероятно, не случайно звучит одинаково с древнетюркским *elig* – “правитель”, т.е. это также должность знатных воинов – тарханов. Очевидная параллель системы дополнения щитовидных бляшек пояса “1 + 3” у рассматриваемой нами группы кочевников с тюркской системой организации войск наталкивает на предположение, что щитовидные бляшки отражали военный ранг куркапына: 1 бляшка – он баши; 4 – кырк баши. В комплексе из “Царского кургана” щитовидных поясных бляшек 5, но это – кенотаф, поэтому установить, находились ли все бляшки на поясе, невозможно, также как и принадлежность их всех одному человеку. Остальные погребения свидетельствуют в пользу того, что ранг элиг баши обозначался все же золотым поясом (п.3 к.5 Виноградного, Арцибашев, п.5 к.4 у хут.Крупской), разумеется, так же как пояс джюс баши (п.2 к.2 Васильевки, Уч-Тепе, п.5 к.III Мадары).

Таким образом, в тюркской системе рангов погребенный из п.2 к.3 Сивашовки носил титул куркапына и военное звание кырк баши. Свою военную карьеру он, несомненно, начал рядовым воином, но продолжил ее сначала в ранге он баши, получив пояс куркапына и первую щитовидную бляшку с серповидной прорезью, затем его повысили до ранга кырк баши. Учитывая молодой возраст погребенного, можно не сомневаться, что перед нами погребение талантливого, удачливого и смелого командира.

Детали обуви

1. Железная подтрапециевидная пряжка (рис.13, 18). Широкая сторона пряжки округлая, сечение полукруглое. Язычок узкий, выступает за край рамки, на заднем конце – выступ-фиксатор. Размеры рамки – 2,3x1,6 см, прорезь – 1,1-1,2 см. Пряжка крепилась к ремню при помощи медной “заклепки” с шайбочкой (рис.13, 11), диаметр шляпки – 0,6 см.

Пряжку четкой трапециевидной формы можно отметить на поясе из п.2 к.3 Сивашовского (рис.32, 1), а серия похожих пряжек известна в могильнике Алтынасар в Восточном Приаралье (Левина Л.М., 1996, рис.121, 16, 20; 122, 1-3, 15).

2. Железная овальная пряжка (рис.13, 17). Внутренний контур подтрапециевидный, сечение уплощенное, язычок узкий, с небольшим выступом-фиксатором на заднем конце. Размеры рамки – 2,2x1,6 см, прорезь – 1,1 см. Пряжка крепилась к

ремню аналогично предыдущей при помощи такой же медной “заклепки”.

Железные овальные пряжки в синхронных кочевнических комплексах преимущественно все с плоскими язычками без выступов-фиксаторов. Близкую же пряжку с аналогичным язычком можно отметить лишь в п.2 к.2 Сивашского (рис.32, 7), более отдаленные – в к.149, 404 могильника Алтынасар в Восточном Приаралье (Левина Л.М., 1996, рис.122, 14).

3. Серебряные пряжки с трапециевидной рамкой и щитовидным щитком с вырезами – 2 экз. (рис.12, 21, 22; 13, 20, 21). Литые, выполнены в разных формах. Язычок на одной из пряжек отсутствует, на другой – узкий, охватывающий рамку, на заднем конце имеет выступ-фиксатор. Щиток крепился к ремню при помощи двух шпеньков. Размеры: 2,1x1,8 см; 2x1,8 см; ширина прорези – 1,2 см.

Аналогичные пряжки найдены в целом ряде погребений Крыма – склепы 420, 422, 486 Скалистого (Веймарн Е.В., Айбабин А.И., 1993, рис.71, 12; 72, 9; 75, 2; 90, 4) и Северного Кавказа – п.144 Бжида, п.167 Борисово, п.401 Дюрсо, кат.16 Чми, кат.107, 117 Мокрой Балки (Археология. Крым ..., 2003, табл.77, 75; 78, 81; 83, 12; Гавритухин И.О., Обломский А.М., 1996, рис.82, 94; 87, 13, 103); в синхронных кочевнических погребениях пряжки этого варианты были в п.3 к.5 Виноградного (Орлов Р.С., Рассемакин Ю.Я., 1996, рис.5, 13) и в п.1 к.111 Бережновки II (Синицын И.В., 1960, рис.39, 14).

4. Серебряные двущитковые бляшки с U-образными прорезями – 2 экз. (рис.12, 18; 13, 9). Литые, крепились к ремню при помощи двух шпеньков, слегка расклепанных на концах. Размеры – 2,7x1,3 см.

Единогo названия бляшки в литературе не имеют. По А.И.Айбабину, это “бобовидные” бляшки варианта 2 (Айбабин А.И., 1990, с.54; рис.51, 14, 15); по Ч.Балинту – “симметричные щитовидные” бляшки “восточноевропейской группы” (Balint Cs., 1992, S.426; Taf.44, 15, 21); по И.О.Гавритухину – “горизонтальносимметричные” накладки типа 3 варианта 3г (Гавритухин И.О., Обломский А.М., 1996, с.27, 28; рис.40, 32-34). В классификации В.Б.Ковалевской подобные бляшки относятся к отделу 34, но именно такого типа исследовательница не выделяла (Ковалевская В.Б., 2000, с.159). Кочевнические аналогии ограничиваются п.2 к.2 Сивашского (рис.32, 11), п.10 к.2 Рисового (Щепинский А.А., Черепанова Е.Н., 1969, рис.52, 10) и “Царским курганом” (Атавин А.Г., 1996, табл.17, 11), более отдаленный вариант – бляшки из п.12 к.1 Дмитровки (см. нашу публикацию в настоящем сборнике); география внешних аналогий охватывает Крым, Северный Кавказ и Среднее Поволжье. Более дорогим вариантом подобных бляшек мож-

но считать экземпляры с U-образными вставками на месте прорезей из к.14 Белозерки (Скадовский Л.Г., 1897, рис.48) и п.3 к.5 Виноградного (Орлов Р.С., Рассемакин Ю.Я., 1996, рис.3, 24; 4, 2). В погребениях из Белозерки, Рисового, Виноградного, Дмитровки подобные бляшки украшали обувь. Предназначение бляшки в “Царском кургане” не известно, поскольку комплекс был кенотафом, а в п.2 к.2 Сивашского бляшка украшала ремешок портупеи боевого ножа.

5. Серебряные обоймы – 2 экз. (рис.12, 19; 13, 13). Литые с проковкой, щиток подэллипсоидный, по центру щитка – гвоздик с полусферической шляпкой. Высота – 2,3 см, ширина щитка – 1,2 см, ширина обоймы – 0,7 см.

Обоймы данного варианта представлены в п.2 к.3 Иловатки (Смирнов К.Ф., 1959, рис.7, 9, 11), п.1 к.1 Авилковского (Синицын И., 1954, рис.3, 3), Зиновьевке (Рыков П., 1929), к.17 Наташино (Баранов И.А., 1990, рис.39, 20, 21, 24). Аналогии, как обычно, известны в Крыму – склеп 325 Скалистого (Веймарн Е.В., Айбабин А.И., 1993, рис.48, 36) и на Северном Кавказе – п.144 Бжида, кат.16 Чми, кат.37, 107 Мокрой Балки (Археология. Крым ..., 2003, табл.77, 78; Афанасьев Г.Е., Рунич А.П., 2001, рис.55, 7; 119, 10), причем прототипы относятся еще к концу V в. (Афанасьев Г.Е., Рунич А.П., 2001, рис.137, 8).

6. Коробчатые серебряные наконечники вытянутой U-образной формы – 2 экз. (рис.12, 28; 14, 2, 3). Спаяны из двух пластин и узкого ободка; на внешней пластине – прорезь в виде “замочной скважины”. Крепились к ремню, пропускавшемуся вовнутрь, одной заклепкой. Размеры – 3,4x1,1x0,25 см, 3,3x1,1x0,25 см.

Наконечники явно представляют собой миниатюрные вариации больших поясных наконечников этой же конструкции. Небольшие коробчатые наконечники с такой же прорезью были в п.476 Дюрсо (Дмитриев А.В., 1982, рис.12, 44) и п.3 Цибилиума (Воронов Ю.Н., Шенкао Н.К., 1982, рис.22, 9, 10); в кочевнических погребениях коробчатые обувные наконечники отмечены в п.2 к.3 Сивашского (рис.32, 16, 17) и п.10 к.2 Рисового (Щепинский А.А., Черепанова Е.Н., 1969, рис.52, 9).

7. Небольшие серебряные коробчатые наконечники U-образной формы – 2 экз. (рис.12, 27; 14, 5). Аналогичны по конструкции предыдущим, но пропорционально короче и без прорези на пластинах. Размеры: 1x0,8x0,3 см.

8. Сдвоенные заклепки (рис.12, 26; 13, 6). Две заклепки с круглыми серебряными шляпками диаметром 0,7 см, соединенные медной пластинкой размерами 1,5x0,5 см.

9. Медная “заклепка” с круглой шляпкой. Шляпка диаметром 0,7 см, с обратной стороны

припаян шпенек с медной шайбочкой, которыми бляшка скрепляла ремень.

Реконструкция обуви

Вариант реконструкции обуви из п.2 к.3 Сивашовки уже был предложен П.Л.Корниенко и А.В.Симоненко (Давня історія України, 1995, с.77), но в силу популярного статуса издания, без научного комментария. Указанная реконструкция вызывает ряд возражений: очень завышена высота сапога, неверно расположение пряжек и обоймы на левом сапоге. Вероятнее всего, в ее основу была положена сасанидская модель жесткого сапога (Луконин В.Г., 1977, с.167, 169, 209).

Остатки кожи, прослеженные на ногах скелета в п.2 к.3 Сивашовки, указывают на тип мягкого сапожка, плотно облегающего ногу, что достигалось при помощи обхвата ступни кожаными ремешками. Ремешки, обхватывающие голенище сапога, судя по расположению пряжек (рис.8, 5; 17, 2, 5),

находились на уровне чуть выше эпифизов костей голени, примерно на высоте 11-12 см. Оба ремешка и правого, и левого сапога ориентированы слева направо; застегивались спереди, но обе пряжки смещены на внутреннюю сторону ступни, а наконечники ремешков наоборот вынесены на внешнюю сторону (рис.8, 6; 17, 3, 6).

Второй ремешок располагался ниже “косточки”. Он застегивался при помощи серебряной пряжки, расположенной с внешней стороны ступни, соответственно ремешок левого сапога был ориентирован слева направо, а правого – справа налево. Оба серебряных наконечника свисали здесь же, с внешней стороны ступни (рис.8, 6; 17, 9). Впереди на подъеме левой ноги ремешок украшался двуштитковой бляшкой (рис.8, 8; 17, 7). На правой ноге такой бляшки не обнаружено, а найдена комплектная бляшка, как уже упоминалось выше, на заплечике возле скелета лошади. К данному ремешку в районе пряжки был пришит конец еще одного ремешка, пропускавшегося под ступней, второй конец которого при помощи обоймы крепился к рем-

Рис. 17. Погребение 2 к.3 Сивашовки. Расположение in situ деталей обуви: 1 – двоянные серебряные и бронзовая заклепки; 2, 5 – железные пряжки с бронзовыми заклепками; 3, 6, 9 – серебряные наконечники; 4, 8 – серебряные обоймы; 7 – серебряная бляшка.

Fig. 17. Burial 2 of Sivashovka barrow 3. Arrangement of parts of footwear in situ: 1 – twin silver and bronze rivets; 2, 5 – iron buckles with bronze rivets; 3, 6, 9 – silver ferrules; 4, 8 – silver beackets; 7 – silver plaque.

ню с внутренней стороны ступни (рис.8, 7; 17, 4, 8). Обоймы были сдвинуты ближе к пятке.

С внешней стороны правой ноги располагались также сдвоенные серебряные и медная заклепка (рис.8, 3, 9; 17, 1). На левой ноге такого комплекта не было – похоже, они не принадлежали к функционально важным в конструкции бандажа сапога или даже не принадлежали самому сапогу, поскольку существовали еще и ремешки, стягивавшие внизу штанины.

Графическая реконструкция левого сапога представлена на рис.16. Мы видим, что в отличие от иранской традиции бандажа сапог, просуществовавшей как минимум от V в. до н.э. до VIII в. н.э. (Луконин В.Г., 1977, с.75, 169), обхватывающий ступню снизу ремешок смещен не к подъему ступни, а к пятке. Очень близкий принцип находим на фреске византийской базилики последней трети VI в. из Киссуфима в Палестине (Balint Cs., 2000, Taf.6, 1) и в п.3 Цибилума в Абхазии (Воронов Ю.Н., Шенкао Н.К., 1982, рис.22, 4). В последнем вместо обойм в точке пересечения ремешков под “косточкой” располагались “трехлопастные” бляшки, частые в погребениях VII – нач.VIII в. Крыма, особенно в Скалистом (Айбабин А.И., 1990, рис.51, 44, 47, 52, 53). Такие же бляшки украшали обувь погребенного из к.14 Белозерки (Скадовский Л.Г., 1897, рис.47), а в п.7 к.7 Христофоровки (Prichodnyuk O., Fomenko V., 2003, fig.1, 6, 7) они оказались в районе левой руки; еще одна бляшка найдена в поминальном комплексе из Вознесенки. Знакомство рассматриваемой группы кочевников с византийской обувью, таким образом, несомненно, но его влияние все же больше отразилось не в прямом заимствовании византийского бандажа, а в перенимании более удобного принципа пропускания ремня под “косточкой”.

На фоне других синхронных кочевнических погребений обувь из п.2 к.3 Сивашовки представляет собой редкий вариант, поскольку крепилась она двумя пряжками вместо одной. Также редкая особенность – использование только одной обоймы для крепления нижнего ремешка сапога вместо традиционных двух. Только две обоймы найдены и в п.2 к.3 Иловатки, возможно, здесь нижние ремешки крепились похожим принципом: один край подвижный, другой нет.

Клинковое оружие

Комплект клинкового оружия из погребения включал однолезвийный меч и нож.

1а. Меч (рис.18, 1) однолезвийный, острие на протяжении 20 см имеет двустороннюю заточку; без признаков кривизны. Общая длина – 105 см,

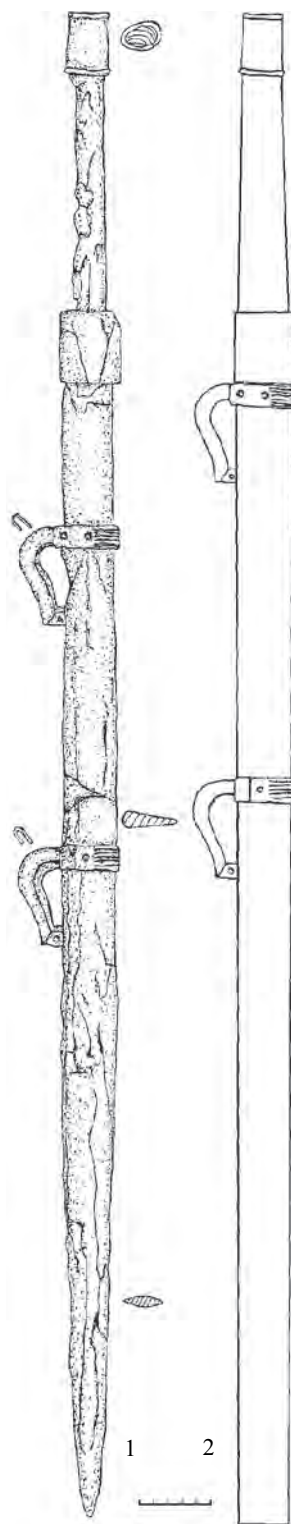

Рис. 18. Погребение 2 к.3 Сивашовки. Меч: 1 – клинок с серебряными деталями рукояти и ножен; 2 – реконструкция вида меча в ножнах.

Fig. 18. Burial 2 of Sivashovka barrow 3. A sword: 1 – a blade with silver parts of a handle and a sheath; 2 – a reconstruction of view of a sword in a sheath.

длина клинка (без перекрестья) – 75 см, максимальная ширина клинка – 4 см; длина рукояти – 20 см, ширина – 2 см. Рукоять уплощенная, закрывалась двумя деревянными сегментовидными в сечении дощечками, скрепленными сквозной железной заклепкой, и сверху покрывалась обмоткой. Верх деревянной части рукояти покрывался ободком из серебряной прокатанной пластины шириной 4 см, свернутой в цилиндр и закрепленной при помощи серебряного гвоздика, создающей впечатление наличия навершия. На клинке у основания рукояти и возле него найдены две части железной прямоугольной пластины шириной 4 см и длиной 5 см, согнутой пополам. Учитывая толщину предмета в согнутом состоянии и его плотность прилегания к клинку, следует исключить версию о верхней железной оковке ножен. Очевидно, это разновидность перекрестья, накованного на клинок без кузнечной сварки с целью его утолщения у рукояти.

Ножны длиной 75 см, состояли из двух деревянных дощечек, обитых коричневой кожей, возможно, со свисающими ремешками. Один из таких ремешков, украшенный тисненным “плетеным” орнаментом, сохранился у устья ножен. С другой стороны, это вполне мог быть и основной ремень португали. На рисунке (рис.18, 1) петли ножен уже смещены со своих мест, но, согласно отчетной информации, верхняя скоба располагалась на расстоянии 25 см от верха рукояти, т.е. сразу ниже перекрестья, а вторая – на расстоянии 50 см, т.е. выше слома (18, 2). Серебряные петли состояли из двух прокатанных полосок шириной 1,2 см, охватывавших ножны и крепившихся медными гвоздиками, и P-образных скоб, каждая из которых была выполнена из двух P-образных пластин размерами 6,5х3 см, запаянных узкой пластинкой с торца. Внутри вкладывались тонкие деревянные дощечки, к которым крепился ремень португали.

Серия находок клинкового оружия из кочевнических погребений Восточной Европы пока небольшая – п.3 к.5 Виноградного, Арцибашев, п.4 к.1 Изобильного, п.5 к.12 Портового, Епифанов, п.5 к.4 хут.Крупской, п.2 к.29 Чапаевского, Уч-Тепе, п.12 к.1 Верхне-Погромного I. В к.16 Наташино и п.12 к.1 Верхне-Погромного I сохранились лишь обломки однолезвийных клинков. В п.5 к.12 Портового, по описанию, находился двулезвийный меч (Щепинский А.А., 1966, с.53), что подтверждается рисунком из архива И.А.Баранова⁴; также двулезвийный меч был и в п.5 к.4 хут.Крупской (Атавин А.Г., 1996, табл.3, 10), но с рукоятью другой формы, позволяющей отнести его в разряд протопалашей. Однолезвийные протопалаша со смещенным к лезвию черенком рукояти найдены в разру-

шенных погребениях из Подонья – в Арцибашеве (Монгайт А.Л., 1951, рис.42) и Епифанове (Безуглов С.И., 1985, рис.1, 1). В п.3 к.5 Виноградного (Орлов Р.С., Рассамкин Ю.Я., 1996, рис.5, 9), п.2 к.29 Чапаевского (Атавин А.Г., 1996, табл.5, 1), п.4 к.1 Изобильного (Колотухин В.А., 1991, рис.18) и Уч-Тепе (Иессен А.А., 1965, рис.25; 26, 1) находились однолезвийные мечи с рукоятями без наклона к клинку. Ни у одного из указанных мечей не было перекрестья и двулезвийного острия, а длинная рукоять отмечена только у клинков из Арцибашева и п.3 к.5 Виноградного.

Чем объясняется специфика меча из Сивашовки? Элемент первый – двулезвийное острие – характерен для классической салтовской сабли, появляющейся не ранее 2-й четв. VIII в. По мнению Ч.Балинта, двусторонняя заточка острия наблюдается и на фотографии клинка из Уч-Тепе после его реставрации (Balint Cs., 1992, S.332; Taf.23, 3), но эту информацию не подтверждают ни А.А.Иессен (Иессен А.А., 1965, с.174), ни А.И.Семенов (Семенов А.И., 1987, с.60). У авар Ч.Балинт относит появление сабли с двулезвийным острием из п.Х Тарнамера-Урак-дюле к концу раннеаварского периода (Balint Cs., 1992, S.339; Taf.23, 4), но тип перекрестья не дает возможности датировать ее раньше II среднеаварского периода, что подтверждается и анализом времени бытования поясных бляшек из указанного комплекса (Гавритухин И.О., 2001в, с.111-113). Более продуктивным в нашем случае выглядит обращение к данным разреза подарочно-перещепинского клинка, показавшим у него наличие двулезвийного острия (Залеская В.Н. и др., 1997, с.128). Образцом для изготовления данного меча, скорее всего, стали согдийские прототипы (Залеская В.Н. и др., 1997, с.70).

Второй элемент, который также заставляет вспомнить подарочный перещепинский меч, – перекрестье в виде накованной согнутой пластины. Перекрестья такого типа известны в Северном Причерноморье только на указанном мече из Перещепины (Залеская В.Н. и др., 1997, с.127), а у авар – на серии таких же мечей с кольцевым навершием I и II среднеаварских периодов – Кунбабонь, Сегед-Ченгеле, Кечкемет и др. Рассматриваемые перекрестья узкие, фактически нефункциональные, закрыты декоративными обкладками, имитирующими крестовидное перекрестье. В Сивашовке перекрестье широкое, но не защищающее руку, а скорее всего, утяжеляющее, накованное для балансировки длинного меча. По мнению М.В.Горелика, длинная рукоять при отсутствии тяжелого компенсирующего навершия преследовала те же цели (Восточный Туркестан ..., 1995, с.390). Взаимосвязь длины ру-

⁴ Благодарим за информацию В.И.Баранова.

кояты с общей длиной меча в нашем случае действительно возможна для экземпляров из п.3 к.5 Виноградного (0,21 и 1,07 м), Сивашовки (0,2 и 1,05 м), Арцибашева (0,16 и 1,04 м), но у самого длинного меча из Уч-Тепе (1,085 м) рукоять оказалась длиной лишь 15,5 см, т.е. данное объяснение все же не универсально. У авар все мечи раннеаварского времени выполнены с короткими рукоятями, иногда даже очень короткими (Garam E., 1987, Taf.17, 2). Длинные рукояти еще с V в. имели двулезвийные германские мечи, известные и на территории Аварского каганата в могильниках гепидского круга (Гавритухин И.О., 2001в, рис.30, 12; 37, 15; 50, 18), в собственно же аварских погребениях мечи с длинными рукоятями появляются только во II среднеаварском периоде (горизонт Игара) вместе с изогнутыми саблями и перекрестиями, как считается, под влиянием нового культурного импульса (Гавритухин И.О., 2001в, рис.50, 1, 2). В это же время длинные рукояти фиксируются в Глodosax (Амброз А.К., 1986, рис.4, 1) и п.248 Дюрсо (Археология. Крым ..., 2003, табл.86, 1, 2), кат.113 Мокрой Балки (Рунич А.П., 1977, рис.3, 28). В VII в. длинные рукояти хорошо известны по согдийским фрескам Пенджикента (Беленицкий А.М., 1973, с.21, 31, 32; илл.10) и Афрасиаба (Аржанцева И.А., 1987, рис.1, 4), причем в последнем на изображениях послов из Восточного Туркестана. Длинные рукояти мечей действительно наиболее характерны именно для этого региона (Восточный Туркестан ..., 1995, с.390; табл.49), но в нашем случае предполагать прямое влияние традиции вооружения Восточного Туркестана на восточноевропейских кочевников довольно трудно. Скорее, речь идет о некой “восточной традиции” балансировки, отражение которой можно увидеть и в японских мечах этого времени (Гавритухин И.О., Иванов А.Г., 1999, рис.11, 1, 2), и в позднеасанидском мече из музея Метрополитен (Balint Cs., 1978, fig.4, 1), напоминающем по стилю оформления ножен меч из Глodos, и на мече иранской традиции из Тепе Шерах Али (Гавритухин И.О., Иванов А.Г., 1999, рис.11, 4).

Декоративное оформление меча из п.2 к.3 Сивашовки менее эклектично. Рукоять украшена просто – обертыванием прокатанной серебряной полоской ее конца, а ножны декорировались серебряными обкладками Р-образных петель. Такое же визуальное “навершие” и подобные Р-образные скобы имели мечи из п.3 к.5 Виноградного (Орлов Р.С., Рассемакин Ю.Я., 1996, рис.5, 1, 4, 5), Арцибашева (Монгайт А.Л., 1951, рис.44, 4, 5), п.2 к.29 Чапаевского (Атавин А.Г., 1996, табл.5, 2, 3) и Уч-Тепе (Иессен А.А., 1965, рис.25; 26, 1), т.е. все самые длинные из известных экземпляров. Но оформление Р-образных петель ножен не одинаково: по

конструкции выделяются петли в виде “ободка” (п.3 к.5 Виноградного, Арцибашев) и со сплошным покрытием лицевой части (п.2 к.29 Чапаевского, Уч-Тепе). Р-образные скобы в виде “ободка” в это время зафиксированы в Перещепинском комплексе (Залеская В.Н. и др., 1997, кат.82, 83), у славян в Мартыновском кладе (Pekarskaja L.V., Kidd D., 1994, Taf.21, 2), в п.62 Борисово (Саханев В., 1914, табл.1, 14), а также в целой серии раннеаварских погребений: Сегвар, п.212 Гатера, п.1 Чока, п.75 Кёрнье, п.68 Вишнека, п.1 Терекбалинта и др. (Bona I., 1980, Abb.9, A, B; Török G., 1975b, fig.6, 1; Garam E., 1987, Taf.17, 2). По форме сивашовские скобы в целом попадают в “восточноевропейскую” группу, по А.К.Амброзу (Амброз А.К., 1986, с.56), с нечетко выделенной “ножкой”. С другой стороны, внутренний контур выреза сивашовских петель также Р-образный. В кочевнических комплексах Р-образный внутренний вырез с резко выделенной “ножкой” наблюдаем в Арцибашево и Перещепине; плавный вырез, но со слишком слабо выраженной Р-образностью, есть на одной из скоб из Мартыновского клада (Pekarskaja L.V., Kidd D., 1994, Taf.21, 2); ближайшие же по форме Р-образные петли известны в комплексе II среднеаварского периода из Мадараша, но они богато декорированы тиснением (Fettich N., 1926, Taf.III).

Таким образом, меч из п.2 к.3 Сивашовки по типу клинка и перекрестья оказывается ближе всего мечу с кольцевым навершием согдийской традиции из Перещепины и аналогичным аварским экземплярам I среднеаварского периода, тогда как по длине и оформлению рукояти ему ближе всего мечи из п.3 к.5 Виноградного и Арцибашева. В оформлении ножен сивашовский меч также оказывается наиболее близким мечам из п.3 к.5 Виноградного и Арцибашева, но ему также близки по форме петли из Мадараша II среднеаварского периода.

К сожалению, у нас нет достоверной информации о *портупее*, но обряд срывания петель ножен, отмеченный в Иловатке и Чапаевском, вполне возможно, отражал именно срывание ремня портупеи. В таком случае, и в п.2 к.3 Сивашовки портупея могла сохраниться в отделенном виде. Наличие такого ремня подсказывает не совсем логично расположенные на уровне конского скелета Т-образная бляшка и серебряная пряжка (рис.3, 14, 16), аналогичная порупейным колчана. В п.3 к.5 Виноградного подобный же набор из пряжки с трапециевидной рамкой и Т-образной бляшки располагался возле меча, но был ошибочно интерпретирован как портупея колчана, никаких следов которого (даже стрел) в погребении на самом деле не было (Орлов Р.С., Рассемакин Ю.Я., 1996, с.113; рис.5, 11, 13). А в п.30 Борисово на ножнах меча располагались сразу две Т-образные бляшки (Саханев В., 1914, с.85).

Таким образом, у нас все же есть основания отнести к портупей мече серебряные пряжку и Т-образную бляшку, хотя внешний облик самой портупей по этим деталям достоверно реконструировать нельзя. Следует обратить внимание и на железную пряжку, найденную у левого колена погребенного (рис.56, 16), которая также могла принадлежать портупее мече. Впрочем, в п.7 к.1 Костогрызово пряжка близких размеров, найденная с внутренней стороны левого бедра, принадлежала ремешку крепления ножен боевого ножа.

16. Серебряная пряжка с трапециевидной рамкой и трапециевидным щитком (рис.12, 23; 13, 19). Вылита из низкопробного серебряного сплава; язычок узкий, железный, плотно прилегает к рамке. Крепилась к ремню при помощи шпенька и медной шайбочки. Длина – 1,8 см, размеры рамки – 0,8x1,6 см, щитка – 0,8x1,1 см, прорезь рамки – 1 см.

По А.И.Айбабину, пряжка с трапециевидной рамкой типа I варианта 9 (Айбабин А.И., 1990, с.49; рис.46, 25). Аналогичные пряжки распространены не только в Крыму, но и на Северном Кавказе, и в Приуралье (Гавритухин И.О., Обломский А.М., 1996, рис.80, 17; 81, К; 89, 59, 60). Из находок в кочевнических комплексах ближе всего пряжки из “Царского кургана” (Атавин А.Г., 1996, табл.16, 4), п.5 к.12 Портового (Баранов И.А., 1990, рис.40, 17) и Зиновьевки (Рыков П., 1929).

1в. Серебряная Т-образная бляшка (рис.12, 7; 13, 2). Литая, на щитке U-образная прорезь; пряжка крепилась к ремню при помощи двух шпеньков с медными шайбочками. Высота – 3 см, ширина – 2,1 см. По типу аналогична рассмотренной выше поясной Т-образной бляшке.

1г. Железная петля (рис.19, 6). Длина – 2,5 см, ширина петли – 1,8 см, ширина прорези – 0,8 см, толщина – 0,4 см.

Местонахождение предмета в отчете не указано, но его принадлежность ножнам определяется благодаря наличию таких петель в п.3 к.5 Виноградного (Орлов Р.С., Рассемакин Ю.Я., 1996, рис.5, 8) и п.3 к.5 Заплавки (Шалобудов В.Н., 1983, рис.1, 5). В аварском погребении из Кечкемета подобной петлей (Toth E.H., 1980, Abb.17) крепился к портупее колчан, с восточноевропейскими находками ее объединяет не только форма, но и расположение в нижней части колчана, в то время как в Виноградном и Заплавке железная петля находилась у нижнего выступа ножен. Еще одна похожая петля найдена в к.80 Чир-Юрта (Магомедов М.Г., 1983, рис.19, 12), но ее местонахождение точно не ясно. Мы полагаем, что в п.2 к.3 Сивашовки петля так же как и в п.3 к.5 Виноградного находилась у нижнего Р-образного выступа ножен, и к ней крепился ремешок портупей.

1д. Овальная железная пряжка (рис.13, 16). Рамка слегка утолщена на переднем конце, в сечении подовальная. Язычок широкий, с выступом-фиксатором на заднем конце. Размеры рамки – 3x2,3 см. Пряжка аналогична по типу рассмотренной выше овальной обувной пряжке.

2. Боевой нож с узким лезвием и широким черешком (рис.19, 9). В сечении клиновидный, черешок плоский. Общая длина – 18,3 см, длина клинка – 13,3 см, длина черешка – 5 см, ширина клинка – 2 см. Судя по остаткам дерева, имел деревянную ручку и был вложен в деревянные ножны.

Боевые, а точнее, универсальные ножи, служившие одновременно для разных целей, присутствовали в целом ряде синхронных кочевнических погребений, но непосредственно к тому же варианту, что и сивашовский, принадлежат только ножи из п.2 к.3 Сивашовского (рис.32, 28), п.1 к.3 Малой Терновки (рис.40, 2), п.2 к.5 Родионовки (рис.46, 5), п.5 к.4 хут.Крупской (Атавин А.Г., 1996, табл.3, 1), Уч-Тепе (Иессен А.А., 1965, рис.25; 26, 1); заметно короче (около 14 см) экземпляры из п.12 к.7 и п.1 к.8 Христофоровки (Prichodnyuk O., Fomenko V., 2003, fig.2, 5; 3, 5). Близкий нож найден в аварском погребении II среднеаварского периода из Кечкемета (Toth E.H., 1980, Abb.25).

Снаряжение лучника

Представлено сложносоставным луком и колчаном со стрелами.

1. Сложносоставный лук сохранился плохо, его остатки представлены лишь фрагментированными роговыми накладками.

1а. Концевая накладка (рис.20, 4). Дуговидной формы, нижний конец обломан. По внутреннему краю и снизу также по внешнему – густая насечка, с внутренней стороны – борозды для склейки. Сохранившаяся длина – 22 см, реконструируемая полная – 25,5-28 см; ширина – 2 см; вырез для тетивы – на расстоянии 1,3 см от края.

1б. Фрагменты двух срединных боковых накладок (рис.20, 1, 3). Трапециевидной формы, оба конца обломаны, но по сохранившимся фрагментам видно, что они были густо покрыты насечкой, борозды для склейки покрывали также накладки и с обратной стороны. Ширина – 3 см, сохранившаяся длина экземпляров – 13,5 и 20,5 см, реконструируемая полная – 26-28 см.

1в. Тыльная фронтальная накладка (рис.20, 2). Подпрямоугольной формы, но расширяется на концах, на которых с обратной стороны – насечки для склейки. Сохранилась почти полностью: ширина – 1-1,5 см, длина – 17 см.

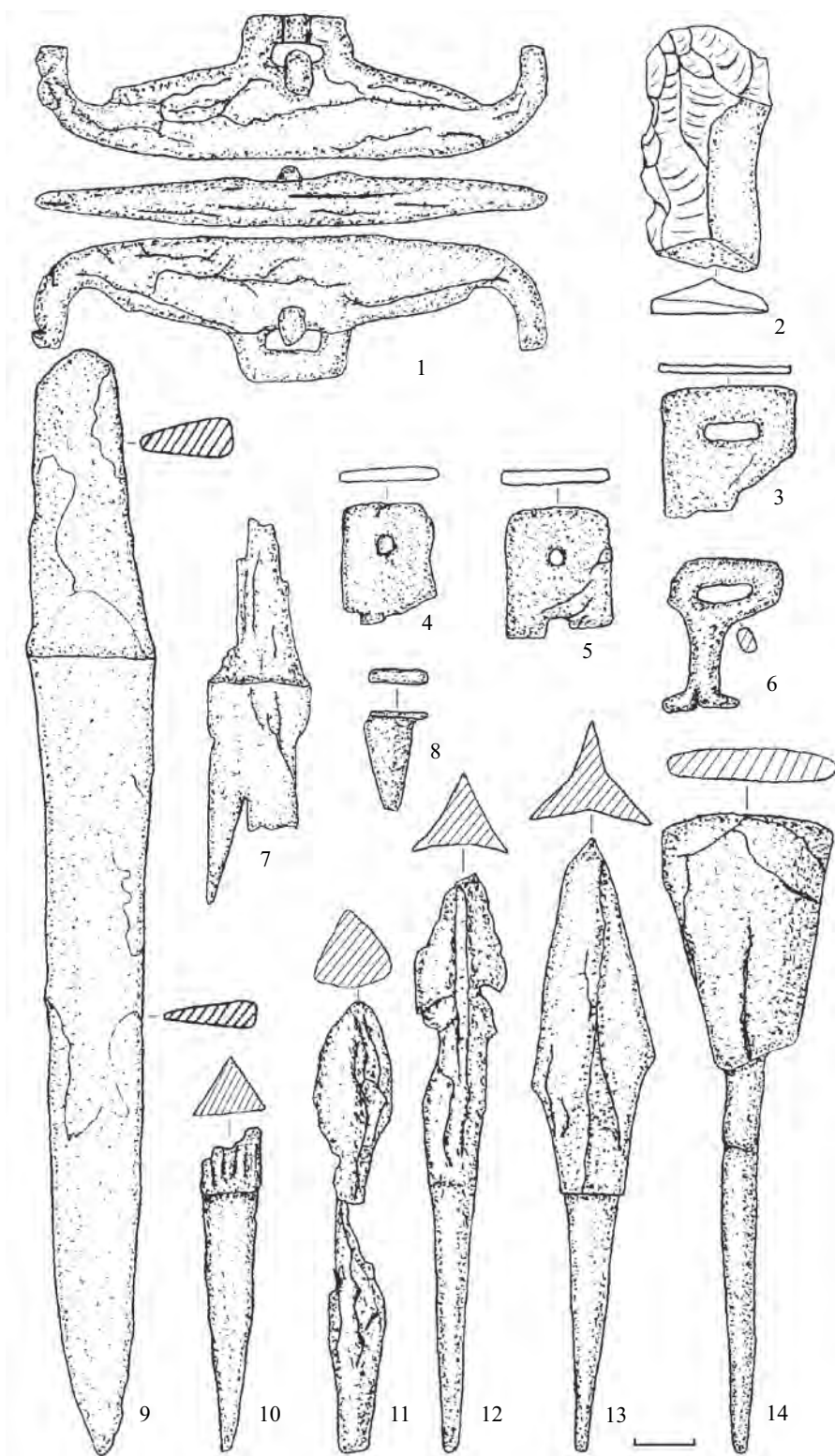

Рис. 19. Погребение 2 к.3 Сивашовки. Предметы из комплекса: 1 – кресало; 2 – кремь; 3 – кожаное ушко кисета; 4, 5 – железные обоймы; 6 – железная петля ножен; 7 – нож; 8 – железный клинышек; 9 – боевой нож; 10-14 – железные наконечники стрел.

Fig. 19. Burial 2 of Sivashovka barrow 3. The items from a complex: 1 – a fire steel; 2 – a flint; 3 – a leather ear of a pouch; 4, 5 – iron beakets; 6 – an iron loop of a sheath; 7 – a knife; 8 – a little iron wedge; 9 – a battle-knife; 10-14 – iron arrowheads.

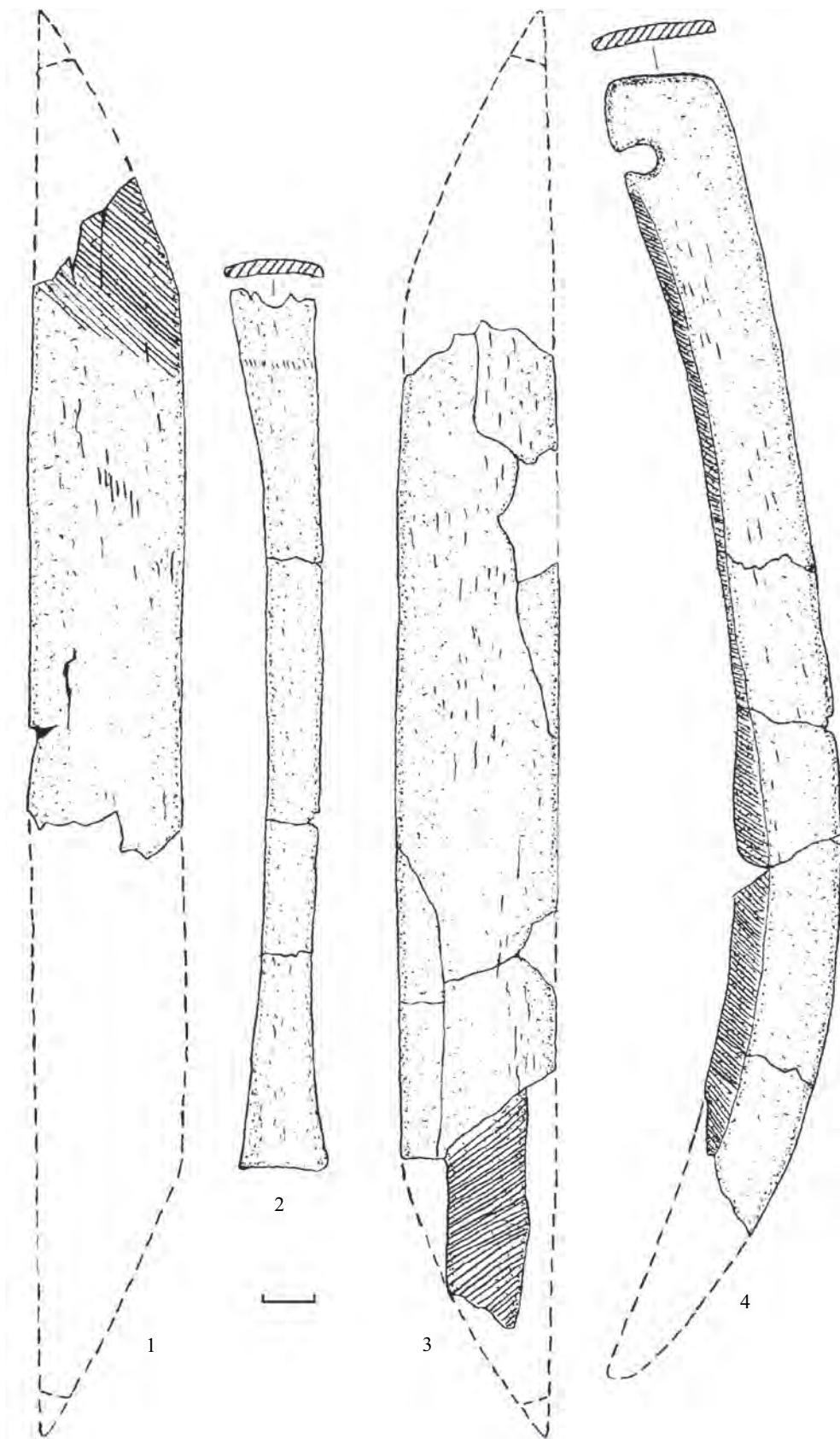

Рис. 20. Погребение 2 к.3 Сивашовки. Роговые накладки лука.
Fig. 20. Burial 2 of Sivashovka barrow 3. Horn cover plates of a bow.

Судя по описанию, деревянная часть рукояти была склеена из двух частей. Реконструируемая пропорция рукояти к длине концевых накладок – 1 : 0,9-1.

По форме накладок лук из п.2 к.3 Сивашовки принадлежит к хорошо изученному “гунно-болгарскому” типу, по терминологии А.М.Савина и А.И.Семенова (Савин А.М., Семенов А.И., 1995; 1998; 1999), поддержанной И.Л.Измайловым (Измайлов И.Л., 1998), или к “тюрко-хазарскому” типу, по терминологии Е.В.Круглова (Круглов Е.В., 2004б). В рамках самого типа Е.В.Круглов выделяет две типологические группы (А, Б) и группу неопределимых луков (В). Лук из п.2 к.3 Сивашовки тяготеет к группе А-1, несмотря на несохранившиеся фронтальные концевые накладки.

По оформлению окончания концевых накладок (округлые или ровные) сивашовским ближе накладки из п.2 к.2 Сивашовского (рис.34, 1, 5, 6), п.12 к.13 Рисового (Щепинский А.А., Черепанова Е.Н., 1969, рис.83, 11) и к.1 Авилковского (Синицын И.В., 1954, рис.2; 2а), а также нижние концевые накладки из п.12 к.7 Христофоровки (Prichodnyuk O., Fomenko V., 2003, fig.2, 14-15). Накладки подобного облика хорошо известны и у авар (Garam E., 1992, Taf.19, 1, 3; Balogh Cs., 2004, Abb.25, 4-7; Madaras L., 2004, Abb.4), и в Приуралье (Werner J., 1956, Taf.25, 4; Мажитов Н.А., 1981, рис.8, 30, 31), и в Восточном Приаралье (Левина Л.М., 1996, рис.87-91), и на Алтае (Гаврилова А.А., 1965, табл.ХХ, IV, 8). По длине же срединных боковых накладок (26-28 см) сивашовскому луку ближе всего накладки из п.16 к.14 Великой Знаменки (Андрух С.И., Тошев Г.Н., 1991) – 27 см, Новинки (Werner J., 1956, Taf.25, 4) – около 27-28 см и ряда погребений из Восточного Приаралья (Левина Л.М., 1996, рис.87-91) – 26-30 см. Несколько длиннее рукояти у других луков группы А, по Е.В.Круглову: к.1 Авилковского – 30 см, п.2 к.2 Сивашовского – 32 см, а п.12 к.13 Рисового – около 34 см. Рукояти же группы Б, наоборот, короче – 19-21 см (Круглов Е.В., 2004б, с.254).

В системе Е.В.Круглова длина рукояти и форма концевых накладок взаимосвязаны с эволюцией сложносоставного лука, причем, на наш взгляд, речь идет не столько о внутреннекультурном развитии собственно кочевнических луков, сколько об определенных общих тенденциях, которым подчинялось и развитие “сасанидского” лука. К примеру, на блюде нач.IV в. изображен лук с очень длинными узкими концевыми накладками (Луконин В.Г., 1977, ил.164), характерными для “гуннских” луков. На блюде с изображением Шапура II 2-й пол.IV в. концевые накладки укорочены, но также узкие (Луконин В.Г., 1977, ил.166), а уже в руках Пероза (459-484 гг) изображен лук с характерными более широкими концевыми накладками луков

VI-VII вв. (Луконин В.Г., 1977, ил.167), которые действительно появляются на рубеже V-VI вв. у кочевников Поволжья (к.18 Покровска) (Засецкая И.П., 1994, табл.31, 10). Вновь изменяется лук в нач.VIII в. – на блюде с изображением вельможи концевые накладки лука еще более укорочены и резко изогнуты (Луконин В.Г., 1977, ил.170). Подобный резкий изгиб зауженного окончания концевых накладок наблюдаем на луке из п.3 к.5 Виноградного группы Б, по Е.В.Круглову (Орлов Р.С., Рассамкин Ю.Я., 1996, рис.7, 3, 5), причем, что интересно, в этом же комплексе оголовье лошади украшала бляшка с пехлевийской надписью (Орлов Р.С., Рассамкин Ю.Я., 1996, рис.3, 6), ясно свидетельствующая о контактах данной группы кочевников с сасанидским Ираном. Как показывают изображения луков на костяных пластинах из к.17 Чир-Юрта (Магомедов М.Г., 1975) и к.1 Шиловки (Багаутдинов Р.С. и др., 1998, табл.ХII, 1), лук “сасанидского” типа отличался от лука восточноевропейских кочевников выделенной рукоятью и выгнутыми плечами, образуя в натянутом состоянии традиционную еще для скифского лука 3-образную кибить, а не С-образную тюркских луков. Тем не менее, явные параллели в развитии “сасанидских” и кочевнических луков указывают на их изменения в одном направлении, очевидно, путем прямого заимствования удачных конструктивных решений в применении роговых накладок, но не изменяя традиции изготовления кибити, которые, разумеется, нельзя было механически скопировать, даже разобрав “трофейный” тюркский лук.

Итак, морфологически лук из п.2 к.3 Сивашовки несомненно принадлежит к группе А, по Е.В.Круглову, но по длине накладок оказывается в “промежуточной” позиции между более “архаичными” луками группы А из п.12 к.13 Рисового, п.2 к.2 Сивашовского, к.1 Авилковского и более “развитыми” луками группы Б.

Судя по очень плохой сохранности сивашовских накладок (в первую очередь, мы имеем ввиду количество сломов), в таком состоянии накладки уже практически не усиливали кибить, и лук фактически не представлял собой реального боевого оружия. Е.В.Круглов обратил внимание в этом плане на экологическую среду применения таких луков, несомненно первоначально разработанных для других климатических условий (Круглов Е.В., 2004б, с.255, 256).

Попытка А.М.Савина и А.И.Семенова закрепить за рассматриваемым типом луков термин “гунно-болгарский” (Савин А.М., Семенов А.И., 1995; 1998; 1999) опиралась на предположение о их местном, восточноевропейском генезисе, начатого гуннами и продолженного далее булгарами. К сожалению, фактов в пользу этого предположения

пока нет. Известные на данный момент болгарские погребения кон.V – VI в. Северного Причерноморья (Комар А.В., 2004а) не содержат выразительных в типологическом плане накладок сложносоставного лука; по отдельным обломкам нельзя проследить и развитие лука VI в. в Поволжье. Единственная же известная на сегодня зона достоверной эволюции луков “гуннского” типа в рассматриваемый период находится в Восточном Приаралье, где, что показательно, обнаружено и наибольшее число луков этого типа (Левина Л.М., 1996, рис.87-91). Ареал распространения луков группы А в VII в. охватывал Среднее Подунавье, Северное Причерноморье, Восточное Приазовье, Северный Кавказ, Нижнее Заволжье, Башкирию, Южное Приуралье, Восточное Приаралье и Тянь-Шань. Эта область, разумеется, никак не может быть описанной в узких этнических терминах. К VIII в. ареал серьезно сократился: носителями изживающей традиции остались только болгары Подунавья (Йотов В., 2004, обр.4; табл. I-III) и кочевники Волго-Донского региона (Круглов Е.В., 2004а). Нельзя не согласиться с Е.В.Кругловым, что “этническое” название рассматриваемого типа лука “гунно-болгарский” некорректно, но и предложенный исследователем взамен термин “тюрко-хазарский тип” можно принять только в хронологическом смысле, так как распространение данного типа лука в Восточной Европе действительно связано со временем I Тюркского и раннего Хазарского каганатов. Пожалуй, корректнее всего в нашем случае будет полный отказ от “этнизирующих” названий и использование термина, образованного от места первой находки такого лука, т.е. “авиловский тип”.

2а. Берестяной колчан “с карманом” (рис.21). Каркас колчана состоял из овального деревянного дна в виде дощечки и двух узких вертикальных планок высотой до устья (рис.21, 2). Сверху каркас был обтянут берестой с тисненным орнаментом (рис.22, 4). Высота кармана – 15 см, ширина колчана у дна – 16 см, ширина в самой узкой части – 10 см, общая длина в отчете не указана. Стрелы были вложены в колчан наконечниками вниз.

Реконструкция сивашовского колчана В.В.Дорофеева (рис.22, 1) опубликована П.П.Толочко (Толочко П.П., 1999). Согласно ей, форма колчана была трапециевидной, сужающейся кверху, а общая длина колчана составляла около 65 см. Но, согласно схематическому рисунку колчана на плане (рис.5, 2; 22, 2), длина колчана составляла около 80 см. Реконструкция колчана по этим пропорциям дана на рисунке (рис.22, 3). Впрочем, локализация колчана на первоначальном плане совсем не в том месте, где он находился, согласно полевым фотографиям, позволяет высказать сомнения в точности и этого рисунка, к сожалению, набросанного на план явно позже и без надлежащей проверки.

Итак, главным источником для реконструкции колчана становятся полевые фотографии (6 различных), дающие его вид *in situ* с 3-х ракурсов: с юга (рис.21), запада (рис.6, 1) и севера. Первая важная деталь, бросающаяся в глаза, – устье колчана на самом деле расширяется кверху, а максимальное сужение приходится приблизительно на уровень 2/3 высоты колчана. Эта особенность формы несомненна, поскольку она задавалась прогнутыми в стороны вертикальными планками каркаса. Вторая деталь – пропорции ширины дна, устья, ширины и высоты кармана на фотографиях явно не совпадают с рисунком плана именно из-за заданного под линейку трапециевидного контура колчана. Прорисовка контуров по фотографиям дала совершенно другой результат (рис.22, 5): ширина устья равна ширине дна, т.е. 16 см, высота кармана составила около 18 см, его максимальная ширина – около 17 см, а общая длина колчана составила около 84 см. Изучение фотографий (рис.21, 2) также позволило установить, что ниже зафиксированного прорисовкой орнамента фриза из полуovalов (рис.22, 4) расположены еще три вдавленные линии, ниже которых наблюдается начало еще одного фриза из полуovalов меньшей высоты, ограниченных снизу как минимум одной линией. Продолжался ли орнамент ниже и в каком виде, не ясно, но сам низ колчана также не был гладким – на нем фиксируются несколько рядов поперечных линий. Эти наблюдения позволили предложить следующую реконструкцию декора колчана (рис.22, 5). Из-за плохой сохранности кармана степень загиба его боков не установлена – на реконструкции они даны невысокими, хотя в реальности могли быть гораздо более выраженными.

Результат реконструкции показал, что перед нами тип легкого берестяного колчана с высоким расширяющимся кверху карманом и с расширяющимся низом, а не трапециевидный с узкими устьем и карманом. Последний тип действительно известен в VII в. по живописи Пенджикента (Беленицкий А.М., 1973, илл.9; 12) и тюркским наскальным рисункам (Могильников В.А., 1981, рис.21, 1, 5, 10), а также по находке деревянной модели в могильнике Астана в Восточном Туркестане (Восточный Туркестан ..., 1995, табл.46, 11). Но реальный вариант реконструкции сивашовского колчана находит не только изобразительные параллели в живописи Восточного Туркестана кон.VII – IX в. (Восточный Туркестан ..., 1995, табл.46, 7, 9), но и надежные археологические аналогии в целом ряде памятников VIII-IX вв.: на Алтае (Киселев С.В., 1949, табл.L, 24), в Хакасии (Кызласов Л.Р., 1981а, рис.28, 30; Киселев С.В., 1949, табл.LVIII, 2), Туве (Кызласов Л.Р., 1981б, рис.30, 88). В последнем регионе подобный легкий тип колчана сосуществует

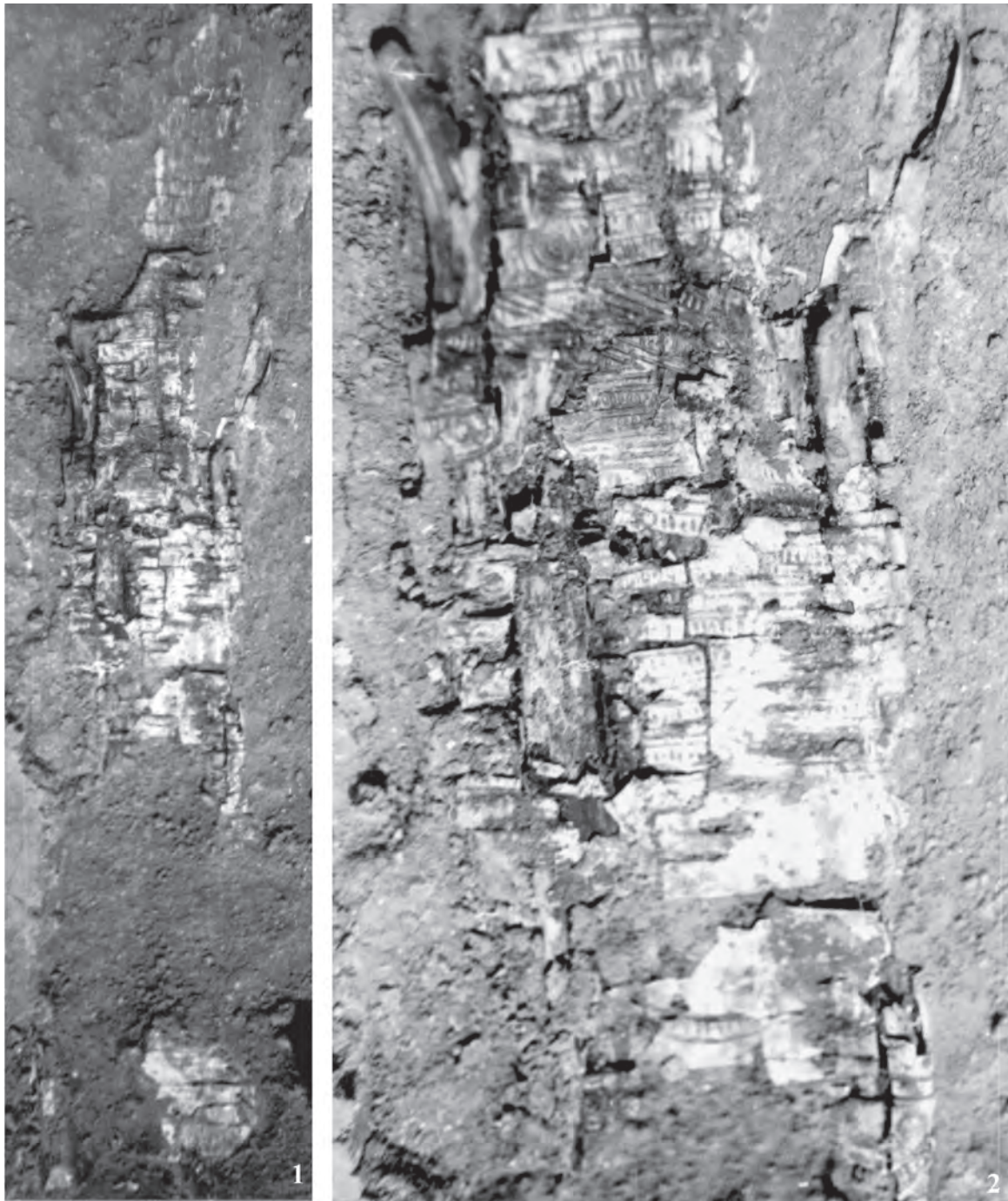

Рис. 21. Погребение 2 к.3 Сивашовки. Остатки колчана in situ.
 Fig. 21. Burial 2 of Sivashovka barrow 3. The remains of a quiver in situ.

в VII-IX вв. с более тяжелым типом, обнаруженным в Перещепине (Залеская В.Н. и др., 1997, кат.87) и аварских комплексах из Бочи (Garam E., 1993, Taf.13-16) и Кунбабоня (Toth E.H., Horvath A., 1992, Taf.XX; XXI). Его более простой вариант с костяными накладками расширяющегося кверху кармана обнаружен в аварском п.1 Очѣд-МРТ 96а (Madaras

L., 2004, Abb.2; 3) II среднеаварского периода. В отличие от аварского колчана из Очѣда, в реконструированном нами варианте у сивашовского кармана (рис.22, 5) получились невысокие бортики. Судя по изображению аналогичного киргизского колчана на поясе всадника с луки седла из к.6 Копенского чаатаса (Конь и всадник ..., 2003, кат.105), в таких

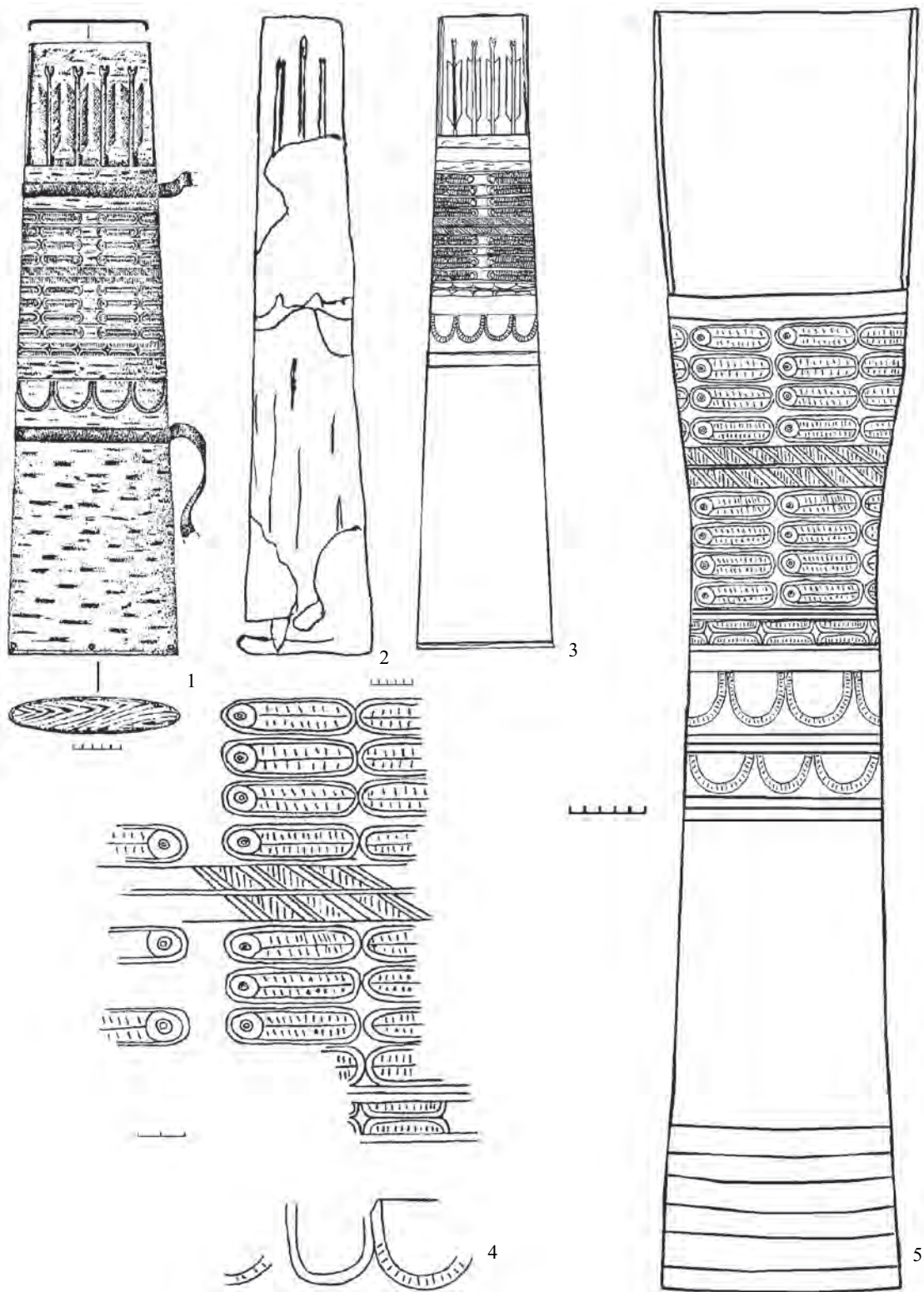

Рис. 22. Погребение 2 к.3 Сивашовки. Колчан: 1 – реконструкция В.В.Дорофеева; 2 – рисунок на плане; 3 – реконструкция по рисунку плана; 4 – прорисовка сохранившихся элементов декора; 5 – реконструкция колчана по фотографиям *in situ*.

Fig. 22. Burial 2 of Sivashovka barrow 3. A quiver: 1 – a reconstruction of V.V.Dorofeiev; 2 – a drawing on the layout; 3 – a reconstruction by a drawing on layout; 4 – a plotting of preserved décor elements; 5 – a reconstruction of a quiver by photos *in situ*.

случаях к устью колчана крепился небольшой кожаный чехол, закрывавший стрелы в обычной ситуации.

К сожалению, единственный сохранившийся берестяной колчан из синхронных восточноевропейских подкурганых захоронений – из к.1 Авиловского (Синицын И.В., 1954, рис.1) – разрушен в верхней части. Сохранившаяся же нижняя половина полностью аналогична сивашовскому колчану, хотя дно и несколько шире – 18 см. Довольно неожиданна общая деталь сивашовского и авиловского колчанов – стрелы в них вложены наконечниками вниз. Учитывая, что и в центральноазиатской, и в аварской традиции стрелы в подобные колчаны вкладывались наконечниками вверх, можно допустить либо другой принцип ношения колчана (например, за спиной), либо же предположить, что в данном случае перед нами элемент погребального обряда с переворачиванием стрел.

Декор сивашовского колчана – тиснение по бересте в виде удлиненных овалов, разделенных пополам, с выделением элемента композиции в виде вписанных кружочков – ближайшие аналогии находит в тиснении на берестяной обкладке ножен меча в п.11 к.11 Яблони (Орлов Р.С., 1999, рис.2). На основании также близкой аналогии декору на тисненых металлических обкладках из Вознесенки (Гринченко В.А., 1950, табл.IV) этот комплекс первоначально был датирован Р.С.Орловым нач.VIII в. (Орлов Р.С., 1985, с.104), но затем благодаря другим стилистическим наблюдениям дата была пересмотрена в сторону IX в. (Орлов Р.С., 1999, с.179-181). В настоящее время датировка одной из использованных аналогий – наконечника из Веселовского кургана уточнена – сер.VIII в. (Комар А.В., 1999); в рамках VIII в. датируются и позднеаварские поясные детали с подобным же оформлением наконечников (Орлов Р.С., 1999, рис.3, 4, 8), а очень близкий яблонскому декор обкладок меча из аварского п.2 могильника Деск-М (Balogh Cs., 2004, Abb.14, 28) датируется I среднеаварским периодом, т.е. не позже VII в. Погребальный обряд погребения из Яблони, особенно ориентировка на СВВ, абсолютно не характерны для раннепеченежского времени, где полностью доминирует западная ориентировка. Еще более проблематичной выглядит датировка IX в. двулезвийного меча без перекрестья (Орлов Р.С., 1999, рис.1, 7), хотя, напомним, такие же двулезвийные мечи обнаружены в п.5 к.12 Портового и п.5 к.4 Крупской, обломок двулезвийного клинка найден в Перещепине, а в п.3 к.5 Заплавки был двулезвийный меч с прямым перекрестьем. Учитывая эти обстоятельства, есть все основания вернуться к первоначальной датировке п.11 к.11 Яблони нач.VIII в., что действительно относит берестяные изделия из Сивашовки и Яблонь к одному культурно-

му кругу. Второй комплекс рассматриваемого круга, где находим точную аналогию фризу сивашовского колчана в виде сегментов полуовалов, – это п.3 к.30 Калининской, где так декорирована костяная накладка, вполне возможно, колчанная (Атавин А.Г., 1996, табл.15, 6).

Из использованных на сивашовском колчане орнаментальных мотивов более всего создают впечатление “среднеазиатского колорита” фризы из полуовалов, характерные для уйгурских ваз VIII-IX вв. (Кызласов Л.Р., 1981б, рис.30, 3), расписной керамики Восточного Приаралья (Левина Л.М., 1996, рис.79) и Тохаристана (Соловьев В.С., 1996, рис.41, 1, 4), лепной керамики гузов IX-X вв. (Плетнева С.А., 1981, рис.82, 27, 28, 30). Но более близкие мотивы находим на тувинских тисненых кожаных сосудах – те же “двойные” полуовалы и овалы с вписанными черточками (Вайнштейн С.И., 1972, рис.27, 1; 1991, рис.56, 5), фризы из “двойных” полуовалов также использовались на деревянной посуде тувинцев (Вайнштейн С.И., 1991, рис.48, 8; 59, 1).

Традиции использования бересты для изготовления предметов домашней утвари наиболее развиты у тюркских народов Алтая, Тувы, Хакасии, Якутии и других регионов, где наблюдается соседство степной и лесной зон (Вайнштейн С.И., 1972, с.251; Сельскому учителю о народных ..., 1983, с.150-152, 197). Наличие подобных развитых традиций у кочевников Северного Причерноморья VII – нач.VIII в. однозначно свидетельствует о миграции данного населения в Европу из схожих ландшафтных зон.

3. Портупейя колчана.

К портупее достоверно относятся две пряжки с бронзовыми “заклепками”; также, возможно, к комплекту могли принадлежать и маленькая серебряная “двурогая” бляшка с наконечником.

3а. Серебряные пряжки с трапециевидной рамкой и трапециевидным щитком – 2 экз. (рис.12, 24, 25; 13, 22, 23). Вылиты из низкопробного серебряного сплава; язычок узкий, железный, плотно прилегает к рамке (на одном из экземпляров обломан). Крепились к ремню при помощи шпенька и медной шайбочки. Длина – 1,7-1,8 см, размеры рамки – 0,8x1,5-1,6 см, щитка – 0,8x1,1 см, прорезь рамки – 1 см. Аналогичны рассмотренной выше портупейной пряжке меча.

3б. Бронзовые “заклепки” – 2 экз. (рис.13, 12). Диаметр шляпок – 0,9 см; с обратной стороны припаяны шпеньки длиной 0,4 см, которыми при помощи медных шайбочек бляшки крепили ремень.

3в. Серебряная “двурогая” бляшка с боковыми вырезами и 4 отверстиями (рис.12, 13; 13, 14). Крепились к ремню при помощи двух шпеньков. Длина – 2,2 см, ширина – 1,7 см.

Бляшка напоминает маленький вариант “дву-рогой” поясной бляшки (рис.13, 5). Точная аналогия известна лишь из п.2 к.29 Чапаевского (Атавин А.Г., 1996, табл.7, 9). Более отдаленными вариантами можно считать бляшки из кугульского склепа 3 (Рунич А.П., 1979, рис.6, 23), п.5 к.12 Портового (Айбабин А.И., 1985, рис.8, 26) и Белой в Приуралье (Balint Cs., 1992, Taf.59, 5-7).

3г. Серебряный наконечник ремешка с боковыми вырезами (рис.12, 9; 14, 6). Литой, сверху прочерчены две горизонтальные линии, в верхней части – треугольная, а ниже – фигурная прорези. Крепился к ремню двумя шпеньками, слегка расклепанными на концах, и медными шайбочками. Высота – 2,9 см, ширина – 1,4 см.

Наконечник аналогичен рассмотренному выше из поясного набора (рис.14, 10), но отличается от него способом крепления (при помощи шайбочек) и более мелкими размерами.

Полная реконструкция портупей на основании взаиморасположения деталей маловозможна. Мы можем лишь констатировать, что в отличие от деревянного колчана из п.7 к.1 Костогрызово, который подвешивался при помощи ремня с большой пряжкой и железного колчанного крюка на ремешке снизу колчана, сивашовский колчан подвешивался двумя ремнями с небольшими пряжками, а снизу располагался декоративный ремешок с наконечником и бляшкой. Интересно при этом, что в Костогрызово наконечники стрел располагались острием вверх, а в Сивашовке – вниз, что подталкивает к предположению о различных способах ношения колчана. Две одинаковые пряжечки свидетельствуют о двух одинаковых узких ремешках, очевидно, крепившихся к жестким планкам каркаса колчана. При ношении колчана у бедра верхний ремешок перебрасывался через плечо, а нижний – вокруг пояса. При его же расположении за спиной ремешки перебрасывались крест-накрест.

Интересно отметить еще одну деталь: ремешок портупей колчана, судя по аналогичности пряжек, был выполнен вместе с портупеей меча, а, судя по аналогичности наконечника с боковыми вырезами – пояскому, сделано это было одновременно с комплектом первого поясного набора, т.е. одновременно с получением звания “десятника” и титула куркапына.

4. Наконечники стрел.

4а. Железные черешковые трехлопастные наконечники стрел с упором – 2 экз. (рис.19, 12, 13). Один целый, второй поврежденный. Размеры целого экземпляра: длина – 10,1 см, длина черешка – 4,2 см, ширина пера – 2,1 см, ширина упора – 1 см.

Это наиболее распространенный тип наконечников стрел рассматриваемой эпохи, в классификации А.Ф.Медведева ему ближе все наконечники

типа 15 (Медведев А.Ф., 1966, с.59). В кочевнических погребениях аналогичные стрелы входили в колчаные наборы п.2 к.2 Сивашского (рис.32, 32-35), п.7 к.1 Костогрызово (рис.39, 1-3), п.12 к.7 Христофоровки (Prichodnyuk O., Fomenko V., 2003, fig.2, 7-10), к.35 Виноградного (Орлов Р.С., Рассамкин Ю.Я., 1996, рис.8, 2, 3), к.1 Авилковского (Синицын И.В., 1954, рис.4), п.12 к.1 Верхне-Погромного I (Шилов В.П., 1975, рис.35, 10).

3б. Железный черешковый трехгранный наконечник стрелы (рис.19, 11). Поврежден, общая длина и длина черешка не восстанавливаются, диаметр черешка – 0,5 см, ширина головки – 1,3 см.

Трехгранные наконечники традиционно трактуются как бронебойные, предназначенные для пробивания доспеха. Единичность же подобных находок в кочевнических погребениях рассматриваемого хронологического среза свидетельствует о крайне слабой степени покрытия тел воинов противника доспехами. Единственный предмет из других подкурганых захоронений, которой можно трактовать как бронебойный наконечник, это небольшое “шильце” из п.3 к.30 Калининской (Атавин А.Г., 1996, табл.14, 7), специализированное для пробивания кольчуги. Большой набор подобных узких трехгранных наконечников обнаружен в Вознесенском комплексе, а их широкое распространение в VIII в. явно связано с внедрением кольчужного доспеха. Бронебойные наконечники типа 76, по А.Ф.Медведеву, в основном мельче по размерам (Медведев А.Ф., 1966, с.79), они принадлежат к эпохе доминирования кольчуги. Мощный же наконечник из п.2 к.3 Сивашовки скорее предназначался для ламеллярного доспеха.

4в. Железный черешковый наконечник с плоским пером (рис.19, 14). Общая длина – 10,5 см, длина черешка – 6,4 см, диаметр – 0,6 см, ширина пера – 2,8 см, толщина – 0,5 см.

Аналогичный срезень найден в п.7 к.1 Костогрызово (рис.39, 5), более отдаленные ромбовидные экземпляры из п.3 к.30 Калининской (Атавин А.Г., 1996, табл.14, 2, 3).

4г. Фрагмент железный черешкового трехгранного или трехлопастного наконечника стрелы с упором (рис.19, 10). Общая длина фрагмента – 5,4 см, длина черешка – 4,2 см, ширина упора – 1 см.

4д. Деревянный черешковый наконечник стрелы (рис.27, 5). Подконусовидной формы, но овальный в сечении, черешок обломан. Длина – 6,5 см, ширина пера – 1,2 см, ширина черешка – 0,9 см.

Из-за плохой сохранности дерева в других синхронных погребениях прямых аналогий не имеет, а из свода А.Ф.Медведева можно отметить лишь близкие формы костяных наконечников X-XI вв. (Медведев А.Ф., 1966, табл.19, 40; 22, 1, 33). Тупые деревянные наконечники предназначались

для охоты на небольшого пушного зверя. Набор аналогичных небольших наконечников обнаружен в п.5 Кудыргэ (Гаврилова А.А., 1965, табл.ХІ, 1-7), но “калибр” сивашовского наконечника гораздо больше – подобная стрела предназначалась не для белок, а для более крупной дичи – лис и зайцев.

4е. Костяное ушко стрелы (рис.27, 6). Уплотненное, черешок обломан. Общая длина – 2,1 см, ширина упора – 1,1 см, глубина выреза для тетивы – 0,5 см.

Точное местонахождение не указано, но весьма вероятно, что ушко комплектно деревянному наконечнику стрелы, вынутой из колчана. Судя по остаткам древков стрел из других синхронных кочевнических погребений и более поздних комплексов X-XII вв. (Вайнштейн С.И., 1966, рис.10, 105; Медведев А.Ф., 1966, табл.11), традиционным материалом для ушка стрелы были твердые породы древесины. Костяное же ушко указывало на стрелу “многоразового использования”, которую подбирали и использовали вновь. Из колчанного набора п.2 к.3 Сивашовки более всего такой характеристике соответствует именно стрела с деревянным наконечником. Точные аналогии в рассматриваемом хронологическом срезе нам не известны, из более поздних можно отметить лишь костяное ушко из Суvara (Медведев А.Ф., 1966, табл.11, 10).

Снаряжение коня

1. Фрагментированные железные удила с “восьмеркообразными” окончаниями (рис.26, 3). Грызла двучастные, реконструируемая длина звена – 12,5 см, диаметр колец для псалиев – 2,5 см, колец для поводов – 2,3 см.

Аналогичные удила находились в Арцибашеве (Монгайт А.Л., 1951, рис.43, 17), Вознесенке (Гринченко В.А., 1950, табл.1, 5), Глудосах (Сміленко А.Т., 1965, рис.26, 5), но, в целом, этот тип грызл ведущий для удил с псалиями в комплексах раннесредневековых кочевников Восточной Европы V-X вв.

В кольца грызл сивашовских удил были вставлены псалии из органического материала. Их форму позволяют приблизительно представить псалии из погребений Южного Приуралья (Мажитов Н.А., 1981, рис.8, 24, 25), Восточного Приуралья (Левина Л.М., 1996, рис.94, 1-3, 7), а также описание псалиев из п.12 к.1 Верхне-Погромного I, также имевших два отверстия для ремня (Шилов В.П., 1975, с.47). Сам способ крепления ремня поводов в п.2 к.3 Сивашовки не совсем ясен: полевая фотография (рис.9, 4) показывает, что ремень не крепился к кольцу, а образовывал широкую петлю и пропускнулся снизу в кольцо для псалиев. Объ-

яснить подобную картину, на наш взгляд, позволяют данные этнографии – у тувинцев к недоузду обычно крепился кожаный чумбур, служивший для привязывания лошади (Вайнштейн С.И., 1991, с.211).

2. Серебряные литые украшения узды.

2а. Двущитковые бляшки с четырьмя отверстиями – 2 экз. (рис.12, 16, 17; 13, 7, 8). У нижнего края щитков нанесены по две углубленные линии, линии прочерчены и от отверстий к краю щитков. Крепились к ремню двумя шпеньками с медными шайбочками. Длина – 3,1 см, ширина – 1,2-1,3 см.

По А.И.Айбабину, – “бобовидные” бляшки варианта 1 (Айбабин А.И., 1990, с.54; рис.51, 9, 10), по Ч.Балинту, – “симметричные щитовидные” бляшки “восточноевропейской группы” (Balint Cs., 1992, S.426; Taf.44, 7, 8), по И.О.Гавритухину, – “горизонтальносимметричные” накладки типа 3 варианта 3б (Гавритухин И.О., Обломский А.М., 1996, с.27; рис.40, 35, 36), в классификации В.Б.Ковалевской – тип 3 отдела 34 (Ковалевская В.Б., 2000, с.159). Основная масса находок происходит из Крыма, но единичные находки известны также в славянских кладах (Мартыновка) и на Северном Кавказе. В кочевнических погребениях бляшки этого варианта известны только в п.7 к.7 Христофоровки (Prichodnyuk O., Fomenko V., 2003, fig.1, 11).

2б. Бляшки в виде круга со щитком (рис.12, 15; 13, 15). На круглой части по 3 отверстия, на щитке – по 2, от отверстий к краю бляшек прочерчены линии. Крепились к ремню при помощи двух расклепанных на концах шпеньков. Длина – 2,8 см, ширина – 1,6 см.

Аналогичные бляшки были в Епифанове (Безуглов С.И., 1985, рис.1, 10) и к.14 Белозерки (Скадовский Л.Г., 1897, рис.49), прессованный вариант украшал сбрую в п.5 к.12 Портового (Айбабин А.И., 1985, рис.8, 34, 36). Бляшки того же стиля с прямоугольным щитком были в Епифанове и п.10 к.4 Калининской (Атавин А.Г., 1996, табл.10, 7), без щитка – в Арцибашеве (Монгайт А.Л., 1951, рис.43, 11). Бляшки этого варианта известны на Северном Кавказе в к.17 Чми (Гавритухин И.О., Обломский А.М., 1996, рис.82, 71) и в Поволжье – п.32 Селиксы (Богачев А.В., 1992, рис.27), схематизированные варианты – в кат.29 Мокрой Балки (Афанасьев Г.Е., Рунич А.П., 2001, рис.47, 10) и п.1 Маняжского могильника в Приуралье (Мажитов Н.А., 1981, рис.3, 9).

2в. “Восьмеркообразная” бляшка (рис.12, 15; 13, 10). Центр обозначен горизонтальной прочерченной линией, на верхней и нижней частях по два отверстия, от которых к краям бляшки прочерчены линии. Крепилась к ремню при помощи двух шпеньков. Длина – 2,2 см, ширина – 1,4 см.

Бляшка оригинальна, но, скорее всего, она является литым вариантом распространенных “восьмеркообразных” бляшек варианта 2, по А.И.Айбабину (Айбабин А.И., 1990, с.54; рис.51, 3), или типа 1 отдела 31, по В.Б.Ковалевской (Ковалевская В.Б., 2000, с.158). В кочевнических комплексах последние были в п.12 к.8 Богачевки и Зиновьевке.

2г. Наконечники с прорезью в виде “замочной скважины” – 2 экз. (рис.12, 29, 30; 14, 8, 9). В верхней части прочерчены две горизонтальные линии, также линии прочерчены и от двух отверстий к краям бляшек; один из экземпляров с литейным дефектом. Крепились к ремню при помощи двух шпеньков. Длина – 2 см, ширина – 1,2-1,3 см.

Наконечники относятся к варианту 2 подтипа 1 типа 6 подотдела 1 отдела 1, по В.Б.Ковалевской, причем подавляющее большинство учтенных исследовательницей экземпляров происходит из комплексов Северного Кавказа (Ковалевская В.Б., 2000, с.119). В кочевнических комплексах такие бляшки также оказываются весьма распространенными – п.4 к.1 Изобильного (Айбабин А.И., 1999, рис.35, 9, 10, 14), п.12 к.8 Богачевки (Генинг В.В., Корпусова В.Н., 1989, рис.10, 2), п.1 к.8 Христофоровки (Prichodnyuk O., Fomenko V., 2003, fig.3, 3), “Царский курган” (Атавин А.Г., 1996, табл.17, 6, 7), п.7 к.1 Бережновки I (Синицын И.В., 1959, рис.34, 1) и п.1 к.111 Бережновки II (Синицын И.В., 1960, рис.39, 14).

Реконструкция узды на основании расположения бляшек *in situ* позволяет уверенно говорить лишь о расположении двущитковых бляшек симметрично на правом и левом нащечных ремнях, а наконечники так же симметрично свисали с ремня оголовья. Остальные бляшки обнаружены слева от лошади, но интерпретация зафиксированного на удилах кожаного ремня не как повода, а как ремня для привязывания к коновязи, позволяет предположить, что сам повод был отброшен влево, где и находились “восьмеркообразная” и двучастные бляшки. В целом, этот облик узды полностью соответствует рисунку на костяной обкладке лук седла из к.1 Шиловки (Багаутдинов Р.С. и др., 1998, табл. XII, 1).

3. Седло (рис.23) плохой сохранности, состояло из двух деревянных полок ленчика, задней и передней (не сохранилась) лук, а также кольчужной бармицы для передней луки. Поскольку взять монолитом седло не удалось, на рис.24 представлены зарисовки сохранившихся частей седла после его снятия.

3а. Деревянные полки ленчика (рис.23; 24, 2, 3). Прогнутые, состояли из доски толщиной 4 см и более тонкой задней части, возможно, выполненной из другой доски. На концах полок расположены отверстия для их скрепления ремнями: 2 – на

заднем, и как минимум 3 – на переднем. Размер фрагмента правой полки, сохранившейся чуть лучше, 33x17 см, полная же реконструируемая длина полка – около 55 см.

3б. Деревянная задняя лука седла (рис.24, 1). Сохранилась частично. Дуговидной формы, реконструируются 5 отверстий для скрепления с полками ленчика. Максимальная ширина – 3 см, толщина – 1,4 см, реконструируемая высота – около 12 см, расстояние между концами – около 23 см.

3в. Кольчужная бармица передней луки седла (рис.24, 4). Плохой сохранности, контур подтрапециевидный, скругленный сверху, повторяет форму передней луки и паза между ленчиками. Состоит из колец диаметром 0,6-0,7 см, к луке крепились тремя медными гвоздиками со шляпками диаметром 0,8 см. Размеры: около 13x16 см.

Небольшие фрагменты кольчуги в погребениях VII – нач.VIII в. представлены, в основном, в комплексах высшего социального ранга – в Келегеях, Вознесенке, Новых Санжарах; из подкурганых – только в “Царском кургане”. В Сивашовке предназначение бармицы довольно прозрачно – она защищала всадника от фронтального копьевого удара справа от головы лошади.

Отпечаток передней луки на кольчужной бармице (рис.25, 1) позволил при помощи изготовления модели предложить приблизительную реконструкцию луки (рис.25, 2, 3). Отметим сразу, что первое визуальное впечатление о сходстве отпечатка (рис.25, 1) с массивной задней лукой тюркского седла VIII-IX вв. из Кара-Булуна (Могильников В.А., 1981, рис.20, 51) оказалось ошибочным. На верхнем крае бармицы четко виден глубокий отпечаток внутреннего полуовального выреза луки, а прибивалась бармица явно к верхнему краю луки. Это позволяет заключить, что лука не прижималась плотно по центру выреза к седлу (т.е. была высоко посаженной), а ее ширина составляла около 3-5 см. Степень изгиба показывает, что лука была выполнена из тонкой дощечки, согнутой в распаренном состоянии.

Общий реконструируемый облик сивашовского седла (рис.25, 4) характеризует его как жесткое седло с глубокими ленчиками, невысокой наклонной задней лукой и более высокой наклонной передней, чья высота достигалась прогибом ленчиков и высоко приподнятым положением луки.

По форме ленчиков и задней луки сивашовское седло полностью аналогично седлу из п.5 к.9 Бородаевки (Синицын И.В., 1947, табл.IX). Несомненно относятся к этому типу, хотя и несколько отличаются в деталях, седло из к.17 Чир-Юрта (Магомедов М.Г., 1975, рис.1, 15) и два седла из Галиатского склепа (Крупнов Е.И., 1938, рис.2;

Рис. 23. Погребение 2 к.3 Сивашовки. Седло in situ: 1 – вид сверху с ЮВ; 2 – вид сбоку с СЗ.
Fig. 23. Burial 2 of Sivashovka barrow 3. A saddle in situ: 1 – a top view from the SE; 2 – a side view from the NW.

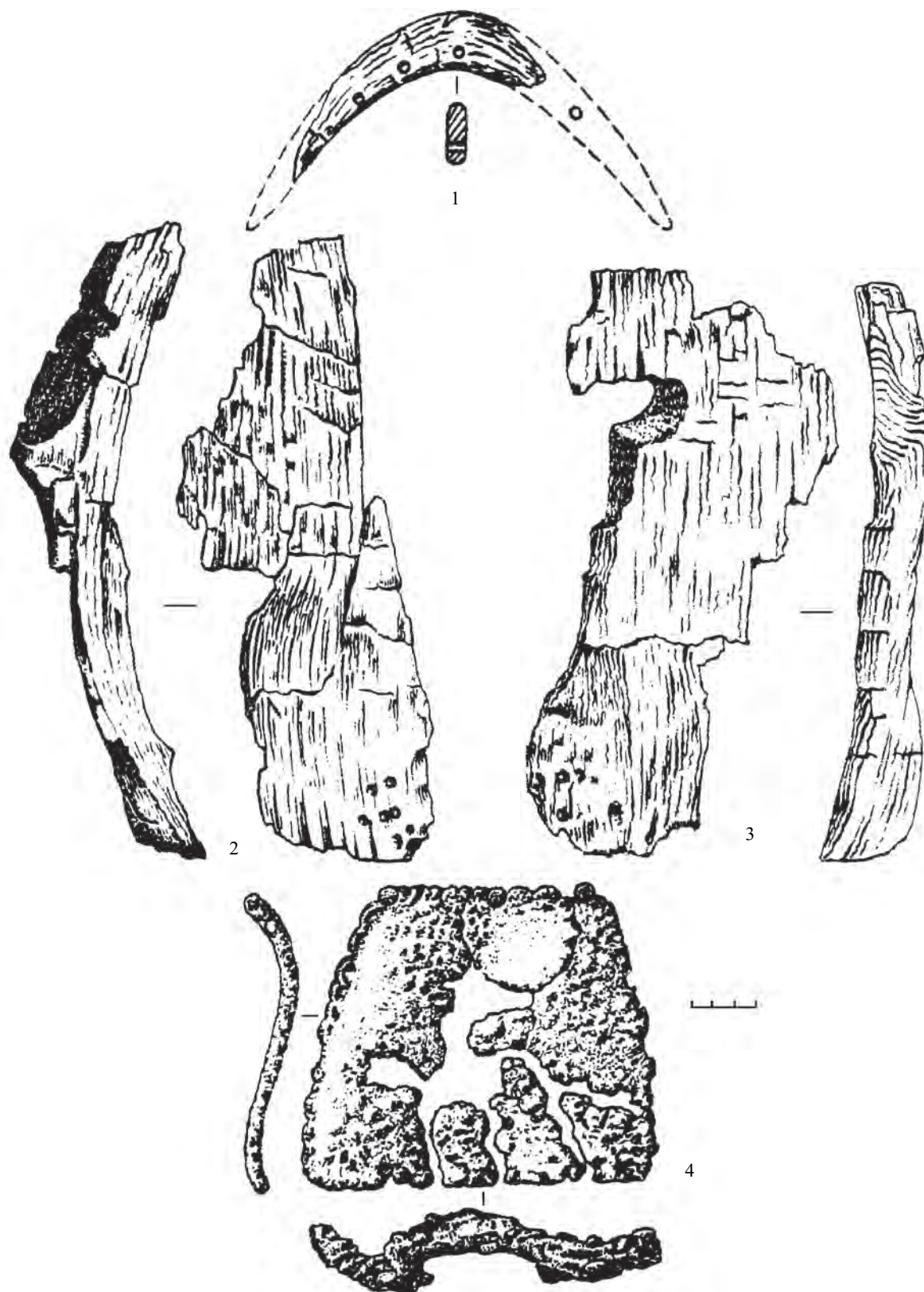

Рис. 24. Погребение 2 к.3 Сивашовки. Детали седла: 1 – задняя лука; 2, 3 – деревянные полки; 4 – кольчужная бармица передней лука.

Fig. 24. Burial 2 of Sivashovka barrow 3. Parts of a saddle: 1 – a rear arch; 2, 3 – wooden ledges; 4 – a chain armour covering of a front arch.

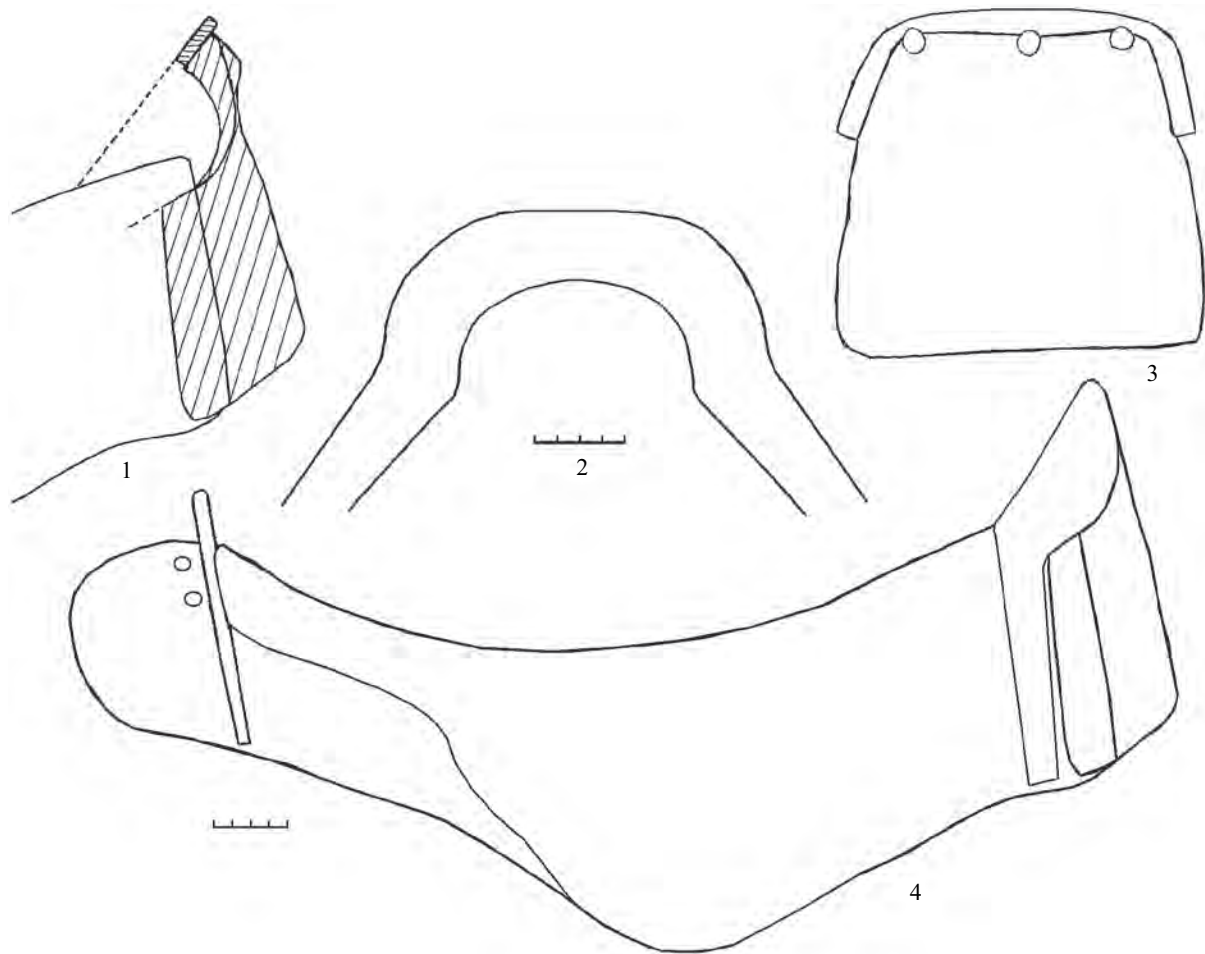

Рис. 25. Погребение 2 к.3 Сивашовки. Седло: 1 – отпечаток передней луки; 2 – реконструкция передней луки; 3 – реконструкция крепления бармицы; 4 – реконструкция седла.
 Fig. 25. Burial 2 of Sivashovka barrow 3. A saddle: 1 – a trace of a front arch; 2 – a reconstruction of a front arch; 3 – a reconstruction of a chain armour covering attachment; 4 – a reconstruction of a saddle.

Конь и всадник ..., 2003, кат.110). Склеп из Галиата четко датирован арабским дирхемом ал-Басры 700/701 гг, но по стременам здесь выделяются два комплекта снаряжения лошади – нач. VIII в. (“восьмеркообразные” стремена) и сер. VIII в. (аркообразные стремена). В к.17 Чир-Юрта находилась сабля с сильно загнутым острием и обкладка с декором пальметтами стиля Вознесенского комплекса, которые уверенно датируют погребение нач. VIII в. Поскольку все аналогии относились исключительно к VIII в., А.К.Амброз датировал седло из Бородаевки нач. VIII (Амброз А.К., 1981, с.13). С.И.Вайнштейн разместил его в своей эволюционной схеме в позиции VIII в. (Вайнштейн С.И., 1972, с.135), а Л.Р.Кызласов отнес бородаевское седло уже к наиболее развитым образцам IX-X вв. (Кызласов Л.Р., 1979, рис.96). Совпадение типа бородаевского и сивашовского седел позволяет по-другому оценить

их позицию, поскольку дата сивашовского седла достоверно не выходит за рамки VII в.

Существующие в литературе схемы эволюции тюркского седла А.А.Гавриловой (Гаврилова А.А., 1965, с.85, 86), С.И.Вайнштейна (Вайнштейн С.И., 1972, с.132-136; 1991, с.214-226), А.К.Амброза (Амброз А.К., 1973б; 1979) и Л.Р.Кызласова (Кызласов Л.Р., 1979, с.135-138) основаны на разных подходах, в первую очередь, из-за расхождений в выборе хронологически значимых признаков. Выборка восточноевропейских седел VII – нач. VIII в. в нашем распоряжении пока невелика, но она представлена комплексами с четкими абсолютными датами. Это позволяет нам рассмотреть различия деталей седел в *достоверном* эволюционном ряду.

По пропорциям ленчиков седла распадаются на две группы: длинные – Сивашовка, Бородаевка, Галиат-1, и короткие – Чир-Юрт, Галиат-2.

Конструкция деревянных полок также разбивает седла на две группы: I – седла из Сивашовки и Бородаевки; II – к.17 Чир-Юрта и галиатские седла с утоньшением не только заднего, но и переднего края полок. По форме передней луки выделяются три варианта. Первый вариант – реконструированная наклонная лука седла из Сивашовки. Внешне ей близка массивная лука галиатского седла, которая также слегка наклонена вперед, но по конструкции ей ближе все-таки луки из тонких дощечек, из которых наклон вперед с небольшим изгибом, возможно, имела лука седла из к.17 Чир-Юрта, но она ближе второму варианту. Второй вариант – дуговидные тонкие луки седел из Бородаевки (Синицын И.В., 1947, табл. IX), Перещепины (Залеская В.Н. и др., 1997, кат. 88) и к.1 Шиловки (Багаутдинов Р.С. и др., 1998, табл. XII, 1); третий – массивные подтрапециевидные вертикальные луки седел из Галиата (Вайнштейн С.И., 1972, рис. 13, 20). Задние луки по форме разделяются на две группы: с узкой дуговидной слегка наклонной назад лукой – Сивашовка, Бородаевка, Перещепина, и с более широкой выступающей лукой – к.17 Чир-Юрта, Галиат. Но деление на варианты по конструктивной нагрузке луки несколько другое. Вариант 1 – узкие луки из Сивашовки и Бородаевки, которые не служили опорой для спины и лишь фиксировали подушку седла. Вариант 2 – более высокие луки с выступающей над подушкой частью, декорированной металлическими или костяными накладками из Перещепины и к.17 Чир-Юрта. Третий вариант – крупные наклонные луки с вырезом по центру из Галиата.

Изобразительные источники о восточноевропейских седлах рассматриваемого периода ограничиваются костяными обкладками луки седла из к.1 Шиловки (Багаутдинов Р.С. и др., 1998, табл. XII, 1). Здесь изображены четыре оседланных коня. Седло ближнего – небольшое по размерам, ленчик с лопастями, задняя лука невысокая наклонная, передняя высокая, вертикальная. Седло второго коня видно лишь частично – невысокая наклонная задняя лука и более высокая дуговидная передняя. Третье седло крупнее по размерам, ленчики глубже, задняя лука невысокая, но шире, передняя – высокая вертикальная более массивная. Четвертое седло практически закрыто – видно лишь вертикальную высокую переднюю луку, слегка отклоненную назад. Седло 1 ближе всего седлу из к.17 Чир-Юрта, что не удивительно в силу синхронности этих комплексов. Седло 2 интересно подчеркиванием узкой дуговидной передней луки, аналогичной седлам из Бородаевки и Перещепины. Седло 3 по пропорциям ленчиков ближе всего седлам из Сивашовки и Бородаевки, но широкая задняя лука и высокая массивная вертикальная передняя сближает это седло с галиатскими.

Таким образом, все известные на сегодня седла VII – 1-й пол. VIII в. из восточноевропейских комплексов в целом принадлежат к одному типу, в рамках которого выделяются варианты по форме передней и задней луки. Меньше всего видоизменений за период VII – 1-й пол. VIII в. претерпела форма ленчиков – в VIII в. усложнилась лишь конструкция переднего края полок под крепление нового типа передней луки. Последняя прошла эволюцию от тонкой изогнутой наклонной вперед до практически вертикальной массивной подтрапециевидной, пройдя этап вертикальной дуговидной. Эволюция же задней луки постепенно превратила символический невысокий фиксатор седельной подушки в широкую наклонную заднюю луку, оказывавшую небольшую поддержку для поясицы и бедер.

Как это ни парадоксально звучит, но на востоке близкая изобразительная аналогия седлам из Сивашовки и Бородаевки происходит еще из комплекса хуннского времени Сибирка на Горном Алтае (I в. до н.э. – I в. н.э.), причем, по мнению А.В.Симоненко, здесь изображено именно жесткое седло с деревянной основой ленчиков, которое, по мнению исследователя, было уже у сарматов (Симоненко А.В., 2004, рис. 1, 8). Удревнение жесткого седла не ново. Не согласившись с реконструкцией “гуннского” седла А.В.Дмитриева (Дмитриев А.В., 1979, рис. 5), А.К.Амброз в 1979 г. неожиданно отказался от собственной эволюционной схемы и предположил, что классическое “кокельское” седло существовало уже в гуннское время, отметив при этом, что “гуннское” седло было фактически тождественным седлу из к.17 Чир-Юрта (Амброз А.К., 1979, с. 229-231). Этой гипотезе противоречило не только совпадение формы конца накладки из Чир-Юрта с обжимкой края большой накладки на луку седла из Перещепины, которое свидетельствовало, что и пластины из Чир-Юрта – также накладки на луку, но и тюркское седло из к.1 Кара-Куджуре (Кызласов Л.Р., 1979, рис. 96, 2). Это седло с прямыми ленчиками и наклонными луками, высокой передней и более низкой задней, довольно архаично и лишено “лопастей” ленчиков. В тюркской изобразительной традиции такое седло схематически прорисовано на валуне из могилы 16 Кудыргэ (Гаврилова А.А., 1965, табл. VI, 2), а в китайской – скорее всего, на статуэтке 576 г из Северного Китая (Вайнштейн С.И., 1991, рис. 100, 1). “Лопастии” впервые появляются на седле изображения 554 г. времени правления Северного Вэй. Этот тип седла с коротким ленчиком с лопастями назван А.К.Амброзом “вэйским” (Амброз А.К., 1973, с. 96; рис. 2, 15; 5, 3). Именно он попадает в Европу в сер. VI в. с аvaraми вместе с одной весьма немаловажной деталью – стремянами. Внедрение стремян обеспечило всаднику другой тип посадки – с полусогнутыми

ногами, для удобства которых и появились на седле отогнутые в стороны “лопасти”.

Более развитые седла с лопастями изображены на лошадях барельефа гробницы императора Тай Цзуна 637 г (Вайнштейн С.И., 1972, рис.13, 15). А.К.Амброз назвал седло этого типа “танским”, а при реконструкции деревянной основы использовал все то же седло из к.2 Кокэля (Амброз А.К., 1973, рис.5, 4), несмотря на очевидную разницу в высоте передней луки. Но на седлах барельефа Тай Цзуна передние луки слегка или заметно наклонены вперед и гораздо выше, чем задние, а прогиба ленчиков нет. Это, несомненно, еще далеко не классическое “кокэльское” седло.

По сравнению с седлами из Кара-Куджуре и барельефа Тай Цзуна 637 г, седла из Сивашовки и Бородаевки демонстрируют заметное уменьшение высоты задней луки и неожиданно глубокий прогиб ленчиков, очевидно, и смутивший в свое время Л.Р.Кызласова, что в случае с Бородаевкой дополнялось вертикальной передней лукой. На самом деле поздние седла IX-X вв. столь глубокого прогиба не имеют – рассматриваемый тип седла отражает своеобразный “экспериментальный” этап, когда на практике оценивались преимущества именно такой конструкции ленчиков. Отказ от сильного прогиба, на наш взгляд, был обусловлен постепенным изменением техники верховой езды с широким внедрением стремян. Судя по отсутствию стремян в Сивашовке, Бородаевке, Павловке, к.17 Чир-Юрта, к.1 Шиловки и по рисункам на обкладках лук из последнего комплекса, восточноевропейскими кочевниками техника “бесстремянной” езды использовалась до нач.VIII в., впрочем, так же, как и алтайскими тюрками (Вайнштейн С.И., 1966, с.66). В Галиате (1-я пол.VIII в.) такие седла уже сочетаются со стремянами, а в к.7 Петрунино IV с дирхемом Абу-Джафар Ал-Мансура 756/757 г (Круглов Е.В., 1992г) седло уже неожиданно очень напоминает аварское – с практически прямыми полками и высокой передней лукой. Использование такого типа седла без стремян очень неудобно, что хорошо объясняет причину, почему в VI-VII вв. к востоку от Китая второй зоной наибольшего распространения стремян являлся Аварский каганат.

В схеме эволюции жесткого седла, которая вырисовывается на основании рассмотренных примеров, седло тюркского (алтайского) типа из Сивашовки не имеет местных европейских прототипов и относится к хронологическому этапу после 637 г (седла с барельефа Тай Цзуна), но до нач.VIII в. (к.17 Чир-Юрта), будучи одновременно чуть “архаичнее”, чем седла из Бородаевки и Перещепины.

4. Детали подпруги. Достоверно сюда относятся две железные обоймы, которым, возможно, комплектны две фрагментированные пряжки.

4а. Железная обойма подпрямоугольной формы с загнутыми концами (рис.26, 1). Выкована из квадратного в сечении прута, толщиной 0,4 см. Длина – 3,1 см, ширина – 1,5 см.

Форма изделия повторяет обычные бронзовые ременные обоймы VII-VIII вв. (рис.37, 12, 13, 17, 18), железные же варианты известны также в Уч-Тепе (Иессен А.А., 1965, рис.27).

4б. Железная обойма подпрямоугольной формы (рис.26, 2). Выкована из подпрямоугольного в сечении прута толщиной 0,4 см. Длина – 2,1 см, ширина – 1,6 см.

4в. Железная пряжка подлировидной формы, фрагментирована (рис.26, 5). Выкована из круглого в сечении прута. Язычок плоский, плотно облегал рамку. Длина – 4,1 см, ширина – 3 см, размер прорези – 1,3 см.

Ближние по форме железные пряжки найдены в п.3 к.30 Калининской (Атавин А.Г., 1996, табл.14, 8), Уч-Тепе (Иессен А.А., 1965, рис.27) и Вознесенке (Гринченко В.А., 1950, табл.П, 7). В аланском могильнике Мокрая Балка такие пряжки характерны для катакомб периода III, по Г.Е.Афанасьеву (Афанасьев Г.Е., Рунич А.П., 2001).

4г. Железная подовальная пряжка, фрагментирована (рис.26, 6). Выкована из подовального в сечении прута; язычок плоский, широкий. Длина фрагмента – 3,2 см, ширина – 2,3 см, реконструируемый размер прорези – 2 см.

Судя по небольшому прогибу внутрь переднего края рамки, пряжке придали едва заметный В-образный контур. Аналогичная пряжка была в п.2 к.1F Аджиголя (Ebert M., 1913, Abb.23).

Расположение пряжек *in situ*, к сожалению, не установлено, но по ширине прорезей комплекты составляют овальная пряжка и узкая прямоугольная обойма, найденная за седлом, а также лировидная пряжка и широкая прямоугольная обойма, найденная на полке седла. Судя по расположению деталей, седло имело одну подпругу и подхвостный ремень. Именно такое крепление седла и наблюдаем на лошадях рисунка на луке седла из к.1 Шиловки (Багаутдинов Р.С. и др., 1998, табл.ХII, 1).

5. Деревянный колышек коновязи (рис.27, 2). Овальный в сечении, сверху с круглым ушком с отверстием, внизу заостренный. Длина – 16,5 см, ширина – 3 см, диаметр ушка – 3,5 см, отверстия – 0,6 см. Колышек подвешивался к седлу и служил для временного привязывания лошади в степи.

Бытовые предметы

1. Фрагмент железного ножа с широким черенком (рис.19, 7). Черенок и лезвие сломаны, размеры

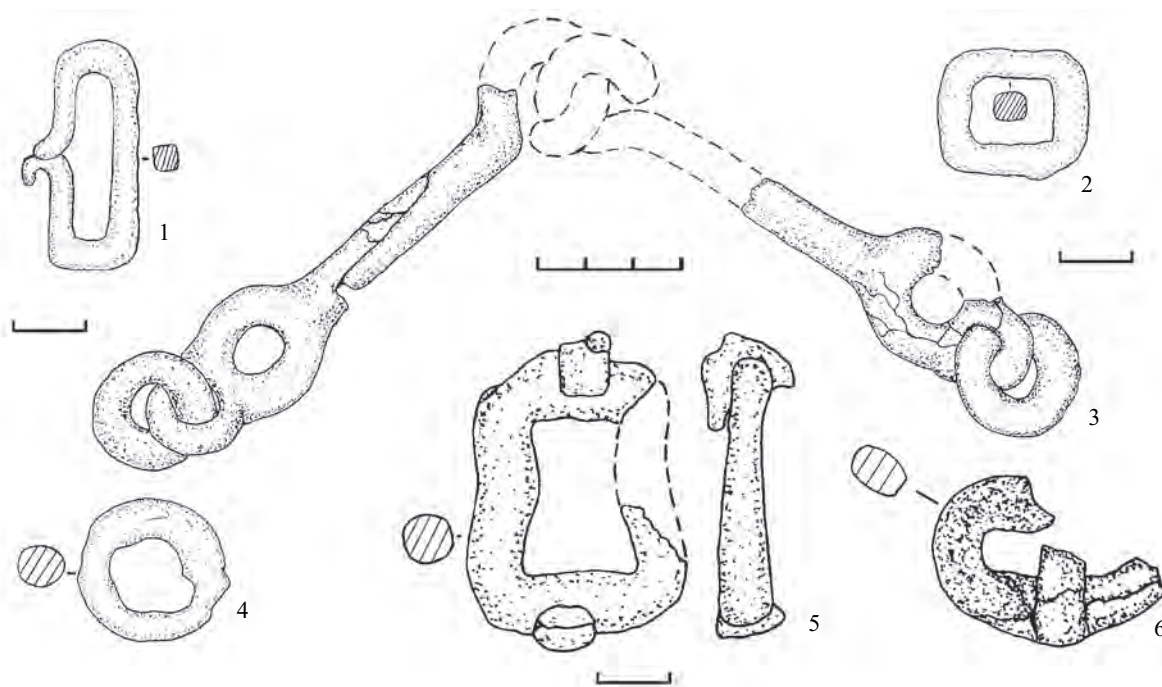

Рис. 26. Погребение 2 к.3 Сивашовки. Железные детали узды: 1, 2 – обоймы подпруги; 3 – удила; 4 – кольцо; 5, 6 – пряжки.

Fig. 26. Burial 2 of Sivashovka barrow 3. Iron parts of a bridle: 1, 2 – *beckets of a saddle-girth*; 3 – *a bit*; 4 – *a ring*; 5, 6 – *buckles*.

не восстанавливаются. Длина фрагмента – 6,5 см, максимальная ширина лезвия – 1,7 см.

2. Калачевидное кресало с удлиненным язычком, занимающим почти всю длину лезвия. В центральной части язычка расположена трапециевидная пряжка. На рамке пряжки – углубление для ее язычка, крепившегося в прорези на язычке кресала. Концы кресала невысокие, загнуты вертикально вверх. Длина – 8,5 см, ширина – 2,5 см, максимальная толщина – 0,7 см; ширина прорези для ремешка – 0,8 см.

Аналогичные по форме кресала найдены в п.7 к.1 Костогрызово (рис.39, 9) и п.12 к.7 Христофоровки (Prichodnyuk O., Fomenko V., 2003, fig.2, 4). Последнее в публикации дано в неточной прорисовке и с ошибочной реконструкцией, отражающей классическое позднесредневековое калачевидное кресало, ранний вариант которого, еще без длинных загнутых концов, найден только в п.1 к.2 Васильевки. В реальности язычок кресала из Христофоровки не треугольный, а полуовальной формы, на нем слегка заметно углубление, которое, очевидно, отражает отверстие. У кресала из Костогрызово, также нереставрированного, в центре едва заметно выделенного язычка – полуовальный выступ и также с нечетким проявлением прорези. Не установлено наличие прорези и на

ближайшем рассмотренном аварском кресале из п.18 Деска-G (Balogh Cs., 2004, Abb.7, 13). В то же время на близком кресале другого варианта из п.2 к.2 Сивашского (рис.32, 29) в центре удлиненного язычка расположена полуовальная пряжка с явной прорезью. Кресала подобного типа подвешивались непосредственно к ремешку пояса, но в п.2 к.3 Сивашовки и п.2 к.2 Сивашского они уже находились в кисетах, очевидно, из-за сломанных деталей пряжек. Традиция кресал с пряжками для непосредственного подвешивания к поясу в VIII–IX вв. зафиксирована у тюрок Алтая (Кубарев В.Д, 1984, рис.9), а у тувинцев она существовала до современности (Вайнштейн С.И., 1991, рис.85, 7-10).

3. Кремень (рис.19, 2). Подпрямоугольный отщеп кремня светло-серого оттенка с притупляющей ретушью по краям, очевидно, ударного происхождения. Размеры: 2x4 см.

4. Кожаный кисет для кресала. Подпрямоугольной формы, двухслойный, размеры около 6x10 см. Сохранилась лишь петля с прорезью для подвешивания к ремню (рис.19, 3) размерами 2,2x2,5 см, ширина прорези – 1,2 см.

5. Роговой кочедык с ушком для подвешивания (рис.27, 3). Поверхность заполирована, острый конец обломан, верхняя часть декорирована 4 фри-

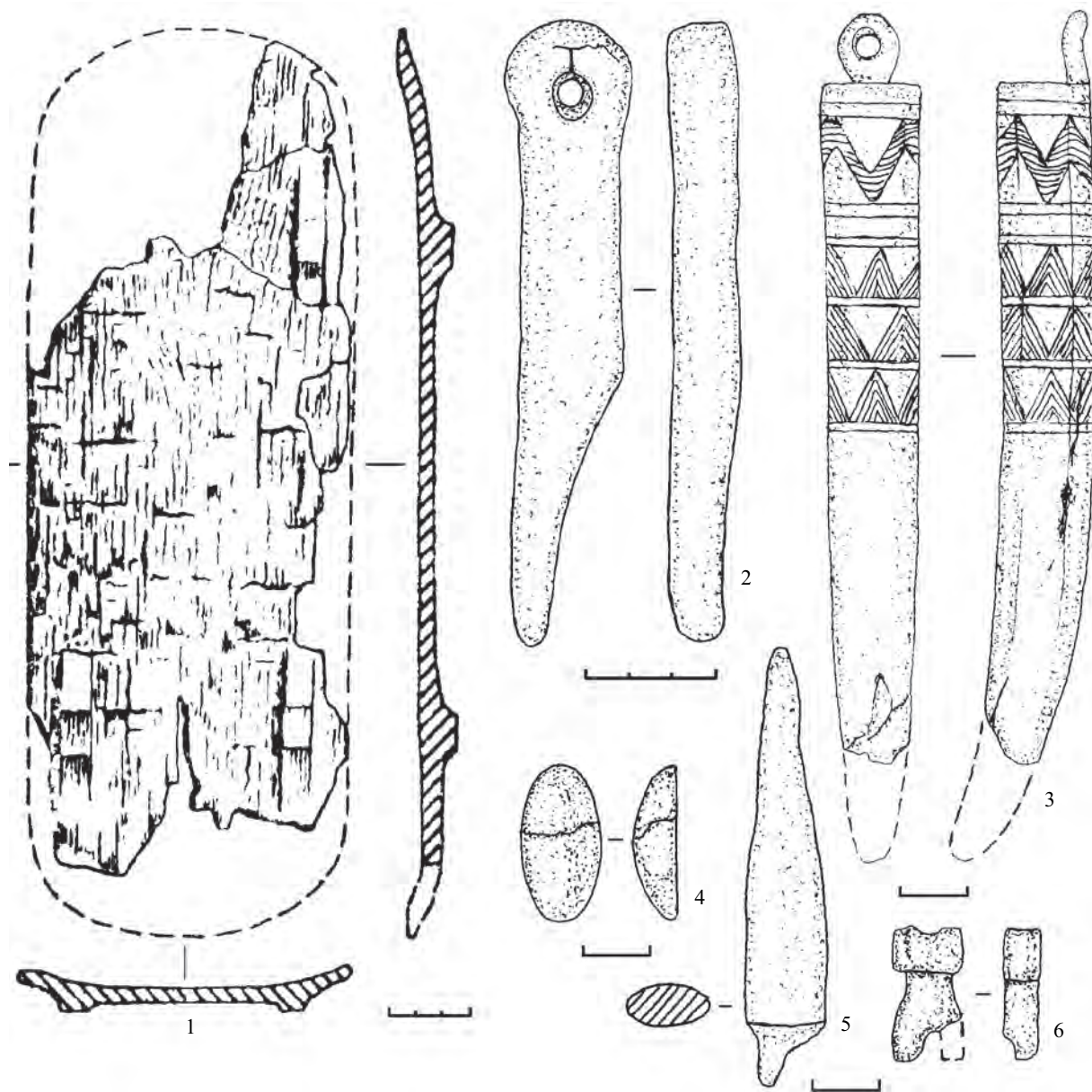

Рис. 27. Погребение 2 к.3 Сивашовки. Предметы из кости (3, 6) и дерева (1, 2, 4, 5): 1 – блюдо; 2 – колышек; 3 – кочедык; 4 – основа пуговицы; 5 – наконечник стрелы; 6 – ушко стрелы.

Fig. 27. Burial 2 of Sivashovka barrow 3. Bone items (3, 6) and wooden items (1, 2, 4, 5): 1 – a dish; 2 – a peg; 3 – a kochedyk; 4 – a button base; 5 – an arrowhead; 6 – an ear of an arrow.

зами с врезным орнаментом зигзагами. Сохранившаяся длина – 11 см, диаметр – 1,5 см, диаметр ушка – 0,9 см.

Роговые кочедыки находились в комплексах п.4 к.1 Изобильного (Айбабин А.И., 1999, рис.35, 6), п.5 к.12 Портового, п.10 к.4 Калининской (Атавин А.Г., 1996, табл.11, 9) и в Арцибашеве (Монгайт А.Л., 1951, рис.44, 1). Все они различны – в Портовом и Калининской гладкие без ушка, в Арцибашеве с ушком для подвешивания, в Изобиль-

ном – со шляпкой, декорированный насечками в виде “елочки”. Подобные изделия известны также в Восточном Приаралье (Левина Л.М., 1996, рис.104, 23, 25) и у алтайских тюрков (Гаврилова А.А., 1965, рис.6, 3).

6. Деревянное блюдо (рис.27, 1). Вытянуто-овальной формы, с низкими бортиками; внизу четыре подквадратные в сечении невысокие ножки. Длина – 55 см, ширина – 20 см, высота ножек – 2 см.

Деревянные предметы традиционно сохраняются плохо, возможно, поэтому аналогия блюду из п.2 к.3 Сивашовки в синхронных восточноевропейских комплексах есть только в п.5 к.9 Бородаевки. Бородаевское блюдо без ножек, корытообразной формы, его размеры несколько меньше: 38x16 см, а высота бортиков больше – до 8 см (Синицын И.В., 1947, с.131). Похожее блюдо сохранилось и в тюркском погребении из Чатыра (Худяков Ю.С., Кочеев В.А., 2000, рис.2, 2), к.2 и 23 Кокэля (Вайнштейн С.И., 1966, рис.10, 14, 73); в Восточном Приаралье блюдо на ножках обнаружено в к.260 Алтыназара, без ножек – в к.247 и к.266 (Левина Л.М., 1996, рис.102, 11-13); последние полностью аналогичны более ранним пазырыкским, таштыкским и хуннским блюдам (Вайнштейн С.И., 1991, рис.58, 2, 3; Кызласов Л.Р., 1992, рис.23). Описание использования подобных блюд-столиков для мяса во время трапезы у шада хазар в 629 г можно найти в албанской хронике (Мойсей Каганкатваци, 1861, с.125, 126). А у тувинцев, алтайцев и хакасов традиция деревянных столиков-блюд сохранялась до XIX в. (Вайнштейн С.И., 1991, с.106-108; рис.58, 1).

7. Фрагменты круглого зеркала с ручкой (рис.28). Состоит из круглого диска с орнаментированным бортиком и ручки, крепившейся к диску при помощи двух заклепок. Диаметр – около 8,2 см, ширина ручки – 1-2,2 см.

Отношение зеркала к комплексу под вопросом: в отчете нет упоминания о его находке, но на таблицах оба обломка как два разных предмета фигурируют в составе п.2. Поскольку в к.3 остальные погребения принадлежат к эпохе бронзы, случайность перенесения предмета из других комплексов кургана исключена, речь может идти только о непреднамеренном смешении материалов из другого кургана в процессе подготовки отчета. Обратит внимание на этот предмет нас заставляют несколько обстоятельств. Во-первых, подобный обломок зеркала с бортиком найден в п.10 к.4 Калининской (Атавин А.Г., 1996, табл.11, 5). Во-вторых, именно зеркала с боковой ручкой составляют основной тип зеркал, известных в степях Восточной Европы, начиная с 1-й трети VI в., – к.3 Шипово (Засецкая И.П., 1994, табл.40, 5), памятники новинковского (Багаутдинов Р.С. и др., 1998, рис.19, 5, 7) и соколовского (Иванов А.А., 2000, с.12) типов VIII в., салтовские могильники 2-й пол.VIII – IX в. – Нетайловка, Сухая Гомольша, Лысогоровка. Наибольшее же распространение этого типа зеркал в VI-VII вв. наблюдаем в могильниках джетыясарской культуры Восточного Приаралья (Левина Л.М., 1996, рис.152-159). По уступчатой форме ручки сивашовскому экземпляру ближе всего зеркало из п.366 Алтыназара 4 (Левина Л.М., 1996, рис.156, 9).

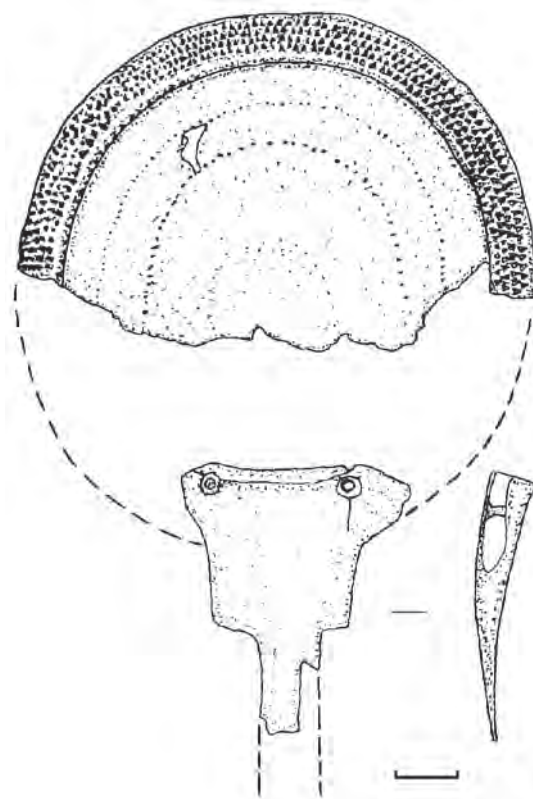

Рис. 28. Погребение 2 к.3 Сивашовки (?).
Бронзовое зеркало.

Fig. 28. Burial 2 of Sivashovka barrow 3 (?). A bronze mirror.

Другие предметы

1. Железный клинышек (рис.19, 8). Плоский, с небольшой раскованной шляпкой. Размеры: 1,6 x1 см.

2. Фрагменты железных обоек – 2 экз. (рис.19, 4, 5). Прямоугольной формы, крепились к ремню при помощи медной заклепки, сохранившейся в одном из экземпляров (рис.19, 5). Размеры: 2x1,4 см, 2,2x1,7 см, толщина – 1,5 мм.

3. Железное кольцо (рис.26, 4). Выковано из круглого в сечении прута; сечение – 0,4-0,6 см, диаметр – 2 см.

4. Деревянный полуовоидный предмет (рис.27, 4). Одна сторона плоская. Длина – 2,3 см, ширина – 1,2 см, толщина – 0,6 см. Местонахождение предмета не указано, но это вполне могла быть деревянная основа обшитой тканью пуговицы.

1.3. Датировка комплекса

К моменту первой публикации материалов п.2 к.3 Сивашовки (Орлов Р.С., 1985) внутренней

периодизации степных погребений с “геральдическими” наборами фактически не существовало – все они относились широко к VII в. (Амброз А.К., 1981). Р.С.Орлов попытался сузить дату погребения из Сивашовки до 1-й пол.VII в., опираясь на оценку времени бытования Т-образных бляшек в Прикамье В.Ф.Генингом (Генинг В.Ф., 1979), а также на представления о том, что Р-образные скобы ножен во 2-й пол.VII в. у авар сменяются полукруглыми (Орлов Р.С., 1985, с.104), хотя в последнем случае речь шла о рубеже 670/680 г, как традиционно датируется появление среднеаварских комплексов горизонта Озоры-Тотипусты. Позже исследователь синхронизировал аналогичные скобы из п.3 к.5 Виноградного со скобами ножен из Перещепины (Орлов Р.С., Рассамакин Ю.Я., 1996, с.112, 113), датируемых не ранее 643-646 гг по монетам.

Несмотря на то, что в целостном виде погребение из Сивашовки не было опубликованным, И.О.Гавритухин попытался сузить его дату до 1-й трети VII в., используя при этом три признака (ИС 5, 6, 8) – пряжки с трапециевидной рамкой и щитком с боковыми вырезами (рис.13, 20, 21), одночастную “двурогую” бляшку (рис.13, 5) и двущитковые бляшки (рис.13, 7-9) (Гавритухин И.О., Обломский А.М., 1996, с.91). Собственно, способствовала этому не хронологическая выразительность упомянутых трех признаков, а создание объемной и действительно трудоемкой системы синхронизации культур Восточной Европы кон. VI – VII в., которая, как показали дальнейшие работы исследователя, аргументирует жесткую синхронность бытования схожих вещей в различных регионах и расценивается им как “универсальный инструмент” датировки любых культур, в т.ч. и кочевнических комплексов (Гавритухин И.О., 2001б, с.40, 41, 46; 2001в, с.45, 63; 2005). Неоднократно высказанная в печати уверенность исследователя в действенности разработанной им схемы именно для степных комплексов побудила нас к попытке оценить неучтенные признаки комплекса п.2 к.3 Сивашовки, используя работы И.О.Гавритухина, что, впрочем, привело к несколько странным результатам.

Кроме п.2 к.3 Сивашовки, И.О.Гавритухин предложил также узкую датировку для двух степных погребений из Калининской и п.2 к.29 Чапаевского, попавших на основании “индикаторов синхронизации” в промежуток “2-я и 3-я четв. VII в.” (Гавритухин И.О., Обломский А.М., 1996, с.92-94). Для нас они представляют несомненный интерес, так как в них находились большие и маленькая “двурогие” бляшки, Т-образные бляшки, щитовидные бляшки с круглым вырезом сверху (Атавин А.Г., 1996, табл.7, 1-4, 6, 9; 9, 10), аналогичные сивашовским, а также близкие щитовидные

бляшки с волнистой прорезью, наконечник с боковыми вырезами и круглые бляшки с прямоугольным выступом, колчанная накладка с аналогичным сивашовскому декором (Атавин А.Г., 1996, табл.7, 5; 10, 5, 7; 13, 14; 15, 6). Согласно полученной исследователем датировке этих предметов, весь пояс из п.2 к.3 Сивашовки и портупея колчана принадлежат к позднейшей группе предметов комплекса (но почему-то недатирующей!), тогда как его дата определена по наиболее раннему набору деталей обуви. Учитывая, что даты “1-я треть” и “2-я и 3-я четв. VII в.” пересекаются в рамках 2-й четв. VII в., “позднюю” группу сивашовских предметов (т.е. пояс и колчан с портупеей) в схеме И.О.Гавритухина логично будет датировать именно в рамках этого периода.

В системе дробной периодизации поясных деталей крымских комплексов (Гавритухин И.О., Обломский А.М., 1996, с.63-69; рис.68а), “корректирующей” хронологическую систему А.И.Айбабина (Айбабин А.И., 1990), сивашовские обувные пряжки попадают в группу 2 ременных деталей (период 2а), а обувные бляшки – в группу 4 (период 2б); Т-образные бляшки и наконечники с боковыми вырезами оказываются в промежуточной группе 3, щитовидные бляшки с круглым вырезом, наконечники с прорезью в виде замочной скважины и наконечники с прямыми боками и двумя отверстиями – в группе 5 (период 3а), а щитовидные бляшки с волнистой прорезью – в группах 3 и 6 (период 3б) одновременно. Учитывая, что начало периода 2а датировано И.О.Гавритухиным рубежом VI-VII вв., а конец периода 3б – 3-й четв. VII в., получается, что комплекс серебряных деталей из Сивашовки последовательно формировался на протяжении 50-70 лет, начиная с пряжек обуви и заканчивая щитовидными бляшками ремня. Схема формирования комплекса в целом сохраняется, но теперь верхняя граница его формирования поднимается до 3-й четв. VII в.

В не менее дробной системе периодизации аланского могильника Мокрая Балка (Гавритухин И.О., Обломский А.М., 1996, с.81-83, рис.87; Гавритухин И.О., 2000б), в основу которой И.О.Гавритухиным была положена система хронологии аланской керамики В.Ю.Малашева (Малашев В.Ю., 2001), у нас получается совсем другая эволюционная картина, если не сказать, даже обратная. Щитовидные бляшки с круглым вырезом, одночастная “двурогая” бляшка и наконечники с двумя отверстиями из кат.100 здесь относятся к этапу IIa (560/600 – 620/630 гг), щитовидная бляшка с волнистой прорезью, Т-образные бляшки с заостренными окончаниями щитка и наконечник с боковыми вырезами из кат.89 и 94 – к этапу IIb2 (620/630 – 650/670 гг), аналогичные сивашовским уздечным двучастная и

двуштитковая бляшки из кат.29 – этапу Ша (620/630 – 670/680 гг), а пряжка с трапециевидной рамкой и щитком с боковыми вырезами из кат.117 – к этапу Шб (около 650 – 680/720 гг). Попытка привязать сивашовские детали к этой схеме покажет, что комплекс формировался более столетия, на этот раз начиная с бляшек второго комплекта поясного набора и заканчивая уздой и пряжками обуви. При этом, отрицая возможность несовпадения дат кочевнических комплексов с его синхронистической системой и образования ими отдельной культурной группы с независимой от соседних культур хронологией, И.О.Гавритухин неожиданно аргументирует раннюю позицию поясного набора из кат.100 Мокрой Балки с “явно не ранними”, по его же определению, деталями именно “культурной спецификой” кислородских материалов, противоречащей всей аксиоматике хронологических систем исследователя (Гавритухин И.О., 2001б, с.44).

Компактно сивашовские детали ложатся в один хронологический этап, по И.А.Гавритухину, только для одного региона – Поволжья (Гавритухин И.О., 1996; Гавритухин И.О., Обломский А.М., 1996, с.84-89, рис.89). Как оказалось, причин тому две: во-первых, в систему введены кочевнические погребения из Иловатки, Зиновьевки и Бережновки; во-вторых, группа поясных деталей II датирована широко VII в. без уточнений.

Вывод из этого разбора очевиден – даже для серьезных квалифицированных хронологических исследований всегда опасна абсолютизация хронологического значения одной или нескольких деталей без учета всех признаков комплекса, особенно вырванных из его культурного и социального контекста и привязанных к специфике другого. Часто практикуемая исследователями при хронологическом анализе, эта методика не только не продуктивна, но и чревата созданием квазисистем, место в котором находится только тем элементам, которые работают на саму “систему”.

Другой подход использован в работах А.В.Комара, предложившего схему эволюции культуры восточноевропейских кочевников VII – нач.VIII в., основанной как на смене типов конкретных предметов, так и на изменении техники их исполнения и декора (см. Комар А.В. “Перещепинский комплекс...” в настоящем сборнике). В этой системе п.2 к.3 Сивашовки выступает как эталонный комплекс “горизонта Сивашовки” или “Сивашовки – Макуховки” при объединении комплексов рядового и высшего социального уровня. В связи с этим принципиальное значение приобретает более детальный разбор состава комплекса п.2 к.3 Сивашовки, а также его взаимосвязей с синхронными кочевническими комплексами Восточной Европы.

Относительная схема комплектации инвентаря п.2 к.3 Сивашовки устанавливается в общих чертах благодаря анализу взаимосвязей предметов самого комплекса. Первую хронологическую группу составляют поясные детали первого комплекта пояса, португепя колчана и португепя меча. Учитывая стоимость последнего, трудно предполагать, что погребенный из Сивашовки успел поменять меч на другой, оставив при этом старую португепю, поэтому к первой группе уверенно относится и меч. Берестяной колчан – изделие более хрупкое, его принадлежность к группе I под вопросом, но однозначно к ранним вещам относится лук. Стилистически ближе всего к группе I и набор обувных деталей – на пряжках щитки с боковыми вырезами, на двуштитковых бляшках – U-образные прорезы, аналогичные прорезам T-образных бляшек. Группу II составляют серебряные украшения сбруи и поясная “двурогая” бляшка. Наличием прочерченных линий эта группа родственна группе II, но стилистически обособлена характерным элементом – прочерчиванием коротких линий от отверстий к краям бляшек. Группа III – детали второго комплекта пояса.

Детально аналогии предметам каждой из групп рассмотрены выше, здесь же важно проследить наличие элементов различных групп в других комплексах.

Детали и элементы стиля группы I наиболее распространены в п.3 к.5 Виноградного (щитовидная бляшка с волнистой прорезью, T-образная бляшка, двуштитковые бляшки с U-образными прорезями, пряжка с трапециевидной рамкой и щитком с вырезами, меч с ножнами, железная петля), в “Царском кургане” (щитовидная бляшка с волнистой прорезью, двуштитковые бляшки с U-образными прорезями, пряжка с трапециевидным щитком), п.2 к.29 Чапаевского (T-образная бляшка, наконечник с боковыми вырезами, маленькая “двурогая” бляшка), п.12 к.1 Дмитровки (T-образная бляшка, наконечники ремешков с боковыми вырезами, двуштитковые бляшки с U-образными прорезями), п.2 к.3 Сивашского (обувные наконечники, железные пряжки с фиксаторами язычков, лук), п.12 к.8 Богачевки (щитовидная бляшка с волнистой прорезью, наконечник с боковыми вырезами), п.4 к.1 Изобильного (T-образная бляшка, наконечник ремешка с боковыми вырезами), п.11 к.1 Черноморского (щитовидная бляшка с волнистой прорезью, T-образные бляшки), п.10 к.2 Рисового (наконечник с боковыми вырезами, двуштитковые бляшки с U-образными прорезями), в Зиновьевке (обувные обоймы, пряжка с трапециевидным щитком), п.10 к.4 Калининской (щитовидная бляшка с волнистой прорезью), п.3 к.30 Калининской (щитовидная бляшка с волнистой прорезью), п.2 к.2 Васильевки (T-об-

разная бляшка), п.1 к.111 Бережновки II (пряжка с трапециевидной рамкой и щитком с вырезами), п.7 к.1 Бережновки I (Т-образная бляшка), п.1 к.1 Авиловского (обувные обоймы, лук, колчан), п.5 к.12 Портового (пряжки с трапециевидным щитком), в Арцибашеве (меч с ножнами), Перещепине (меч).

Детали и элементы стиля группы II представлены в п.7 к.1 Бережновки I (“двурога” бляшка, наконечники с прорезью в виде “замочной скважины”), п.12 к.8 Богачевки (“восьмеркообразные” бляшки, наконечники с прорезью в виде “замочной скважины”, декор прочерченными линиями от отверстий к краям), Арцибашеве (удила, бляшки в виде круга со щитком, декор прочерченными линиями от отверстий к краям), п.2 к.29 Чапаевского (“двурога” бляшка), п.7 к.7 Христофоровки (двущитковые бляшки), Епифанове, к.14 Белозерки, п.10 к.4 Калининской (бляшки в виде круга со щитком, декор прочерченными линиями от отверстий к краям), Зиновьевке (“восьмеркообразные” бляшки), п.4 к.1 Изобильного, п.1 к.8 Христофоровки, “Царском кургане”, п.7 к.1 Бережновки I, п.1 к.111 Бережновки II (наконечники с прорезью в виде “замочной скважины”), п.11 к.1 Черноморского и п.12 к.1 Дмитровки (декор прочерченными линиями от отверстий к краям), Вознесенке, Глodosax (удила).

Детали и элементы стиля группы III – п.7 к.1 Бережновки I (щитовидные бляшки с круглым вырезом, U-образный наконечник с прямыми сторонами), Епифанов, п.10 к.4 Калининской, п.2 к.29 Чапаевского (щитовидные бляшки с круглым вырезом), п.11 к.1 Черноморского, п.3 к.30 Калининской, “Царский курган”, Арцибашев (щитовидные бляшки с круглой прорезью), Зиновьевка (U-образный наконечник с прямыми сторонами).

Еще одна группа признаков связана с деталями седла: само седло близко седлу из п.5 к.9 Бородаевки, железная обойма с отогнутыми концами – железным обоймицам из Уч-Тепе, железная подлировидная пряжка – пряжкам из п.3 к.30 Калининской, Уч-Тепе, Вознесенки, а железная слегка В-образная пряжка – п.2 к.1F Аджиголя. Боевой нож объединяет п.2 к.3 Сивашовки с п.2 к.3 Сивашского, п.1 к.3 Малой Терновки, п.2 к.5 Родионовки, п.5 к.4 хут. Крупской, Уч-Тепе, а калачевидное кресало – с п.7 к.1 Костокрызово и п.12 к.7 Христофоровки.

Оценить относительную позицию выделенных в комплексе из Сивашовки групп предметов помогает и его сравнение с комплексами более раннего и более позднего горизонтов. В п.1 к.3 Шелюг, принадлежащем к горизонту Садовец – Шелюги (см. Комар А.В. “Перещепинский комплекс...” в настоящем сборнике), представлены в основном предметы группы II – круглая бляшка со щитком и тремя отверстиями, наконечник с прорезью в виде “замочной скважины”; большинство деталей деко-

рировано прочерченными линиями от отверстий к краям (рис.47, 3-5, 8, 9, 12, 13). Можно вполне допустить, что группа II более ранняя, чем группа I, но этот же стиль наблюдаем и на деталях комплекта группы III из п.11 к.1 Черноморского, выполненных уже литьем и прессовкой, что характерно для следующего горизонта Уч-Тепе, и на бляшках из Арцибашева и п.10 к.4 Калининской, т.е. из комплексов, принадлежащих к этому горизонту. Решающим здесь является факт отсутствия в настоящее время кочевнических погребений с начальным поясом из одной серебряной одночастной “двурогой” бляшки, а также размеры самой бляшки, рассчитанной на более широкий ремень, чем бляшка с серповидной прорезью. В пользу более поздних связей узды говорит и присутствие аналогий сивашовским удилам лишь в Арцибашеве, Вознесенке и Глodosax. Также в основном в поздней группе сосредоточены и аналогии деталей подпруги – Уч-Тепе, п.2 к.1F Аджиголя, Вознесенка, т.е. снаряжение коня обновлялось все же позже получения первого рангового пояса и изготовления серебряных деталей портупей колчана и меча.

Элементы стилей групп I-III объединены в п.7 к.1 Бережновки I, “Царском кургане”, п.2 к.29 Чапаевского, Арцибашеве, Зиновьевке, п.10 к.4 Калининской, п.11 к.1 Черноморского; стилей I, III – в п.3 к.30 Калининской; II, III – в Епифанове. Все эти комплексы несомненно формировались в одно время, а сами стили групп I-III определенное время сосуществовали. Отсутствие в целом ряде комплексов с элементами групп I-II предметов группы III вряд ли объясняется только хронологической разницей, поскольку добавленные в группе III элементы, уже судя по одному количеству деталей, относятся к ранговому, которых закономерно не было на поясах начальных рангов с небольшим количеством бляшек. В противном случае придется допустить заведомо невероятную схему, что до “этапа группы III” доживали только люди с большим количеством бляшек на поясе. С другой стороны, именно на предметах группы III (наконечники из п.2 к.3 Сивашовки и наконечники и бляшки из п.11 к.1 Черноморского) мы действительно наблюдаем появление техники прессовки “геральдических” деталей, которая начинает широко внедряться на следующем хронологическом этапе горизонта Уч-Тепе (см. Комар А.В. “Перещепинский комплекс...” в настоящем сборнике).

На наш взгляд, комплексы с литыми геральдическими деталями групп I-III, в целом, составляют достаточно узкий монолитный хронологический срез культуры восточноевропейских кочевников, из которого выделяется только небольшая группа более богатых комплексов, формировавшихся не в 1-2, а в 2-3 этапа с закономерным наличием пред-

метов более позднего изготовления. Этот горизонт оставлен представителями одного-двух поколений и действительно может быть назван по имени наиболее яркого комплекса из Сивашовки.

Что может служить наиболее показательными индикаторами времени изготовления предметов трех групп сивашовского комплекса?

Для группы I, в первую очередь, это меч – однолезвийный клинок с перекрестьем в виде накованной пластины, с двулезвийным острием. Ближайшие аналогии этим деталям конструкции находим в мече с кольцевым навершием из Перещепины (Залеская В.Н. и др., 1997, кат.25). По типу рукояти ему полностью аналогичен другой меч – из п.3 к.5 Виноградного, ножны которого, в свою очередь, выполнены в стиле второго перещепинского меча (Залеская В.Н. и др., 1997, кат.40). В том, что речь идет не об отживающих, а именно о появляющихся на этапе Перещепины традициях, убеждают приведенные выше аварские параллели: продолжение изготовления мечей с кольцевым навершием и перекрестьем в виде железной пластины во II среднеаварском периоде (Кечкемет, Кунагота), бытование только в комплексах этого периода сабель с длинной рукоятью, сходство формы Р-образных петель ножен из Сивашовки и Мадараша. В Восточной Европе продолжение стиля оформления меча из Сивашовки на этапе горизонта Уч-Тепе наблюдаем в Арцибашеве и частично в самом Уч-Тепе, а двулезвийное острие в VIII в. становится обязательным для салтовских сабель.

Щитовидная бляшка с серповидной прорезью, как уже указывалось выше, является дериватом щитовидных бляшек с волнистой прорезью. Этот вариант бляшек несомненно византийского происхождения, поскольку он представлен в наиболее ранних “геральдических” наборах 2-й пол.VI – 1-й пол.VII в. Подунавья и Крыма: Плевен-Кайлка, п.1 с.74 Лучистого, мог.1867 г Керчи, склеп 449 Скалистого. В Крыму аналогичные бляшки использовались в основном в 1-й пол.VII в., а во 2-й половине века они сменяются щитовидными бляшками с круглым вырезом, хотя встречены и в погребении 2-й пол.VII в. (Айбабин А.И., 1990, с.54). Еще дальше этот стиль держится у авар. В п.18 Деск-Г прессованные имитации щитовидных бляшек с волнистой прорезью сочетались в комплексе с близким сивашовскому кресалом и “восьмеркообразным” стременем с прямой подножкой II среднеаварского периода (Balogh Cs., 2004, Abb.7, 3, 13; 8, 9); синхронны ему, скорее всего, и п.2 Деск-М с такими же бляшками и декором обкладок меча в стиле обкладок из п.11 к.11 Яблони (Balogh Cs., 2004, Abb.14, 5, 6, 28), и п.49 могильника Мокрин/Хомокрев (Ю)-Водоплав-Флур, также с такими щитовидными бляшками (Balogh Cs., 2004, Abb.20, 3). В п.18

Деск-Н в этом стиле оформлен наконечник ремня, также в комплексе были прессованные подражания ременным бляшкам из Бочи и восьмеркообразные стремена (Balogh Cs., 2004, Abb.9, 4-9, 18; 12, 1).

Начальная бляшка сивашовского пояса литая, но ее дериватный статус, а также бляшки из п.3 к.5 Виноградного, по сравнению с крымскими поясами 1-й пол.VII в., указывает на “излет” этого стиля – для Восточной Европы ориентировочно 2-я треть VII в. Еще один показательный момент – наличие маленькой “двурогой” бляшки, полностью аналогичной редкой сивашовской накладке португалии колчана, в комплексе п.2 к.29 Чапаевского. Присутствие в последнем псевдопряжек служит поводом синхронизации времени изготовления предметов группы I Сивашовки с этапом формирования Перещепинского комплекса, датированного по монетам не ранее 643-646 г. Вторым “контрольным” комплексом является п.1 западного кугульского склепа 3, где щитовидная бляшка с волнистой прорезью и маленькая двурогая бляшки сочетались с пряжкой с трапециевидной рамкой (Рунич А.П., 1979, рис.5, 16; 6, 23, 27), аналогичной пряжкам из п.2 к.29 Чапаевского (Атавин А.Г., 1996, табл.6, 4), Костогрызово (рис.37, 1) и Келегеев (Prichodnjuk O., Chardarov V., 2001, Abb.4, 3).

Отдаленную параллель можно провести и между колчанами из Сивашовки, Перещепины и синхронных аварских комплексов (Боча, Кунбабонь), но сходство их форм, скорее, обусловлено общими центральноазиатскими истоками. Ближайшие же аналогии декору сивашовского и перещепинского колчанов, наверное, не случайно известны в Вознесенке, а для сивашовского также в п.11 к.11 Яблони нач.VIII в., так как оба типа колчанов распространены в Азии в основном в VIII-IX вв., а 2-я пол.VII в. является лишь периодом их возникновения.

Для группы II важны позиции двух комплексов горизонта – уже упомянутого п.2 к.29 Чапаевского, где в состав пояса входили 3 одночастных “двурогих” бляшки, составлявших комплект 3 псевдопряжек, а также Епифанова, где находился близкий сбруйный набор и бронзовый поясной крюк (Безуглов С.И., 1985, рис.1, 19), аналогичный находке из Бочи (Garam E., 1993, Taf.8, 1). Еще одним комплексом, определяющим время изготовления сивашовской сбруи, является Мартыновский клад, где известна аналогичная двущитковая бляшка (Pekarskaja L.V., Kidd D., 1994, Taf.36, 2). Двущитковые бляшки этого же варианта, но украшенные вставкой по центру, найдены и в упомянутом выше п.1 западного кугульского склепа 3 (Рунич А.П., 1979, рис. 6, 33, 34).

Изделия стилистики группы II (с прочерченными от отверстий линиями) представлены, кро-

ме Мартыновского, и в других славянскихкладах – Трубчевском (Приходнюк О.М. и др., 1996, рис.8, 9-11, 14; 10) и Гапоновском (Гавритухин И.О., Обломский А.М., 1996, рис.29, 6, 7). В кочевнических комплексах горизонта Уч-Тепе – Арцибашеве и п.10 к.4 Калининской продолжается стиль литых бляшек с прочерченными линиями, а в п.5 к.12 Портового уже представлены прессованные варианты бляшек. Поздние дериваты известны и в п.1 Манякского могильника в Приуралье нач. VIII в. В основном в более поздних кочевнических комплексах находят аналогии и сивашовские удила – Арцибашев, Вознесенка, Глодосы, но в аварских погребениях аналогичные удила найдены в п.90 Кёрнье вместе с “раннеаварскими” стременами, близкими перещепинским (Salamon A., 1969, Abb.8, 5-7). В пп.71, 78 этого же могильника находились прессованные варианты сбруйных бляшек в виде круга со щитком (Salamon A., 1969, Abb.5, 20), а в п.151 – одночастная “двурогая” бляшка (Salamon A., 1969, Abb.5, 3, 4; 6, 6). Все эти погребения несомненно синхронны горизонту Бочи по подражаниям дорогим инкрустированным псевдопряжкам и пряжке с рифленой рамкой (Salamon A., 1969, Abb.5, 5, 18; 6, 9). Еще один важный аварский комплекс горизонта Бочи – Тольнанемеди, вмещавший “классический” восточноевропейский наконечник с прорезью в виде “замочной скважины” и двумя отверстиями с прочерченными к краям линиями (Garam E., 2001, Taf.95, 2). Обломок прессованной бляшки с прочерченными к краям линиями от отверстий известен и в п.1 Сегвар-Оромдюле (Lorinczy G., 1992, Abb.5). Этот комплекс интересен также наличием прессованных двучастных “двурогих” бляшек и железной “лировидной” пряжки, близких уч-тепенским, серьги в виде пирамидки с шариком на конце, аналогичной арцибашевской, серьги с кольцом из шариков, один из которых крупный, аналогичной серьге из п.1 к.2 Брусян II, подвесных зеренных медальонов со вставками, аналогичных медальону из Джигинской и Уфы, овальной бляшки со вставкой, аналогичной находкам из к.17 Наташино, п.2 к.1 Карнаухова и п.5 к.III Мадары, и прессованных круглых бляшек, близких находкам из п.7 к.1 Костогрызово, п.2 к.1 Березовки I и Вознесенки (Lorinczy G., 1992, Abb.4; 5). Комплекс п.1 Сегвар-Оромдюле находит выразительные аналогии в восточноевропейских кочевнических погребениях горизонтов Уч-Тепе (Уч-Тепе, Арцибашев, к.17 Наташино, п.7 к.1 Костогрызово, п.2 к.1 Карнаухова, Уфа) и Шиловки фаз 1 и 2 (п.2 к.1 Березовки I, Вознесенка, п.1 к.2 Брусян II), которые синхронны комплексам II среднеаварского периода горизонтов Озоры и Игара.

Если допустить, что обновление сивашовской сбруи произошло одновременно с изготовлением седла, мы получаем еще один репер благодаря

датировке барельефа императора Тай-Цзуна 637 г – на данный момент уже существовал тип сивашовского седла, но еще не существовало его варианта с глубокими ленчиками и невысокой задней лукой, который, судя по рассмотренным нами выше датированным аналогиям 1-й пол. VIII в., появился только во 2-й пол. VII в. Железной лировидной пряжке подпруги находим аналогии в Уч-Тепе и Вознесенке, а из более ранних кочевнических комплексов – в п.3 к.30 Калининской вместе с бляшкой с птичьими головками (Атавин А.Г., 1996, табл.13, 10), аналогичной бляшкам из Бочи (Garam E., 1993, Taf.8, 3) и Кунбабоня (Toth E.H., Horvath A., 1992, fb.Taf.5). В Мокрой Балке такие пряжки характерны для периода 3, по Г.Е.Афанасьеву (Афанасьев Г.Е., Рунич А.П., 2001), в основном синхронного горизонту Вознесенки, а у авар близкую пряжку можно отметить в п.18 Деск-Н с прессованными подражаниями бляшкам из Бочи и “восьмеркообразными” стременами, т.е. уже, скорее, II среднеаварского периода (Balogh Cs., 2004, Abb.9, 4-9; 11, 22; 12, 1).

Как видим, изделия группы II несомненно синхронны аварскому горизонту Боча – Кунбабонь и горизонту “антских” кладов; в восточноевропейских кочевнических комплексах этот стиль синхронен этапу формирования Перещепинского комплекса и частично горизонту Уч-Тепе.

Индикаторы группы III – это бляшки с круглым вырезом, представленные в уже упомянутом комплексе горизонта Бочи – Перещепины из Епифанова, комплексе из Гудермеса этого же горизонта (Гавритухин И.О., Обломский А.М., 1996, рис.82, 44-46), уже не раз упоминавшемся п.1 западного кугульского склепа (Рунич А.П., 1979, рис.6, 28) и п.10 к.4 Калининской со стременем, аналогичным стремени из Вознесенки, принадлежащем к горизонту Уч-Тепе. Также показательное использование в группе III техники прессовки для наконечников свисающих ремешков, характерной для восточноевропейских кочевнических комплексов именно горизонта Уч-Тепе – Келегеи.

Таким образом, изделия групп I-II синхронны подарочному византийскому комплексу и деталям ножен “макуховского” стиля из Перещепины, горизонту “антских” кладов I группы, по О.А.Щегловой, и аварским комплексам горизонта Боча – Кунбабонь (I среднеаварского периода), с отдельными параллелями в комплексах II среднеаварского периода. Изделия же группы III частично синхронны горизонту Бочи – Кунбабоня (и ранней части Перещепинского комплекса), но по использованию техники прессовки на наконечниках они вплотную примыкают к изделиям горизонта Уч-Тепе – Келегеи, что подтверждается и наличием щитовидных бляшек с вырезом в п.10 к.4 Калининской, принадлежащем к этому горизонту. Впечатление близости

сивашовских наконечников по стилю прессованным изделиям горизонта Келегеев усиливают тисненые “волюты” на одном из наконечников (рис.12, 33), но, как уже подчеркивалось, их происхождение может быть связанным и просто с деформацией наконечника при пайке шпеньков или при креплении бляшки к ремню, поэтому этот признак сомнителен.

Более реальной выглядит позиция комплекса из Сивашовки в рамках этапа, предшествующего широкому распространению применения восточно-европейскими кочевниками техники тиснения для изготовления украшений из цветных металлов, соответствующего горизонту Уч-Тепе – Келегеи или горизонту Озоры II среднеаварского периода. Группа III уже вплотную примыкает к ним, но основу комплекса составляют все же предметы групп I-II, синхронные горизонту Макуховки и комплексам I среднеаварского периода. Абсолютная дата собственно макуховского комплекса определяется солидом 638 г чеканки. Очень близкие реперы имеет и комплекс из Сивашовки благодаря седлу – post 637 г и благодаря мечу – post 643-645 гг.

Вопрос, отражает ли эта дата точку отсчета формирования комплекса, или же речь идет о дате, приближенной ко времени совершения погребения, в нашем случае решается однозначно в пользу первого варианта. Состоянием на 30-е гг VII в. тип сивашовского седла еще находился в процессе эволюции, которая закончилась к нач. VIII в. Существование седла с вертикальной передней лукой из п.5 к.9 Бородаевки, а также, вероятно, аналогичного седла в Перещепине (с поздними тисненными золотыми обкладками, декорированными в стиле изделий из Вознесенки и к.17 Чир-Юрта), подсказывает, что сивашовский комплекс примыкает к комплексам горизонта Уч-Тепе – Келегеи и по этому показателю, но не может быть прямо синхронизирован с ними. Абсолютные реперы горизонта Уч-Тепе – Келегеи и синхронного ему аварского горизонта Озоры – это солид 668-673 гг из Озоры-Тотипусты, подражание солиду этого же выпуска из п.53 Похибуй-Мачко-дюле (Garam E., 1992, S.146, 147) и серебряная гексаграмма 669-674 гг чеканки из клада в Земянском Врбовке (Štefanovičova T., 1996, S.279), т.е. условно post 669 г (или традиционно “post 670/680 г”). Период формирования комплекса из п.2 к.3 Сивашовки, таким образом, попадает в условные рамки [post] 643 – [post] 669 гг, но само погребение явно совершено в завершальной фазе этого периода – не ранее 60-70 гг VII в.

Горизонт Сивашовки синхронен группе 9 крымских комплексов, по А.И.Айбабину, датированной исследователем 2-й пол.VII в., и частично финалу группы 8 1-й пол.VII в. (Айбабин А.И., 1999, с.277-280), горизонту “антских” кладов I группы,

сокрытие которых И.О.Гавритухин, О.М.Приходнюк и О.А.Щеглова относят к 3-й четв.VII в. (Гавритухин И.О., Обломский А.М., 1996, рис.29, 6, 7; Приходнюк О.М., 2001; Щеглова О.А., 1990; 2000), аварским комплексам горизонта Бочи-Кунбабонь (I среднеаварского периода, по И.О.Гавритухину), датируемых в рамках 2-3-й четв.VII в. (или до 670-680 гг) (Балинт Ч., 1995; Гавритухин И.О., 2001в; Дайм Ф., 2002; Daim F., 1987; Garam E., 1992; 1993; 2001; Stadler P., 1996), “агафоновской” стадии ломоватовской и “варнинской” стадии полемской культур, по Р.Д.Голдиной (Голдина Р.Д., 1985; 1995), и “бродовской” стадии неволинской культуры, по Р.Д.Голдиной и Н.В.Водолаго (Голдина Р.Д., Водолаго Н.В., 1990), датируемых исследователями широко в рамках кон.VI – 3-й четв.VII в. Так же широко – 2-й пол.VI – VII в. – датирует “зиновьевский” этап эволюции поясов Поволжья А.В.Богачев (Богачев А.В., 1992). По мнению же А.К.Амброза, конец “агафоновской” стадии с поясами “геральдического” стиля в Поволжье и Приуралье падает на рубеж VII-VIII вв. (Амброз А.К., 1971; 1973а; 1980).

Относительно хронологии и периодизации комплексов Кисловодской долины между исследователями в настоящее время нет единства, несмотря на наличие серьезных фундированных исследований: в системе Г.Е.Афанасьева горизонту Сивашовки соответствуют комплексы могильника Мокрая Балка этапа II (2-я пол.VI – 1-я четв.VII в.) (Афанасьев Г.Е., 1979; Афанасьев Г.Е., Рунич А.П., 2001); в системе В.Б.Ковалевской – фаза 7 (640-700 гг) (Ковалевская В.Б., 1995; 1996); в периодизации В.Ю.Малашева – этапы Па-Ша (Малашев В.Ю., 2001), датированные в совместной с И.О.Гавритухиным статье 1-й третью – 2-й пол.VII в. (Гавритухин И.О., Малашев В.Ю., 1998), а затем в отдельной работе И.О.Гавритухина – периодом 560/600 – 670/680 гг (Гавритухин И.О., 2001б). В периодизации же могильника Клинь-Яр III В.С.Флёрва интересующий нас комплекс дромоса 8 кат.9 датирован 2-й пол.VII – нач.VIII в. (Флёрв В.С., 2000а).

Компактно ложатся в одну фазу предметы горизонта Сивашовки в периодизациях В.Б.Ковалевской и Г.Е.Афанасьева, в периодизации же И.О.Гавритухина и В.Ю.Малашева происходит своеобразный “реверс” эволюции комплексов горизонта Сивашовки и заметное удревнение поздней части комплекса. Но, учитывая полное совпадение полученной нами схемы комплектации комплексов горизонта Сивашовки со схемой эволюции поясов “геральдического” стиля в Крыму, предложенной А.И.Айбабиным (Айбабин А.И., 1990; 1999) и поддержанной в целом самим И.О.Гавритухиным (Гавритухин И.О., Обломский А.М., 1996), “кисловодский казус” следует либо отнести на счет “культурной специфики” комплексов котловины,

вызывающей в таком случае целый ряд вопросов в связи с темпами развития здесь поясных наборов “геральдического” стиля, заметно опережающими динамику Крыма и Степи (особенно в системе абсолютных дат Г.Е.Афанасьева), либо же дело в адекватности оснований абсолютных и относительных реперов самих хронологических систем. Во всяком случае, уверенность И.О.Гавритухина в необходимости использования именно его периодизации Мокрой Балки как одной из решающих для датировки кочевнических комплексов Восточной Европы (Гавритухин И.О., 2001в, с.63) несомненно нуждается в дополнительной аргументации, особенно в контексте связей их “культурной специфики”.

Несмотря на различия и особенности, оценки времени бытования поясных наборов “геральдического” стиля для аланских комплексов Кисловодской долины в целом подчиняются общей закономерности историографии этого вопроса для всей Восточной Европы, в которых выделяются две очевидные тенденции: определять верхнюю границу горизонта “геральдики” около рубежа 670/680 гг, привязываясь ко времени смены стилей поясов на территории Аварского и II Тюркского каганатов (А.В.Богачев, Ч.Балинт, И.О.Гавритухин, Е.Гарам, Р.Д.Голдина и др.), либо кон.VII в., оценивая культурную специфику собственно восточноевропейских материалов (А.И.Айбабин, А.К.Амброз, А.Г.Атавин, В.Б.Ковалевская, Н.А.Мажитов и др.).

Общим моментом большинства базовых работ является признание отживания “геральдических” наборов к кон.VII в. в связи с распространением в последней четв.VII в. нового стиля прессованных поясных наборов, а для Поволжья и Приуралья – литых или прессованных наборов “восточнотюркского” стиля. В последнем случае дата возникновения стиля привязывается к дате образования II Тюркского каганата (682 г), но в реальности речь идет о “штатных” китайских поясных наборах династии Тан второй хронологической группы и частично первой (Balint Cs., 2000, Taf.2, 2), вынесенных из среды империи восставшими восточными тюрками. Распространение таких наборов на запад, их появление в Согде, на Алтае, за границами Средней Азии несомненно были связаны с экспансией II Тюркского каганата, а точнее, вполне конкретными походами 701, 709-714 гг (Кляшторный С.Г., 2003, с.122-124), что согласуется с датировками “катандинского” и “неволинского” этапов А.К.Амброза. И.О.Гавритухин, вслед за А.К.Амброзом, ограничивает финал поясов “агафоновской” стадии кон.VII в. (Гавритухин И.О., Обломский А.М., 1996, с.84-89), а Н.А.Мажитов аргументирует при помощи находок в комплексах с монетами доживания в Приуралье традиций горизонта Перещепины

– псевдопряжек и стремян “раннеаварского” типа – до 1-й пол.VIII в. (Мажитов Н.А., 1990).

Региональная специфика Среднего Поволжья и Приуралья важна при оценке хронологии кочевнических комплексов Нижнего Поволжья. Что же касается погребений Северного Причерноморья, то здесь первоочередную роль играют соседние крымские и славянские материалы. На сегодня финал синхронных горизонту Сивашовки крымского горизонта группы 9, по А.И.Айбабину, и горизонта “антских” кладов в оценке всех без исключения исследователей включает 3-ю четв.VII в. Это не просто согласуется с полученными нами абсолютными рамками горизонта Сивашовки, но и подтверждает позднейшую позицию самого погребения из Сивашовки, поскольку комплексы упомянутых горизонтов прямых различных признаков следующего хронологического этапа не несут. В территориально и культурно ближайших крымских погребениях литые геральдические наборы активно используются еще до кон.VII в., поскольку подобные среднеаварским прессованные наборы здесь элементарно не входят в моду, а немногочисленные известные экземпляры не составляют отдельного культурно-хронологического горизонта. Особенно ярко это демонстрирует Скалистинский могильник, непрерывно существовавший с VI по IX в. (Веймарн Е.В., Айбабин А.И., 1993). В славянских кладах, зарытых в землю вследствие катастрофических для славян событий 3-й четв.VII в., поясные наборы “геральдического” стиля также не только не несут признаков упадка, хорошо наблюдаемых в кочевнических комплексах горизонта Уч-Тепе, но и наоборот – новый, еще не использованный набор из Трубчевского клада указывает на несомненное продолжение традиции, внезапно прерванное вражеским вторжением.

В отношении более отдаленных регионов, например, Кисловодской долины, использование литых “геральдических” наборов до кон.VII в. принимают В.Б.Ковалевская и В.С.Флёров (Ковалевская В.Б., 1996; Флёров В.С., 2000а), до 3-й четв.VII в. – И.О.Гавритухин и В.Ю.Малашев (Гавритухин И.О., Малашев В.Ю., 1998; Гавритухин И.О., 2001б), и лишь в системе Г.Е.Афанасьева, основанной на статистическом расчете запаздывания монет из аланских комплексов, “геральдические” наборы не выходят за рамки 1-й четв.VII в. (Афанасьев Г.Е., Рунич А.П., 2001).

Нет подобных принципиальных разногласий между исследователями в абсолютных позициях I и II среднеаварских периодов для Среднего Подунавья. Объясняется это наличием монетных реперов горизонтов, дающих довольно определенное представление о времени формирования комплексов. Для I среднеаварского периода таким репером

является солид Константа II 654-659 гг из п.24 Сегед-Маккошерде (Garam E., 1992, S.144, 145). Погребение уже носит признаки формирования нового стиля, поэтому его позиция как позднейшего комплекса горизонта датирует временем после 654-559 гг лишь заключительную фазу I среднеаварского периода. Его верхнюю границу определяют уже ранние комплексы II среднеаварского периода: это погребение с солидом Константина IV 668-673 гг из Озоры-Тотипусты, п.53 Похибуй-Мачко-дюле с подражанием солиду этого же выпуска (Garam E., 1992, S.146, 147) и клад из Земянского Врбовка с гексаграммой 669-674 гг (Štefanovičova T., 1996, S.279), свидетельствующие, что комплексы этого горизонта начали появляться после 669-674 гг. Как видим, финал горизонта Бочи – Кунбабоня также достоверно включает 3-ю четв.VII в., хотя высказывались и мнения о датировке комплекса из Кунбабоня временем после 670 г (Toth E.H., Horvat A., 1992; Toth E.H., 1996).

Столь заметных изменений культуры, подобных изменениям рубежа I и II среднеаварских периодов в Среднем Подунавье, в Восточной Европе последней четв.VII в. не произошло – в различных регионах и культурах процессы эволюции, несомненно, проходили индивидуально, причем, очевидно медленное вытеснение литых “геральдических” поясов, особенно у народов, придававших им ранговое значение, – у кочевников и населения Крыма. Ближе всего из рассмотренных примеров динамика формирования комплексов горизонта Сивашовки закономерно оказалась схеме эволюции материальной культуры Крыма. Широко – это период 2-й – 3-й третей VII в., в котором время формирования самого комплекса из Сивашовки на основании как параллелей и абсолютных реперов среди собственно кочевнических комплексов, так и датировки комплексов I среднеаварского периода Среднего Подунавья может быть сужено до 3-й четв.VII в.

II. Погребение 2 кургана 2 Сивашского

Примерно в 15 км на СВ от погребения из Сивашовки, в к.2 у с.Сивашского Новотроицкого р-на Херсонской обл. в 1979 г обнаружено еще одно погребение VII в. (рис.1, 18).

Курган 2 Сивашского сооружен в эпоху бронзы, распахивался; его форма овальная, размеры 20х30 м, сохранившаяся высота – 0,5 м. Впускное погребение 2 располагалось в 5,2 м к востоку от центра кургана.

Погребальная яма, ориентированная по линии север – юг, обнаружена на глубине 0,9 м от поверхности; ее форма вытянуто-овальная, размеры: 2,25х

0,73 м (рис.29, b). Ниже, на глубине 1,3 м яма сужалась, образуя вдоль длинных сторон заплечики шириной 0,06-0,1 м у западной стенки и 0,08-0,15 м у восточной (рис.29, *разрез A-B*). Стенки ямы практически вертикальные, лишь в северной части у дна зафиксировано небольшое расширение (рис.29, *разрез C-D*); размеры ямы: 2,28х0,54 м (рис.29, a). Дно ровное, находилось на глубине 1,93 м от ноля.

На заплечиках копытами на север располагались задние конечности коня, обрубленные чуть выше эпифизов больших берцовых костей, и правая передняя, обрубленная чуть выше эпифиза лучевой кости (рис.29, b; 30). У правой передней ноги на заплечике найдены две железные пряжки и фрагмент костяной пластинки (рис.29, 15, 16; 35, 3). Кости левой передней ноги коня обнаружены ниже, в засыпке ямы на глубине 1,7 м; на этом же уровне, маркирующем уровень обвала перекрытия, находился и череп коня (рис.30) с остатками удил в зубах (рис.29, 19, 20; 35, 2), лежавший на левом виске храпом на север. Справа и слева от черепа симметрично располагались две серебряные бляшки украшений узды (рис.29, 14; 32, 4, 5). Под черепом и левее его находились две концевые обкладки сложносоставного лука (рис.29, 12; 34, 1, 6). Роговые обкладки центральной части лука (рис.34, 2, 3, 5) находились на 0,6 м южнее (рис.29, 13); еще южнее в 0,6 м у восточной стенки ямы зафиксирован фрагмент нижней концевой накладки (рис.29, 12; 34, 4). На этом же уровне отмечено много мелких невыразительных фрагментов костяных пластин, вероятно, также принадлежавших луку. Возле нижнего конца лука найдены 7 железных наконечников стрел (рис.29, 18; 32, 31-37), а возле восточной стенки ямы (приблизительно около копыта находившейся выше на заплечике правой задней ноги коня) найдено бронзовое кольцо (рис.29, 17; 32, 27). Также в заполнении найдены несколько железных предметов (рис.32, 23-25).

Следующий уровень находок связан с дном погребальной ямы. Здесь обнаружен скелет мужчины в вытянутом на спине положении (рис.29, a; 31), ориентированный головой на север. Голова слегка повернута влево, руки вытянуты вдоль тела, пятки не сомкнуты. Скелет придвинут вплотную к восточной стенке могилы. За головой в северо-восточном углу погребения располагались лопатка и крестец с хвостовыми позвонками барана.

На уровне второго и третьего поясничных позвонков погребенного найдена железная трапезиевидная пряжка (рис.29, 10; 32, 1), а ниже, на крестце – овальная (рис.29, 10; 32, 7); обе лежали язычками к ногам. Рядом найдена маленькая бронзовая заклепка (рис.32, 6); между бедренными костями находился серебряный поясной наконечник (рис.29, 4; 32, 22). Между кистью левой руки

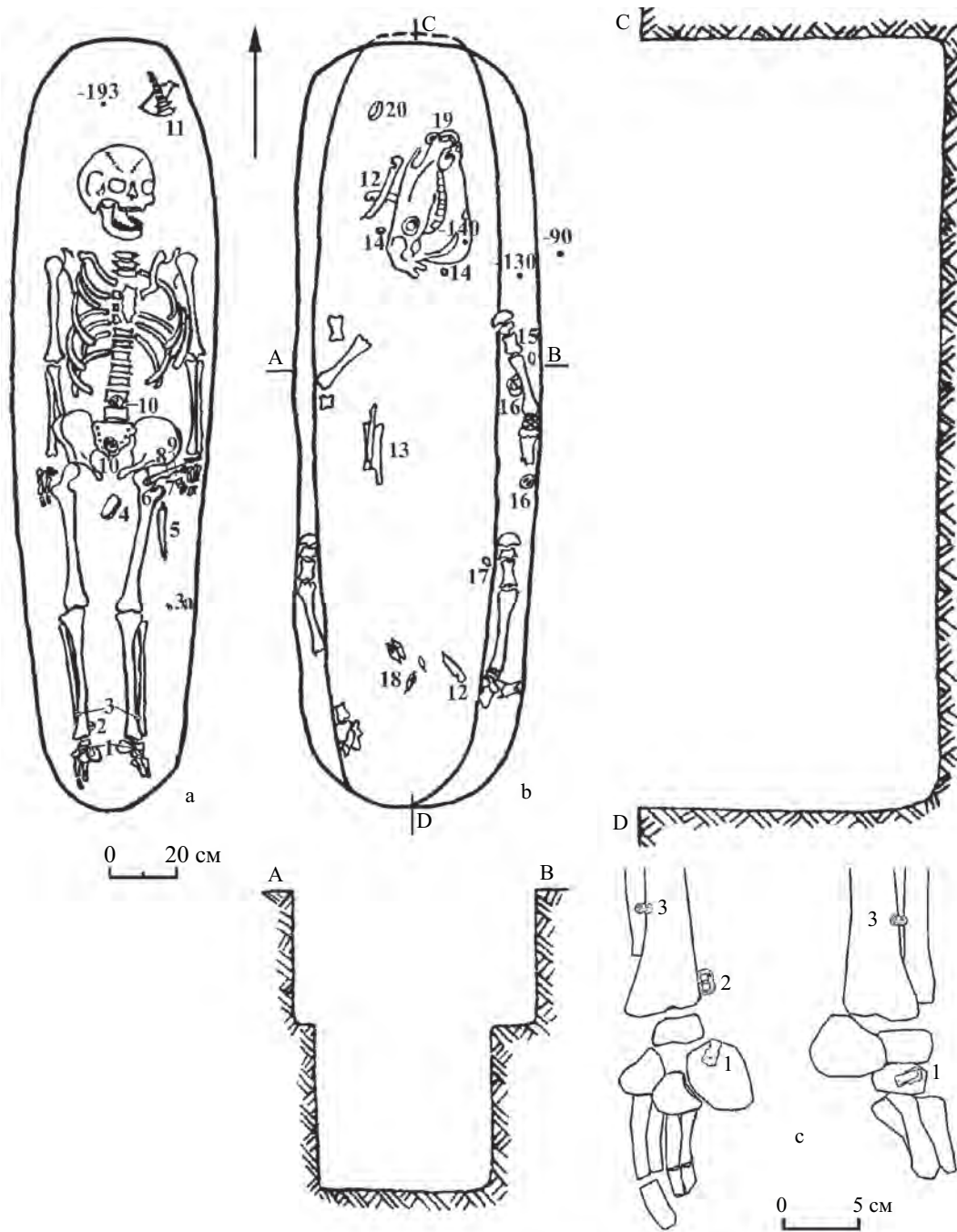

Рис. 29. Погребение 2 к.2 Сивашского: а – план по дну могильной ямы; б – план на уровне перекрытия; с – расположение деталей обуви. 1 – серебряные обоймы; 2 – серебряная пряжка; 3, 3а – серебряные бляшки; 4 – серебряный наконечник; 5 – нож; 6 – бронзовый пинцет; 7 – железные предметы клиновидной формы (огниво?) и бронзовые зажимы для трута; 8 – кресало; 9 – кремни; 10 – железные пряжки; 11 – кости овцы; 12 – концевые накладки лука; 13 – срединные накладки лука; 14 – серебряные бляшки узды; 15 – костяная пластинка; 16 – железные пряжки; 17 – бронзовое кольцо; 18 – наконечники стрел; 19, 20 – фрагменты удила.

Fig. 29. Burial 2 of Sivashskoie barrow 2: а – a burial layout at the level of a grave pit bottom; б – a burial layout at the overlapping level; с – an arrangement of parts of footwear. 1 – silver beackets; 2 – a silver buckle; 3, 3а – silver plaques; 4 – a silver ferrule; 5 – a knife; 6 – bronze tweezers; 7 – iron wedge pieces and bronze clamps for a tinder; 8 – a fire steel; 9 – flints; 10 – iron buckles; 11 – bones of a sheep; 12 – covering plates of bow ends; 13 – covering plates of bow middle; 14 – silver plaques of a bridle; 15 – a bone plate; 16 – iron buckles; 17 – a bronze ring; 18 – arrowheads; 19, 20 – fragments of a bit.

Рис. 30. Погребение 2 к.2 Сивашского. Уровень просевшего перекрытия могильной ямы (вид с З).

Fig. 30. Burial 2 of Sivashskoie barrow 2. The level of the sagged covering of the grave pit (a view from the west).

и тазом зафиксированы остатки кожаного мешочка, в котором находились кресало, два отщепа, два железных клинышка с приклепавшей бронзовой цепочкой из двух крючков, а также щипчики (рис.29, 6-9; 32, 26, 29, 38-41). Южнее, вдоль левого бедра лежал железный нож в деревянных ножнах (рис.29, 5; 32, 28); еще южнее, на уровне левого колена, – серебряная бляшка и наконечник (рис.29, 3а; 32, 11, 18). На берцовых костях и стопах погребенного находились серебряные детали сапог: по две серебряные обоймы, по омегаобразной бляшке и по наконечнику ремешков (рис.29, 2, 3; 32, 12-17, 19, 20). На правой ступне также была серебряная пряжка (рис.29, 2; 32, 10), на левой ступне такая пряжка не обнаружена, но зафиксированы остатки окислов, которые могут свидетельствовать, что вторая пряжка существовала, но, возможно, была утащена грызунами.

II.1. Обряд погребения

Для захоронения был выбран небольшой курган, в восточной части которого вырыли яму. Строгая ориентировка погребального сооружения по линии С-Ю указывает на хорошее пространственное ориентирование человека, руководившего церемонией, а также свидетельствует о представлениях о меридиональном направлении пути в загробный мир. После того, как яму углубили в материк, ее ширину сузили до размеров тела, получив таким

образом заплечики вдоль длинных сторон. На дно могилы уложили покойника в вытянутой на спине позе, головой на север. Лицо умершего повернуто влево, но сам он придвинут к левой (восточной) стенке. Подобную ситуацию, на наш взгляд, можно объяснить тем, что тело опускали с восточной стороны, а два человека, принимавшие тело, стояли под западной стенкой, поэтому тело и придвинули к восточной стене ямы. В северо-восточной части могилы, за головой, поместили напутственную пищу для покойного – лопатку и крестцовую часть спины барана – курдюк.

Левая нога умершего слегка согнута, приближаясь к правой в области колена. Учитывая, что действие трупных газов обычно вызывает радиальное расхождение ног в коленях и ступнях, вполне возможно, что первоначально ноги были сомкнуты, но это наблюдение исключает возможность их связывания или заворачивания в плотный саван. Положение же рук наоборот заставляет обратить внимание на отсутствие их радиального расхождения или сгиба в локтях. Локти плотно прижаты к ребрам, что является свидетельством их ограничения в движении. Достигнуть этого можно было либо узким гробом, следов которого в нашем случае нет, либо плотным саваном, либо же намеренным связыванием рук.

Интересно расположение деталей пояса. Две поясные пряжки расположены так: одна – на уровне набедренного пояса, а другая – на уровне пояса на талии. Если судить по направлению поясной

Рис. 31. Погребение 2 к.2 Сивашского. Уровень дна могильной ямы (вид с Ю).
 Fig. 31. Burial 2 of Sivashskoie barrow 2. The level of the grave pit bottom (a view from the south).

пряжки язычком по диагонали к ногам, а также по несовпадению ее линии с направлением поясного наконечника, следует, что расстегнутый пояс был уложен на покойника сверху со смещением влево. Усиливает это предположение мешочек с принадлежностями для добывания огня (кресало, кремни, трут) и щипчиками, который должен быть подвешен к поясу. Во-первых, наиболее тяжелый предмет – кресало, которое, по логике, должно либо находиться в вертикальном положении, либо опуститься на дно мешочка, лежало полугоризонтально выше остальных вещей и, к тому же, в перевернутом положении (язычком вниз). Кресало лежало на бедре и левой кисти, частично перекрыв их. Вывод, который должен следовать из указанных наблюдений, – мешочек положили на тело сверху в перевернутом состоянии. Учитывая, что руки умершего были плотно прижаты, случайность ситуации исключена: либо пояс действительно был расстегнутым, либо кисет с кресалом просто уложили отдельно. Особую ритуальную нагрузку вряд ли не-

сет и ориентирование ножа, подвешенного к поясу в деревянных ножнах, лезвием от левого бедра.

Из одежды, в которой был погребенный, несомненно можно отметить лишь парадную обувь с серебряными бляшками. Сложнее оценить наличие двух поясов. Традиционно в погребениях кочевников рассматриваемого хронологического среза пояс только один на уровне бедра. Пояс в районе талии должен означать наличие дополнительной верхней одежды, но в нашем случае нельзя исключать и возможности, что “лишний” верхний пояс служил на самом деле для связывания рук умершему.

Могилу перекрыли поперечными деревянными плахами. На перекрытие ближе к западной стенке поместили лук. При анализе взаиморасположения его частей несомненно важно учитывать факт его падения вместе с перекрытием. Рассыпавшиеся верхние концевые накладки однозначно свидетельствуют, что к этому моменту органический клей и обмотка лука, крепящие накладки, уже разложились. Вполне вписывается в эту схему

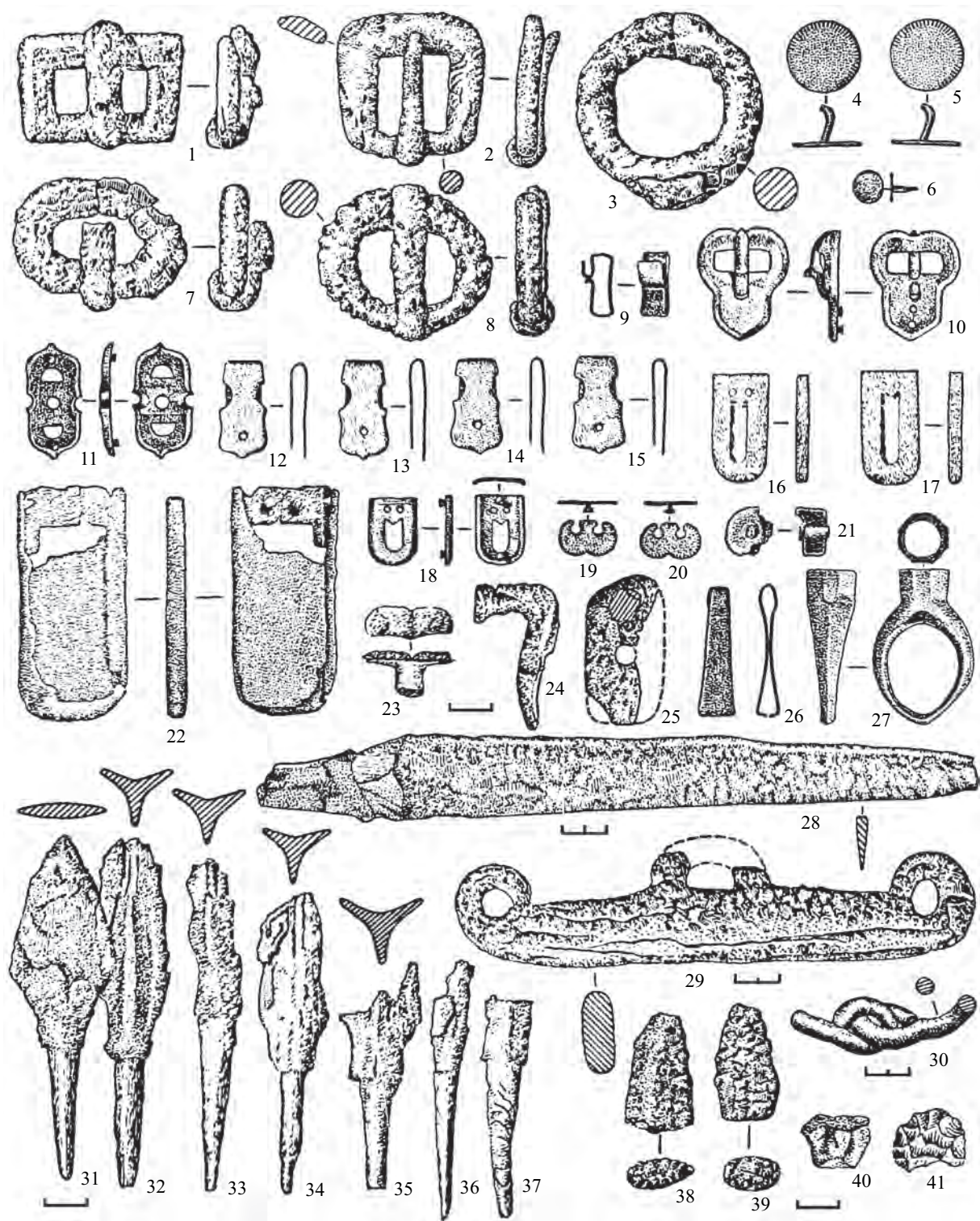

Рис. 32. Погребение 2 к.2 Сивашского. Инвентарь погребения: 1-3, 7, 8, 23-25, 28-39 – железо; 4, 5, 10-20, 22 – серебро; 6, 9, 21, 26, 27 – бронза; 40, 41 – кремнь.

Fig. 32. Burial 2 of Sivashskoe barrow 2. The burial inventory: 1-3, 7, 8, 23-25, 28-39 – iron; 4, 5, 10-20, 22 – silver; 6, 9, 21, 26, 27 – bronze; 40, 41 – flint.

и неестественный поворот рукояти. Но, все же, довольно трудно объяснить схемой обвала перекрытия заметное смещение накладок рукояти к нижним концевым, что при прорисовке контуров лука даст его явную асимметрию. Скорее всего, лук был уложен в сломанном состоянии. У нижнего конца лука положили 7 стрел. Учитывая, что все наконечники находились недалеко от южной стенки и оказались направленными острием в северную сторону, длина стрел физически не могла превышать 40 см, т.е. стрелы были преднамеренно сломаны. Далее к могиле привели коня умершего и принесли его в жертву. Тут же, на месте, с коня сняли шкуру, оставив череп и конечности, обрубленные чуть выше запястных и скакательных суставов (2-й тип, по А.Г.Атавину). Шкуру аккуратно растянули по перекрытию могилы, не снимая уздечки, или же набили в виде чучела. У восточной стенки, над правой передней ногой коня, разместили еще один предмет снаряжения коня, от которого сохранились костяная пластинка и железные пряжки. Судя по реконструируемым размерам предмета (свыше 40 см), речь, скорее всего, шла о мягком войлочном седле. Каких-нибудь ритуалов с использованием огня, угольки от которых попали бы в заполнение, здесь не прослежено, поэтому далее, очевидно, могилу просто засыпали.

При несколько более скудном наборе инвентаря, в основных моментах (яма с заплечиками, вытянутое на спине положение тела человека, ориентировка в северный сектор, напутственная пища в виде крестца с хвостовыми позвонками барана, пояс с подвешенным ножом и мешочком с кресалом, лук со стрелами на перекрытие могилы у западной стенки, кости коня на перекрытии вместе с уздечкой и седлом) погребение из Сивашского повторяет обряд Сивашовки, но есть и некоторые важные нюансы.

В первую очередь это касается строгой меридиональной ориентировки погребенного, отмеченной в Северном Причерноморье в группе кочевнических погребений с “геральдикой” только в п.12 к.1 Дмитровки (азимут 1°) (см. нашу публикацию в настоящем сборнике), п.12 к.13 Рисового (азимут 8°) (Щепинский А.А., Черепанова Е.Н., 1969), бескурганном женском погребении из Новопокровки (Гаврилов А.В., 1996) и, очевидно, в п.5 к.2 Родионовки (см. далее) (азимут 358°); ориентировка на ССВ отмечена в п.10 к.2 Рисового (азимут 25°) (Щепинский А.А., Черепанова Е.Н., 1969). В сумме, сектор С-ССВ составляет здесь ок. 10% погребений (Комар О.В., 2002а, с.9). В восточноприазовской группе на север ориентировано несколько более позднее п.1 к.8 Старонижестеблиевской (Атавин А.Г., 1996), а в Нижнем Поволжье – п.1 к.1 Авиловского (Синицын И.В., 1954). В целом доля

северной ориентировки для кочевнических ингумаций Восточной Европы рассматриваемого периода составляет около 12% (рис.50). Происхождение этой группы погребений может быть связано с двумя факторами: ритуальным и этническим. Первый предполагает существование нескольких “путей” в загробный мир, выбор которых зависел от особенностей смерти погребенного. В нашем случае “путь” духа лежал на юг, куда оказывался обращенным лицом умерший, “поднявшись на ноги”, или же на север, куда был обращен мордой его конь. Второй фактор – этнический – предполагает, что погребения с меридиональной ориентировкой просто оставлены представителями другой группы населения, в среде которого были распространены другие представления о локализации “страны мертвых”. Судя по доминированию меридиональной ориентировки в погребениях Северного Причерноморья кон.V – нач.VII в. (Комар О.В., 2002а, с.7), у праболгар Дунайской Болгарии (Станчев Ст., Иванов Ст., 1958; Въжарова Ж.Н., 1976; Димитров Д., 1987), а также по северной ориентировке п.5 кургана III Мадары (Fiedler U., 1992, S.319-322), эта группа могла быть родственной булгарам. Впрочем, в VI – нач.VIII в. такая же ориентировка была характерной и для кочевников Приуралья (Мажитов Н.А., 1981) и Восточного Приаралья (Левина Л.М., 1996), т.е. истоки обряда п.2 к.2 Сивашского в VII в. могли иметь не только местное, но и “восточное” происхождение.

Следующее отличие обряда Сивашского от Сивашовки касается помещения в могилу не целого коня, а лишь его символического заменителя в виде шкуры с отрубленными конечностями и головой коня. На самом деле это отличие отражает более характерную деталь обряда, поскольку из синхронных кочевнических погребений Восточной Европы шкура коня обнаружена в 37,9% погребений, а целая туша или ее часть – только в 10,3%. Расположение шкуры коня на перекрытии ямы отмечено в Северном Причерноморье в п.11 к.1 Ковалевки II (Ковпаненко Г.Т. и др., 1978, рис.23, 14), в к.2 и, очевидно, к.14 Белозерки (Скадовский Л.Г., 1897, с.110, 127), п.2 к.14 Дымовки (Айбабин А.И., 1985, с.197), к.35 Виноградного (Орлов Р.С., Рассамкин Ю.Я., 1996, с.113), п.11 к.1 Черноморского (см. нашу публикацию в настоящем сборнике), п.7 к.6 Октябрьского (см. нашу публикацию в настоящем сборнике), п.3 к.5 Заплавки (Шалобудов В.Н., 1983). В погребениях из Журавлихи (Стрѣхар М.М., 1992) и Романовской (Семенов А.И., 1985, с.91), а также в группе погребений из Восточного Приазовья – п.5 к.4 хут.Крупской, п.2 к.29 Чапаевского, п.3 к.30 Калининской, п.1 к.8 Старонижестеблиевской (Атавин А.Г., 1996) шкура находилась на дне погребения на одном уровне с погребенным слева или

справа от него. Шкура коня отмечена и в целом ряде подбойных погребений, где она находилась на ступеньке подбоя – п.7 к.1 Костогрызово (см. ниже), п.12 к.8 Богачевки (Генинг В.В., Корпусова В.Н., 1989), п.1 к.17 Наташино (Баранов И.А., 1990), п.16 к.14 Великой Знаменки (Андрух С.И., Тощев Г.Н., 1991), п.1 к.1 Авилковского (Синицын И.В., 1954), п.5 к.9 Бородаевки (Синицын И.В., 1947), п.1 к.13 Дорофеевки (Круглов Е.В., 1992в).

Обряд замены коня его символом в виде чучела или шкуры появляется в Восточной Европе в гуннское время (Засецкая И.П., 1994, с.17, 18), но затем исчезает с появлением кутригуров (Комар А.В., 2004а). В VII в. он редок, но все же известен у населения Аварского каганата (Kiss G., 1996, Abb.8; 9); в VIII в. хорошо представлен в погребениях типа Соколовской балки (Круглов Е.В., 1990а; Иванов А.А., 2000), а позже – у печенегов и куманов (Плетнева С.А., 1958, с.156, 177; Федоров-Давыдов Г.А., 1966, с.124-129; Атавин А.Г., 1984). Его описание у огузов оставил ибн-Фадлан (Ковалевский А.П., 1956, с.128), у монголов – Плано Карпини (Плано Карпини, 1997, с.38), а обряд жертвоприношения лошадей со снятием шкуры описал у дагестанских савиров кон. VII в. Мовсэс Дасхуранци (Мовсэс Каланкагуаци, 1984, с.128). Наиболее же стабильным регионом, где в V-VIII вв. непрерывно отмечено сопровождение погребений “шкурой” коня, являются степи Южного Приуралья и Казахстана (Боталов С.Г., 2003; Боталов С.Г., Гуцалов С.Ю., 2000).

Близкое расположение костей конечностей лошади друг к другу в восточноевропейских погребениях VII в. указывает на то, что во всех отмеченных случаях речь шла именно о разложенной или растянутой шкуре (даже там, где отмечены хвостовые позвонки), а не о чучеле. Но в п.2 к.2 Сивашского конечности лошади отодвинуты к краям входной ямы (рис.29, *b*), оставляя достаточно места для набитого травой туловища. Пожалуй, в Северном Причерноморье пока это единственное погребение VII в., где могло находиться именно набитое чучело, а не шкура коня. Также интересно, что в большинстве погребений шкура растягивалась таким образом, чтобы передние конечности лежали копытами вперед, а задние – копытами назад. В Сивашском же все ноги повернуты копытами вперед, как и в п.10 к.4 Калининской (Атавин А.Г., 1996, табл.8). В таком случае чучело имитировало расположение коня на животе с подогнутыми ногами, которое в рассматриваемом хронологическом срезе находит только частичную аналогию в п.3 к.5 Виноградного (Орлов Р.С., Рассамкин Ю.Я., 1996, рис.1; 2) и п.5 к.12 Портового (Айбабин А.И., 1985, рис.9). На востоке, у тюрков Алтая, подобная поза сопровождающего погребение коня была более распространенной (Гаврилова А.А., 1965, табл.VII,

А; IX, А; XXI, А; Савинов Д.Г., 1982; рис.2). Также она хорошо известна у авар (Kiss G., 1996, Abb.1; 4; 10).

Другие отличия обряда менее существенны. Так, мясная напутственная пища, отмеченная в 36% подобных погребений, обычно располагалась, как и посуда с похлебкой, на дне ямы в головах погребенного, а не на перекрытии могилы, как в п.2 к.3 Сивашовки. В этом отношении п.2 к.2 Сивашского отражает более характерную особенность обряда. Также в п.2 к.3 Сивашовки и п.1 к.1 Авилковского стрелы достоверно были сложены в колчан целыми, тогда как в п.2 к.2 Сивашского они были сломаны. Интересно, что такое же число стрел как и в Сивашском (семь), найдено в п.12 к.7 Христофоровки, где в сломанном состоянии во входную яму поместили лук (Prichodnyuk O., Fomenko V., 2003). Согласно анализу Е.В.Круглова, сломан лук был и в п.1 к.1 Авилковского (Круглов Е.В., 2005). Какой-то ритуал, связанный со стрелами, наблюдается и в п.1 к.7 Костогрызово (см. ниже), поскольку наконечники здесь оказались выложенными в линию по диагонали через грудь погребенного.

II.2. Инвентарь погребения

Детали поясов

1. Железная бесщитковая пряжка овальной формы с широким язычком (обломан) (рис.32, 7). Размеры 4x2,8 см, ширина прорези – 2,2 см. Выкована из круглого, слегка уплощенного прута. Язычок уплощенный, утолщается к заднему концу, затем резко переходит в раскованную часть, охватывающую рамку; ширина – 0,7 см.

Несмотря на простоту формы и распространенность железных овальных пряжек в кочевнических погребениях, вариант из Сивашского имеет специфическую форму язычка, выполненного в традициях III-IV вв. н.э. Аналогичные пряжки находим лишь в п.2 к.3 Сивашовки (рис.13, 16, 17), более отдаленные – в к.149, 404 могильника Алтынасар в Восточном Приуралье (Левина Л.М., 1996, рис.122, 14).

2. Железная пряжка трапециевидной формы (рис.32, 1). Рамка уплощенная, по внешнему контуру имеет небольшой скос. Размеры рамки 3,6 (3,4)-x2,5 см, ширина прорези – 2,2 см. Язычок широкий – 0,7-0,8 см, уплощенный, на заднем конце имеет небольшой прямоугольный выступ-фиксатор.

Форма рамки и язычка очень напоминает трапециевидные “геральдические” пряжки из цветных металлов (Айбабин А.И., 1990, рис.46, 1-3; Богачев А.В., 1998, рис.8, 2; Prichodnyuk O., Chardaev V.,

2001, Abb.4, 2; Синицын И.В., 1947, рис.88), которые данный экземпляр, скорее всего, и имитирует. Из железных пряжек кочевнических погребений по форме язычка ближе всего пряжка из п.2 к.3 Сивашовки (рис.13, 18). Скорее всего, их изготавливал кузнец одной традиции, изделий которого в других погребениях мы не наблюдаем. Из внешних аналогий можно отметить по форме рамки пряжки из с.228а Скалистого (Веймарн Е.В., Айбабин А.И., 1993, рис.22, 31), а целая серия аналогичных пряжек происходит из курганов могильника Алтынасар в Восточном Приаралье (Левина Л.М., 1996, рис.121, 16, 20; 122, 1-3, 15).

3. Серебряный поясной наконечник вытянутой U-образной формы (рис.32, 22). Длина – 5 см, ширина – 2,3 см, толщина – 0,5 см. Выполнен из двух тонких пластин: одной сплошной, второй – с U-образной прорезью размерами 3х1,6 см, стык между которыми запаян узкой полоской. Крепился к ремню двумя гвоздиками.

Общие параллели наконечникам этого типа мы уже рассматривали выше, при анализе наконечника из п.2 к.3 Сивашовки, но экземпляр из Сивашского имеет свою специфику в виде U-образной прорези. Серия таких наконечников происходит из погребений более высокого социального ранга, в которых в прорезь наконечника монтировалась золотая вставка с зерненым декором – п.1, п.2 к.2 Васильевки (Кубышев А.И. и др., 1984, табл.28, 2, 3; Balint Cs., 1992, Taf.49, 1), п.3 к.5 Виноградного (Орлов Р.С., Рассамкин Ю.Я., 1996, рис.3, 13), п.52 Борисово (Саханев В., 1914, рис.21). Обычное же использование наконечников с прорезью документирует п.23 Квемо Алеви в Грузии (Гавритухин И.О., Обломский А.М., 1996, рис.79, 92).

4. Серебряная двущитковая бляшка с сегментовидными прорезями в щитках и круглым отверстием по центру (рис.32, 11). Размеры 2,8х1,2 см. Крепилась к ремню двумя слегка расклепанными на концах шпеньками. Аналогична рассмотренным выше из п.2 к.3 Сивашовки.

5. Серебряный наконечник дополнительного ремешка (рис.32, 18). U-образной формы, по центру аналогичная прорезь с “зубчатым” верхом, выше – два круглых отверстия. Размеры 1,6х1,1 см. Крепился к ремню при помощи двух шпеньков, слегка расклепанных на концах.

Наконечник варианта 1-3, по А.И.Айбабину (Айбабин А.И., 1990, с.54; рис.48, 12); по И.О.Гавритухину – “наконечник с прямыми боками” (Гавритухин И.О., Обломский А.М., 1996, с.32; рис.46, 35); по классификации В.Б.Ковалевской, подтип 2 типа 6 подотдела 1 отдела 1 (Ковалевская В.Б., 2000, с.119, 120). В кочевнических комплексах пока единственная находка. Судя по наличию таких наконечников в п.1 с.74 Лучистого (Айбабин А.И.,

1999, рис.44, 22) и комплексе из Плевен-Кайла (Рашев Р., 2004, табл.109, 9-14), представляют собой один из самых ранних типов наконечников дополнительных ремешков.

6. Бронзовая обойма дополнительного ремешка (рис.32, 9). Выгнута из тонкой полоски шириной 0,5 см; размеры: 1,5х0,7 см.

7. Бронзовая заклепка (рис.32, 6). Состоит из плоской круглой шляпки диаметром 0,7 см и толщиной 1 мм и узкого шпенька длиной 0,8 см.

Реконструкция поясов

Несмотря на малое количество поясных деталей, реконструкция поясов все же заставляет задать несколько вопросов. Первый: в современном состоянии поясной наконечник не проходит ни в овальную, ни в трапециевидную пряжку. Возможно, дело в коррозии, но тогда наконечник даже изначально очень плотно входил в рамку.

Второй: трапециевидная пряжка зафиксирована на уровне талии, т.е. пояса для верхней одежды (рис.29, 10), в то время как овальная – на тазовых костях, т.е. на уровне набедренного пояса. Подвешивание предметов к нижнему поясу однозначно свидетельствует, что верхняя одежда представляла собой короткую куртку, судя по ориентировке пряжки вправо, возможно, с правосторонним запахом. Впрочем, на фреске со сценой пиршества из Пенджикента (Беленицкий А.М., 1973, илл.19) все участники одеты в одежду с левосторонним запахом при ориентировании пряжки вправо. Правостороннее ориентирование пряжек характерно для большинства восточноевропейских кочевнических погребений с “геральдическими” наборами, где эта деталь восстанавливается, – п.1 к.2 Васильевки (Кубышев А.И. и др., 1984, табл.27, 8), п.7 к.1 Костогрызово (рис.36), п.2 к.29 Чапаевского (Атавин А.Г., 1996, табл.4, 1), п.2 к.3 Иловатки (Смирнов К.Ф., 1959, с.219). Так же носили пряжки в VIII в. представители культурного типа Соколовской балки (Иванов А.А. и др., 2000, рис.4), византийцы (Daim F., 2000, Abb.79), персы (Balint Cs., 1992, Taf.9), а у авар известно и правостороннее (Daim F., 1987, Taf.17; 58; 96; 116; 125; 132; 142) и левостороннее ориентирование пряжек пояса (Daim F., 1987, Taf.65; 72), также, отметим, как и традиция двух поясов: на талии и на бедрах.

Третий: двущитковая бляшка и комплектный ей наконечник дополнительного ремешка находились слишком далеко от нижнего ремня – как минимум в 50 см (рис.29, 3a), что делает их принадлежность ремню сомнительной. Но одновременно они лежали на одной линии с ножом на расстоянии около 15 см от его острия. Скорее всего, рассматрива-

емый ремешок шириной 1,2 см был портупейным: крепился к ножнам ножа и служил для его плотного привязывания к бедру. К сожалению, место находки бронзовой обоймы (рис.32, 9) не задокументировано, но по размерам она полностью совпадает с ремешком портупеи. Поскольку нож в погребении не был ориентирован параллельно бедренной кости (т.е. прижат к бедру), в данном случае ремешок был развязан и просто свисал вниз до уровня колена, чем и было вызвано зафиксированное расположение бляшки и наконечника. В п.7 к.1 Костогрызово (см. ниже) нож также крепился к левому бедру ремешком, но при помощи пряжки.

Таким образом, наиболее вероятным нам представляется наличие двух поясов: одного – на уровне пояса для застегивания куртки и второго – на бедрах, к которому слева подвешивались мешочек с кресалом и нож, имевший дополнительный ремешок для пристегивания к бедру.

Отсутствие на основном поясе щитовидных бляшек уверенно позиционирует погребенного из п.2 к.2 Сивашского как рядового “конного воина”.

Детали обуви

1. Серебряная пряжка (рис.32, 10). Длина – 2,5 см, ширина – 2 см. Рамка В-образная, с углублением для язычка; ширина прорези – 1,2 см. Щиток неподвижный, щитообразной формы, крепился к ремню при помощи двух коротких шпеньков, расклепанных на концах. Язычок узкий, на заднем конце имеет выступ-фиксатор.

Пряжка принадлежит к типу II варианта 4-4, по А.И.Айбабину (Айбабин А.И., 1990, рис.39, 18; Айбабин А.И., Хайрединова Э.А., 1996, рис.10, 5). Близкие пряжки известны в ряде кочевнических погребений: п.12 к.1 Дмитровки (см. нашу публикацию в настоящем сборнике), п.3 к.5 Виноградного (Орлов Р.С., Рассамкин Ю.Я., 1996, рис.3, 1, 2), “Царский курган” и Чапаевский (Атавин А.Г., 1996, табл.6, 6; 16, 6); дериват пряжек этого варианта найден также в п.7 к.6 Октябрьского (см. нашу публикацию в настоящем сборнике). Кроме Крыма, география внешних аналогий охватывает также Среднее Подунавье (Salamon A., 1969, Abb.9, 15), Кавказ (Гавритухин И.О., Обломский А.М., 1996, рис.82, 61, 110; Археология. Крым ..., 2003, табл.78, 89; 83, 9), Приуралье (Голдина Р.Д., Водолаго Н.В., 1990, табл.ХХVI, 18; Гавритухин И.О., Обломский А.М., 1996, рис.89, 94), Восточное Приуралье (Левина Л.М., 1996, рис.127, 7, 14); их выборка специально рассмотрена И.О.Гавритухиным (Гавритухин И.О., 1999, с.189-196; рис.5; 6).

2. Серебряные коробчатые наконечники ремешков сапог – 2 экз. (рис.32, 16, 17). Вытянутой

U-образной формы, по центру лицевой стороны – прорезь с “зубчатым” верхом, выше – два отверстия для заклепок. Выполнены из двух пластин с запаянным при помощи ободка краем. Размеры: 2,5х1,2 см, толщина – 0,3 см.

Относятся к тому же варианту, что и наконечник ремешка портупеи ножа, но отличаются коробчатой конструкцией, которая известна для больших поясных наконечников из п.Д Чанад-Бокень (Csallany D., 1961, Taf.258, 3), п.54 Суук-Су (Айбабин А.И., 1990, рис.49, 22) и погребений из Пышты и п.3 Цибилиума в Абхазии (Воронов Ю.Н., Бгажба О.Х., 1979, рис.1, 10; Воронов Ю.Н., Шенкао Н.К., 1982, рис.22, 6). Небольшие коробчатые наконечники с такой же прорезью были в п.476 Дюрсо (Дмитриев А.В., 1982, рис.12, 46).

3. Серебряные обоймы – 4 экз. (рис.32, 12-15). Выполнены из серебряной пластинки толщиной 0,7 мм. Лицевая сторона фигурная – в виде геральдического щита с круглым отверстием посередине для заклепки, вторая сторона подтрапециевидная, сужается книзу. Длина – 2,3 см, максимальная ширина – 1 см.

Обувные обоймы данного варианта известны в п.12 к.8 Богачевки (Генинг В.В., Корпусова В.Н., 1989, рис.10, 2) п.2 к.14 Дымовки (Айбабин А.И., 1985, рис.8, 12-14), п.1 к.2 Васильевки (Кубышев А.И. и др., 1984, табл.27, 3), п.1 к.3 Шелюг (рис.47, 6-7), Арцибашеве (Монгайт А.Л., 1951, рис.44, 3), п.3 к.30 Калининской, “Царском кургане” (Атавин А.Г., 1996, табл.13, 7, 8; 18, 5-8). В Крыму они отмечены также в п.3 с.77 Лучистого (Айбабин А.И., Хайрединова Э.А., 1996, рис.8, 8)

4. Омегообразные бляшки – 2 экз. (рис.32, 19, 20). Вырезаны из тонкой серебряной пластины, по краям нанесена насечка. С обратной стороны припаян шпенец, крепивший бляшку к ремню при помощи медной шайбочки. Размеры бляшек 1,2х0,8 см.

Бляшки по форме напоминают литые омегообразные изделия (Атавин А.Г., 1996, табл.7, 10, 11), присутствующие обычно в комплексах, где есть поясные наборы с псевдопряжками. Ближе всего экземплярам из Сивашского по форме бляшка из Трубчевского клада (Приходнюк О.М. и др., 1996, рис.7, 4). Но манера исполнения и стиль рассматриваемых изделий совершенно другие. Возможно, бляшки из п.2 к.2 Сивашского являются как бы “спаренным” вариантом подковообразных бляшек с насечками, известных в погребениях Кавказа этого времени (Гавритухин И.О., Обломский А.М., 1996, рис.79, 43; 82, 109; 87, 104). С другой стороны, бляшки “лунничной формы” известны в погребениях джетыясарской культуры, где они также как и в п.2 к.2 Сивашского украшали верх голенища сапога (Левина Л.М., 1996, с.208).

Реконструкция обуви

Тип обуви напоминает сапожки погребенного из п.2 к.3 Сивашовки, но способ затяжки ремешков здесь немного отличался. Серебряные обоймы зафиксированы на ступне с обеих сторон, а пряжка с наконечником ремешка – сзади (рис.29, с). Следовательно, обхватывающий снизу подошву ремешок венчался обоймами, сквозь которые пропускался ремешок с пряжкой и наконечником на концах, застегивающийся сзади (рис.33). На передней части сапожка сверху крепились две декоративные бляшки, по которым устанавливается высота обуви – около 15 см.

Набор для добывания огня

1. Железное калачевидное кресало с удлиненным язычком, занимающим почти всю длину лезвия. В центральной части язычка расположен полуовальный выступ (обломан в верхней части); следов крепления язычка пряжки на кресале не зафиксировано, возможно, он располагался подвижно на рамке выступа. Концы кресала невысокие, загнуты в кольца, соприкасаясь с выступами язычка; сечение уплощенно-овальное (рис.32, 29). Длина – 12 см, ширина – 1,8 см, толщина – 0,7 см, диаметр колец на концах – около 2 см.

Кресало в целом принадлежит к тому же типу, что и кресала из п.2 к.3 Сивашовки и п.7 к.1 Костогрызово, но отличается от них удлиненными пропорциями и загнутыми в кольцо концами. Подобное оформление концов известно у аварских кресал (Salamon A., 1969, Abb.7, 14; Kovrig I., 1975b, fig.4, gr.16, 17; Tettamatanti S., 2000, Taf.14, gr.286, 3), а также у кресал из погребений типа Соколовской

балки (Власкин М.В., Илюков Л.С., 1990, рис.2, 14), но это варианты без пряжки. А ближайшая аналогия по форме, хотя и менее массивная, известна в германском п.1 Хоберсдорфа, правда, интерпретирована она как деталь сумочки (Werner J., 1956, Taf.11, 9).

2. Кремни.

2а. Отщеп кремня сегментовидной формы (рис.32, 41). Размеры: 1,7х1,5 см. По краям нанесена отжимная и притупляющая ретушь, происхождение последней ударное.

2б. Отщеп кварцита подтрапцевидной формы (рис.32, 40). Размеры: 1,6х1,5 см. По краям – сколы от ударов.

3. Железные предметы клиновидной формы, подовальные в сечении – 2 экз. (рис.32, 38, 39). Размеры: 2,8х1,5х0,4; 2,7х1,4х0,6 см. По всей поверхности – следы от ударов, по-видимому, это небольшие огнива.

4. Зажим для трута в виде двух бронзовых звеньев, фрагментирован. Первоначально представлял собой два бронзовых кольца диаметром 1,2 см, выполненных из бронзовой проволоки толщиной 0,35 мм. Концы обоих звеньев были загнуты в колечки, плоскости которых находятся под углом 90°.

Боевой нож

Узкий железный нож со слегка выпуклой спинкой (рис.32, 28). В сечении клиновидный; черешок плоский широкий. Длина – 17 см, длина лезвия – 13,5 см, длина черешка – 3,5 см, ширина лезвия – 1,8 см. Судя по остаткам дерева, имел деревянную ручку и был вложен в деревянные ножны.

По размерам и типу нож полностью аналогичен боевому ножу из п.2 к.3 Сивашовки (рис.19, 9); аналогии рассмотрены выше.

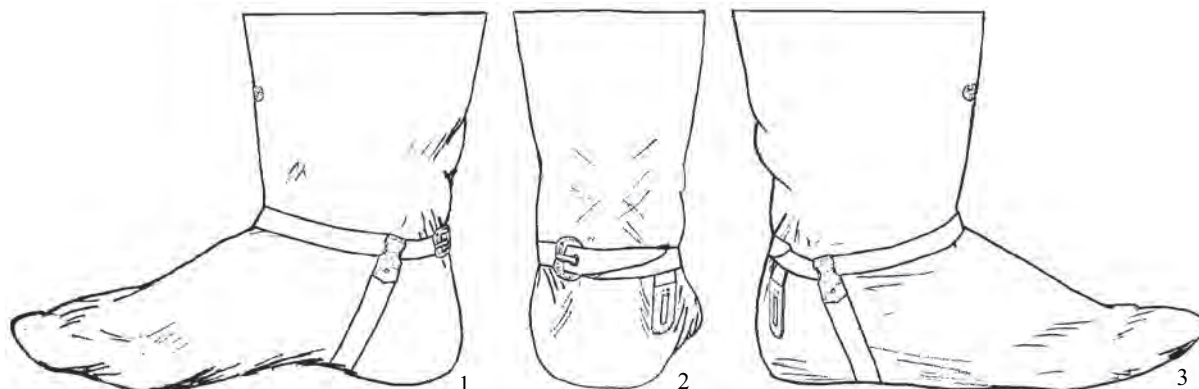

Рис. 33. Погребение 2 к.2 Сивашского. Реконструкция правого сапожка.

Fig. 33. Burial 2 of Sivashskoie barrow 2. A reconstruction of a right boot.

Предметы туалета

1. Медные щипчики (рис.32, 26). Согнуты из тонкой медной пластинки; ниже петли были перемотаны в 3-4 витка белой ниткой. Длина – 3,2 см, ширина – 0,4-0,9 см.

Трапециевидная форма подобных щипчиков наиболее распространенная, но в кочевнических погребениях это довольно редкая находка: следует назвать женское бескурганное погребение из Новопокровки (Гаврилов А.В., 1996, рис.2, 6) и мужское п.12 к.1 Верхне-Погромного I (Шилов В.П., 1975, рис.35, 6). Чуть позже, в VIII в., щипчики известны в погребениях новинковского типа (Багаутдинов Р.С. и др., 1998, рис.19, 9; Матвеева Г.И., 1997, рис.118, 9) и типа Соколовской балки (Власкин М.В., Илюков Л.С., 1990, рис.2, 14). В то же время подобные щипчики – частая находка в аварских погребениях, причем часто они, так же как и в п.2 к.2 Сивашского, находились в погребении в одном мешочке с кресалом (Tettamatanti S., 2000, Taf.7, gr.169, 2; 13, gr.250, 9; 15, gr.284, 3; 23, gr.408, 5).

Предназначение щипчиков в могилах мужчин объясняет ибн-Фадлан, сообщающий, что “все тюрки выщипывают свои бороды, кроме усов” (Ковалевский А.П., 1956, с.128).

Снаряжение лучника

1. Роговые накладки сложносоставного лука.

1а. Верхние концевые накладки – 2 экз. (рис.34, 1, 6). Правая восстанавливается полностью, левая обломана. Форма дугообразная, нижние концы сужаются. Вырез для тетивы расположен в 1,2 см от верхнего края. Обратная сторона и нижние концы лицевой части накладок покрыты насечками для склейки. Длина целого экземпляра – 30 см, ширина – 1,8-2 см, толщина – до 0,4 см.

1б. Нижние концевые накладки. Сохранился лишь обломок одной из накладок длиной 7 см (рис.34, 5).

1в. Центральная фронтальная накладка (рис.34, 3). Узкая пластина, слегка расширяющаяся на концах, обратная сторона покрыта насечкой. Длина сохранившейся части – 19 см, ширина – 1,3 см, толщина – 0,3 см.

1г. Срединные боковые накладки – 2 экз., оба обломаны (рис.34, 2, 4). Форма трапециевидная; на обратной стороне и на концах лицевой покрыты насечкой для склейки. Ширина – 2,8 см, толщина – 0,2 см, сохранившаяся длина более целого фрагмента – 24 см. Реконструируемая длина рукояти по расположению накладок *in situ* (рис.35, 1) – 32 см; если же считать накладки рукояти смещенными во время падения перекрытия и ориентироваться на

длину фронтальной накладки, тогда длина рукояти составляла около 30 см.

По форме и пропорциям концевых накладок, а также по топографии насечек им близки накладки из п.2 к.3 Сивашовки (рис.20) и п.12 к.7 Христофоровки (Prichodnyuk O., Fomenko V., 2003, fig.2, 12-15). Но луки из указанных погребений принадлежат к другому варианту – с короткой рукоятью, в то время как длина центральных накладок в п.2 к.2 Сивашского превышает длину верхних концевых накладок. Конструкция рукояти лука из п.2 к.2 Сивашского находит аналогии только в двух синхронных восточноевропейских погребениях – п.12 к.13 Рисового (Щепинский А.А., Черепанова Е.Н., 1969, рис.83, 8-11) и к.1 Авилковского (Синицын И.В., 1954, рис.2; 2а). При этом верхняя часть центральных накладок из п.2 к.2 Сивашского покрыта насечками полностью так, как у накладок из к.1 Авилковского, а нижняя – только по краю длинной стороны, как у накладок из п.12 к.13 Рисового. Также промежуточную позицию занимает рукоять и по размерам: в Авилковском – 30 см, в Сивашском – 32 см, а в Рисовом (судя по масштабу рисунка) – около 34 см. Размеры лука из Сивашского и Авилковского также практически совпадают – соответственно около 1,63 и 1,65 м.

Как мы уже отмечали выше, длинная рукоять может служить показателем более “архаичного” лука “авилковского” типа, но интересной деталью является и факт северной ориентировки всех трех упомянутых погребений с крупными луками этого типа (п.2 к.2 Сивашского, п.12 к.13 Рисового и к.1 Авилковского). Не является ли в нашем случае это сочетание признаком определенной субэтнической группы кочевников?

2. Железные наконечники стрел.

2а. Черешковые трехлопастные с широким пером и упором – 4 экз. (рис.32, 32-35). Неидентичные, сохраняют одинаковую форму пера, но различаются по длине черешка и ширине упора. Длина пера – 4-5 см, черешка – 3-5 см, ширина пера – 1,7-2 см, диаметр упора – 0,9-1 см. Сохранившаяся длина наиболее целых экземпляров – 8-8,2 см, реконструируемые размеры – до 10 см в длину.

В кочевнических погребениях аналогичные стрелы входили в колчаные наборы п.2 к.3 Сивашовки (рис.19, 12, 13), п.7 к.1 Костогрызово (рис.39, 1-3), п.12 к.7 Христофоровки (Prichodnyuk O., Fomenko V., 2003, fig.2, 7-10), к.35 Виноградного (Орлов Р.С., Рассамкин Ю.Я., 1996, рис.8, 2, 3), п.16 к.14 Великой Знаменки (Андрух С.И., Тощев Г.Н., 1991, с.10), к.1 Авилковского (Синицын И.В., 1954, рис.4). Тип 15, по А.Ф.Медведеву (Медведев А.Ф., 1966, с.59).

2б. Плоский наконечник с широким ромбовидным пером с упором (рис.32, 31). Длина нако-

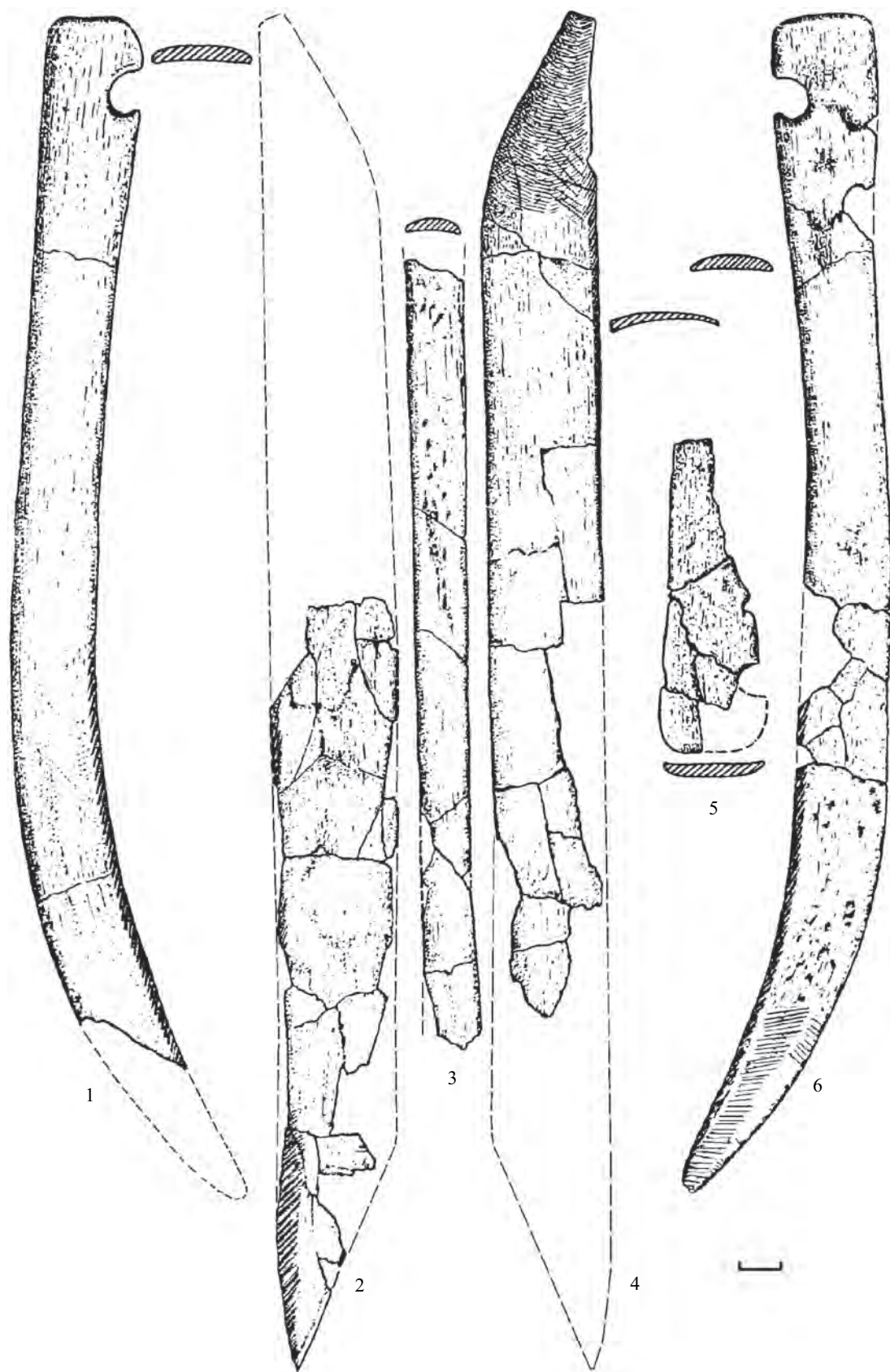

Рис. 34. Погребение 2 к.2 Сивашского. Роговые накладки лука.
Fig. 34. Burial 2 of Sivashskoie barrow 2. Horn covering plates of a bow.

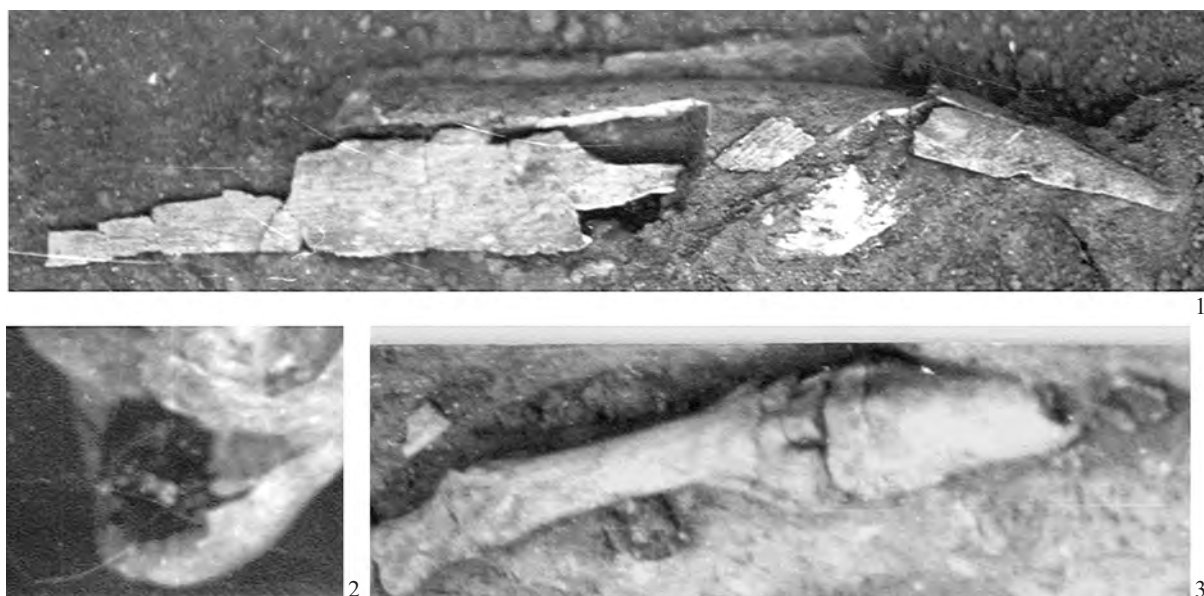

Рис. 35. Погребение 2 к.2 Сивашского. Детали in situ: 1 – рукоять лука; 2 – удила; 3 – детали мягкого седла (?).

Fig. 35. Burial 2 of Sivashskoie barrow 2. Parts in situ: 1 – a handle of a bow; 2 – a bit; 3 – parts of a soft saddle (?).

нечника 8 см, длина черешка – 3 см, ширина пера – 2,5 см.

Плоские ромбовидные наконечники найдены в составе колчаных наборов в п.12 к.7 Христофоровки (Prichodnyuk O., Fomenko V., 2003, fig.2, 6), Портовом (Баранов И.А., 1990, рис.40, 24), п.3 к.30 Калининской (Атавин А.Г., 1996, табл.14, 1-3), но они заметно отличаются: в п.12 к.7 Христофоровки и п.3 к.30 Калининской форма пера фактически треугольная, а два других наконечника из Калининской ближе по форме срезням (Атавин А.Г., 1996, табл.14, 2-3). Полностью аналогичный экземпляр известен лишь в к.1 Авиловского (Синицын И.В., 1954, рис.4).

2в. Фрагменты наконечников неопределимого типа – 2 экз. (рис.32, 36, 37). Сохранились лишь черешки стрел и переход в перо, из чего можно заключить, что это были наконечники с упором, трехлопастные или трехгранные.

3. Бронзовое кольцо (рис.32, 27). Массивное литое кольцо подовальной формы, сужающееся и слегка заостряющееся к низу. Верхняя часть переходит в сквозную шестигранную втулку с круглым контуром внутри. Общая длина – 3,5 см, внутренний диаметр – 2,1х1,7 см, высота втулки – 0,8 см, внутренний диаметр втулки – 0,9 см.

Вытянуто-овальная, заостренная на концах, форма кольца напоминает золотоордынские косяные кольца для стрельбы из лука, необходимые

для натягивания тетивы “монгольским” способом при помощи большого пальца (Медведев А.Ф., 1966, с.26; рис.4, 1-4; Волков И.В., 1991, с.174, 175; рис.1, 1-4; 2; Восточный Туркестан ..., 1995, с.370, 371). Известны были такие кольца и раньше, у болгар в слоях Плиски X-XII вв. (Йотов В., 2004, табл.IV, 23-26), а из слоя Болгара происходит и экземпляр, выполненный из бронзы (Медведев А.Ф., 1966, с.26). В данном случае несколько смущает лишь массивность кольца из Сивашского, а также наличие втулки. Согласно рисунку из рукописи “Шах-Наме” 1340 г (Волков И.В., 1991, рис.2), при стрельбе таким способом лук держался горизонтально, а кольцо надевалось на большой палец лицевой стороной вниз так, чтобы сужающийся выступ кольца смотрел в сторону указательного пальца. Кольцо из Сивашского действительно по размеру выполнено именно для большого пальца, а при его ношении сужающимся концом внутрь втулка оказывается на внешней стороне пальца и не мешает при стрельбе. Внутренний диаметр втулки кольца – 0,9 см – соответствует наиболее распространенному диаметру древка раннесредневековых стрел (0,8-0,9 см). Вполне возможно, что кольцо просто одновременно играло роль шаблона диаметра концов древка стрелы. Но также важно обратить внимание и на внешнюю шестигранную форму втулки, которая вряд ли была случайной.

К сожалению, других аналогий в синхронных кочевнических погребениях Восточной Европы кольцо не имеет, а кольца для стрельбы из лука были распространены в раннем средневековье в основном в Китае. И лишь в двух погребениях джетыясарской культуры Восточного Приаралья в комплексе с луками найдены кольца в виде костяных цилиндров (Левина Л.М., 1996, рис.89, 20; 90, 14). Интересно, что в целом ряде других джетыясарских погребений в комплексе с луками находились костяные или деревянные диски с отверстием по центру, которые Л.М.Левина также считает кольцами для стрельбы (Левина Л.М., 1996, с.197; рис.87, 10, 18, 20; 88, 9; 89, 25; 91, 3), правда, не разъясняя механизма использования. Скорее всего, они являлись просто шаблонами для древка стрел. Диаметр отверстия здесь меньше, чем у втулки кольца из Сивашского, – 6-7 мм, но и джетыясарские наконечники стрел немного мельче, чем восточноевропейские, т.е. они требовали более тонкого древка стрелы. Но даже если речь идет о каком-то другом функциональном назначении указанных предметов, поскольку тип джетыясарского лука полностью аналогичен луку из п.2 к.2 Сивашского, а позже, в X-XII вв., “монгольский” способ стрельбы с использованием костяного кольца практиковали болгары Подунавья, напомним, сохранявшие “авиловский” тип лука до VIII-IX вв., можно не сомневаться и в аналогичности способа стрельбы из него, с использованием близких приспособлений.

Снаряжение коня

1. Детали узды.

1а. Железные удила, фрагментированные. Сохранилась лишь часть грызл (рис.32, 30) и левое кольцо (рис.32, 3). По следам окиси удила восстанавливаются как двучленные, с двумя трензельными кольцами на обоих концах. Диаметр меньшего – около 3 см, диаметр большего – 4 см, толщина – 0,7 см.

Объективно установить, было ли меньшее из колец неподвижным загнутым концом звена грызл или же подвижным, на основании имеющейся у нас информации невозможно. Помогает лишь сравнение с распространенными в это время в кочевнических комплексах удилами. Подвижное соединение здесь отмечено лишь для удил из Ясиново и п.248 Дюрсо (Айбабин А.И., 1985, рис.1, 1; Археология. Крым ..., 2003, табл.86, 4), но второе кольцо превышало первое в диаметре в два раза. Такая же ситуация наблюдается и у авар (Гавритухин И.О., 2001в, рис.19, 40, 183, 186, 536в, 553; Szöke В.М., 2000, Taf.2). Удила с неподвижными кольцами на концах грызл и вставленными в них подвижными

в Восточной Европе отмечены в комплексе из Вознесенки (Гринченко В.А., 1937), а также в п.4 к.14 Новинковского II могильника (Матвеева Г.И., 1997, рис.74, 6). Возможно, остатки таких же удил были отмечены и в более раннем п.1 к.3 Шелюг нач. VII в., но их тип не установлен вследствие плохой сохранности (Кубышев А.И. и др., 1987, с.117, 118).

1б. Медный наконечник ремешка, поврежден (рис.32, 21). Спаян из двух полуовальных пластинок и ободка, крепился заклепкой. Размеры: 1x1x0,5 см.

1в. Серебряные бляшки узды – 2 экз. (рис.32, 4, 5). Круглые пластинки с насечками по краям, диаметр – 1,7 см. С оборотной стороны по центру припаяны шпеньки, загнутые на концах; толщина – 0,2 см, длина – 0,7 см.

Серебряные или бронзовые бляшки с насечками по краю, украшающие пояс или узду, известны в целом ряде кочевнических погребений – п.12 к.7 Христофоровки (Prichodnyuk O., Fomenko V., 2003, fig.2, 22), п.4 к.1 Изобильного (Айбабин А.И., 1999, рис.35, 11), п.3 к.24 Малой Терновки (рис.44, 5-9), хут.Крупской (Атавин А.Г., 1996, табл.2, 17), Арцибашев (Монгайт А.Л., 1951, рис.43, 10), п.1 к.111 Бережновки II (Синицын И.В., 1960, рис.39, 14). Внешние аналогии также многочисленны, как и география их распространения: Крым, Северный Кавказ, Сирия (Balint Cs., 1992, Taf.5, 2, 6, 10, 11, 14, 19, 23, 28, 32, 36, 41; 7, 7-9; 52, 21, 24).

2. Детали мягкого седла (?).

2а. Железная подпружная пряжка с широкой трапециевидной рамкой (рис.32, 2). Рамка с трех сторон уплощенная, а в месте крепления язычка круглая в сечении. Язычок узкий, плоский. Размеры рамки – 3,4x2,9 см; ширина прорези – 1,6 см.

По форме пряжке ближе всего серия трапециевидных сбруйных пряжек из Вознесенки (Гринченко В.А., 1950, табл. II, 9); также можно отметить щитковую пряжку из к.17 Наташино (Баранов И.А., 1990, рис.39, 4).

2б. Железная подпружная пряжка с овальной рамкой (рис.32, 8). Выкована из круглого в сечении прута диаметром до 8 мм. В передней части толще, ближе к язычку утоньшается. Язычок плоский, широкий, слегка охватывает рамку. Размеры рамки – 3,8x3,1 см; ширина прорези – 2,3 см.

2в. Фрагмент узкой костяной пластинки длиной 4 см, шириной 1,8 см и толщиной 0,4 см. Поверхность с одной стороны покатая, хорошо заглажена, на другой нанесена продольная насечка для склейки.

Реконструировать седло на основании имеющихся материалов, разумеется, невозможно, констатируем лишь, что оно так же, как и седло из Сивашовки, крепилось двумя подпругами.

II.3. Датировка погребения

Пряжки и декоративные бляшки теснее всего связывают п.2 к.2 Сивашского с п.2 к.3 Сивашовки, п.3 к.5 Виноградного, п.10 к.2 Рисового и “Царским курганом”; лук – с п.12 к.13 Рисового и к.1 Авиловского. В системе относительной хронологии кочевнических комплексов все указанные погребения принадлежат к горизонту Сивашовки – Макуховки. Единственным предметом, характерным для более поздних горизонтов, являются удила, аналогии которым отмечены лишь в Вознесенке. Но здесь следует учитывать то обстоятельство, что удила из Сивашского лишь реконструированы на основании полевых наблюдений и сохранившихся фрагментов, к тому же, такие удила, возможно, находились и в п.1 к.3 Шелюг нач. VII в. Значение “позднего” признака также нивелируется типом наконечников ремешков обуви и ремешка портупей, которые, наоборот, могут указывать на более раннюю позицию п.2 к.2 Сивашского даже по сравнению с Сивашовкой. Против лишь одно, но важное обстоятельство – резкое отличие стиля и набора предметов из п.2 к.2 Сивашского от п.1 к.3 Шелюг (рис.47), достоверно предшествующего горизонту Сивашовки в Северном Причерноморье, а также от п.2 к.3 Иловатки (рис.49), предшествующего погребениям горизонта Сивашовки для Нижнего Поволжья. Таким образом, п.2 к.2 Сивашского довольно уверенно можно отнести к горизонту Сивашовки ([post] 643 – [post] 669 г).

III. Погребение 7 кургана 1 Костогрызово

В 40 км на север от Перекопского перешейка у с.Костогрызово Бериславского р-на Херсонской обл. в 1976 г исследовалась курганная группа, расположенная в открытой степи в 2 км на север от села (рис.1, 15). Курган 1 диаметром 42 м и высотой 0,8 м от древней поверхности был сооружен в эпоху бронзы, на момент раскопок интенсивно распахан.

Погребение 7 находилось в центре кургана, прямо под репером. Контуры входной ямы в слое насыпи читались плохо, зафиксированы они с глубины 0,4 м. Это была яма практически строгой прямоугольной формы размерами 1,9x1,05 м, ориентированная по оси ЮЗ-СВ (азимут 55°) (рис.36). На глубине 0,6 м у юго-восточной стенки обнаружена ступенька, расширяющаяся к юго-западу, шириной от 0,4 до 0,65 м. На ней располагались череп и конечности коня (рис.36, 36), сохранность костей плохая. Череп коня лежал на основании, ориентирован храпом на СВ (азимут 54°); передние конечности вытянуты копытами вперед в том же направлении,

а задние – копытами в противоположную сторону, но с отклонением от оси. Состав костей конечностей устанавливается лишь по рисунку: передние включают фаланги и пясть в анатомическом порядке, задние (судя по левой ноге) – фаланги, кости плюсны и заплюсны. Отдельно, на крае ступеньки, на рисунке изображена более крупная кость конечности, которая не составляет анатомического целого с описанными – по размерам это либо лучевая, либо малая берцовая кость. Ниже ступеньки яма приобрела подтрапециевидную форму, сужающуюся в юго-западной части. На глубине 1,1 м под северо-западной стенкой обнаружен небольшой подбой, дно которого находилось на глубине 1,44 м. Длина погребальной ямы по дну – 1,9 м, ширина в северо-восточной части – 0,8 м, а в юго-западной – 0,48 м.

На дне ямы вытянуто на спине лежал скелет плохой сохранности, ориентированный головой на северо-восток (азимут 60°). Ноги в коленях и пятках не сомкнуты; кисть левой руки располагалась на тазовых костях, кисть правой руки не сохранилась. Под скелетом и частично над ним прослежены остатки гробовища из растительных длинных широких волокон (очевидно, древесный луб), окрашенных в ярко-красный цвет. Вне гробовища, вдоль юго-восточной стенки располагались кости овцы (рис.36, 35): в северо-восточной части – череп, у тазовых костей погребенного и в юго-западной части – кости ног. Возле черепа овцы прослежены остатки деревянного предмета (рис.36, 7). Здесь же, в северо-восточном углу ямы, остриями на восток лежали четыре железных наконечника стрел (два трехлопастных и два плоских) (рис.36, 1-3). Еще два наконечника располагались по диагонали под северо-западной стенкой остриями на запад (рис.36, 22). Наконеч, два последних наконечника найдены в области грудной клетки и живота, остриями в противоположные стороны (рис.36, 8, 17). Между ними зафиксированы остатки деревянного коробообразного предмета, очевидно, колчана, с серебряной бляшкой (рис.36, 11, 12). Рядом – бронзовые скрепы (рис.36, 13), железный колчаный крюк (рис.36, 14), наконечник ремня (рис.36, 9) и две бронзовые пряжки: с овальной рамкой (рис.36, 15) и прямоугольной (рис.36, 16). Ниже, в области пояса, обнаружено железное кресало (рис.36, 18), серебряная бляшка (рис.36, 19) и бронзовые скрепы (рис.36, 24). Справа от правого плеча находилась бронзовая обойма (рис.36, 6); на правой плечевой кости найдена серебряная бляшка (рис.36, 10); слева от локтевой кости левой руки – бронзовая обойма и скрепа (рис.36, 21), а на том же уровне на месте правого предплечья – бронзовая обойма и фрагмент серебряной бляшки (рис.36, 20). Еще две серебряные бляшки обнаружены на

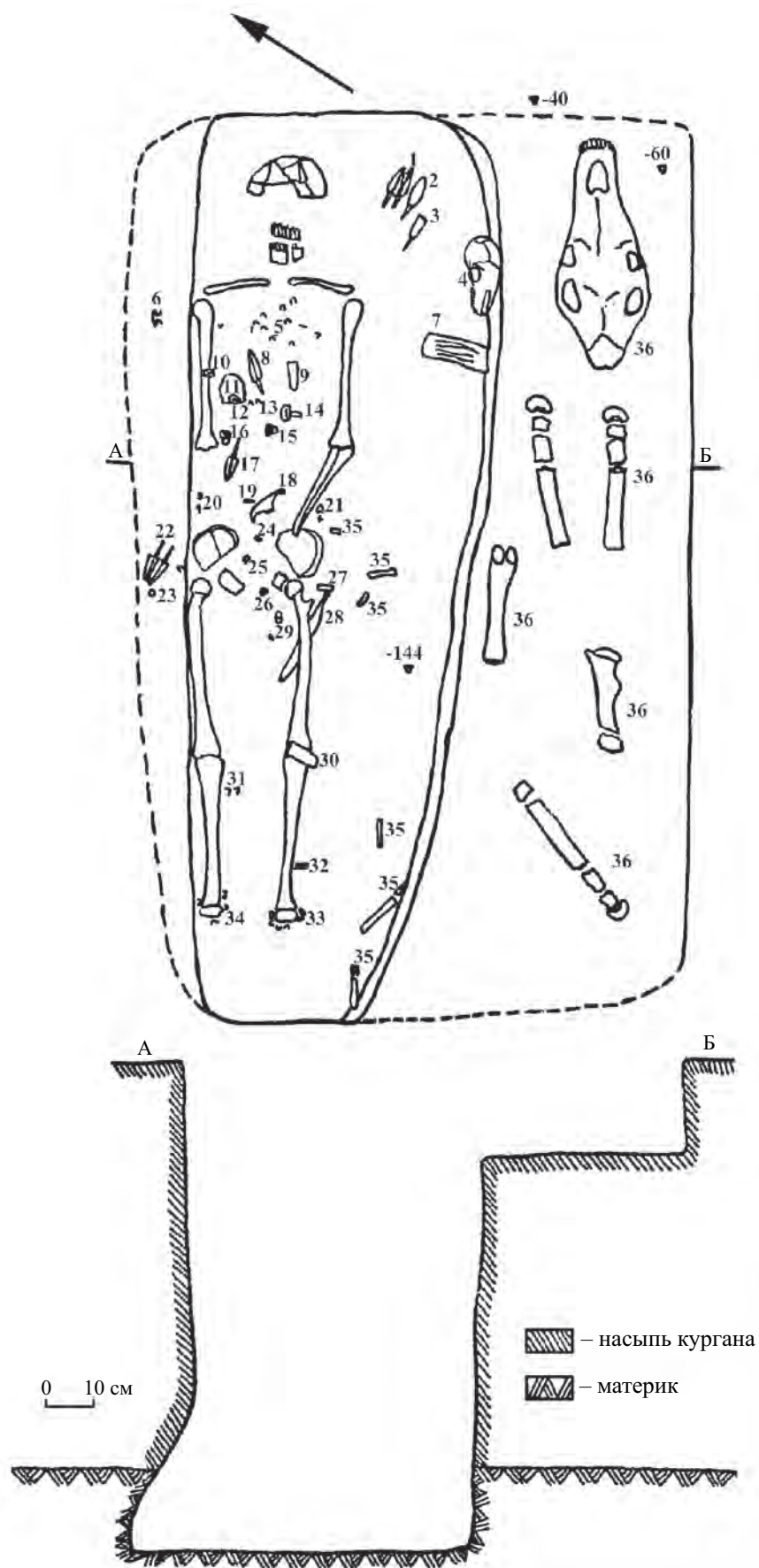

Рис. 36. Погребение 7 к.1 Костогрызово. План и разрез погребения: 1-3, 8, 17, 22 – наконечники стрел; 4 – череп барана; 5, 13, 24, 31 – бронзовые скрепы; 6 – бронзовая обойма; 7 – остатки дерева; 9, 30 – бронзовые наконечники ремней; 10, 12, 19, 25, 26 – фрагменты серебряных бляшек; 11 – остатки деревянного колчана; 14 – колчаный крюк; 15, 16 – бронзовые литые пряжки; 18 – кресало; 20 – бронзовая обойма и фрагмент серебряной бляшки; 21 – бронзовая обойма и скрепа; 23 – серебряная бляшка и бронзовая скрепа; 27 – фрагмент кожаного ремня; 28 – нож; 29 – ковкая латунная пряжка и скрепа; 32 – фрагмент ремня с заклепками; 33 – фрагменты кожаной обуви, серебряных бляшек и бронзовые скрепы; 34 – фрагменты кожаной обуви, серебряных бляшек и белой ткани; 35 – кости конечностей барана; 36 – череп и кости конечностей лошади.

Fig. 36. Burial 7 of Kostogryzovo barrow 1. The layout and section of the burial: 1-3, 8, 17, 22 – arrowheads; 4 – a ram skull; 5, 13, 24, 31 – bronze clasps; 6 – a bronze becket; 7 – remains of a wood; 9, 30 – bronze ferrules of belts; 10, 12, 19, 25, 26 – pieces of silver plaques; 11 – remains of a wooden quiver; 14 – a hook of a quiver; 15, 16 – bronze cast buckles; 18 – a fire steel; 20 – a bronze becket and a fragment of a silver plaque; 21 – a bronze becket and clamp; 23 – a silver plaque and a bronze clamp; 27 – a fragment of a leather belt; 28 – a knife; 29 – a forged brass buckle and a clamp; 32 – a fragment of a belt with rivets; 33 – fragments of leather footwear, silver plaques and bronze clasps; 34 – fragments of leather footwear, silver plaques and a white cloth; 35 – bones of ram extremities; 36 – a horse skull and bones of equine extremities.

крестце и чуть ниже таза (рис.36, 25, 26). Под левой бедренной костью находился боевой нож (рис.36, 28), у рукояти которого зафиксирован фрагмент кожаного ремня (рис.36, 27). Возле ножа, с внутренней стороны бедра, найдены бронзовые портупейные пряжка и скрепа (рис.36, 29). На левом колене обнаружен бронзовый наконечник ремня (рис.36, 30), а у правого колена с внутренней стороны ноги – бронзовые скрепы (рис.36, 31). В нижней части левой голени найден фрагмент ремня с заклепками (рис.36, 32). На ступнях зафиксированы остатки кожаной обуви: на левой ноге – фрагменты кожи, серебряных бляшек и бронзовые скрепы (рис.36, 33), на правой – фрагменты кожи, серебряных бляшек и белой ткани (рис.36, 34).

III.1. Обряд погребения

Для погребения был выбран курган средней величины по диаметру, но вряд ли изначально высокий. Яму начали рыть в его самой высокой точке, ориентируя ее длинными сторонами в направлении точки восхода или захода солнца, судя по азимуту (54-60°), в мае или в конце июля – первой половине августа (в зависимости от ориентирования ногами или головой в сторону солнца). Не доходя до материкового слоя, еще в рыхлом слое насыпи, сделали ступеньку, но подбой в этом слое сделать было технически невозможно, поскольку свод подбоя не удержался бы. Поэтому небольшой, фактически символический подбой под северо-западной стенкой сделали только в плотных предматериковом и материковом слоях. Несмотря на наличие ступеньки и небольшого углубления под стенкой, собственно подбоем данный тип могилы не является. Перед нами “подбоеобразное сооружение”

или же “полуподбой”. Для тела заранее соорудили гробовище из древесного луба, выкрашенное в ярко-красный цвет. Очевидно, в этом гробовище тело уже принесли к кургану. В подбое тело всегда помещалось со стороны ступеньки, что и в нашем случае подразумевает процедуру его опускания в могилу с юго-восточной стороны. После того, как тело в гробовище уложили под северо-западную стенку ямы, вдоль юго-восточной стенки разложили жертвенную пищу в виде мяса барана. Голова барана находилась в восточном углу, напротив плеча и шеи погребенного; судя по прослеженным рядом остаткам древесины, скорее всего, как и в п.2 к.3 Сивашовки – на деревянном подносе. Конечности овцы находились двумя скоплениями без видимой системы слева от таза погребенного и слева от его ступней на расстоянии около 0,7 м одно от второго. Не исключено, что вдоль ног погребенного просто уложили шкуру животного.

Вопрос локализации и реконструкции состава погребального инвентаря более сложен. Не вызывает сомнений, что погребенный был обут в кожаную обувь с серебряными украшениями. На левом бедре сзади был пристегнут ремешком боевой нож. Также можно допустить, что бляшки и скрепы выше кистей рук (рис.36, 20, 21) принадлежали каким-то ремешкам, стягивавшим рукава куртки. Остальные вещи в основном находятся в нехарактерном положении. Так, поясная пряжка лежала чуть выше локтей (рис.36, 15), а два поясных наконечника располагались: один – в районе грудной клетки, а другой – на левом колене (рис.36, 9, 30). Ременная скоба, которая должна относиться к этому поясу, оказалась за гробовищем (рис.36, 6); также находилась вне гробовища и одна серебряная бляшка со скрепой (рис.36, 23). Между поясной пряжкой и наконечником лежал железный колчан-

ный крюк (рис.36, 14). Если эти детали действительно принадлежали одному поясу, то находился он в погребении в разобранном состоянии или же пояс лежал сложенным на гробовище. Приблизительно выстраивается в линию ряд деталей ремня (рис.36, 10, 16, 19, 24-26, 30), но принадлежность поясного наконечника ремню с пряжкой с трапециевидной рамкой невозможна из-за различия в размерах. К этому возможному ремню, разложенному вдоль тела, тогда подвешивался и мешочек с кресалом, которое располагалось в нехарактерном для себя месте – на животе (рис.36, 18). Но теоретически возможна и другая линия: большая пряжка, кресало, наконечник (рис.36, 15, 18, 30). Колчан, который находился на груди у правой руки, на самом деле уложили на гробовище. Также вне гробовища находились и стрелы, разложенные по какой-то системе по диагонали через тело. Если стрелы лежали отдельно и не были уложены на дно заранее, до помещения туда гробовища, то все они так же, как и в п.2 к.2 Сивашского, должны быть сломаны. Но есть и другой вариант. В районе грудины, по диагонали к левому плечу, зафиксировано скопление маленьких бронзовых скреп (рис.36, 5). Это или остатки несохранившегося кожаного предмета, либо остатки внешней кожаной обивки колчана. В таком случае колчан так же, как и стрелы, был уложен по диагонали к телу. А четыре стрелы: две с трехлопастными и две с плоскими наконечниками, находились в колчане целыми, вложенными наконечниками вверх.

Таким образом, намечаются два ритуальных действия: разборка на детали или же укладка сверху на гробовище двух ремней, а также укладывание на гробовище колчана с вынутыми из него и преднамеренно сломанными стрелами.

Затем последовал традиционный обряд жертвоприношения коня покойного, снятие с него шкуры с отрезанными головой и конечностями и помещение шкуры в могилу в разложенном на ступеньке подбоя состоянии. О том, что в данном случае речь шла именно о шкуре, а не о набитом чучеле, свидетельствует близкое расположение костей ног, а также смещение линии задних конечностей, характерное для смятой, нерастянутой шкуры. Далее могила была просто засыпана (следы перекрытия не обнаружены).

Обряд п.7 к.1 Костогрызово во многих моментах повторяет уже рассмотренные выше п.2 к.3 Сивашовки и п.2 к.2 Сивашского – вытянутая поза погребенного, ориентировка в сектор север-восток, наличие гробовища, костей коня на уровне выше тела, костей овцы, колчана со стрелами на перекрытии гробовища (но без лука), боевого ножа на левом бедре, кресала на поясе. Вместе с тем, есть и детали, нуждающиеся в отдельном рассмотрении.

В то время как в п.2 к.2 Сивашского ориентировка скелета строго северная, в п.2 к.3 Сивашовки фиксируется отклонение на 42° к востоку, но формально погребение еще остается в секторе С-СВ, в п.7 к.1 Костогрызово азимут отклонения скелета достигает 60° , т.е. оно ориентировано уже в сектор СВ-В, который в Северном Причерноморье характерен для около 80% кочевнических погребений рассматриваемого периода (Комар О.В., 2002а, с.8, 9).

Подбойные погребения в синхронных подкурганых погребениях Северного Причерноморья составляют 35,3%, но их доля снижается до 28% с добавлением группы бескурганых кочевнических захоронений (Комар О.В., 2002а, с.8, 9). Особо не меняет ситуацию и добавление к статистике многочисленных восточноприазовской и нижневолжской групп, из которых в первой подбоев нет, а во второй они преобладают над ямными погребениями. Но в нашем случае, все же, речь идет не об обычном подбое, а о “полуподбое” – сооружении, сочетающем признаки ямного и подбойного погребения (ступенька слева от погребенного, небольшое углубление под правой стенкой, не создающее полноценной камеры).

Единственная прямая аналогия в синхронных погребениях – п.5 к.12 Портового (Айбабин А.И., 1985, рис.9). Также теоретически можно предполагать наличие похожей конструкции в п.10 к.4 Калининской, где шкура коня располагалась на ступеньке слева от скелета (Атавин А.Г., 1996, табл.8), правда, отсутствие в публикации разреза и описания не позволяет определить разницу глубин и форму погребальной ямы. В п.12 к.13 Рисового есть только элемент “подбоеобразности”, поскольку здесь отмечен подбой для ног (Щепинский А.А., Черепанова Е.Н., 1969, рис.83), но слишком большие размеры ямы, ее уникальная для рассматриваемого периода фактически округлая форма, а также расположение скелета не по центру, а под западной стенкой, на наш взгляд, свидетельствуют, что первоначально данная могила задумывалась как подбойная, но вследствие произошедшего обвала камеры при рытье, копателям уже ничего не оставалось, как просто выровнять дно. В бескурганном погребении из Новопокровки вдоль западной стенки сооружена ступенька, что также позволяет говорить о “подбоеобразности” (Гаврилов А.В., 1996). “Полуподбойные” сооружения известны и позже, в раннесалтовское время, в курганах типа Соколовской балки (Власкин М.В., Ильюков Л.С., 1990, рис.2, 4; 4, 3, 19; 6, 7; Комар О.В., Піоро В.І., 1999, табл.1, 13) и новинковского типа (Матвеева Г.И., 1997, рис.63), а также в грунтовой Крымском могильнике (Савченко Е.И., 1986, рис.5).

Полемизируя с приписываемой А.В.Комару несуществующей “схемой”, в которой полуподбой играют роль “промежуточного звена” в “эволюции подбойных в ямные подкурганские захоронения”, В.Е.Флёрова высказала сомнение в существовании самих “полуподбоев”, обратив внимание на факт повторного проникновения в камеру погребения из к.13 Барановки I (Флёрова В.Е., 2002б, с.179). Подобное объяснение возможно для многих погребений типа Соколовской балки, где действительно фиксируется обряд вскрытия могилы для “обезвреживания” покойника, но ни в п.7 к.1 Костогрызово, ни в упомянутых выше как аналогии п.5 к.12 Портового, п.1 к.2 Обозного, п.5 к.1 Новинковского II и п.89 Крымского могильников признаков повторного проникновения в могилу нет. Более того, в п.7 к.1 Костогрызово, п.5 к.12 Портового и п.1 к.2 Обозного, в силу размеров и взаиморасположения входной ямы и камеры, а также степени углубленности камеры в материк, отсутствие свода подбоя совершенно однозначно. Поскольку устроители могил хорошо понимали, что свод подбоя будет держаться только в плотном материковом, максимум, предматериковом грунте, недостаточная глубина указанных погребений уже делала технически невозможным сооружение классического “камерного” подбоя. Т.е., придавая яме “подбояобразные” черты, оставляя ступеньку и слегка подкапывая противоположную стенку, строители выполняли требования определенного обряда, вместо того, чтобы просто углубиться и сделать обычный “камерный” подбой. Перед нами явный осмысленный “рациональный” подход к символике погребального сооружения.

Отдавая дань символизму погребального сооружения п.7 к.1 Костогрызово, мы, тем не менее, не можем не выделить одну важную деталь – высокую ступеньку подбоя. Подавляющее большинство синхронных кочевнических подбойных погребений имеет невысокую ступеньку (до 20 см). В Костогрызово же перепад глубин в 0,84 м. Близкие аналогии – это только п.5 к.12 Портового (Щепинский А.А., 1966, с.52) и п.3 к.3 Крыловки нач. VIII в. (Колотухин В.А., 1983, рис.266), где высота ступенек составляла 0,5 м, и п.16 к.14 Великой Знаменки, где, согласно описанию, разница глубин достигала 1,2 м (Андрух С.И., Тошев Г.Н., 1991, с.9). Высокие ступеньки подбоев известны также и в раннесалтовское время в курганах новинковского типа (Матвеева Г.И., 1997, рис.62; 63).

Шкура коня в подбойных захоронениях традиционно располагалась на ступеньке подбоя – п.12 к.8 Богачевки (Генинг В.В., Корпусова В.Н., 1989), п.1 к.17 Наташино (Баранов И.А., 1990), п.16 к.14 Великой Знаменки (Андрух С.И., Тошев Г.Н., 1991), п.1 к.111 Бережновки II (Синицын И.В., 1960, с.106), п.1 к.1 Авилковского (Синицын И.В.,

1954), п.5 к.9 Бородаевки (Синицын И.В., 1947), п.1 к.13 Дорофеевки (Круглов Е.В., 1992в) и далее – погребения типа Соколовской балки (Круглов Е.В., 1990а; Иванов А.А., 2000). Схема растягивания шкуры в основном одинакова – головой в ту же сторону, куда ориентирован погребенный, передние конечности копытами вперед, а задние – в обратную сторону; исключение – п.1 к.1 Авилковского и п.5 к.9 Бородаевки, где шкура была сложенной.

Следы деревянного гробовища или носилок, как уже указывалось, обнаружены в п.2 к.3 Сивашовки, п.1 и 2 к.2 Васильевки, к.2 Белозерки, п.12 к.7 Христофоровки, п.12 к.8 Богачевки, п.1 к.1 Авилковского и в Поставмуках. Но в п.7 к.1 Костогрызово речь идет не о решетчатой конструкции и не о колоде, а о заворачивании тела в гробовище из луба, окрашенного в красный цвет. Гробовище из бересты, интерпретированное И.А.Зарецким как “лодочка”, зафиксировано в п.1 к.6 Лихачевки (Зарецкий И.А., 1888, с.242; Обломский А.М., 2002, с.83), датированном кон.V – нач.VI в. и соотносимом с кутригурами (Комар А.В., 2004а, с.175-194). А в к.3 Шипово 1-й пол.VI в. берестой перекрывалось деревянное решетчатое гробовище (Засецкая И.П., 1994, с.189). В более позднем периоде берестяное гробовище отмечено для п.1 к.2 Обозного сер.VIII в., принадлежащего к кругу памятников типа Соколовской балки (Комар О.В., Пиоро В.И., 1999, с.150; табл.1, 13). Как и в случае с берестяным колчаном из п.2 к.3 Сивашовки, здесь следует обратить внимание на умение кочевников снимать и обрабатывать кору, причем для гробовищ – в довольно больших количествах. Учитывая, что кора снималась в определенные сезоны и специфическим образом вываривалась, заготавливали ее явно заранее, скорее всего, как и тюркские народы XIX-XX вв., для покрытия юрт (Вайнштейн С.И., 1972, с.251).

Следы красной краски, возможно, также принадлежавшей подобному органическому гробовищу, отмечены на скелете в п.3 к.3 Новой Одессы III (Шапошникова О.Г. и др., 1974, с.150), а в п.5 к.9 Бородаевки в красный цвет было раскрашено деревянное блюдо (Синицын И.В., 1947, с.131). Особый случай представляет собой п.9 к.5 Ясырево III, где в заполнении найдена “геральдическая” бляшка (Мошкова М.Г., Федорова-Давыдова Э.А., 1974, с.74). На дне этой могилы находились два посыпанные охрой безынвентарных скелета с ориентировкой на СВВ, но в скорченных позах. Скорее всего, перед нами просто нарушенное в раннем средневековье погребение эпохи бронзы.

В п.7 к.1 Костогрызово, по сравнению с п.2 к.3 Сивашовки и п.2 к.2 Сивашского, меняется состав помещенных в могилу частей жертвенного барана. Здесь, вместо курдюка с лопаткой (т.е. мясными “престижными” частями) мы видим голову и ко-

нечности, возможно, уложенные в могилу вместе со шкурой барана. Подобную картину наблюдаем и в Портовом – за головой располагался череп барана, а слева от плеча – уложенные рядом все 4 его ноги (Айбабин А.И., 1985, рис.9). В п.1 к.2 Васильевки (Кубышев А.И. и др., 1984, с.53) и п.2 к.29 Чапаевского такой же набор поместили за головой слева в угол погребения (Атавин А.Г., 1996, табл.4), в п.24 Осиповки (Лиман) – выложили вокруг головы (Беляев О.С., Молодчикова И.О., 1978, рис.3, 2), а в п.7 к.1 Бережновки I – череп и две ноги за головой слева, а две ноги – возле левой кисти (Синицын И.В., 1959, с.110). Если в Портовом голова барана, как и в п.7 к.1 Костогрызово, явно была отрублена, а его шкура сложена слева от тела человека, то в п.1 к.2 Васильевки, п.2 к.29 Чапаевского, п.24 Осиповки и п.7 к.1 Бережновки I вероятен вариант помещения шкуры барана, снятой вместе с головой и конечностями. Во всех этих случаях мы вряд ли имеем дело с неуважением умершего, “получившего” лишь несъедобные части барана, – довольно богатое погребение из Портового позволяет однозначно трактовать этот обряд как символическое замещение шкурой целого барана.

Возможно, символизм следует предполагать и в других случаях. Так, в п.12 к.13 Рисового находился лишь один череп барана (Щепинский А.А., Черепанова Е.Н., 1969, с.219), в к.1 Авиловского – нога (Синицын И.В., 1954, с.230), в п.6 к.13 Малаев в погребение положили голову козы (Атавин А.Г., 1996, табл.20), в п.5 к.9 Богачевки – две головы козы (Генинг В.В., Корпусова В.Н., 1989, с.13), а в п.3 к.1 Топыла – головы и конечности (т.е. шкуры) коровы и двух телят (Левченко Д.И., 2001). Но есть и ряд погребений, где традиции мясной и немясной частей жертвенной пищи смешаны: так, в п.12 к.8 Богачевки поместили 2 головы, 4 ноги и часть грудины барана (Генинг В.В., Корпусова В.Н., 1989, с.10), в п.3 к.5 Виноградного и Новопокровке – голову, ноги и ребра (Орлов Р.С., Рассамкин Ю.Я., 1996, с.108; Гаврилов А.В., 1996, с.111), а в п.1 к.111 Бережновки II – голову, ноги и лопатку (Синицын И.В., 1960, с.106). Показателен, очевидно, и тот факт, что из 9 упомянутых выше погребений с наличием немясных частей жертвенного барана лишь два (п.1 к.2 Васильевки и п.2 к.29 Чапаевского) совершены в обычных ямах, два (п.7 к.1 Костогрызово и п.12 к.13 Рисового) – “подбоеобразные”, остальные совершены в подбоях.

В целом, можно констатировать, что несмотря на определенную специфику, п.7 к.1 Костогрызово по обряду близко целому ряду синхронных подкурганых подбойных погребений юга Восточной Европы, обнаруживая больше всего сходство с п.5 к.12 Портового, п.12 к.8 Богачевки и п.1 к.111 Бережновки II.

III.2. Инвентарь погребения

Детали ремней и одежды

1. Бронзовая литая пряжка с овальной рамкой и неподвижным щитком в виде “птичьих головок” (рис.37, 2). Язычок узкий, выступает за край рамки, в месте обычного расположения выступа-фиксатора наоборот сужается. Щиток крепился к ремню четырьмя шпеньками, расклепанными на концах, при помощи двух продольных пластинок-шайб. Размеры: 3x3,1 см; прорезь рамки – 2,2 см; ширина щитка – 2,1 см.

По классификации А.И.Айбабина, лировидная пряжка варианта 5 (Айбабин А.И., 1990, с.41). Две аналогичные бронзовые пряжки найдены в п.2 к.14 Дымовки (Айбабин А.И., 1985, рис.8, 8, 9), третья, серебряная – в разрушенном погребении у хут.Епифанова (Безуглов С.И., 1985, рис.1, 2). Пряжка этого же варианта, но без оформления щитка в виде птичьих головок, находилась в п.7 к.1 Бережновки I (Синицын И.В., 1959, рис.34, 1). Близкие пряжки со щитком в виде “птичьих головок” известны также в аварском п.13 Деск-Л (Balogh Cs., 2004, Abb.13, 1), п.30 Борисово, п.416 Дюрсо (Археология. Крым ..., 2003, табл.78, 56; 83, 16) и кат.2 Чми на Северном Кавказе (Деопик В.Б., 1963, рис.1, 10).

2. Бронзовая литая пряжка с трапециевидной рамкой и щитовидным щитком (рис.37, 1). Язычок узкий, без выступа-фиксатора. Щиток крепился к ремню при помощи двух шпеньков и шайбы. Общая длина – 2,8 см; размер рамки – 2,4x1,3 см; размер щитка – 1,8x1,3 см; ширина прорези рамки – 1,5 см.

Пряжка относится к варианту I-6 пряжек с четырехугольной рамкой, по А.И.Айбабину (Айбабин А.И., 1990, с.49), или варианту II-3, по А.В.Комару. В рамках этого варианта пряжки различаются по размерам и функциональному назначению: маленькие, в основном, обувные – п.12 к.8 Богачевки (Генинг В.В., Корпусова В.Н., 1989, рис.10, 2), п.1 к.2 Васильевки (Кубышев А.И. и др., 1984, табл.27, 3), п.3 к.5 Виноградного (Орлов Р.С., Рассамкин Ю.Я., 1996, рис.3, 21), к.1 Авиловского (Синицын И.В., 1954, рис.3), п.1 к.22 Аккермена (Вязьмитина М.И. та інші, 1960, рис.74, 6), Новиновки (Werner J., 1956, Taf.25), и портупейные, чуть крупнее – п.7 к.1 Костогрызово, п.2 к.29 Чапаевского (Атавин А.Г., 1996, табл.6, 4), Келегеи (Prichodnjuk O., Chardaev V., 2001, Abb.4, 3). На фоне широкого распространения в Крыму и на Северном Кавказе маленьких обувных пряжек этого варианта, более крупные экземпляры выглядят редкими – п.64 Керчи (Айбабин А.И., 1990, рис.46, 17), п.1 западного кугульского

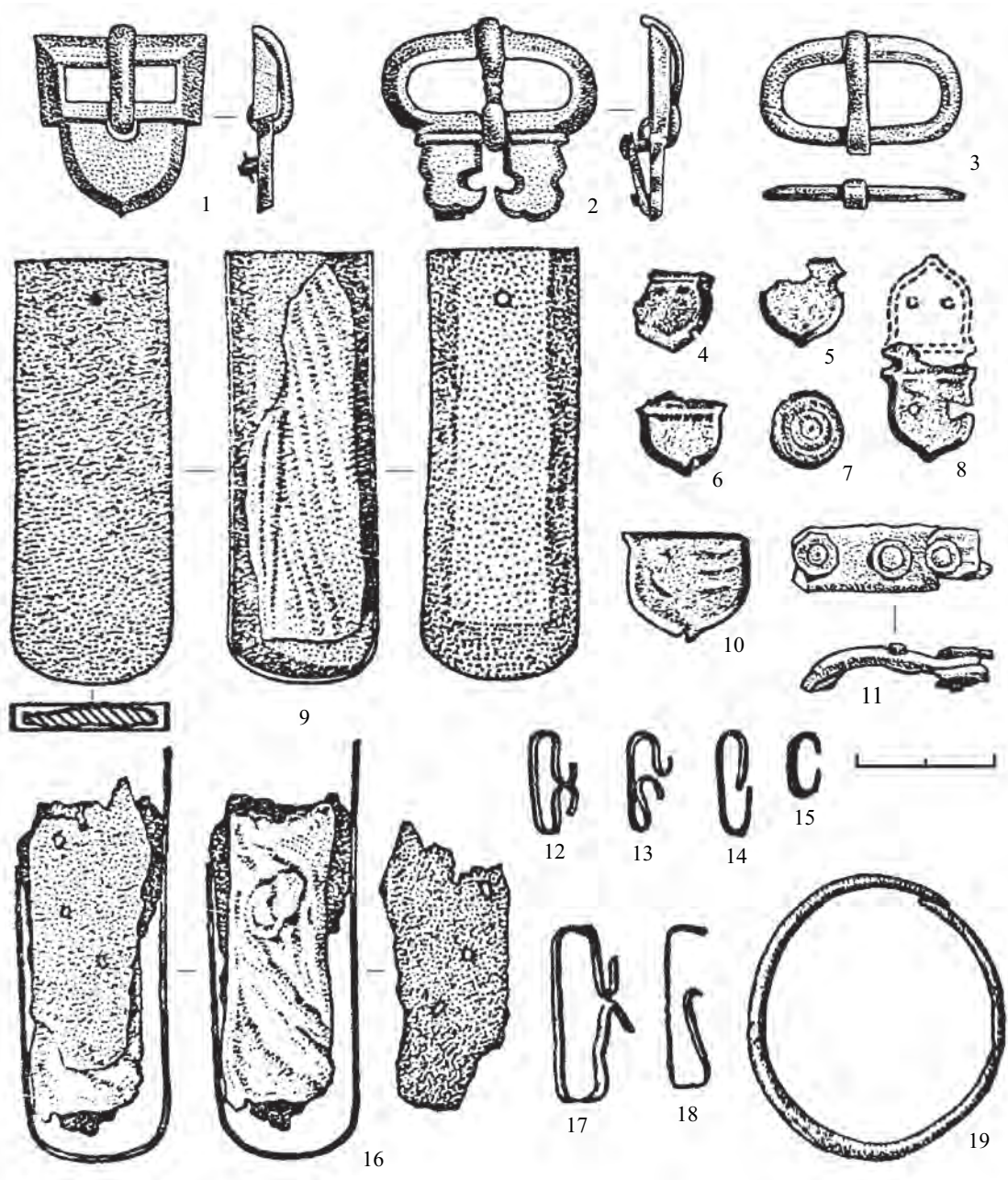

Рис. 37. Погребение 7 к.1 Костогрызово. Предметы из серебра (4-8, 10) и медных сплавов (1-3, 9, 12-19): 1-3 – пряжки; 4-8, 10 – бляшки; 9, 16 – наконечники ремней с остатками кожи внутри; 11 – фрагмент ремня с заклепками; 12, 13, 17, 18 – обоймы; 14, 15 – скрепы; 19 – браслет.

Fig. 37. Burial 7 of Kostogryzovo barrow 1. Items made from silver (4-8, 10) and copper alloys (1-3, 9, 12-19): 1-3 – buckles; 4-8, 10 – plaques; 9, 16 – belt ferrules with remains of leather inside; 11 – a fragment of a belt with rivets; 12, 13, 17, 18 – becketts; 14, 15 – clamps; 19 – a bracelet.

склепа 3, (Рунич А.П., 1979, рис.5, 16), кат.9 Клиньяра III (Флёров В.С., 2000, рис.31, 1), хут. "Дружба" (Гавритухин И.О., 2001г, рис.9, 5).

3. Латунная овальная бесщитковая пряжка (рис.37, 3). Выполнена из раскованной проволоки. Рамка уплощенная, подсегментовидная в сечении, немного расширяется на переднем конце.

Язычок узкий, тонкий, охватывает рамку. Размеры: 3x1,5 см, толщина – 2,5 мм, прорезь рамки – 2,2 см.

Кованные овальные пряжки с уплощенной рамкой в кочевнических погребениях рассматриваемого периода – явление редкое, можно вспомнить как аналогию лишь пряжку с подвижным щитком

из п.7 к.7 Христофоровки (Prichodnyuk O., Fomenko V., 2003, fig.1, 8). Более близкие аналогии – пряжки из с.10 Лучистого (Айбабин А.И., 1994, рис.10, 3, 4) и п.9 керченского склепа 78.1907 (Kazanski M., 1996, fig.9, 7, 8).

4. Наконечники ремней.

4а. Бронзовый коробчатый наконечник; внутри – остатки ремня (рис.37, 9). Выполнен из двух пластин, запаянных торцевой полоской. Крепился к ремню при помощи одной заклепки. Размеры: 6,2х2,2 см, толщина – 0,4 см.

4б. Бронзовый коробчатый наконечник, аналогичный предыдущему, но хуже по сохранности (рис.37, 16). Сохранившиеся размеры – 6х2,2 см. Внутри – остатки ремня.

Наконечники аналогичны по конструкции рассмотренным выше серебряным поясным наконечникам из п.2 к.3 Сивашовки и п.2 к.2 Сивашского.

5. Серебряные бляшки, выполненные из тонкого серебряного листа толщиной 0,2-0,3 мм в технике прессовки, внутри заполнены веществом серо-зеленого цвета – очевидно, окислами свинцово-оловянистого сплава. Сохранилось два целых экземпляра и 14 фрагментов.

5а. Щитовидная бляшка без вырезов (рис.37, 10). Размеры: 1,8х1,6 см. На лицевой поверхности вдавлением нанесен декор в виде схематических “запятых”.

В синхронных кочевнических комплексах Восточной Европы прессованные щитовидные бляшки, распространенные в это время на Северном Кавказе и в Приуралье (Ковалевская В.Б., 2000, с.151, 152), найдены только в п.6 к.13 Малаев, но они с двумя отверстиями или гладкие (Атавин А.Г., 1996, табл.22, 2-4). Прессованная U-образная бляшка с наколотой зернью найдена в п.2 к.14 Дымовки (Айбабин А.И., 1985, рис.8, 22). Декор же бляшки из Костогрызово, скорее всего, имитирует византийский стиль “точка с запятой” (Айбабин А.И., 1990, рис.43, 3, 5, 8, 11, 13-15, 17; Веймарн Е.В., Айбабин А.И., 1993, рис.83, 5, 6; Valint Cs., 1992, Taf.60, 5, 6).

5б. Щитовидная бляшка с вырезами по бокам и сверху; обломана (рис.37, 5). Размеры: 1,3х1,3 см.

Прессованный вариант литых щитовидных бляшек варианта 2, по А.И.Айбабину (Айбабин А.И., 1990, с.54), или накладок типа 6 подотдела 1 отдела 10, по В.Б.Ковалевской (Ковалевская В.Б., 2000, с.151, 152), уже рассмотренных выше.

5в. Круглая уплощенная бляшка с декором в виде двух концентрических кругов и точки в центре (рис.37, 7). Диаметр – 1,1 см.

Близкие бляшки известны в Вознесенке (Гринченко В.А., 1937), сильнее профилированные и, наоборот, без декора – в п.2 к.1 Березовки I (Скарбовенко В.А., Сташенков Д.А., 2000, рис.5,

2-4, 14-16). В обоих комплексах точное расположение и предназначение бляшек не установлено, а в женском п.1 Сегвар-Оромдюле близкие бляшки украшали одежду (Lorinczy G., 1992, Abb.5, 3). В аварских комплексах аналогичные находки также можно отметить в п.2 Деск-М (Balogh Cs., 2004, Abb.14, 11-16).

5г. Фрагмент двуштитковой бляшки с двумя отверстиями в щитках (рис.37, 8). Размер сохранившейся части 1,7х1,4 см.

Близка по форме литым бляшкам из п.2 к.3 Сивашовки (рис.13, 7, 8), но более вытянутая и без отверстия по центру. В классификации В.Б.Ковалевской это тип 4 отдела 34, причем показательно, что 2/3 учтенных бляшек этого типа прессованные, а не литые (Ковалевская В.Б., 2000, с.159).

5д. Два фрагмента двуштитковой бляшки (рис.37, 4, 6). Ширина – 1,4 см, длина не восстанавливается.

Бляшка близка по форме предыдущей, но на щитках нет отверстий. Центральная часть не сохранилась, поэтому установить, было ли отверстие по центру, нельзя. Но бляшка в целом близка экземплярам с отверстием по центру из с.460 Скалистого (Веймарн Е.В., Айбабин А.И., 1993, рис.83, 37) и кат.45 Мокрой Балки (Афанасьев Г.Е., Рунич А.П., 2001, рис.62, 10) либо экземплярам с символически намеченными отверстиями (Веймарн Е.В., Айбабин А.И., 1993, рис.60, 19).

6. Лагунные ременные обоймы.

6а. Большие подпрямоугольные обоймы – 2 экз. (рис.37, 17, 18). Сделаны из бронзовой полоски шириной 0,4 см. Концы полоски длиной 0,5 см выгибались наружу, пробивали ремень и загибались с его обратной стороны. Размеры: 2,5х0,9 см и 2,4х0,6 см. Рассчитаны для ремней толщиной 0,3 см и шириной 2,3 и 2,2 см соответственно.

6б. Маленькие вытянуто-овальные обоймы – 2 экз. (рис.37, 12, 13). Аналогичны по конструкции предыдущим, но при обжиме полоски использовался инструмент без прямых граней. Размеры: 1,3х0,4 см, 1,4х0,4 см. Рассчитаны на ремень толщиной 0,15-0,2 мм и шириной 1,2 мм.

7. Лагунные скрепы – 23 экз., 11 фрагментированы (рис.37, 14, 15). Однотипные, выполнены из полосок шириной 0,2-0,3 мм, концы загнуты встык. Длина – 0,8-1,5 см, ширина – 0,4-0,5 см.

Размеры целых скреп указывают в основном на их принадлежность небольшим ремешкам, а хрупкость – на невозможность использования под натяжением. Локализация же скопления фрагментов скреп в районе грудной клетки (рис.37, 5), возможно, отражает крепление кожаной обтяжки колчана.

8. Железный колчанный крюк (рис.39, 10). Выкован из круглого в сечении прута диаметром

0,9 см. Высота – 5,4 см, размеры рамки – 3,3x1,7 см, прорезь рамки – 1,6 см.

Железные колчанные крюки крайне редки в погребениях с деталями “геральдического” стиля, массово распространяясь в степи только в ранне-салтовское время (Багаутдинов Р.С. и др., 1998, рис.26, 20-25; Сташенков Д.А., 2001, рис.8, 4; Иванов А.А., 2002б, с.37, 38). Самая ранняя находка в Подунавье – аварское п.60 Клярафалвы-В (Balogh Cs., 2004, Abb.16, 5) 2-й пол.VI в., но в восточно-европейской степи самая ранняя находка принадлежит лишь к нач.VIII в. – п.4 к.11 Шелехметьского II могильника (Бражник О.И. и др., 2000, рис.4, 10). Экземпляр из Костогрызово по форме близок крюку из Клярафалвы, но, одновременно, и поздним вариантам сер. – 2-й пол.VIII в.

9. Фрагмент кожаного ремня с тремя медными заклепками (рис.37, 11). Длина – 2,8 см, ширина – 0,9 см, толщина – 0,3 см. Заклепки с обратной стороны крепились шайбочками диаметром 0,5-0,7 см.

10. Фрагменты кожаных ремней шириной 1 см и 1,5 см, толщиной 0,3 см. Двухслойные, прошиты.

11. Фрагмент белой ткани круглой формы. Ткань плотная, многослойная; заметны два прокола. Скорее всего, фрагмент либо служил подкладкой под круглую бляшку, либо же сохранился благодаря ее окислам.

Реконструкция одежды

К сожалению, точное расположение конкретных видов бляшек не задокументировано, поэтому их разделение на поясные, обувные или принадлежащие украшениям одежды по расположению *in situ* невозможно. Также усложняет задачу и их сильная фрагментированность и распорошенность, возможно, ставшая следствием обряда срывания бляшек с пояса, отмеченного в п.11 к.1 Черноморского (см. нашу публикацию в настоящем сборнике).

1. Поясной набор. Состоит из большой пряжки (рис.37, 2), большой обоймы (рис.37, 17) и одного из наконечников (рис.37, 9, 16), крепившихся к ремню шириной 2 см. Также к этому поясу относится и серебряная щитовидная бляшка (рис.37, 10). Вторая щитовидная бляшка (рис.37, 5) меньше, поэтому могла принадлежать и ремню португеи. Учитывая, что стандартный набор щитовидных бляшек пояса предусматривал одну или 4 бляшки, наиболее вероятно, что в нашем случае все же бляшка была единственной, а погребенный носил титул куркапына и военный ранг он баши.

2. Португея колчана. Ремень шириной 1,5 см с пряжкой с трапециевидной рамкой (рис.37, 1) и же-

лезным колчанным крюком (рис.39, 10), украшенный несколькими серебряными бляшками.

3. Португея боевого ножа. Ремень шириной 2 см с овальной бесщитковой пряжкой (рис.37, 3), обоймой, очевидно, большой (рис.37, 18) и одним из наконечников (рис.37, 9, 16). Взаиморасположение пряжки, ножа, обоймы и фрагмента кожаного ремня (рис.36, 26-29) позволяет реконструировать португею (рис.38). Нож в деревянных ножнах крепился по длине к ремню так, чтобы внизу ремня находилась пряжка с обоймой, а сверху – наконечник. Ножны прикладывались к задней поверхности левого бедра, после чего правой рукой нижний конец ремня с пряжкой перебрасывался через бедро налево, обхватывал ножны и выводился к внутренней поверхности бедра, где и застегивался, оставляя свисающим конец ремня длиной около 20 см.

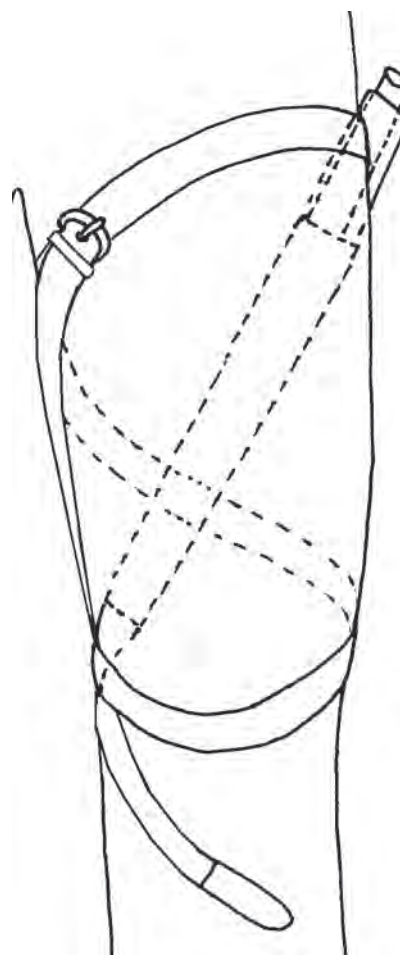

Рис. 38. Погребение 7 к.1 Костогрызово. Реконструкция португеи ножа.

Fig. 38. Burial 7 of Kostogryzovo barrow 1. A reconstruction of a knife sword-belt.

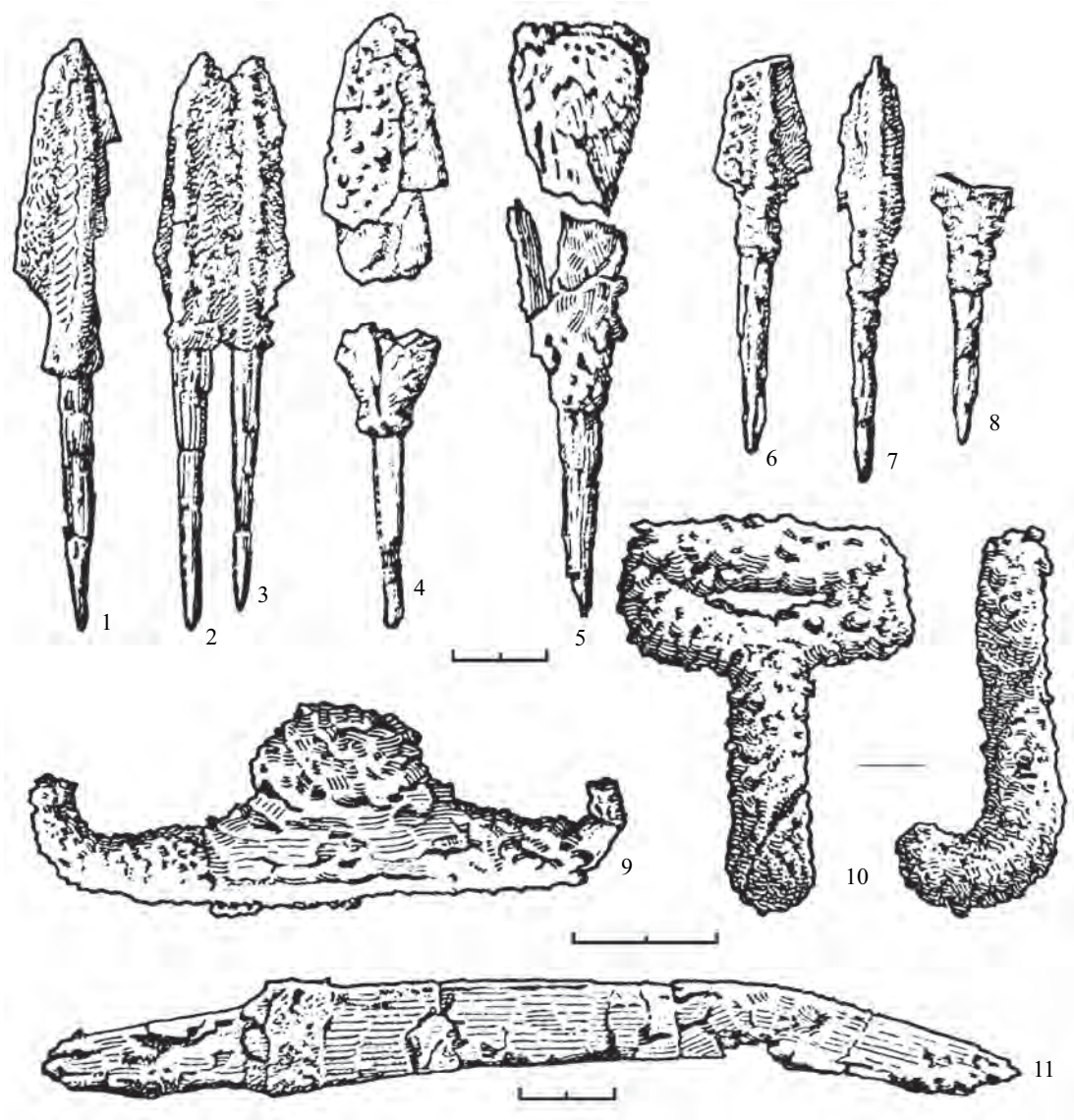

Рис. 39. Погребение 7 к.1 Костогрызово. Железные изделия: 1-8 – наконечники стрел; 9 – кресало; 10 – колчаный крюк; 11 – нож.

Fig. 39. Burial 7 of Kostogryzovo barrow 1. Iron items: 1-8 – arrowheads; 9 – a fire steel; 10 – a hook of a quiver; 11 – a knife.

4. Обувь. Судя по локализации бляшек и скреп, обувь имела схожую конструкцию с перехваченными ремнями сапожками из п.2 к.3 Сивашовки и п.2 к.2 Сивашского, но была беднее оформлена. Набор каждого сапожка состоял из двух скреп и серебряной двущитковой бляшки (рис.37, 4, 6, 8). Ширина обувных ремней, охватывающих ступню – 1,5 см. Если фрагмент ремня с заклепками (рис.37, 11) также принадлежал обуви, тогда высота сапожков составляла около 20 см, а вверху они перехватывались узкими ремешками шириной 0,9 см.

5. Одежда. Сохранившийся небольшой фрагмент ткани позволяет предположить, что покойный

мог быть одет в рубашку или халат из плотной белой ткани, украшенный серебряными круглыми бляшками. Наличие верхней одежды позволяют предполагать ремешки шириной 1,2 мм с обоймами (рис.37, 12, 13), перехватывавшие рукав чуть выше кисти. Скорее всего, это была кожаная курточка.

Снаряжение лучника

1. Остатки деревянного колчана. Исходя из полевых наблюдений, можно заключить, что это был деревянный короб округлой в сечении фор-

мы, обитый внутри кожей. Размеры не восстанавливаются.

Колчан в виде округлого деревянного короба – один из самых древних и распространенных азиатских типов колчанов (Восточный Туркестан ..., 1995, с.375-377). В Восточной Европе деревянные колчаны найдены в аланском скальном могильнике Мошечая Балка (Jerusalimskaja A.A., 1996, S.227; Abb.136; 141), а также в п.103 салтовского могильника Красная Горка (Аксенов В.С., 1999, рис.32, 1). Последний колчан был обит внутри и снаружи кожей при помощи многочисленных скреп, а колчан из Мошечой Балки заключен в кожаный футляр. Поэтому очень интересно скопление бронзовых скреп в п.7 к.1 Костогрызово по диагонали выше колчана (рис.36, 5). Если допустить, что они маркируют границы кожаной обивки колчана, в таком случае, мы можем реконструировать его размеры: около 65 см в длину и до 15 см в ширину, сужаясь в устье до 11 см и чуть расширяясь в области “кармана”. Тип колчана определяется как классический центральноазиатский с “карманом”, стрелы в который вкладывались наконечниками вверх.

Сравнивая колчан из Костогрызово с сивашовским колчаном, можно отметить, что у тувинцев XIX в. деревянные обитые кожей колчаны считались более дорогими, чем легкие берестяные (Вайнштейн С.И., 1972, с.190, 191).

2. Железные черешковые наконечники стрел.

2а. Трехлопастный наконечник с широким подромбовидным пером и упором (рис.39, 1). Общая длина – 12,3 см, длина черешка – 5,2 см, диаметр упора – 1,2 см, реконструируемая ширина пера – 2,2 см.

Тип 15 по А.Ф.Медведеву (Медведев А.Ф., 1966, с.59). Аналогии рассмотрены выше.

2б. Трехлопастные наконечники с узким ромбовидным пером и упором – 2 экз. (рис.39, 2, 3). Общая длина – 12 и 11,5 см, длина черешка – 5,7 и 5,4 см, диаметр упора – 1 см, ширина пера – 1,8 см.

Ближние наконечники, но с пропорционально более узким пером были в п.12 к.7 Христофоровки (Prichodnyuk O., Fomenko V., 2003, fig.2, 8) и “Царском кургане” (Атавин А.Г., 1996, табл.19, 1-3). Они приближаются по пропорциям к наконечникам типа 23 (Медведев А.Ф., 1966, с.61), очевидно, представленного в рассматриваемой группе экземпляром из Арцибашева (Монгайт А.Л., 1951, рис.43, 16).

2в. Трехлопастный наконечник с узким подромбовидным пером без выраженного упора, поврежденный (рис.39, 7). Общая длина – 9 см, длина черешка – 3,9 см, ширина пера – 1,4 см.

2г. Трехлопастный наконечник с подтреугольным пером и упором, поврежден (рис.39, 6). Сохранившаяся длина – 8,4 см, длина черешка – 4 см, диаметр упора – 0,9 см, ширина пера – 2,1 см.

Наконечник этого варианта, но без упора найден в к.1 Авиловского (Синицын И.В., 1954, рис.4); наконечники с упором и треугольной формой пера больше характерны для погребений новинковского типа Поволжья (Багаутдинов Р.С. и др., 1998, рис.26, 4, 6; Сташенков Д.А., 2001, рис.8, 6). В классификации А.Ф.Медведева последние – тип 17, к которому исследователь отнес наконечник плохой сохранности из Арцибашева (Монгайт А.Л., 1951, рис.43, 15; Медведев А.Ф., 1966, с.60).

2д. Фрагмент трехлопастного наконечника с упором (рис.39, 8). Длина фрагмента – 5,5 см, длина черешка – 3,2 см, диаметр упора – 0,9 см, ширина пера – 1,7 см.

2е. Плоский наконечник с ромбовидным или листовидным пером и упором, фрагментирован (рис.39, 4). Длина черешка – 3,3 см, диаметр упора – 1,2 см, ширина пера – около 3 см.

Как уже указывалось выше, близкие наконечники находились в составе колчаных наборов п.2 к.2 Сивашского (рис.32, 31) и к.1 Авиловского (Синицын И.В., 1954, рис.4).

2ж. Плоский наконечник со срезанным пером и упором, фрагментирован (рис.39, 5). Длина черешка – 4,5 см, ширина пера – 3 см, диаметр упора – 1,2 см. Близкий срезень найден в п.2 к.3 Сивашовки (рис.19, 14).

Таким образом, погребальный колчаный набор п.7 к.1 Костогрызово состоял из стрел с разным диаметром конца древка: 1,2 см (3 экз.), 1 см (2 экз.) и 0,9 см (3 экз.). Непосредственно в колчане остались 2 боевых и 2 охотничьих стрелы; вне колчана, скорее всего, в сломанном состоянии, были разложены универсальные стрелы с трехлопастными наконечниками.

Боевой нож

Узкий железный нож с широким черенком и изогнутым клинком (рис.39, 11). Общая длина – 19,5 см, длина клинка – 13,5 см, длина черенка – 4,5 см, ширина клинка – 2 см, ширина перекрестья у черенка – 2,4 см. Сечение клинка клиновидное. На ноже заметны следы деревянной обкладки рукояти и деревянных ножен.

По размерам и форме черенка нож близок рассмотренным выше экземплярам из п.2 к.3 Сивашовки и п.2 к.2 Сивашского, но отличается от них “перекрестьем” (фактически, утолщением) в виде накованной полоски в месте перехода клинка в черенок, а также выраженным изгибом острия клинка. В восточноевропейских кочевнических комплексах прямой аналогии ножу нет. Единственный близкий экземпляр происходит из к.26 Чир-Юрта, но у него сложнее профилировка клинка (Магомедов М.Г.,

1983, рис.26, 12). Проще и ближе костогрызовскому экземпляру нож из позднеаварского п.66 Лиоберсдорфа (Daim F., 1987, Taf.61, 11).

Кресало

Железное калачевидное с едва заметно выделенным удлинённым язычком по всей плоскости лезвия и полуовальным выступом по центру; концы невысокие, загнуты вертикально вверх (рис.39, 9). Длина – 8,1 см, ширина – 2,7 см, толщина – 0,7 см.

Данный экземпляр в целом аналогичен кресалам из п.2 к.3 Сивашовки (рис.19, 1), п.12 к.7 Христофоровки и п.18 Деска-G (Balogh Cs., 2004, Abb.7, 13), но так же, как и в ситуации с двумя последними, из-за коррозии до конца не ясно, есть ли в полуовальном выступе прорезь для подвешивания, т.е. была ли это пряжка.

Браслет

Бронзовый браслет из тонкого круглого в сечении прута (рис.37, 19). Наибольшее расширение по центру (0,3 см), на концах утоньшается, концы заведены в нахлест. Диаметр – 4,2 см, внутренний – 3,7 см.

Расположение браслета в погребении не задокументировано, скорее всего, он найден в верхних слоях засыпки. В том, что это именно детский браслет, убеждают многочисленные подобные находки в аланском могильнике Мокрая Балка (Афанасьев Г.Е., Рунич А.П., 2001, рис.16, 3; 18, 2; 27, 13; 34, 13; 38, 8; 68, 9; 81, 17; 112, 2; 130, 8; 136, 7). Близкий по размерам проволоочный браслет, но с расклепанными концами найден в бескурганном детском кочевническом п.1 Рябовки (Обломский А.М., Терпиловский Р.В., 1993, рис.2, 2). Ручные проволоочные браслеты находились также в п.4 Рябовки, Уч-Тепе и п.1 к.8 Старонижестеблиевской (Иессен А.А., 1965, рис.30; Атавин А.Г., 1996, табл.24, 2), что указывает на существование определенной традиции ношения подобных украшений у кочевников рассматриваемой нами группы. Детский браслет из п.1 к.7 Костогрызово, несомненно, не мог принадлежать покойному – это погребальный дар.

III.3. Датировка погребения

Поясная пряжка с птичьими головками тесно связывает п.7 к.1 Костогрызово с п.2 к.14 Дымовки, комплексом из Епифанова и п.13 Деск-L; портупейная пряжка – с п.2 к.29 Чапаевского и Келегеями;

кресало – с п.2 к.3 Сивашовки, п.12 к.7 Христофоровки и п.18 Деск-G; прессованные щитовидные бляшки – с п.6 к.13 Малаев; круглая серебряная бляшка – с Вознесенкой, п.2 к.1 Березовки I, п.2 к.2 Шиловки, п.2 Деск-M; использование техники прессовки деталей из тонкого серебряного листа с заполнением изнутри свинцово-оловянистым сплавом или пастой – с п.5 к.12 Портового, п.1 к.2 Васильевки, к.17 Наташино и более поздними комплексами; железный колчаный крюк – с п.4 к.11 Шелехметь II и раннесалтовскими курганами, но и одновременно с п.60 Клярафалвы-B; кривой нож – с к.26 Чир-Юрта.

В системе относительной хронологии восточноевропейских кочевнических комплексов четыре упомянутых погребения (п.2 к.29 Чапаевского, п.2 к.3 Сивашовки, п.12 к.7 Христофоровки, Епифанов) относятся к горизонту Сивашовки – Макуховки; пять (п.2 к.14 Дымовки, п.6 к.13 Малаев, п.1 к.2 Васильевки, к.17 Наташино и Келегеи) – к горизонту Уч-Тепе – Келегеи; три (Вознесенка, п.5 к.12 Портового и к.26 Чир-Юрта) – к горизонту Шиловки – Романовской и три (п.2 к.1 Березовки I, п.2 к.2 Шиловки, п.4 к.11 Шелехметь II) – к фазе 2 горизонта Шиловки. Столь широкий разброс аналогий все же не размывает четкую стадиальную позицию комплекса из п.7 к.1 Костогрызово, определяемую по сочетанию деталей “геральдического” стиля и их прессованных подражаний, но без наличия ярких признаков следующих горизонтов, в рамках горизонта Уч-Тепе – Келегеи ([post] 669 – [post] 698 гг).

Интересна и позиция комплекса из Костогрызово на фоне аварских погребений с прессованной “геральдикой”, рассмотренных Ч.Балохом (Balogh Cs., 2004). Прессованные “геральдические” бляшки находились в п.18 Деск-G, п.18 Деск-H, п.2 Деск-M, п.49, п.58, 60, 67 Мокрин/Хомокрев (Ю)-Водоплав-Флур, п.1 Сегвар-Оромдюле, п.166 Ютас, причем в п.18 Деск-G они сочетались с аналогичным костогрызовскому кресалом, а в п.2 Деск-M и п.1 Сегвар-Оромдюле – с прессованными круглыми бляшками с концентрическим декором, аналогичными бляшке из Костогрызово. Еще один комплекс этого же горизонта – п.13 Деск-L – имел в своем составе пряжку с птичьими головками. Реминисценции горизонта Бочи – Кунбабоня в этом горизонте обнаруживают комплексы: п.18 Деск-H с прессованными подражаниями дорогим U-образным и овальным бляшкам (Balogh Cs., 2004, Abb.9, 4-9) и п.13 Деск-L с мечом с кованым кольцевым навершием (Balogh Cs., 2004, Abb.13, 21), явно подражающим экземплярам из Бочи и Кунбабоня. В то же время в п.18 Деск-H, п.13 Деск-L были “восьмеркообразные” стремена с круглой подножкой, а в п.18 Деск-G – с прямой подножкой и подпрямоугольной петлей (Balogh Cs., 2004, Abb.8, 9; 12, 1;

13, 19, 20). Последние были в п.40, 100, 320, 384, 533, 635 Тисафюреда периодов b и c, по И.О.Гавритухину (Гавритухин И.О., 2001в), что уверенно относит п.18 Деск-Г к II среднеаварскому периоду. Достоверных аварских погребений I среднеаварского периода с “восьмеркообразными” стременами пока также не известно. Главным основанием для их ранней даты на сегодня является комплекс из Сынпетру-Жерман с монетой Ираклия и Ираклия Константина 20-х гг. VII в. (Dorner E., 1960, fig.3, 4). Но, как справедливо заметил И.О.Гавритухин, основания для ранней даты данного комплекса и поясов стиля Арадац-Фенлак чисто умозрительные (Гавритухин И.О., 2001в, с.111). Все находки подобных поясных деталей в аварских комплексах (Garam E., 2001, taf.81-84) не выходят за рамки контекста II среднеаварского периода, которым следует датировать и длинную саблю из Сынпетру-Жерман. Единственная же находка деталей этого стиля в восточноевропейских кочевнических комплексах происходит из Вознесенки, где, как и в Фенлаке, она сочетается с наборами стиля Акалан, а также с саблями и аркообразными стременами. Наиболее массовые в Вознесенке “восьмеркообразные” стремяна с круглой подножкой появляются у причерноморских кочевников только на этапе Келегеев, на котором действительно наблюдается смешение стилей горизонтов Перещепины и Вознесенки, традиционно жестко синхронизируемых в литературе с горизонтами Бочи – Кунбабоня и Озоры – Кунаготы.

Похоже, что на примере аварских могильников из Деска, Сегвар-Оромдюле и Мокрин/Хомокрев (Ю)-Водоплав-Флур мы рельефно сталкиваемся с той же проблемой “переходного” этапа, которая заставила нас выделить горизонт Уч-Тепе – Келегеи как отдельный этап развития материальной культуры восточноевропейских кочевников (см. Комар А.В. “Перещепинский комплекс...” в настоящем сборнике). Впрочем, указанная группа аварских могильников Потисья довольно компактна территориально и обладает рядом специфических черт погребального обряда и инвентаря, отличающих их от основной массы синхронных аварских могильников и, наоборот, сближающих с культурой кочевников Восточной Европы. Трудно сказать, наблюдается ли определенная взаимосвязь и в ритмах изменения их культурных комплексов. Пример комплексов из Кунаготы, Кечкемета, п.2 Кунбабоня, п.1 Папа-Урдомб и др., очень близких по времени погребению из Озоры, показывает, что отдельные яркие элементы стиля I среднеаварского периода (горизонт Бочи – Кунбабоня) переходят в наследство II среднеаварскому периоду. Рассмотренные выше аварские погребения, содержащие предметы, близкие находкам из п.7 к.1 Костогрызово,

– п.18 Деск-Г, п.18 Деск-Н, п.2 Деск-М, п.49, п.58, 60, 67 Мокрин/Хомокрев (Ю)-Водоплав-Флур, п.1 Сегвар-Оромдюле, п.166 Ютас – отражают ту же тенденцию сочетания стилей I и II среднеаварского периодов в культуре рядового населения, которую условно можно назвать “синдром Кунаготы”. В хронологическом отношении формирование таких комплексов должно было начаться еще на этапе I среднеаварского периода, но закончиться уже на этапе периода II, т.е. условно после 669 г., действительно синхронно восточноевропейскому горизонту Уч-Тепе – Келегеи ([post] 669 – [post] 698 гг.), к которому и принадлежит п.7 к.1 Костогрызово.

IV. Могильник у с.Малая Терновка

В 2 км к северу от с.Малая Терновка Акимовского р-на Запорожской обл. на вершине водораздела между р.Малый Утлюк и Молочным лиманом располагалась группа из 30 курганов, вытянутая неровной цепью с запада на восток, в которой исследованы три погребения VI-VII вв. (рис.1, 9).

IV.1. Погребение 1 кургана 3 Малой Терновки

Курган 3 на момент раскопок был сильно распахан, выделялся на фоне пашни лишь красновато-коричневым пятном. Сооружен в скифское время; в древности был окружен кольцевым ровиком диаметром 11 м и шириной 0,5-0,6 м, имевшим три перемычки. Кроме основного скифского п.2, в кургане обнаружено лишь раннесредневековое впускное п.1.

Погребение 1 находилось к северу от основного скифского п.2. Совершено в узкой длинной вытянуто-овальной яме, ориентированной по оси ЮЗ-СВ. Согласно плану погребения из отчета (рис.40, 1), азимут оси составляет 41°, на одной из копий, имеющихся в нашем распоряжении, – 46°, а на полевой фотографии, где уложена стрелка с компасом (рис.41), даже с учетом перспективы, азимут еще больше – 48°. Длина ямы – 2,2 м, ширина северо-восточной части – 0,55 м, юго-западной части – 0,35 м. Стенки ямы в материковой части почти строго вертикальные, выше, в слое насыпи, прослежены хуже, но явных признаков заплечиков или перекрытия все же не зафиксировано. Дно ровное, находилось на глубине 1,5 м от ноля. На дне в вытянутом на спине положении находился скелет человека, ориентированный головой на северо-восток (азимут по плану – 40°, по полевой фотографии – 46°). Руки слегка согнуты в локтях; кисти не сохранились или были вынесены при расчистке, но, судя по расположению костей рук, первоначально

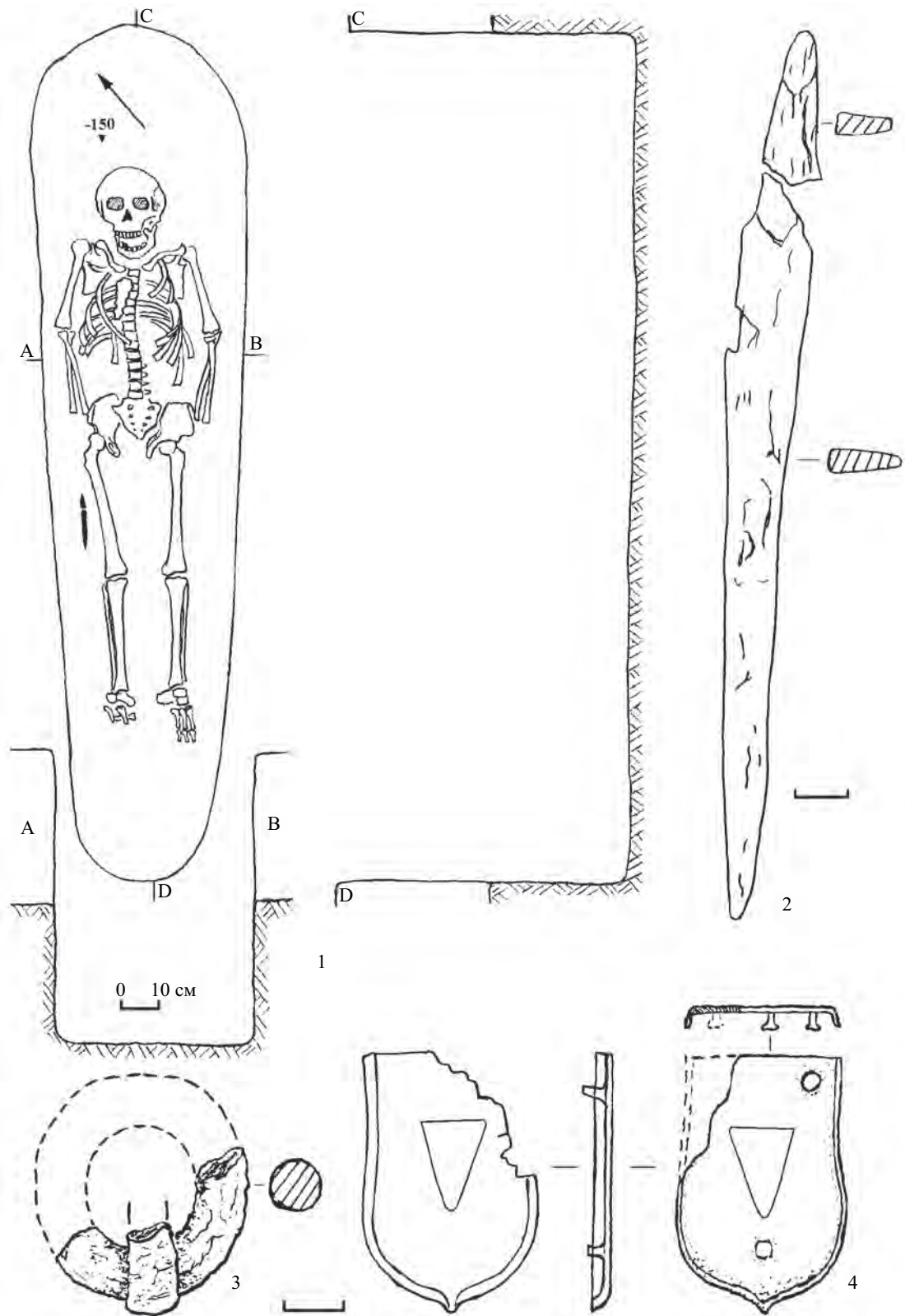

Рис. 40. Погребение 1 к.3 Малой Терновки: 1 – план и разрез погребения; 2 – железный нож; 3 – фрагмент железной пряжки; 4 – серебряный наконечник.

Fig. 40. Burial 1 of Malaya Ternovka barrow 3: 1 – the layout and section of the burial; 2 – an iron knife; 3 – a fragment of an iron buckle; 4 – a silver ferrule.

Рис. 41. Погребение 1 к.3 Малой Терновки. Вид с ЮВ.
Fig. 41. Burial 1 of Malaya Ternovka barrow 3. A view from the SE.

были прижаты к бедрам на уровне таза. Ноги в пятках не сомкнуты.

В заполнении в восточном углу ямы обнаружен фрагмент железной пряжки (рис.40, 3); на уровне правого плеча – серебряный наконечник (рис.40, 4), а вдоль правого бедра, под небольшим к нему углом, располагался железный нож (рис.40, 2).

IV.1.1. Обряд погребения

Для погребения выбор пал на небольшой курган скифского времени с едва заметным на тот момент кольцевым ровиком; погребальную яму начали рыть в северном секторе кургана ближе к его центру, т.е. все же приблизительно в верхней точке кургана, а не на его склоне. Время совершения погребения, даже с учетом разбежности в значении азимута между планом и фотографией, определяется в рамках второй половины июня – первой половины июля или же второй половины декабря – первой половины января. Яма очень узкая, фактически, только на ширину тела, но заметно более длинная, чем рост погребенного. Скорее всего, тело в яме за плечи и ноги принимали два человека, стоявшие под юго-западной и северо-восточной стенками, а наклон головы вправо указывает, что тело опускалось с левой (юго-восточной стороны). Небольшой сгиб обеих рук в локтях – характерная особенность изменения положения рук под действием трупных газов, поэтому первоначальное положение, скорее всего, было вытянутым, а связывание рук в данном случае исключено. Нож не прижат к бедру, также он не совсем укладывается и в направлении воз-

можного дополнительного ремешка пояса – скорее всего, нож был именно уложен при ритуале, а не подвешен к поясу. В районе начала черенка нож сломан, но заключить, было ли это преднамеренным действием либо следствием его плохой сохранности, не представляется возможным. Серебряный наконечник поясного набора, поврежденный еще в древности, – однозначно погребальный дар. А вот назначение сломанной железной пряжки не восстанавливается.

Чрезвычайная скромность обряда: отсутствие ямы сложной конструкции, гробовища, подстилок, шкуры или скелета целого коня, жертвенной пищи, подталкивает к предположению, что мы имеем дело с представителем бедной прослойки рядовых членов кочевнического общества. Тем не менее, сама простота погребального обряда не всегда может приниматься во внимание, учитывая чуть менее скромный ритуал в п.1 и 2 к.2 Васильевки, где разница в погребальном обряде состоит только в наличии гробовищ и жертвенной пищи, в то время, как на погребенных были золотые пояса. Впрочем, другие погребения в простых ямах без сопровождающего погребения лошади также небогаты: п.7 к.7 Христофоровки, п.4 к.1 Изобильного, п.2 к.22 Аккермена. Из специфики расположения инвентаря следует отметить нахождение ножа не у левого бедра, как во всех предыдущих рассмотренных нами погребениях, а возле правого бедра. Также возле правого бедра лежали ножи в п.1 к.8 Старонижестеблиевской (Атавин А.Г., Паромов Я.М., 1991, рис.1) и в к.13 Дорофеевки (Круглов Е.В., 1992в, с.156), но они относятся к типу обычных коротких бытовых.

IV.1.2. Инвентарь погребения

1. Биллоновый наконечник пояса со слегка прогнутыми боками и треугольной прорезью; правый верхний угол обломан (рис.40, 4). Выполнен горячей прессовкой из серебра, легированного латунию (Ag – 45%; Cu – 50%; Zn – 3,5%). Крепился к ремню первоначально тремя расклепанными на концах шпеньками. Размеры: 4,3x2,8 см; толщина пластинки неравномерная – от 0,3 мм в верхней части до 1,5 мм на нижнем бортике.

Для рассматриваемого нами круга кочевнических комплексов Восточной Европы VII в. изделие не имеет точных аналогий ни по форме, ни по размерам. По типу перед нами несомненно наконечник дополнительного ремешка, к которому по пропорциям приближаются только наконечники из Арцибашева (Монгайт А.Л., 1951, рис.43, 13). Также по пропорциям и треугольной прорези по центру ему близки наконечники с боковыми выступами типа 2 подотдела 3 отдела 15, по В.Б.Ковалевской (Ковалевская В.Б., 2000, с.126). Подобная матрица находилась и в составе среднеаварского комплекса из Адони (Fettich N., 1926, Taf.VI).

2. Фрагмент железной пряжки с остатком язычка (рис.40, 3). Пряжка выкована из круглого в сечении железного прута диаметром 0,8 см. Форма рамки реконструируется как овальная, размерами около 3,5x3,9 см. Язычок уплощенный, располагался по длинной оси рамки.

Расположение язычка по длинной оси рамки пряжки делает ее несколько нетипичной на фоне железных овальных пряжек из синхронных кочевнических комплексов. Аналогичное размещение язычка отмечено лишь в п.1 к.8 Старонижестеблиевской (Атавин А.Г., Паромов Я.М., 1991, рис.4, 2), где пряжка, судя по ее расположению на скелете, могла застегивать пояс верхней одежды. Но также трудно исключить вариант простого смещения язычка на пряжке, сорванной с ремня, ведь в обоих случаях пряжки до нас дошли лишь в обломках.

3. Железный нож с широким черешком, фрагментирован (рис.40, 2). Сечение клинка и черешка клиновидное. Черенок отломан с потерей фрагмента, при совмещении с ножом создает впечатление слегка наклонного к клинку, но достоверно это утверждать сложно. Длина сохранившейся части клинка – 12,5 см, ширина – 1,8 см, длина сохранившейся части черешка – 4,7 см.

Нож несколько отличается от уже рассмотренных выше экземпляров из п.2 к.3 Сивашовки и п.2 к.2 Сивашского, но в целом принадлежит к тому же типу больших боевых или универсальных ножей с широким черешком. В случае же, если черенок действительно имел наклон к клинку, речь идет о

типе коленчатых ножей, известных в Глodosax, Вознесенке и к.1 Шиловки. Расположение ножа в п.1 к.3 Малой Терновки не у левого бедра, где традиционно находились боевые ножи, а у правого, где отмечены только короткие бытовые ножи, возможно, свидетельствует о его больше бытовом, чем боевом назначении.

IV.1.3. Дата погребения

Выразительных хронологических признаков инвентарь п.1 к.3 Малой Терновки не содержит. Тем не менее, как уже отмечалось, по форме и размерам наконечник из погребения близок наконечникам из Арцибашева (горизонт Уч-Тепе – Келегеи) и среднеаварского комплекса из Адони, а железная пряжка – пряжке из п.1 к.8 Старонижестеблиевской (горизонт Шиловки, фаза 2). На принадлежность к изделиям горизонта Уч-Тепе – Келегеи косвенно указывает и техника исполнения наконечника – горячая прессовка, хотя такая техника использовалась для изготовления наконечников и в п.2 к.3 Сивашовки. Наиболее вероятной нам представляется все же позиция п.1 к.3 Малой Терновки именно в рамках горизонта Уч-Тепе – Келегеи ([post] 669 – [post] 698 г.).

IV.2. Погребение 1 кургана 22 Малой Терновки

Курган 22 активно распахивался, на момент начала раскопок представлял собой насыпь диаметром около 18 м и высотой 0,8 м от уровня древней поверхности. Курган соорудили в скифское время, с основным скифским п.3 связан кольцевой ровик с перемычкой с западной стороны. Кроме основного погребения, в кургане раскопаны еще два впускных погребения: раннесредневековое п.1 и половецкое п.2. Погребение 2 юго-западным углом частично перерезало п.1 (рис.42, 1).

Погребение 1 находилось в центральной части кургана, немного смещено в его западный сектор. Его северо-восточный угол до глубины 1,55 м от репера перерезался п.1. Судя по зафиксированным в заполнении остаткам деревянных плашек, п.1 было совершено в яме с заплечиками, но сами заплечики в слое насыпи не прослежены. Контуры п.1 уверенно зафиксированы лишь на уровне материка. Это была прямоугольная яма со скругленными углами, ориентированная строго по оси север-юг (азимут 0°), со слегка наклонными наружу короткими стенками, вертикальной восточной стенкой и слегка наклонной во внутрь западной стенкой (рис.42, 2). Размеры ямы по дну – 2,1x0,7 м. Дно ровное, зафиксировано на глубине 1,85 м от репера.

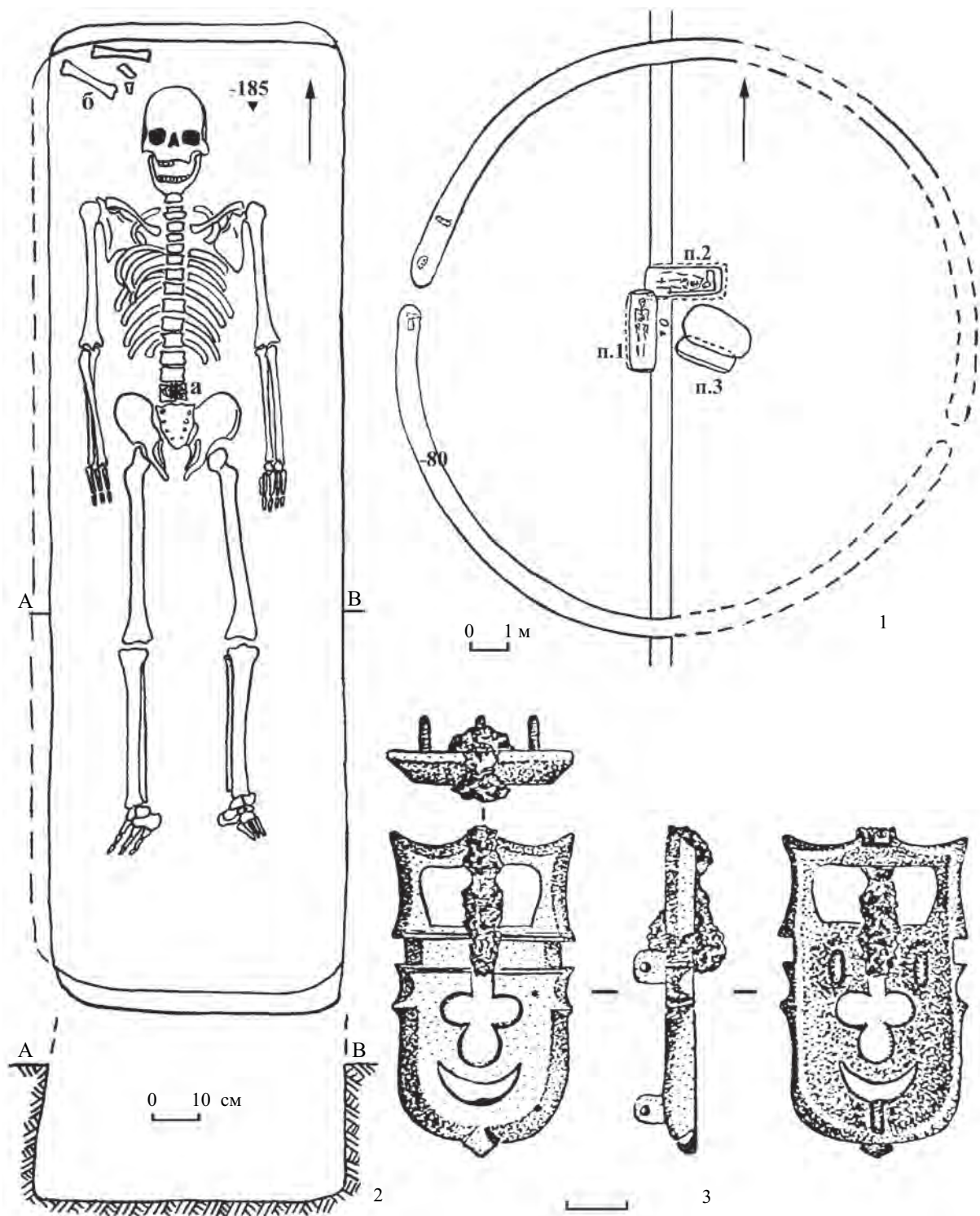

Рис. 42. Погребение 1 к.22 Малой Терновки: 1 – план кургана на уровне материка; 2 – план и разрез погребения: а – пряжка, б – кости овцы; 3 – бронзовая пряжка.

Fig. 42. Burial 1 of Malaya Ternovka barrow 22: 1 – the barrow layout at the subsoil level; 2 – the layout and the section of the burial: а – a buckle, б – sheep bones; 3 – a bronze buckle.

Рис. 43. Погребение 1 к.22 Малой Терновки. Расположение пряжки in situ.

Fig. 43. Burial 1 of Malaya Ternovka barrow 22. A buckle location in situ.

На дне в вытянутом на спине положении головой строго на север (азимут 359°) лежал скелет погребенного (рис.42, 2). Руки вытянуты вдоль тела, но не прижаты к бедрам, ноги не сомкнуты в пятках. Череп резко вытянут вверх искусственной кольцевой деформацией. На поясе горизонтально язычком вправо располагалась бронзовая пряжка (рис.42, 2а; 43), а в северо-западном углу, за черепом, были вертикально поставлены две конечности овцы или козы.

IV.2.1. Обряд погребения

Для погребения выбрали небольшой курган с кольцевым ровиком, скорее всего, еще заметным на момент совершения погребения. Яму начали рыть в центре насыпи с небольшим смещением в западный сектор. Заплечики, скорее всего, оставили приблизительно на уровне древней поверхности, ниже пошла яма под тело, т.е. речь идет о яме с обыч-

ными “высокими” заплечиками. Строгая меридиональная ориентировка указывает на использование точного способа определения сторон света, а также на расположение пути в страну мертвых, согласно представлениям этой группы кочевников, в меридиональном направлении. Судя по тому, что скелет расположен немного ближе к западной стенке, опускали тело в могилу с этой стороны. Никакого погребального инвентаря при покойнике не было. Характер же расположения пряжки указывает на то, что пояс застегивал верхнюю одежду с длинными полами и левосторонним запахом. Тело ориентировали строго меридионально, головой на север. Вертикально стоящие конечности барана или козы подсказывают, что жертвенную пищу не уложили, а поставили вертикально под северную стенку за головой в северо-западном углу погребения. После этого могилу перекрыли поперечными деревянными плашками и засыпали.

При внешней схожести обряда п.1 к.22 Малой Терновки с п.2 к.2 Сивашского, на самом деле погребение принадлежит к другому хронологическому срезу и особой группе погребений со своими специфическими чертами. Ближайшее ему по обряду и территориально п.1 к.1 Большого Токмака (Смирнов К.Ф., 1960, с.177). Оно совершено в яме с заплечиками вдоль длинных сторон, скелет находился в деревянном рамчатом гробовище, ориентирован на северо-запад, ноги слегка сведены в коленях. Тело в гробовище располагалось ближе к левой стенке, голова также повернута влево, что свидетельствует об опускании тела в могилу с правой (западной) стороны. Из инвентаря присутствовали только такая же византийская пряжка типа “Сучидава”, бляшки-украшения обуви и горшок в углу слева от головы (рис.47, 20-22, 26). Следующее погребение с пряжкой типа “Сучидава” – п.2 к.8 Суханово (Приходнюк О.М., 2001, с.34, 35; рис.26) на правом берегу Днепра – совершено в яме с подбоем, ориентировано на север, из инвентаря также были лишь 3 золотых украшения стиля Морской Чулэк (рис.47, 18, 23-25). Здесь тело традиционно для подбоев помещалось со стороны ступеньки с левой (восточной) стороны. Еще западнее, на левом берегу р.Южный Буг, открыты следующие два погребения рассматриваемого периода – п.4 к.7 Новой Одессы I и п.3 к.1 Новой Одессы IV (Шапошникова О.Г. и др., 1974). Первое погребение – п.4 к.7 Новой Одессы I – совершено в яме, перекрытой каменными плитами, т.е., очевидно, с заплечиками. Скелет вытянут на спине, но ноги сведены в коленях и пятках, ориентирован на север с отклонением к востоку (азимут 15°). В головах, в углу справа от черепа располагался лепной горшок; в области шеи – бусы, а на поясе – бронзовая пряжка (рис.47, 28, 31-35, 37). Судя по наклону головы влево и распо-

ложению тела под правой стенкой, опускалось тело в яму с правой (западной) стороны. Погребение 3 к.1 Новой Одессы IV совершено в яме с подбоем, ориентировано на СВВ. Скелет лежал вытянуто на спине со сведенными в коленях ногами, руки сложены на тазе. У левого бедра находился железный нож, на тазовых костях и справа от скелета – две пряжки (рис.47, 27, 29, 36). Возможно, с этой же группой кочевников связано и происхождение бескурганного п.48 Селиште, совершенного в узкой подпрямоугольной яме; скелет вытянут на спине с несомкнутыми ногами, ориентирован на ЮВВ; инвентарь – железная и бронзовая (рис.47, 30) пряжки (Рафалович И.А., Лапушнян В.Л., 1974, с.137-138).

Несмотря на немногочисленность выборки, в ней выделяются две явные локальные группы: “приазовская” (п.1 к.22 Малой Терновки, п.1 к.1 Большого Токмака) – ямы с заплечиками, деревянные конструкции, ориентировка в сектор СЗ-С; и “буго-днепровская” (п.4 к.7 Новой Одессы I, п.3 к.1 Новой Одессы IV, п.2 к.8 Суханово) – подбой и ямы с заплечиками, каменные перекрытия или заклады, ориентировка в сектор С-В, сведенные в коленях и пятках, очевидно, связанные ноги покойников. Общие признаки обряда обеих групп: преобладание северной ориентировки, вытянутое на спине положение, связывание ног в районе коленей или ниже, опускание тела в могилу с правой (западной) стороны для ям с заплечиками или с левой (восточной) стороны для подбоев, изоляция тела от земляной засыпки могилы при помощи дерева или камня, минимальный набор инвентаря, сведенный фактически только к украшениям одежды (даже в достоверно богатом п.2 к.8 Суханово), жертвенная пища в виде сосуда с похлебкой или мяса барана в углу справа или слева от черепа.

IV.2.2. Инвентарь погребения

I. Бронзовая литая пряжка с неподвижным удлиненным щитовидным щитком и подтрапещевидной рамкой (рис.42, 3). Рамка фигурной трапещевидной формы с прогнутыми сторонами. Язычок железный, узкий, прогнутый ближе к переднему концу, плотно прилегает к рамке. Щиток удлиненной U-образной формы с заостренным выступом на конце, декорирован острыми выступами и прорезями в виде креста (в модификации трехлепесткового листа) и полумесяца. Крепился к ремню при помощи трех U-образных петель с отверстиями. Общая длина пряжки – 5,3 см, ширина – 3 см, толщина – 0,5 см; ширина прорези рамки – 1,8 см.

Пряжка византийского происхождения, относится к типу “Сучидава” (“Суцидава”), распространенному в VI в. в основном у византийских федера-

тов Подунавья и меньше – в Крыму (Горюнов Е.А., Казанский М.М., 1983, с.198; Айбабин А.И., 1990, с.48; Амброз А.К., 1994, с.48, 49; Garam E., 2001, S.95-97). По классификации Д.Теодора, экземпляр из Малой Терновки принадлежит к типу I.1.c (Theodor D.Gh., 2003, p.233-237). В Северном Причерноморье пряжки типа “Сучидава” обнаружены в п.1 к.1 Большого Токмака (Смирнов К.Ф., 1960, рис.128, 1), а также в п.2 к.8 Суханово (Приходнюк О.М., 2001, рис.26, 2). Пряжки не идентичны. В п.1 к.1 Большого Токмака пряжка небольшая по размерам, на щитке нет боковых выступов и дополнительного ребра у рамки. Это, возможно, ранний вариант, но следует учесть и факт принадлежности данного погребения подростку. Гораздо ближе пряжке из п.1 к.22 Малой Терновки сухановская пряжка, хотя и она отличается менее резкой профилировкой сторон щитка и рамки. Пряжка из п.1 к.22 Малой Терновки выполнена уже больше в резком стиле “геральдических” поясных наборов, подобно пряжкам из Никополиса (Гавритухин И.О., Обломский А.М., 1996, рис.65), п.106 Хомезовасархей-Кишхомок (Bona I., Nagy M., 2002, Taf.27) и Пьятра Фрекацей (Theodor D.Gh., 2003, fig.1, 11), но изображение креста и полумесяца здесь еще не девальвировано в схематическое изображение личин, наблюдаемое на поздних вариациях пряжек “Сучидава” (Гавритухин И.О., 2002, рис.4, 2-4, 8, 9; Garam E., 2001, Taf.61, 6; Theodor D.Gh., 2003, fig.4, 1-4, 9, 10); не появилась на пряжке и надчеканка в виде кружков (Garam E., 2001, Taf.61, 3, 4). Четкое сохранение исходного декора на причерноморских пряжках типа “Сучидава” наталкивает на предположение об особых тесных отношениях этой группы кочевников с византийскими провинциями Нижнего Подунавья, вплоть до их федеративного статуса.

Представленный в п.1 к.22 Малой Терновки пояс восстанавливается как ремень шириной 3 см, сужающийся на конце до 1,8 см. Аналогичен пояс из п.2 к.8 Суханово шириной 3 см, сужающийся на конце до 1,9-2 см. Подростковый пояс из п.1 к.1 Большого Токмака имел ширину всего 1,5 см и сужался на конце до 1 см. Также традиция пояса без бляшек и дополнительных ремешков с наконечниками, лишь с одной византийской пряжкой, в синхронной группе отмечена в п.4 к.7 Новой Одессы I и п.3 к.1 Новой Одессы IV (Шапошникова О.Г. и др., 1974). Но здесь пояс несколько другой – место крепления ремня на пряжке уже, чем прорезь рамки. В женском п.4 к.7 Новой Одессы I ширина пояса составляла 1,6 см в месте крепления к рамке и 2,3 см на конце, а в п.3 к.1 Новой Одессы IV (неопределенном по половой принадлежности) – соответственно 1,5 и 1,7 см. Сюда же, возможно, принадлежит и бескурганное п.48 Селиште с одной византийской пряжкой под ремень шириной 1,1 см в

месте крепления к рамке и 1,7 см на конце (Рафалович И.А., Лапушнян В.Л., 1974, с.137-138). Следует заметить также, что пояса лишь с одной пряжкой, без подвесок и накладок, характерны и для наиболее ранних погребений могильников аваро-гепидского круга Среднего Подунавья (Гавритухин И.О., 2001в, с.97), т.е. речь идет об определенной моде 2-й пол. VI в. в варварской среде циркумдунайской зоны.

В рассмотренной нами выше группе кочевнических погребений с “геральдическими” поясными наборами VII в. пояса носили пряжкой вправо, в то время как в п.1 к.22 Малой Терновки пряжка ориентирована влево (рис.43). Такое же ориентирование, возможно, было и в п.2 к.8 Суханово, где пряжка лежала справа на тазовых костях. В п.1 к.1 Большого Токмака ориентирование пряжки обратное – в правую сторону. В п.4 к.7 Новой Одессы I пряжка упала с тазовых костей вниз, поэтому здесь установить ориентировку невозможно, а в п.3 к.1 Новой Одессы IV пряжка зафиксирована слева, но язычком в левую сторону, т.е. тоже соответственно левостороннему ориентированию пояса. Значимая ли это деталь? Вопрос сложный, учитывая, что ориентирование пряжки в обе стороны известно на одних и тех же аварских могильниках, но, заметим, левостороннее не превышает нормального соотношения левой и правой. В гуннское время левостороннее направление пряжки отмечено для двух белаяусских погребений, ориентированных, как и рассматривая нами группа Малой Терновки, на север (Дашевская О.Д., 1969; 1995). Пряжкой влево ориентирован и пояс V в. из германского п.168 Лучистого (Айбабин А.И., 2002б, рис.5), и пояса из к.2, 3 Шипово 1-й трети VI в. (Амброз А.К., 1981, рис.8, 7, 8). Но версии о хронологическом признаке противоречит кочевническое погребение гуннского времени с восточной ориентировкой – п.45 Балковского кургана (Ляшко С.Н., Отрошенко В.В., 1988, рис.12), где пряжка повернута язычком вправо. Такое же положение пряжки наблюдаем и в близком кубейскому поясе из погребения в Кзыл-Кайнар-Тобе (Казахстан), ориентированного на северо-восток (Мершиев М.С., 1970). В VII-VIII вв. ориентировка пояса пряжкой влево, соответственно левому запаху одежды, известна у тюрков Алтая по археологическим данным (Кубарев В.Д., 1984, рис.7), но при этом тюркские изваяния ясно ориентируют пряжку в противоположную, правую сторону (Амброз А.К., 1971, рис.12, 33, 36, 37, 39; Кубарев В.Д., 1984, табл. XI, 76; XXXIII, 198; XXXVI, 213, 214).

Является ли левостороннее ориентирование пряжки пояса специфической традицией костюма или даже этническим признаком определенной группы кочевников, пока, разумеется, судить сложно из-за крайней скудности выборки, тем не менее,

это интересный аспект, нуждающийся в дальнейшем исследовании.

IV.2.3. Дата погребения

Относительная позиция п.1 к.22 Малой Терновки в хронологии кочевнических комплексов Северного Причерноморья определяется его резким отличием от кутригурских комплексов кон. V – 1-й пол. VI в. (Комар А.В., 2004а) и, в то же время, не менее заметным отличием набора инвентаря от п.1 к.3 Шелюг горизонта Садовец – Шелюги (1-я треть VII в.). По пряжке типа “Сучидава” п.1 к.22 Малой Терновки уверенно относится к горизонту Большой Токмак – Суханово. А.К.Амброз датировал п.1 к.1 Большого Токмака 2-й пол. VI в. (Амброз А.К., 1971, с.116; 1981, с.21). Но, по мнению А.И.Айбабина, проанализировавшего северопричерноморские находки пряжек “Сучидава”, в этом регионе их бытование выходит за рамки VI в. и использовались еще как минимум в 1-й четв. VII в., о чем свидетельствует в т.ч. тетраграммий Маврикия 590-602 гг чеканки из м.77 Суук-Су (Айбабин А.И., 1990, с.48; Айбабин А.И., Хайрединова Э.А., 2001). Близкую датировку предлагает и И.О.Гавритухин, который допускает использование пряжек типа “Сучидава” до первых десятилетий VII в. (Гавритухин И.О., 2002, с.219, 220). У.Фидлер и Д.Теодор датируют распространение таких пряжек в Подунавье 2-й пол. VI – нач. VII в. (Fiedler U., 1992, S.71-74; Theodor D.Gh., 2003, p.237), а Е.Гарам относит верхнюю границу использования подобных пряжек в Подунавье к 1-й трети VII в. (Garam E., 2001, S.97, 179).

Отметим, впрочем, важную деталь: все находки пряжек типа “Сучидава” из кочевнических погребений сохраняют форму и декор исходного варианта, в то время как в Крыму известны и явные местные дериваты (Айбабин А.И., 1990, рис.46, 16, 21), а в Подунавье их количество не меньше, чем пряжек исходного типа. Пряжки из п.1 к.22 Малой Терновки и п.2 к.8 Суханово качественной отливки в четких формах, а в п.1 к.1 Большого Токмака чуть хуже сохранность сплава. Эти изделия создают впечатление византийской, а не местной работы. Скорее всего, в нашем случае речь не может идти и об определенной “местной моде” – использование пряжек этого типа кочевниками синхронно времени их бытования в среде византийских федератов Нижнего Подунавья, и если верхняя граница исходного типа (не дериватов!) в этом регионе действительно не выходит за рамки VI в., она автоматически будет означать сужение датировки и кочевнических комплексов Северного Причерноморья с подобными находками до 2-й пол. VI в.

IV.3. Погребение 3 кургана 24 Малой Терновки

Курган 24 на момент раскопок был сильно распахан. Его диаметр – около 17 м, высота от древней поверхности – 0,5 м. Курган сооружен в скифское время. С основным скифским п.2 и половецким п.1 связаны два кольцевых рва.

Половецкое впускное п.1 располагалось в центре насыпи. Входная яма вытянуто-овальной формы ориентирована по оси СЗ-ЮВ (азимут 117°). Ее размеры 2,8x1,3 м, глубина – 1,95 м от репера. С этого уровня под северо-восточную стенку вырыли обширный подбой, глубиной 2,45 м от репера. В юго-восточном углу входной ямы, в заполнении на глубине 1,8 м от нулевой отметки обнаружен комплекс предметов раннесредневекового времени (железная пряжка, железная петля ножен, 5 серебряных бляшек и фрагмент придонной части сосуда), интерпретированных как остатки разрушенного п.3 (рис.44, 1).

Автор раскопок данного кургана В.В.Дорофеев определил тип погребального сооружения п.3 как подбой (Кубышев А.И. и др., 1982, с.70), но, наш взгляд, реконструкция типа в данном случае невозможна. Единственную информацию, которую может дать реконструкция, – это приблизительная ориентировка погребального сооружения. Дело в том, что факт отсутствия каких-либо следов погребальной ямы п.3 означает ее полное уничтожение входной ямой п.1. При ширине входной ямы п.3 свыше 1 м она должна быть ориентирована так же, как и п.1, т.е. по оси СЗ-ЮВ. Если же размеры ямы были меньше, например, 0,7x2 м, – вариации оси увеличиваются – это сектор 105-127°, что уже соответствует осям СЗ3-ЮВВ и ССЗ-ЮЮВ. Если п.3 действительно было подбойным, как допускал В.В.Дорофеев, в таком случае подбой мог идти только в камеру п.1. Практика сооружения подбоев в рассматриваемый нами хронологический период подразумевала обязательное расположение входной ямы слева от тела умершего, что в нашем случае определяет ориентировку погребенного из п.3 к.24 Малой Терновки в сектор ЮВВ-ЮВ. К сожалению, на чем основывалось предположение В.В.Дорофеева, дополнительной информации нет. Но ориентировку п.3 к.24 Малой Терновки в сектор ЮВВ-ЮВ, независимо от типа его погребального сооружения, косвенно подтверждает статистика ориентировки кочевнических погребений Восточной Европы VII в., где отклонений в сектор ССЗ-СЗ пока не отмечено. Эта информация дает возможность определить время совершения погребения – февраль или октябрь.

Реконструкция состава погребального инвентаря также не может претендовать на ясность.

Несомненно наличие лепного горшка, который, судя по размерам, не мог быть символическим сосудом. Также вероятно наличие в погребении пояса с железной пряжкой, но серебряные бляшки могли принадлежать и португее. О наличии последней свидетельствует железная петля ножен меча, найденная только в тех погребениях, где присутствовал и сам меч (п.2 к.3 Сивашовки, п.3 к.5 Виноградного, п.3 к.5 Заплавки). То есть с определенной долей уверенности можно говорить лишь о том, что п.3 к.24 Малой Терновки принадлежало воину.

IV.3.1. Инвентарь погребения

1. Железная пряжка с овальной рамкой и узким язычком, фрагментирована (рис.44, 3). Размеры: 3,5x2,6 см, толщина рамки – 0,6-0,8 см; прорезь рамки – 1,8 см.

2. Железная петля ножен (рис.44, 2). Длина – 3 см, внешний диаметр петли – 1,5 см, внутренний диаметр петли – 0,4 см, толщина – 0,5 см.

Как уже указывалось, подобные петли найдены в п.2 к.3 Сивашовки, п.3 к.5 Виноградного и п.3 к.5 Заплавки, к.80 Чир-Юрта, но идентичны рассматриваемой только петли из п.3 к.5 Виноградного (Орлов Р.С., Рассемакин Ю.Я., 1996, рис.5, 8), к.80 Чир-Юрта (Магомедов М.Г., 1983, рис.19, 12) и аварского погребения из Кечкемета (Toth E.H., 1980, Abb.17).

3. Круглые серебряные бляшки с насечками по краям – 5 экз. (рис.44, 5-9). Диаметр – 0,8 см; на обратной стороне припаяны шпеньки, которыми бляшки крепились к ремню. Аналогии рассмотрены выше.

4. Фрагмент придонной части лепного сосуда, форма не восстанавливается (рис.44, 4). Высота фрагмента – 6 см, диаметр дна – около 13 см.

Лепные сосуды обнаружены в 12 кочевнических погребениях Восточной Европы VII – нач. VIII в., а посуда в целом – в 33% погребений. В основном это сосуды вытянутых пропорций с наибольшим расширением в центре тулова, высота которых значительно превышает наибольший диаметр (Баранов И.А., Майко В.В., 1994, рис.1). Следуя этим пропорциям, горшок из п.3 к.24 Малой Терновки мог достигать в высоту 24-30 см, значительно превышая по высоте другие горшки рассматриваемой группы (16-19 см). Впрочем, в группе известен и горшок других пропорций из п.3 к.3 Крыловки (Баранов И.А., Майко В.В., 1994, рис.1, 8), в схеме которого высота горшка из п.3 к.24 Малой Терновки достигала бы лишь 19 см. В любом случае, можно констатировать, что по объему это был один из самых крупных сосудов из пока немногочисленной

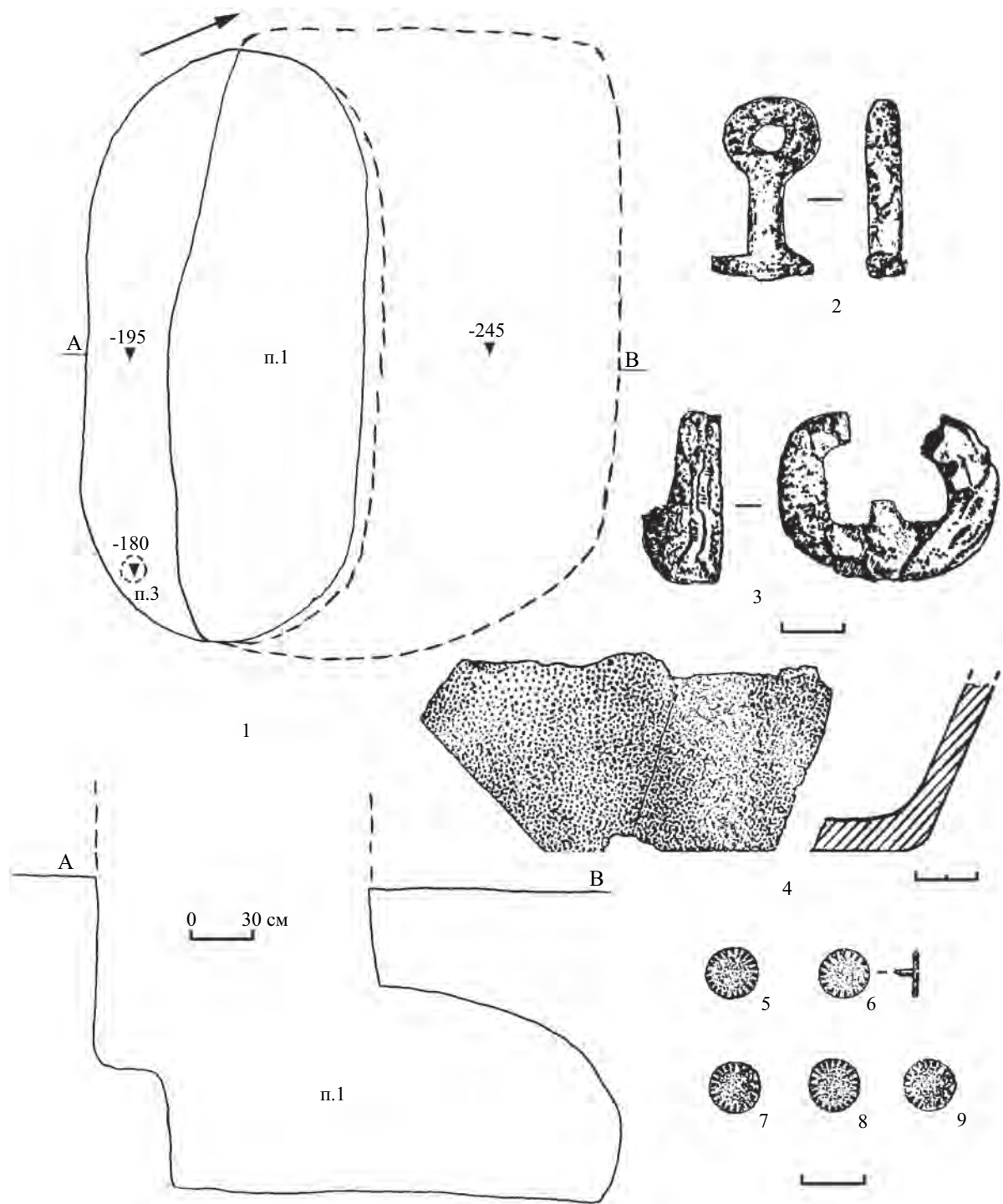

Рис. 44. Погребение 3 к.24 Малой Терновки: 1 – план и разрез п.1 к.24 и место находок предметов из п.3; 2 – железная петля; 3 – железная пряжка; 4 – придонная часть лепного сосуда; 5-9 – серебряные бляшки.

Fig. 44. Burial 3 of Malaya Ternovka barrow 24: 1 – the layout and the section of burial 1 of barrow 24 and location of finds from burial 3; 2 – an iron loop; 3 – an iron buckle; 4 – the lower piece of a hand-made vessel; 5-9 – silver plaques.

группы кочевнических лепных горшков Северного Причерноморья VII – нач.VIII в. Причиной этого,

скорее всего, было чисто символическое, ритуальное значение лепных сосудов в кочевнических по-

гребенях рассматриваемой группы, вследствие чего в могилу помещались небольшие, часто специально изготовленные для похорон плохо обожженные сосуды. Например, в погребении из к.17 Наташино, наряду с небольшим целым лепным горшком, в заполнении погребения обнаружена также верхняя часть похоронного сосуда, но превышающего предыдущий в диаметре в 1,5 раза (Баранов И.А., 1990, рис.39, 1, 2). Обломок крупного сосуда, скорее всего, принадлежал к остаткам тризны. Разница же в размерах между обычными бытовыми и погребальными сосудами, как свидетельствуют об этом памятники Аварского каганата, Дунайской Болгарии, салтово-маяцкой культуры, для кочевников раннего средневековья была распространенной традицией.

IV.3.2. Дата погребения

На основании скудных остатков инвентаря узко датировать п.3 к.24 Малой Терновки довольно сложно. Ключевым здесь, пожалуй, является совпадение формы железной петли ножен с петлей из погребения п.3 к.5 Виноградного горизонта Сивашовки, хотя наличие такой же петли в среднеаварском погребении из Кечкемета и к.80 Чир-Юрта горизонта Галиат – Геленовка, конечно же, свидетельствует и о их более позднем бытовании. В основном в комплексах горизонта Сивашовки распространены и круглые бляшки с насечками по краю, но они есть и в более ранних, и более поздних горизонтах. При отсутствии любых предметов с явной более ранней или поздней хронологической позицией, на наш взгляд, корректнее всего относить п.3 к.24 Малой Терновки к горизонту Сивашовки ([post] 643 – [post] 669 г), но с оговоркой о возможности более поздней даты.

V. Погребение 2 кургана 5 Родионовки

Примерно в 2 км на север от рассмотренной выше курганной группы у с.Малая Терновка, на плато правого берега р.Малый Утлюк в 1,5 км западнее с.Радивоновка (Родионовка) (рис.1, 8) расположена еще одна курганная группа, вытянутая цепочкой с северо-запада на юго-восток почти до края террасы Молочного лимана Азовского моря.

Курган 5 находился в центральной части курганной группы. Насыпь сильно распахана, к началу раскопок возвышалась на 0,8 м, диаметр – около 22 м. Сооружена в скифское время; со скифским погребением связан кольцевой ров, немного смещенный к западу от центра насыпи (рис.45, 1).

Погребение 2 располагалось в центре насыпи. В южной части погребальная яма до глубины 0,8 м перерезалась половецким п.1, а само п.2, в свою очередь, перерезало скифское основное п.3. Наконец, п.2 подверглось повторному вскрытию, поэтому его контуры могли быть искажены. В связи с этими обстоятельствами входная яма практически не фиксировалась, также не зафиксирована и южная стенка ямы. На основании имеющейся информации можно заключить, что входная яма имела несколько неровные вытянуто-овальные контуры (рис.44, 2) и была ориентирована длинной осью почти строго по линии север-юг (азимут 358°). Реконструируемые размеры: длина – около 2 м, ширина в северной части – 1,35 м, в южной – 1 м. У восточной стенки зафиксирована наклонная ступенька шириной до 0,3 м, возможно, просто срезанная при повторном проникновении, а под западной стенкой прослежен небольшой подбой высотой около 0,4 м. Дно практически ровное, зафиксировано на глубине 1,5 м от репера. Камера подбоя несколько смещена по оси к востоку (азимут 4°), размеры по дну – около 2х0,9-0,95 м. В заполнении камеры у дна в беспорядочном состоянии обнаружены кости юноши, а в северной части – фрагмент ножа, бронзовая пряжка, два латунных наконечника поясных или обувных наборов, а также кремень. По мнению автора раскопок С.А.Куприя, первоначально скелет был ориентирован на север.

V.1. Обряд погребения

Для погребения был выбран небольшой курган скифского времени с кольцевым ровиком. Впрочем, уже в древности восточная часть ровика явно была скрыта насыпью, и лишь его западный край с перемычкой мог выступать за границы кургана, будучи заметным на поверхности и создавая что-то напоминающее среднеазиатские “курганы с усами”. Погребальную яму начали рыть в центре насыпи. На наш взгляд, асимметрия в 6° между осями погребальной камеры и зафиксированной входной ямой, так же, как и асимметрия формы последней и срезанная ступенька – следствие более позднего вскрытия погребения. Поэтому первоначальная форма погребального сооружения реконструируется как обычный подбой с входной ямой и погребальной камерой вытянуто-овальной формы. В рассматриваемом нами хронологическом срезе во всех кочевнических подбойных захоронениях ступенька подбоя расположена слева от тела умершего, поэтому ориентировку скелета в п.2 к.5 Родионовки можно уверенно определить как строгую северную.

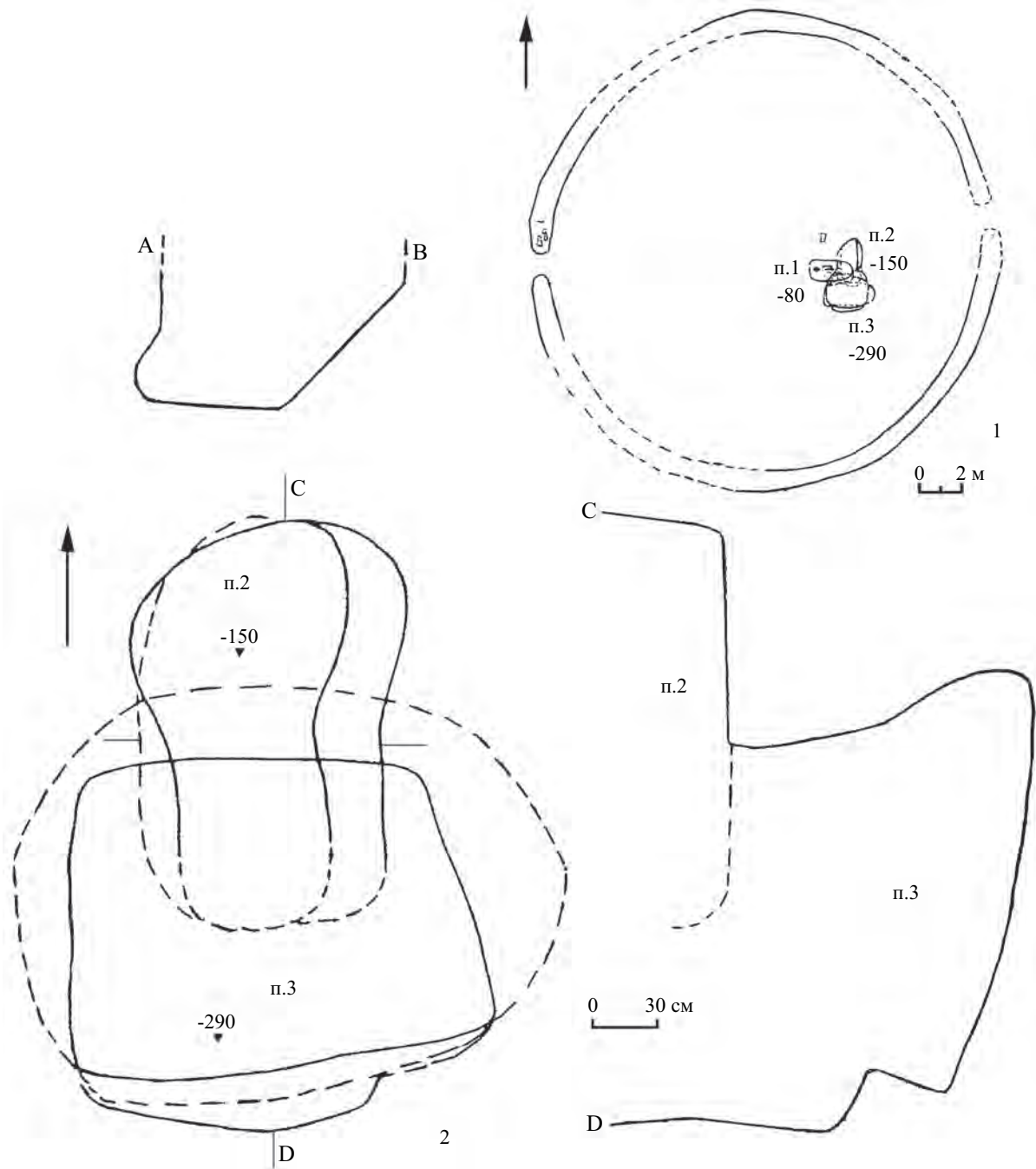

Рис. 45. Погребение 2 к.5 Родионовки: 1 – план к.5 на уровне материка; 2 – план и разрезы п.2 и перерезавшего его п.3.

Fig. 45. Burial 2 of Rodionovka barrow 5: 1 – the layout of barrow 5 at the subsoil level; 2 – the layout and sectional views of burial 2 and burial 3 which crossed it.

В группе погребений с геральдическими поясами сочетание северной ориентировки и подбоя отмечено еще в двух захоронениях: п.12 к.3 Рисового (Щепинский А.А., Черепанова Е.Н., 1969) и п.1 к.1 Авиловского (Синицын И.В., 1954). Признаками “подбоеобразного”, как уже аргументи-

ровалось выше, обладает и п.10 к.2 Рисового, а в бескурганном погребении из Новопокровки вдоль западной стенки оставлена ступенька, что также позволяет говорить о “подбоеобразности” (Гаврилов А.В., 1996). И только два погребения с северной ориентировкой – п.2 к.2 Сивашского и п.1 к.8

Старонижестеблиевской (Атавин А.Г., 1996) – совершены в яме с заплечиками и простой яме. Несмотря на крайне небольшую выборку, в группе погребений с меридиональной ориентировкой заметен явный перевес подбойных и “подбоеобразных” погребальных сооружений. В предшествующий хронологический период – во 2-й пол. VI – нач. VII в. – подбойные захоронения с ориентировкой в сектор СЗ-СВ также известны: п.3 к.1 Новой Одессы IV, п.2 к.8 Суханово, к.1 Восточно-Малайского II могильника, но в этой небольшой группе все же существует паритет подбоев и захоронений в простых ямах и ямах с заплечиками, а признак, которого не наблюдаем в ранней группе – это ритуальное нарушение могилы.

Вскрытие п.2 к.5 Родионовки никак нельзя связывать с более поздним половецким п.1, которое перекрывало уже яму вкопа. Очень близкую ситуацию наблюдаем в п.1 к.8 Христофоровки (Шапошникова О.Г. и др., 1973, с.34; Prichodnyuk O., Fomenko V., 2003, p.114; fig.3). Здесь ступенька подбоя была такой же неровной и наклонной, а погребальный инвентарь и часть костей находились в заполнении камеры подбоя во взвешенном состоянии. На дне *in situ* сохранились только часть костей ног, правая плечевая кость и обломки черепа. Еще более явные признаки обряда обезвреживания покойника носит погребение к.13 Дорофеевки, где *in situ* также сохранились только часть костей ног и обломки черепа при нетронутости золотых вещей погребального инвентаря, что исключает версию ограбления (Круглов Е.В., 1992в, с.156; рис.3). Также оставили золотые вещи и в п.2 к.2 Васильевки, где *in situ* остались часть черепа, правая рука и левая стопа, а позвоночный столб с частью ребер явно был сдвинут еще до полной скелетации тела (Кубышев А.И. и др., 1984, табл.18, 1). В п.2 к.3 Иловатки при вскрытии были нарушены ноги погребенного, а само нарушение, вероятно, сопровождалось какими-то ритуальными действиями с использованием огня (Смирнов К.Ф., 1959). Более радикальное разрушение скелета, когда, как в п.2 к.5 Родионовки, практически весь скелет в перемешанном состоянии оказывается в заполнении камеры подбоя, отмечено в п.16 к.14 Великой Знаменки (Андрох С.И., Тошев Г.Н., 1991, с.9) и п.2 к.1 Карнаухова (Ляпушкин И.И., 1958, с.322); а в бескурганном п.2 Рябовки в заполнении найден фрагмент черепа одного индивида, а на дне – в беспорядке кости скелета второго (Обломский А.Н., Терпиловский Р.В., 1993, с.169, 170). Менее явные следы ритуальных действий зафиксированы в погребении к.17 Наташино, где скелет оказался лежащим не на дне, а в заполнении камеры подбоя, а ниже его отмечены отдельные человеческие кости (Колотухин В.А., 1983, с.45).

Интересная деталь – за исключением п.2 к.2 Васильевки и бескурганного п.2 Рябовки, все остальные указанные выше подкурганские погребения со следами обезвреживания скелета умершего совершены в подбоях. Погребения к.17 Наташино и к.13 Дорофеевки – основные, остальные впускные. Какой-то отдельной системы в ориентировке погребений нет: п.2 к.5 Родионовки – С; к.17 Наташино, п.2 к.3 Иловатки и п.2 Рябовки – СВ; п.2 к.2 Васильевки, п.16 к.14 Великой Знаменки и п.1 к.8 Христофоровки – СВВ; п.2 к.1 Карнаухова – В; а погребение к.13 Дорофеевки, относящееся, скорее, к ранним типа Соколовской балки, ориентировано на СЗЗ. За исключением последнего погребения, остальные просто отражают общую статистику преобладания сектора СВ-В при наличии небольшой группы погребений с северной ориентировкой.

Аналогичная статистика ориентировки при резком увеличении процента разрушенных погребений наблюдается в группе погребений новинковского типа в Среднем Поволжье. Наличие здесь специального обряда обезвреживания скелета покойного аргументировали Д.А.Стащенко и Г.И.Матвеева (Стащенко Д.А., 1995а; 1995б; Матвеева Г.И., 1997); в обсуждении проблемы в пользу существования обряда обезвреживания высказались В.С.Флёров и А.В.Комар (Флёров В.С., 1999; 2000б; Комар А.В., 2001а). Похожая ситуация наблюдается и в погребениях типа Соколовской балки, где 72% погребений оказались разрушенными (Иванов А.А., 2000, с.17). Если широкое распространение обряда обезвреживания в VIII в. стало следствием каких-то общих тенденций, должна наблюдаться и тенденция возрастания доли “обезвреженных” погребений во 2-й пол. VII в. Такая закономерность действительно есть: из рассмотренных выше погребений самое раннее п.2 к.3 Иловатки; к горизонту Сивашовки – Макуховки принадлежит лишь п.1 к.8 Христофоровки; к следующему горизонту Уч-Тепе – Келегеи – п.2 к.5 Родионовки, к.17 Наташино, п.2 к.1 Карнаухова; а на этапе фазы 1 горизонта Шиловки этот обряд уже широко фиксируется у новинковского населения. Таким образом, появились основания говорить о зарождении обряда “обезвреживания” погребенных еще до новинковского этапа у кочевников Северного Причерноморья и Нижнего Поволжья VII в.

Процедурно этот обряд, тем не менее, еще заметно отличался от новинковского. Дело в том, что по наблюдениям Д.А.Стащенко, Г.И.Матвеевой и А.В.Комара, разрушение скелета в погребениях типа Новинок и типа Соколовской балки происходило еще до сооружения кургана (Стащенко Д.А., 1995а, с.38; 1995б, с.83, 85; Матвеева Г.И., 1997,

с.52, 53; Комар А.В., 2001а, с.14, 15). В рассматриваемой нами группе такой сценарий возможен лишь для основных погребений из к.17 Наташино и к.13 Дорофеевки и бескурганного п.2 Рябовки. В остальных, впускных погребениях процедура проникновения несомненно отличалась и, по-видимому, была близкой ритуалу обезвреживания впускных погребений огузов X – нач.ХI в. (Круглов Е.В., 2003).

V.2. Инвентарь погребения

Детали ремней

1. Литая бесщитковая пряжка с В-образной рамкой (рис.46, 1). Рамка полая, на переднем конце небольшое углубление для язычка, а на заднем – вырез; В-образность слабо выражена. Размеры 2,7x2,1 см, высота – 0,5 см; ширина прорези – 2,1 см. Материал изготовления – бронза (Cu – 90%, Sn – 18%, Pb – 1%).

Бронзовые пряжки со слабовыраженной В-образностью рамки, но, в отличие от пряжки из Родионовки, массивные были в п.11 к.1 Ковалевки (Ковпаненко Г.Т. и др., 1978, рис.28, 12) и п.11 к.1 Черноморского (см. публикацию в настоящем сборнике: Комар А.В., Орлов Р.С., рис.2, 4; 4, 1). Несмотря на широкую распространенность поясных пряжек с В-образными рамками, многообразие их вариантов не позволяет назвать полную аналогию

пряжке из п.2 к.5 Родионовки. По оформлению отдельных деталей ей близки пряжки из Садовца (Гавритухин И.О., Обломский А.М., 1996, рис.65, 7), с.169 Суук-Су (Айбабин А.И., 1990, рис.39, 9), Колосковского и Трубчевского кладов (Корзухина Г.Ф., 1996, табл.100, 4; Приходнюк О.М. и др., 1996, рис.10, 1), среднеаварского погребения из Бачфетекехедь (Fettich N., 1926, fig.21), но они не идентичны.

2. Фрагмент латунного наконечника пояса (рис.46, 2). Прессован из латунного (Cu – 95%, Zn – 2,8%) листа толщиной 0,1-0,5 мм; в нижней части на лицевой стороне чеканкой нанесен орнамент в виде концентрических окружностей. Размеры сохранившейся части – 2,6x1,5 см. Судя по размерам, мог быть даже наконечником основного ремня.

3. Фрагмент латунного наконечника дополнительного поясного или обувного ремешка (рис.46, 3). Форма, технология изготовления и декор аналогичны предыдущему наконечнику, но данный экземпляр меньше по размерам: 2x1,3 см.

Аналогии прессованным наконечникам и бляшкам мы уже рассматривали выше, при анализе п.7 к.1 Костогрызово. Детали, выполненные в такой технике, в сочетании с обычными деталями “геральдического” стиля находились также в п.6 к.13 Малаев, п.5 к.12 Портового и п.1 к.2 Васильевки, причем ближайшие аналогии наконечникам происходят именно из последнего комплекса (Кубышев А.И. и др., 1984, табл.27, 3).

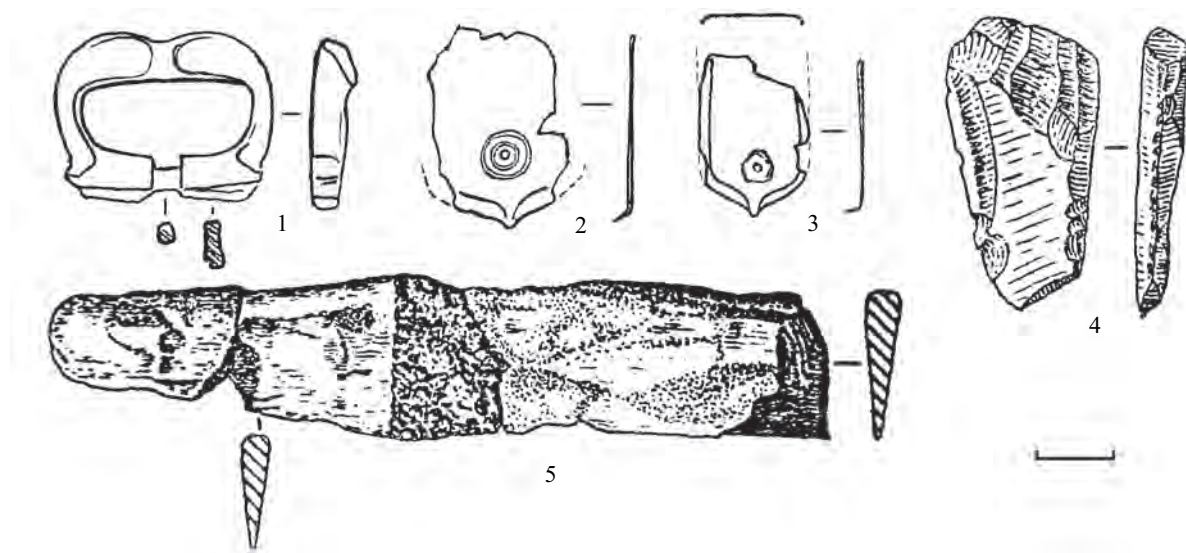

Рис. 46. Погребение 2 к.5 Родионовки: 1 – бронзовая пряжка; 2,3 – латунные наконечники ремешков; 4 – кремень; 5 – фрагмент ножа.

Fig. 46. Burial 2 of Rodionovka barrow 5: 1 – a bronze buckle; 2,3 – brass band ferrules; 4 – a flint; 5 – a fragment of a knife.

Надчеканка в виде окружностей отмечена на Т-образном крюке из п.12 к.7 Христофоровки (Prichodnyuk O., Fomenko V., 2003, fig.2, 20), на литой трехлопастной бляшке из п.9 к.5 Ясырево III (Мошкова М.Г., Федорова-Давыдова Э.А., 1974, табл. XXIII, 3) и на щитке пряжки из п.5 к.9 Богачевки (Генинг В.В., Корпусова В.Н., 1989, рис.11, 4). Это частый мотив для славянских и крымских пальчатых фибул VII в., а в Подунавье также для пряжек и поясных деталей (Garam E., 2001, taf.56, 12; 57, 4, 8; 61, 3, 4; 88, 1-3; 92, 4; 95, 3; Balogh Cs., 2004, Abb.14, 19; 21, 43). Показательно, что на поясных бляшках и наконечниках у авар такой декор присутствует либо в наборах II среднеаварского периода (п.226 Келькед-Феткапу, п.4 Сорег), либо на пресованных деталях геральдического стиля уже рассмотренного нами выше горизонта Кунаготы – п.166 Ютас, п.8 Деск-Г, п.2 Деск-М, п.58 Мокрин/Хомокрев (Ю)-Водоплав-Флур, Адонь.

Боевой нож

Фрагмент большого железного ножа без уступа или выраженного утолщения в месте перехода клинка в широкий черенок (рис.46, 5). Сечение клинка и черешка клиновидное. Длина фрагмента – 10,5 см, ширина клинка – 2 см, длина черешка – 4,5 см.

Однотипный с рассмотренными выше экземплярами из п.2 к.3 Сивашовки, п.2 к.3 Сивашского и п.1 к.3 Малой Терновки.

Средства для добывания огня

1. Кремень для кресала (рис.46, 4). Кремневый отщеп вытянуто-трапециевидной формы, напоминающий позднепалеолитические скребки. На всех гранях нанесена отжимная и притупляющая ретушь. Последняя, в основном, ударного происхождения, выразительнее на длинных сторонах отщепы. Размеры 2,5x2x0,5 см.

V.3. Дата погребения

По сочетанию литой В-образной пряжки “геральдического” стиля и пресованных наконечников ремешков комплекс стадияльно синхронен п.7 к.1 Костогрызово и относится к горизонту Уч-Тепе – Келегеи ([post] 669 – [post] 698 г). Подтверждается эта дата и позицией п.11 к.1 Ковалевки и среднеаварского погребения из Бачфетекехедь, где найдены подобные родионовской пряжки.

VI. Этнокультурная характеристика погребений

VI.1. Историография вопроса

В краткой обобщающей работе 1985 г все рассмотренные погребения были выделены одним из соавторов настоящей статьи – Р.С.Орловым – в “тип Сивашовки” или “сивашовский тип” (Орлов Р.С., 1985). Что предшествовало этому моменту в историографии, и что последовало после?

История открытий памятников восточноевропейских кочевников VI – нач.VIII в. уже с самого раннего этапа сконцентрировала основное внимание научной общественности на комплексах высшего социального ранга, обычно обнаруживаемых случайно и атрибутируемых как клады. Так, в 1824 г был открыт комплекс из Павловки (Багалей Д.И., 1905); в 1872 г – Лимаревка (Протоколы..., 1874), в 1868 г – Морской Чулек (Толстой И., Кондаков Н., 1890), в 1882 г – Макуховка (Зарецкий И.А., 1912; Семенов А.И., 1986), в 1889 г – Ясиново (ОАК за 1889 г; Айбабин А.И., 1985); в 1912 г – Малая Перещепина (Зарецкий И.А., 1912; Макаренко Н.Е., 1912; Бобринский А.А., 1914; Залеская В.Н. и др., 1997), в 1927 г – Келегеи (Фабрициус I., 1928, с.15, 16; Тахтай А., (год не известен). Келегейский “скарб” ...), в 1928 г – Новые Санжары (Тахтай А.К., (год не известен). Ново-Санджарівський ...; Смиленко А.Т., 1968), в 1930 г – Вознесенка (Гринченко В.А., 1950), в 1961 – Глодосы (Смиленко А.Т., 1965). На этом ярком фоне практически незамеченными прошли случайные находки погребений более низкого ранга: 1893 г – Печена (ОАК за 1897 г; Гошкевич В.И., 1903), 1903 г – Арцибашев (Монгайт А.Л., 1951), 1925 г – разрушенный курган из Днепропетровской обл. (Голенко К.В., 1956); а тем более раскопки рядовых погребений археологами: 1879 г – Геленовка (Rulikowski E., 1880), 1884 г – Новогригорьевка (Самоковасов Д.Я., 1908, с.133) и к.2, 14 Белозерки (Скадовский Л.Г., 1897); затем последовали к.14 Дымовки (Posta V., 1905, S.266-270), к.1F Аджигоя (Ebert M., 1913, S.20-21), к.2 Постапмук (Авенариус Н.П., 1896), к.1 Березовки (Данилевич В.Е., 1905, с.427, 428). Упомянутые погребения различались по инвентарю и обряду, а также по территории обнаружения, не образуя какой-либо узкой группы, поэтому не удивительно, что протянуть между ними ниточку связи удалось лишь гораздо позже.

В 20-30 гг XX в. небольшая группа погребений с “геральдическими” поясами была открыта и в Нижнем Поволжье: Зиновьевка, к.1 Авилковского, п.5 к.9 Бородаевки. Все они были отнесены к “позднесарматской стадии” (V-VIII вв.) (Рыков П., 1929;

Синицын И.В., 1936; 1947; 1954; Максимов Е.К., 1956), к чему располагали скудность признаков погребального обряда (простые ямы и подбои, вытянутое на спине положение костяков, череп и конечности коня), действительно находящиеся аналогии в многообразии погребальных традиций сарматов. Продолжилась тенденция подобной оценки погребений VII в. и далее в отношении п.7 к.1 Бережновки I, п.1 к.111 Бережновки II и п.2 к.3 Иловатки (Смирнов К.Ф., 1959; Синицын И.В., 1959; 1960). И лишь М.И.Артамонов первым соотнес эту группу с “тюркоязычными племенами” (Артамонов М.И., 2002а, с.120, 121).

В Северном Причерноморье из открытых в 50-60 гг XX в. погребений к “позднесарматским” VI-VII вв. были причислены лишь п.1 к.1 Большого Токмака (Смирнов К.Ф., 1960) и п.2 к.22 Аккермения I (Вязьмитіна М.І. та інші, 1960, с.129), а п.10 к.2 и п.12 к.13 Рисового (Щепинский А.А., Черепанова Е.Н., 1969), п.5 к.12 Портового (Щепинский А.А., 1966) и п.11 к.1 Ковалевки II (Ковпаненко Г.Т. и др., 1978) попали в группу “поздних кочевников”.

Хронологическую систематизацию раннесредневековых кочевнических погребений впервые применил А.К.Амброз. В работе 1971 г (Амброз А.К., 1971) погребения с “геральдическими” поясами были отнесены к группе II, датированной VII в., из которой выделялось только единичное, не образующее на тот момент самостоятельной группы, п.1 к.1 Большого Токмака 2-й пол.VI в. В работе 1981 г погребения с “геральдическими” деталями были выделены в группу IV, синхронизированную с комплексами высшей знати группы V, а п.1 к.1 Большого Токмака с пряжкой “Сучидава” уже традиционно заняло самостоятельную позицию в группе IV (Амброз А.К., 1981). Но, придавая выделенным группам только хронологический статус, исследователь не конкретизировал ни культурную, ни этническую принадлежность погребений.

В отчетной документации Херсонской археологической экспедиции под редакцией А.И.Кубышева открытые раскопками 70 – нач.80 гг XX в. кочевнические погребения с “геральдическими” деталями на основании некоторых параллелей с культурой авар раннеаварского периода атрибутировались как “аварские”, и эта интерпретация даже была использована П.П.Толочко в обзорной монографии (Толочко П.П., 1999).

Но несмотря на внешнюю схожесть с литыми “геральдическими” поясами Восточной Европы, поясные наборы раннеаварского периода выполнены в совсем другой технике – это прессованные из тонкой серебряной пластины детали, среди которых нет щитовидных бляшек, а дополнительные ремешки обычно снабжены коробчатыми U-образными наконечниками, верх которых закреплен

горизонтальной прокатанной полоской. Литые детали “геральдического” стиля среди аварских находок редки, а точные аналогии восточноевропейским среди них просто единичны (Garam E., 2001, Taf.92; 94; 95; Balogh Cs., 2004, Abb.3-6). Очевидно, именно технологическое сходство и обусловило столь быструю и безболезненную смену раннеаварских стилей поясов среднеаварскими. В Восточную Европу стиль прессованных поясных деталей “геральдического” стиля проникает только в среднеаварское время – это хорошо документируется присутствием в таких комплексах ряда предметов следующих хронологических этапов. Отличие наблюдается также и в погребальном обряде – раннеаварские погребения ориентированы в основном меридионально (С или Ю), а также на запад; очень редки среди аварских погребений и случаи помещения “шкуры”, т.е. черепа и конечностей коня; различается и лепная посуда погребений. Наконец, письменные источники довольно прозрачно указывают на то, что уже к 576 г Северное Причерноморье захватили преследователи авар тюрки: сын Истеми-кагана Турксанф заявил византийскому послу, что “мне в точности известно, где река Данапр, куда впадает Истр, где течет Эвр, и какими путями мои рабы Вархониты (авары) прошли в римскую землю” (Дестунис С., 1860, с.420), что в том же году было подкреплено захватом византийского Боспора, а в 580 г тюрки даже попытались осадить Херсон. Сохранение какой-то части аварского населения в Северном Причерноморье в этих условиях маловероятно, да и Менаандр четко указывает, что авары одновременно переселились с Северного Кавказа в Нижнее Подунавье в 562 г, а к 567 г они уже завоевали Паннонию.

Задача этнокультурной атрибуции причерноморских кочевнических памятников VI-VII вв. встала в 1984 г перед Р.С.Орловым при подготовке краткой обобщающей работы (Орлов Р.С., 1985). Сужение исследователем датировки погребений горизонта Сивашовки до 1-й пол.VII в. временно сняло проблему их связи с комплексами высшей знати круга Перещепины, а заметная социальная стратификация внутри самой группы подвела к предположению, что речь идет о небольшой самостоятельной локальной причерноморской группе кочевников 2-й пол.VI – 1-й пол.VII в., не связанной с близкой группой погребений Нижнего Поволжья. В предложенное определение “сивашовский тип” было заложено понимание именно локальной группы впускных погребений с “геральдическими” деталями в простых ямах, ямах с заплечиками и подбоями в сопровождении костей коня и ориентированных преимущественно на СВ. Учитывая отсутствие на тот момент выделенной для Северного Причерноморья группы кочевнических погребений

бений 1-й пол.VI в., для определения этнических связей “сивашовской” группы населения были использованы только более поздние сравнительные праболгарские материалы VIII-IX вв. (могильник Нови-Пазар) и материалы салтовского Нетайловского могильника, относимого в это время к кругу “болгарских”, но в реальности резко отличающегося по обряду от классических могильников “зливкинской” традиции “черных болгар”. Оба могильника демонстрировали уже заметно отличные культуры и погребальные обряды. В Нови-Пазаре речь шла об обычной для праболгарских могильников северной ориентировке с небольшим отклонением на восток, а также о сопровождении погребений частями коня, расположенного справа от погребенных голов в противоположную сторону (п.33), тогда как в Нетайловке – о ритуально разрушенных погребениях с восточной ориентировкой в сопровождении “шкуры” коня в небольших подбоях за головой или ногами погребенных. Оба обряда указывали на определенные родственные связи населения группы Сивашовки с булгарами-унногундурами и тюркским населением из состава Хазарского каганата, но не позволяли провести между ними прямой генетической связи. В отношении болгар-унногундуrow этот вывод усиливал детальный разбор византийских письменных источников И.С.Чичурова (Чичуров И.С., 1976; 1980), продемонстрировавший, что племена т.н. “Великой Булгарии” локализовались в Прикубанье. Это позволило выдвинуть предположение о принадлежности памятников сивашовского типа одному из местных причерноморских племен болгарской группы – кутригурам (Орлов Р.С., 1985; Орлов Р.С., Смиленко А.Т., 1986).

Параллельно к проблеме атрибуции кочевнических погребений VII в. подошел А.И.Айбабин (Айбабин А.И., 1985), который объединил в одну культурную группу рядовые впускные погребения и комплексы высшей знати группы Перещепины, датировав их 2-й пол.VII – нач.VIII в. и объяснив природу различий комплексов их принадлежностью к разным социальным стратам кочевнического общества. Истоки культуры рядовых погребений исследователь связал со средой тюркского населения I Тюркского каганата, а их появление в Северном Причерноморье – с экспансией раннего Хазарского каганата.

Постепенное введение в научный оборот памятников типа Соколовской Балки (“курганов с подквадратными ровиками”) впервые позволило “материализовать” культуру кочевых хазар VIII в., что, в свою очередь, подняло и проблему их соотношения с памятниками предшествующего хронологического периода. Отталкиваясь от выделения двух групп комплексов, содержащих византийские

солиды кон.VI – 1-й пол.VII в. и 2-й пол.VII – сер.VIII в., А.И.Семенов предположил, что речь идет о двух разных политических объединениях, поддерживавших отношения с Византией соответственно в 1-й пол.VII в. и во 2-й пол.VII – сер.VIII в., которые исследователь отождествил с Булгарией и Хазарией (Семенов А.И., 1987; 1988; 1991). В первую группу попали комплексы перещепинского круга за вычетом “безмонетных” Вознесенки, Глодос, Ясиново и м.І Новогригорьевки, а во вторую группу – курганы с ровиками. Также были синхронизированы с первой группой и рядовые впускные погребения с ориентировкой в сектор СВ-В, но, отметим, речь шла о выделенной исследователем восточноприазовской группе, а не о северопричерноморских и поволжских памятниках. Осознавая, что датировка курганов соколовского типа не опускается ниже нач.VIII в. (Романовская), а дата северопричерноморских комплексов группы Вознесенки приходится именно на этот период, исследователь не решился четко атрибутировать эти памятники, указав только на целый ряд признаков несомненно центральноазиатского происхождения в их составе и подняв проблему об археологических признаках присутствия тюрков в Восточной Европе (Семенов А.И., 1988).

Несколько другую оценку эта проблема получила в работе Д.Димитрова (Димитров Д., 1987). Все памятники круга Перещепины и Вознесенки, даже те, которые сам исследователь относил к нач.VIII в., были соотнесены с группами болгар-унногундуrow, сходство же материальной культуры рядового населения Северного Причерноморья было аргументировано “северной” ориентировкой впускных погребений, аналогичной п.5 к.III Мадары и праболгарским могильникам Болгарии VIII-IX вв. Относительно же материальной культуры кутригуrow исследователь вернулся к старой концепции М.И.Артамонова о лесостепной “пастырской культуре” (Артамонов М.И., 1969).

И.А.Баранов существенно модифицировал уже существующие в литературе мнения о степных подкурганых захоронениях VII в. Приняв датировки А.И.Айбабина, исследователь согласился, что культура памятников круга Сивашовки является в Северном Причерноморье и Крыму во 2-й пол.VII в., но связал ее не с хазарами, а с булгарами-оногурами. По мнению И.А.Баранова, эти памятники были взаимосвязаны с Восточным Приазовьем благодаря т.н. “большому кольцу кочевания”, прерванному вторжением хазар, вследствие чего “оногуры” и оказались “запертыми” в Крыму и Северном Приазовье. Ориентировку погребений носителей этой культурной группы исследователь на основании крымской выборки определил как восточную, а ее генетическим продолжением счи-

тал памятники типа Тау-Кипчак, для погребений которых была действительно характерна восточная ориентировка. Возникновение памятников типа Тау-Кипчак И.А.Баранов связал с прямым оседанием кочевников, а их общую культурную атрибуцию предложил в рамках ранней стадии салтовской культуры Крыма. Происхождение же кочевнического населения было связано с памятниками горизонта п.1 к.22 Малой Терновки, которые, по мнению исследователя, свидетельствовали о неизменности погребального обряда в степи VI-VII вв. (Баранов И.А., 1990).

В специализированной работе по хронологии крымских памятников VI-VII вв. А.И.Айбабин ввел в систему хронологии отдельные крымские кочевнические погребения: п.10 к.2 Рисового – 2-я четв. VII в., п.12 к.8 Богачевки, п.12 к.13 Рисового, п.5 к.12 Портового – 4-я четв. VII в., а также Перещепинский и Келегейский комплексы – 4-я четв. VII в. (Айбабин А.И., 1990). А в публикации Келегейского комплекса вся группа кочевнических погребений Северного Причерноморья 2-й пол. VII в. была выделена в единую культуру ранних хазар, для которой использовано предложенное М.И.Артамоновым название – “перещепинская” (Айбабин А.И., 1991).

Эта концепция в целом была поддержана Е.В.Кругловым, объединившим в единую культурную группу, оставленную ранними хазарами, впускные погребения и комплексы круга Перещепины Северного Причерноморья, Восточного Приазовья и Нижнего Поволжья сер. VII – рубежа VII-VIII вв., для которой исследователь использовал термин “Перещепинско-Вознесенский культурно-хронологический горизонт”, а памятники круга Сивашовки выделены в тип “Сивашовки – Портового – Ясиново” (Круглов Е.В., 1991; 1992а; 1992б). К этому же кругу памятников было отнесено и единичное болгарское п.5 к. III Мадары, но исследователь констатировал, что сопоставление комплекса культурных признаков степных погребений VII в. и достоверных праболгарских могильников VIII-X вв. “не выявляет признаков, подтверждающих возможность наличия между ними какой-либо этнокультурной близости” (Круглов Е.В., 1992а). Дальнейшее же развитие культуры кочевников Восточной Европы VII в. Е.В.Круглов связал с горизонтом раннесалтовских подкурганых погребений VIII в.

Прямо противоположное мнение высказал Р.Рашев – в поисках аналогий обряду п.5 к. III Мадары исследователь сравнил его с п.2 к.3 Сивашовки, предположив, что вся группа северопричерноморских погребений VII в. с “северной” ориентировкой является носителями культуры, генетически предшествующей культуре праболгар, а террито-

рия Болгарии – конечный пункт миграции рассматриваемого населения (Рашев Р., 1993).

Косвенно в пользу такой версии говорила и появившаяся, но пока еще только тезисно оформленная концепция А.М.Савина и А.И.Семенова о том, что конструктивные различия сложных луков из впускных погребений VII в. и курганов соколовского типа VIII в. могут свидетельствовать о разных традициях и, соответственно, разных генетических истоках этих групп населения (Савин А.М., Семенов А.И., 1995; 1998; 1999). Сравнение же погребальных традиций комплексов типа Сивашовки и типа Соколовской балки привело А.И.Семенова к выводу о смене населения восточноевропейской степи на рубеже VII-VIII вв. (Семенов А.И., 1997).

Впрочем, ряд новых публикаций 1996-1998 гг не только не прояснили ситуацию, но и внесли в проблему еще большую путаницу.

Систематизирующая публикация А.Г.Атавина восточноприазовских погребений VII в., сопоставленных исследователем с культурой населения “Великой Булгарии”, неожиданно продемонстрировала доминирование здесь восточной, а не северной ориентировки, характерной для праболгар-уногундуров Болгарии, а также присутствие только одного вида костных останков лошади – “шкуры” или “чучела”, но не целой туши коня. Также настораживала и датировка погребений с геральдическими наборами, существующих в Восточном Приазовье, по мнению исследователя, до нач. VIII в. (Атавин А.Г., 1996).

Работа по публикации и датировке славянского Гапоновского клада (Гавритухин И.О., Обломский А.М., 1996) подвигла И.О.Гавритухина на создание масштабной синхронистической системы хронологии Восточной Европы VII в., в которой место нашлось и кочевническим комплексам, несмотря на то, что специально этот вопрос в работе не затрагивался. Как уже отмечалось, комплексы горизонта Сивашовки были датированы исследователем в основном в рамках 1-й трети, максимум, 1-й пол. VII в., погребения, синхронные горизонту Перещепины, оказались только в Восточном Приазовье – речь шла лишь о комплексах с псевдопряжками и бляшками с птичьими головками. О горизонте кочевнических памятников Северного Причерноморья времени Перещепины из текста самой работы судить сложно, заметно лишь, что сюжет о Пастырском городище, существовавшем, по мнению И.О.Гавритухина и А.М.Обломского, как один из ремесленных центров “Великой Булгарии”, перекликается с идеями М.И.Артамонова о “пастырской культуре” кутригуров.

Полученная хронологическая картина фактически возвращалась к датировкам горизонта Си-

вашовки Р.С.Орлова, опять создавая в Северном Причерноморье лагуну именно на время существования “Великой Булгарии”, но сам исследователь, в свою очередь, работая над публикацией п.3 к.5 Виноградного, обладавшего признаками “хазарского” погребения, по А.И.Семенову (западная ориентировка, подбой, скелет лошади, украшения со вставкой с пехлевийской надписью) (Семенов А.И., 1987), не только указал на его синхронность времени формирования Перещепинского комплекса, но и вновь поднял проблему влияния культуры I Тюркского каганата в Восточной Европе, поскольку в погребении ярко проступала тюркская обрядность (Орлов Р.С., Рассамкин Ю.Я., 1996). Свое мнение о синхронности рядовой культуры комплексам перещепинского круга и времени существования “Великой Булгарии” Р.С.Орлов четче сформулировал в более поздней работе (Орлов Р.С., 2001).

Еще интереснее ситуация оформилась после систематизации материалов памятников новинковского типа VIII в. из Среднего Поволжья. Проанализировав возможные истоки новинковского погребального обряда, демонстрировавшего преобладание в ориентировке сектора СВ-В и расположение в могиле “шкуры” коня, Г.И.Матвеева предложила гипотезу о прямой генетической связи новинковских памятников с памятниками сивашовского типа Северного Причерноморья (Матвеева Г.И., 1997), а А.В.Богачев и Р.С.Багаутдинов – с синхронными памятниками Восточного Приазовья (Багаутдинов Р.С. и др., 1998). Также с памятниками Северного Причерноморья связал истоки новинковского комплекса украшений и Д.А.Сташенков (Сташенков Д.А., 2000).

Новинковские памятники демонстрировали и продолжение традиций луков VII в., игравших важную роль этнического признака в концепции А.М.Савина и А.И.Семенова (Савин А.М., Семенов А.И., 1995), а также А.А.Иванова (Иванов А.А., 2000), чья диссертация, посвященная систематизации культуры памятников соколовского типа, постулировала резкую смену памятников типа Сивашовки и Перещепины памятниками типа Соколовской балки уже во 2-й пол.VII в. Столь ранняя дата объяснялась привязкой комплексов к датам чеканки содержащихся в них монет без учета возможности их запаздывания, а также полным игнорированием существования комплексов горизонта Вознесенки, фигурировавшем в том или ином понимании во всех существовавших на тот момент основных хронологических исследованиях культуры восточно-европейских кочевников (Амброз А.К., 1971; 1981; Айбабин А.И., 1990; 1993; 1999; Гавритухин И.О., Обломский А.М., 1996; Комар А.В., 1999). Хотя в целом, вывод об отсутствии генетической связи между памятниками сивашовского и соколовско-

го типа, сформулированный еще А.И.Семеновым, приобрел дополнительное подтверждение.

Украинская историография в это же время продемонстрировала неожиданное возрождение идей “пастырской культуры” в модификации единства пеньковской культуры, Пастырского городища, степных подкурганых захоронений и ряда поселений Крыма (Майко В.В., 1997), правда, сразу подвергшихся резкой критике со стороны О.М.Приходнюка (Приходнюк О.М., 1998).

В общей работе 1999 г по истории и археологии Крыма А.И.Айбабин вновь кратко затронул проблемы культуры кочевников, продемонстрировав некоторые изменения собственных взглядов: так, Малая Терновка и Большой Токмак с пряжками “Сучидава” отнесены ко 2-й пол.VI в., погребения из Ковалевки, Изобильного, Сивашовки, Рисового, Богачевки, Наташино, Аккермена и Христофоровки – к 1-й – 3-й четв.VII в., а погребения из Портового, Белозерки, Костогрызово, Новопокровки, Чапаевского, Крупской, Малаев, Калининской, Старонижестеблиевской, Джигинской вместе с комплексами перещепинского круга были датированы последней четв.VII – нач.VIII в. (Айбабин А.И., 1999). К сожалению, наиболее интересный момент – критерии разделения рядовых подкурганых погребений на “булгарские” и “хазарские” – в работе не оговаривается, да и хронологическая позиция большинства погребений, как мы понимаем, сыгравшая главную роль в таком разделении, устанавливается не благодаря объяснениям в тексте, а лишь благодаря экспликациям к картам памятников. Концепция же проникновения хазар в Северное Причерноморье была дополнительно аргументирована в ряде сообщений (Айбабин А.И., 1998; 2002а).

Параллельно появившаяся работа А.В.Комара, посвященная хронологии раннесалтовских комплексов и предшествующих горизонтов кочевнических древностей (Комар А.В., 1999), впервые предлагала дробную периодизацию культуры VIII в., подкрепленную целым рядом комплексов с абсолютными реперами в виде монетных находок. Горизонт Перещепины в ней проанализирован в основном лишь на предмет связей с поздними комплексами, иллюстрирующих позицию финала формирования Перещепинского комплекса вплотную к нач.VIII в., рядовые же кочевнические погребения соотнесены с общим горизонтом Перещепины 2-й пол.VII в., следуя системам А.К.Амброза и А.И.Айбабина. Затем в рамках комплексного диссертационного исследования А.В.Комаром был собран и проанализирован весь массив северопричерноморских кочевнических комплексов VI – нач.VIII в. Учитывая сложности однозначной этнической атрибуции большинства памятников, была предложена схема исторической периодизации по

доминирующим в это время в степи политическим образованиям кочевников: болгарский период (480-559 гг), период Тюркских каганатов (567-631 гг) и период Хазарского каганата (632-969 гг), в рамках которого памятники кочевников отнесены к горизонтам Перещепины (2-я пол.VII в.) и Вознесенки (1-я четв.VIII в.). Выделенная кочевническая культура эпохи раннего Хазарского каганата, вслед за М.И.Артамоновым и А.И.Айбабиным, была названа “перещепинской”, а в рамках самой культуры выделены по имущественному признаку комплексы трех основных социальных рангов: “сивашовского” типа – рядовое население, “арцибашевского” типа – родовая знать и комплексы “перещепинско-вознесенского” типа – высшая знать (Комар О.В., 2000б; 2002а). Этнос рядового населения перещепинской культуры определен его родственностью с тюркотелесским населением Западнотюркского каганата, а относительно дальнейшей исторической судьбы населения позитивно решен вопрос возможности его связи с населением, оставившим памятники новинковского типа в Среднем Поволжье (Комар А.В., 2001а; Комар О.В., 2002а).

С.Г.Боталов и С.Ю.Гуцалов коснулись вопроса памятников типа Сивашовки при анализе кочевнических древностей урало-казахских степей. Указав на их общие признаки, – погребения в сопровождении коня или его “шкуры” с ориентировкой на СВ-В – исследователи отнесли их к катандинскому типу тюркских погребений (Боталов С.Г., Гуцалов С.Ю., 2000).

Интересное развитие концепции связей памятников сивашовского и новинковского типов предложил К.Цукерман, отождествивший Самарскую Луку с “Черным островом” барсиллов, а новинковские памятники – с культурой этого племени. Тесная связь барсиллов с хазарами по данным византийских и армянских источников привела исследователя к предположению, что погребения сивашовского типа также оставлены барсилами, составлявшими ударную силу хазарской армии времени экспансии и поэтому на новой территории закономерно воспринимавшимися как “хазары” (Цукерман К., 2001).

В 2000 г в Болгарии вышла в свет книга Р.Рашева (Рашев Р., 2000), представлявшая, согласно сформулированным во вступлении задачам, в основном обзор зарубежной литературы по раннеболгарской проблематике. Изобилующая фактическими ошибками и упустившая из вида целый ряд важных работ восточноевропейских исследователей, книга была переиздана в исправленном варианте в 2004 г (Рашев Р., 2004), но, к сожалению, не преодолела ни проблемы ошибок и неточностей в передаче информации русскоязычных публикаций (в целом, совершенно нехарактерной для болгар-

ской историографии), ни проблемы выборочности в анализе восточноевропейской историографии, ни проблемы фрагментарности источниковой базы. Вместо этого статус книги из скромного “обзора” превратился в “исследование” с четкой авторской концепцией и резкой, порой болезненной, критикой противоположных мнений. Проблема памятников круга Сивашовки здесь одна из центральных: автор предлагает каталог упоминаний в литературе “впускных погребений VI-VII вв.”, правда, без проверки их содержания, а также систематизацию облика культуры на основании изучения доступных ему публикаций, с определением хронологии и этнической принадлежности путем разбора все тех же мнений историографии. К сожалению, наиболее интересный для восточноевропейского читателя раздел об этнической принадлежности памятников, с ожидаемым в таком случае детальным анализом связей культуры праболгар VIII-IX вв. с погребениями типа Сивашовки, не просто не содержит такого сюжета, а фактически сводится к умозаключению о “праболгарском этносе” на основании двух посылок: 1) о невозможности на основании археологических признаков определить этнический состав кочевников, объединенных в рамках одного географического региона и одного типа хозяйствования – кочевого скотоводства; 2) о доминировании, согласно письменным источникам, в степях Восточной Европы VI-VII вв. болгарских племен (Рашев Р., 2004, с.116-118). Менее осторожные выводы представлены в конце части I – отнесенные к типу Сивашовки 5 территориальных групп памятников разделены по линии р.Дон на два племенных массива: кутригуры и утигуры, а главным объединяющим этнокультурным признаком, связывающим рассмотренные памятники между собой и с культурой праболгар Болгарии VIII-IX вв., вслед за Д.Димитровым, названа ориентировка в сектор С-СВ; вторичными признаками выступают конструкция погребального сооружения и тип сопровождающего погребение коня (Рашев Р., 2004, с.156, 157). Внимание также привлекают попытка аргументировать преобладание северной ориентировки у кочевников VII в. и игнорирование существования памятников новинковского типа, которые в работе упоминаются вскользь, но не рассматриваются.

Проблема этноса и культурной атрибуции рядовых кочевнических погребений VII в. в общем обзоре хазарской проблематики проанализирована С.А.Плетневой в контексте разбора концепции А.И.Айбабина, хотя исследовательница и подчеркивала неразрешенность, даже преждевременность постановки таких вопросов (Плетнева С.А., 1999). Но позже в обобщающем пособии по истории и археологии раннесредневековых кочевников Восточной Европы С.А.Плетнева подвергла критике куль-

турную самостоятельность “сивашовского типа” и согласилась с предложенным А.И.Айбабиным и А.В.Комаром выделением перещепинской культуры, а “перещепинским этапом” предложила называть “первый этап образования культуры народов европейских степей, объединенных властью хазарского кагана” (Плетнева С.А., 2003). В том же русле выдержаны и последние работы Е.В.Круглова, развивающие далее его концепцию о связи погребений горизонта Перещепины с хазарами (Круглов Е.В., 2002а; 2002б; 2004б и др.).

Появившиеся в это же время монография О.М.Приходнюка, отождествившая погребения сивашовского типа с “протоболгарами” дохазарского времени (Приходнюк О.М., 2001), статья В.С.Аксенова и А.А.Тортики, вновь отождествившая памятники типа Сивашовки с кутригурами (Аксенов В.С., Тортика А.А., 2001), и другие продолжили давнюю традицию историографических противоречий, а историографический обзор проблемы В.Е.Флёровой (Флёрова В.Е., 2001б) проиллюстрировал не только отсутствие в современной науке четкой историографической линии, но и единого системного подхода в анализе кочевнических памятников VI-VIII вв., позволившего бы избежать неконтролируемого продуцирования слабоаргументированных “мнений” и различных спекуляций.

На каких принципах должен строиться подобный системный анализ? Первое – для степи эпохи Великого переселения народов первоочередное значение приобретает четкая хронологическая и территориальная группировка материала с последующим построением эволюционной схемы для каждого выделенного региона. Второе – появление новых элементов культуры на новом хронологическом этапе всегда должно выдерживать экспертизу на предмет источника влияния, если же комплекс изменений носит достаточно яркие признаки появления нового населения, вопрос должен ставиться о смене культурного типа. Третье – традиционное представление о культурной и этнической близости целого ряда кочевых племен западнотюркской группы, мигрировавших в Восточную Европу из среднеазиатских степей в V-VII вв. (сарагуры, кутригуры, утигуры, огуры, оногуры, уногундуры, савиры, барсилы, хазары и др.), не тождественно априорному утверждению о невозможности разделить археологические памятники этих племен и, тем более, не снимает проблему археологического анализа восточноевропейских памятников на предмет выделения групп населения с разными традициями в погребальном обряде и вещевом наборе комплексов, а также более детального внутригруппового анализа, позволяющего выделить небольшие группы комплексов со схожими признаками внутри больших культурных групп. Четвертое

– при выделении культурно и этнически значимых признаков нужно обязательно учитывать степень их варибельности, чтобы случайное сходство менее варибельных признаков не затмило значения признаков более редких и, соответственно, более важных. Пятое – миграция населения с отрывом от прежней внешней ремесленной базы обычно приводит к формированию в конечном регионе совершенно нового социо-экономического организма с новыми культурными связями, воздействующими даже на традиционные сферы культуры, поэтому особое значение при анализе истоков культуры имеют принесенные из исходного региона образцы ремесленных традиций. Шестое – в условиях этнической разнородности населения крупных кочевнических политических образований важно проводить как внутригрупповой анализ, так и поиск общих признаков принадлежности к какому-либо политическому образованию, отражающих сходство культуры рядового населения с комплексами высшего социального ранга.

VI.2. Памятники типа Суханово

Полную хронологическую колонку кочевнических комплексов Северного Причерноморья V-IX вв. удалось получить лишь недавно благодаря работам А.В.Комара (Комар А.В., 1999; 2000; 2004а; Комар О.В., 2002а). Важным стало выделение группы комплексов кон.V – 1-й пол.VI в. (Комар А.В., 2004а), позволившей, наконец, заполнить лауну между памятниками гуннского времени и погребениями 2-й пол.VI в. Для этой группы характерны впускные подкурганые погребения в узких ямах, вытянутая на спине поза, часто с руками на тазе, ориентировка в сектор СЗ-СВ, расположение в головах горшка. От позднейших гуннских погребений Северного Причерноморья группы С4, по А.В.Комару (Комар А.В., 2000), их отличает наличие кургана и полное отсутствие костей коня или сбруи, наличие бытовых предметов: посуды, ножей, пряслиц. По таким признакам как ориентировка на С-СВ, берестяное гробовище, сосуд в головах погребальный обряд группы близок шиповским курганам (Засецкая И.П., 1994, с.188-190) и могильнику Коминтерновский II в Среднем Поволжье (Казаков Е.П., 1998, с.100-102), но в этом регионе фиксируется как продолжение традиции помещения в могилу конской сбруи, рам-гробовищ, так и продолжение самого стиля украшений гуннской эпохи, не наблюдаемые пока в Северном Причерноморье. Эти признаки позволили заключить, что речь идет о новой волне кочевнического населения, появившейся в Северном Причерноморье в кон.V в., которая может быть связана с кутригурами

письменных источников. Несмотря на определенное сходство поволжских и северопричерноморских памятников, на данный момент для их объединения в одну культурную группу нет достаточных оснований, что позволяет выделять две группы: памятники типа Шипово и типа Лихачевки.

Погребения следующего хронологического этапа – 2-й пол. VI в. – выделялись А.К. Амброзом и А.И. Айбабиным в отдельную хронологическую группу (Амброз А.К., 1971; 1981; Айбабин А.И., 1999), а А.В. Комаром – в культурно-хронологическую (Комар О.В., 2002а). Как уже подчеркивалось выше, на сегодня выборка погребений этого этапа из Северного Причерноморья все еще невелика – 6 погребений (рис. 47, 18-37). Территориально в ней выделяются три группы: “приазовская” (п. 1 к. 22 Малой Терновки, п. 1 к. 1 Большого Токмака) – ямы с заплечиками, деревянные конструкции, ориентировка в сектор СЗ-С; “буго-днепровская” (п. 4 к. 7 Новой Одессы I, п. 3 к. 1 Новой Одессы IV, п. 2 к. 8 Суханово) – подбои и ямы с заплечиками, каменные перекрытия или заклады, ориентировка в сектор С-В, сведенные в коленях и пятках, очевидно, связанные ноги умерших и “приднестровская” (п. 48 Селиште) – бескурганное погребение с ориентировкой на В с несвязанными ногами. Общие признаки двух первых групп: преобладание северной ориентировки, вытянутое на спине положение, связывание ног в районе коленей или ниже, опускание тела в могилу с правой (западной) стороны для ям с заплечиками или с левой (восточной) стороны для подбоев, изоляция тела от земляной засыпки могилы при помощи дерева или камня, минимальный набор инвентаря, жертвенная пища в виде сосуда с похлебкой или мяса барана в углу справа или слева от черепа. Главное отличие “буго-днепровского” региона от “днепро-приазовского” – это появление погребений с восточной ориентировкой (п. 3 к. 1 Новой Одессы IV, п. 48 Селиште). Вполне возможно, что речь идет о наличии двух этнических групп, но судить об этом на основании имеющейся в нашем распоряжении выборки пока, разумеется, сложно. В таком случае население с восточной ориентировкой занимало западную часть Северного Причерноморья от Приднестровья до Южного Буга, а к востоку от Южного Буга преобладала другая группа, хоронившая с ориентировкой на север. Определенного географического центра в степи в это время не наблюдается – крайне редкие погребения расбросаны по всей степи, образуя только два “микроскопления” в Побужье (Новая Одесса) и в округе р. Молочной.

При сравнении памятников этого хронологического этапа с погребениями горизонта Лихачевки наблюдаем ту же тенденцию преобладания северной ориентировки, хотя появляется и не известная

ранее группа погребений с восточной ориентировкой. По-прежнему отсутствуют в погребениях кости коня и его снаряжение, продолжается и традиция размещения жертвенной пищи как справа, так и слева от головы. Новые детали обряда касаются, в первую очередь, погребальных сооружений. На смену простым ямам приходят ямы с заплечиками, перекрытые деревянными или каменными закладами, а также подбои; вместо простого берестяного гробовища появляются гробы-рамы. Связывание ног, возможное в ранней группе только для п. 4 Животинного могильника (Медведев А.П., 1990), во 2-й пол. VI в. уже составляет характерную особенность обряда. Изменяется тип лепной посуды: вместо сильно профилированных горшков с насечками по венчику и горшков с наибольшим расширением в верхней части корпуса (Комар А.В., 2004а, рис. 4, 1, 2) появляются горшки с наибольшим расширением в центральной части тулова, орнаментированные расчесами или зигзагами по венчику (рис. 47, 26, 37). Судя по наконечникам ремешков из п. 1 к. 1 Большого Токмака (рис. 47, 21, 22), обувь все еще завязывается ремешками, но исчезает традиция застегивать обувь пряжками. Зато обязательным для мужчин и женщин становится кожаный пояс с одной византийской пряжкой (рис. 47, 18-20, 27-29).

Как видим, сходство между памятниками типа Лихачевки и рассматриваемой группой сводится, в целом, к общим признакам – ориентировке погребенных и положению скелета. Как показывают относительно недавние попытки реанимировать “позднесарматскую” атрибуцию кочевнических погребений VI-VII вв. на базе тех же признаков (Васюткин С.М., 1992; Бубенок О.Б., 1997; 2000), для обоснования генетической преемственности нужны более веские аргументы, которых в нашем распоряжении пока, к сожалению, нет. Это дает нам все основания выделять памятники Северного Причерноморья горизонта Суханово в отдельный культурный тип, оставленный кочевническим населением, родственным носителям типа Лихачевки, но не тождественным им, что позволяет говорить о возможности притока новой волны кочевников.

В Нижнем Поволжье памятники горизонта Суханово на сегодня не известны, и лишь в Восточном Приазовье открыто синхронное (?) погребение в к. 1 II Восточно-Малайского могильника (Лимберис Н.Ю., 1988). Погребение совершено в подбое в сопровождении лошади, ориентировано на СЗ; привлекает внимание богатый воинский инвентарь: инкрустированный меч, пластинчатый панцирь, сложный лук, серебряный поясной набор. До полной публикации о датировке и культурной принадлежности погребения, разумеется, говорить рано, но уже сейчас заметны резкие отличия под-

Рис. 47. Инвентарь погребений 2-й пол.VI – 1-й трети VII в. типа Суханово: 1-17 – п.1 к.3 Шелюг, 18, 23-25 – п.2 к.8 Суханово; 19 – п.1 к.22 Малой Терновки; 20-22, 26 – п.1 к.1 Большого Токмака; 27, 29, 36 – п.3 к.1 Новой Одессы IV; 28, 31-35, 37 – п.4 к.7 Новой Одессы I; 30 – п.48 Селиште.

Fig. 47. A burial inventory of the 2nd half of the VIth – the 1st third of the VIIth c. Suhanovo type: 1-17 – burial 1 of Shelyug barrow 3, 18, 23-25 – burial 2 of Suhanovo barrow 8; 19 – burial 1 of Malaya Ternovka barrow 22; 20-22, 26 – burial 1 of Bolshoi Tokmak barrow 1; 27, 29, 36 – burial 3 of Novaya Odessa IV barrow 1; 28, 31-35, 37 – burial 4 of Novaya Odessa I barrow 7; 30 – burial 48 of Selishte.

бора инвентаря от северопричерноморских погребений, где, напомним, также известно богатое погребение из Суханово.

Политические связи северопричерноморского населения, оставившего памятники типа Суханово, даже несмотря на их немногочисленность, довольно выразительны. Лучше всего представлена византийская линия в поясных наборах, причем мужские пояса пока демонстрируют обязательное наличие пряжек типа “Сучидава”, распространенных в Подунавье у византийских федератов, охранявших лимес, а также у федератов-гепидов. Столь определенное направление связей для периода 2-й пол. VI в., когда кутригуры вместе с аварами вторгались в византийские земли, а с 576 г в войну с Византией в Северном Причерноморье вступили и тюрки, заставляет вспомнить об утигурах, согласно письменным источникам, достоверно являвшихся византийскими союзниками в 30-60-х гг VI в. в отличие от кутригуров (Прокопий Кесарийский, 1996; Агафий Миринейский, 1996). В 569 г аварский каган утверждал, что уничтожил и кутригуров, и утигуров (Дестунис С., 1860, с.391-392), но утигуры вновь упоминаются в составе подданных тюрков в событиях 576 г. Судя по тому, что начальствовавший над ними Анагей носил имя последнего кагана жуань-жуаней (авар) и командовал при осаде Боспора войсками “тюрков” (Дестунис С., 1860, с.422), речь явно идет не об утигурском вожде, а тюркском тудуне. Подчинение утигуров тюрками произошло около 570 г; с этого момента они потеряли свободу самоуправления, и о их униженном положении рассказывал византийскому послу Валентину в 576 г тюркский правитель Турксанф (Дестунис С., 1860, с.420).

В погребении из Суханово мы действительно наблюдаем уже яркое смешение двух “политических” стилей: византийская пряжка типа “Сучидава” (рис.47, 18) и инкрустированные украшения стиля Морской Чулук. На истоки последнего стиля указывают материалы джетысарских погребений Восточного Приаралья (Левина Л.М., 1996, рис.109, 1, 3-6; 119; 148; 149), комплекса из Борового (Казахстан) (Засецкая И.П., 1975, кат.13-32), погребения из Шамши (Чуйская долина) (История Киргизской ССР, 1984, *цветная вклейка*), материалы Пенджикента (Распопова В.И., 1980, рис.74, 1-4), очерчивающие зону расселения западной части племен Тюркского каганата.

Письменные источники после 576 г больше ни разу не упоминают об утигурах, а на местах их расселения в Восточном Приазовье позже упоминаются другие булгарские племена – оногуры и унногундуры. Интересен еще один момент: из погребений типа Лихачевки больше всего специфических связей с поздней группой обнаруживает

п.4 Животино – сомкнутые (связанные) ноги, сосуд слева от головы, что сочетается с кавказским происхождением лощеного гончарного кувшина из этого погребения (Медведев А.П., 1990, рис.29, 4). Последний предмет несомненно указывает как минимум на тесные связи погребенного с Прикубаньем, а следовательно, и с утигурами.

Цепочка наблюдений над особенностями памятников типа Суханово (статус федератов Византии при наличии украшений стиля I Тюркского каганата; близость, но не идентичность культуры к предшествующим кутригурским памятникам Северного Причерноморья типа Лихачевки, из которых показатель сходства выше всего у п.4 Животино с явными “утигурскими” связями) позволяет предположить, что отсутствие упоминаний утигуров письменными источниками после 576 г в Восточном Приазовье, где появляются племена оногуров и унногундуры, связано с переселением как минимум части утигуров в Северное Причерноморье.

Следующий хронологический горизонт кочевнических памятников Северного Причерноморья представлен п.1 к.3 Шелюг (Кубышев А.И. и др., 1987). Строгая северная ориентировка скелета, прямоугольная яма со слегка скругленными углами и локализация в районе Молочного лимана сближают погребение с п.1 к.22 Малой Терновки. Но, наряду с сохранением общих черт обряда группы Суханово, в п.1 к.3 Шелюг появляются и новые моменты. Прежде всего, это череп и часть конечностей коня, расположенные на одном уровне слева от тела человека. Канон расположения коня в погребениях VII в. Северного Причерноморья другой – на перекрытии ямы или ступеньке подбоя. На одном уровне с телом погребенного кости коня расположены в восточноприазовской группе погребений: п.5 к.4 у хут.Крупской, п.2 к.29 Чапаевского, п.3 к.30 Калининской (Атавин А.Г., 1996, с.209; табл.1; 4; 12), а в Северном Причерноморье – только в п.1 к.1 Журавлихи (см. нашу публикацию в настоящем сборнике).

По сравнению с группой Суханово п.1 к.3 Шелюг демонстрирует и несколько другой инвентарь (рис.47, 1-17): поясной набор “геральдического” стиля, серебряные украшения обуви, кресало, удила, уздечные бляшки. Прямо продолжает традиции предыдущего горизонта только нож с горбатой спинкой (рис.47, 17), остальные предметы комплекса уже находят продолжение в кочевнических комплексах следующих хронологических горизонтов (рис.48), разве только за исключением двушитоковых бляшек (рис.48, 31), чья линия эволюции в двушитоковые бляшки горизонта Сивашовки очень условна, поскольку первым гораздо ближе двушитоковые накладные с вырезами (Гавритухин И.О.,

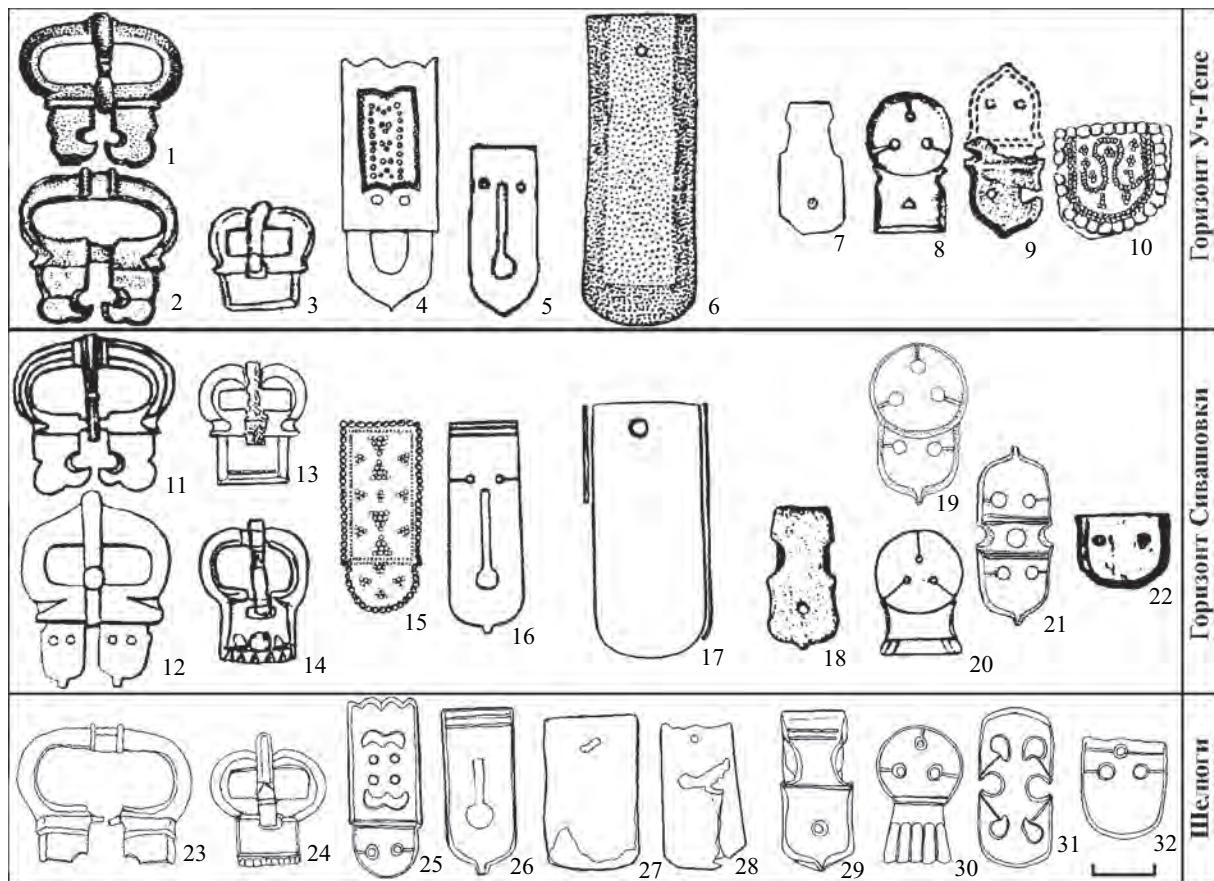

Рис. 48. Схема развития деталей “геральдического” стиля горизонта Шелюг: 1, 6, 9 – п.7 к.1 Костогрызово; 2, 7 – п.2 к.14 Дымовки; 3 – п.5 к.12 Портового; 4 – п.1 к.2 Васильевки; 5 – п.1 к.111 Бережновки II; 8 – п.10 к.4 Калининской; 10 – Арцибашев; 11, 16, 20 – Епифанов; 12 – п.7 к.1 Бережновки I; 13 – п.7 к.7 Христофоровки; 14, 17 – п.12 к.7 Христофоровки; 15 – п.2 к.2 Васильевки; 18 – п.2 к.2 Сивашовского; 19, 21 – п.2 к.3 Сивашовки; 22 – п.2 к.29 Чапаевского; 23-32 – п.1 к.3 Шелюг.

Fig. 48. The scheme of development of the “heraldic” style details of the Shelyug horizon: 1, 6, 9 – burial 7 of Kostogryzovo barrow 1; 2, 7 – burial 2 of Dymovka barrow 14; 3 – burial 5 of Portovoie barrow 12; 4 – burial 1 of Vasilievka barrow 2; 5 – burial 1 of Berezhnovka II barrow 111; 8 – burial 10 of Kalininskaya barrow 4; 10 – Artsybashev; 11, 16, 20 – Yepifanov; 12 – burial 7 of Berezhnovka I barrow 1; 13 – burial 7 of Hristoforovka barrow 7; 14, 17 – burial 12 of Khristoforovka barrow 7; 15 – burial 2 of Vasilievka barrow 2; 18 – burial 2 of Sivashskoie barrow 2; 19, 21 – burial 2 of Sivashovka barrow 3; 22 – burial 2 of Chapaevskoie barrow 29; 23-32 – burial 1 of Shelyug barrow 3.

Обломский А.М., 1996, рис.35, 21, 27, 29-31). Поясной набор из п.1 к.3 Шелюг обладает признаками стиля наборов 2-й пол.VI – рубежа VI-VII вв. из византийского слоя Садовца в Нижнем Подунавье (Гавритухин И.О., Обломский А.М., 1996, с.63, рис.65, 7-16) и могилы 54 Суук-Су в Крыму (Айбабин А.И., 1990, рис.48, 1-22), дальнейшая линия развития которых представлена в основном в лесостепных славянских кладах (Гавритухин И.О., Обломский А.М., 1996, рис.35), а в кочевнических комплексах редкие двучастные детали известны только в пп.1 и 2 к.2 Васильевки (рис.48, 4, 15). На фоне “крымско-кавказских” связей поясных

наборов горизонта Сивашовки пояс из Шелюг несомненно продолжает линию “нижнедунайских” связей горизонта Суханово. Время формирования комплекса, судя по пряжке с двумя выступами вместо щитков, обувным обоямам и бляшкам в виде круга со щитком (рис.48, 23, 29, 30), не ранее нач. VII в., в то же время двущитковые бляшки (рис.48, 31) в известных нам комплексах – Плевен-Кайлка (Рашев Р., 2004, табл.109, 15), Сентеш-Лаписто, Клярафалва В (Balint Cs., 1992, Taf.56, 2-4, 23, 24) – не выходят за рамки 2-й пол.VI – нач.VII в., что позволяет ограничить дату комплекса 1-й третью VII в.

На фоне участия в это время болгар в нападениях на византийские земли в Нижнем Подунавье наличие погребения с поясом византийского стиля в Северном Приазовье выглядит несколько странным, если, конечно, не вспомнить о рассказе Никифора о посещении Константинополя “гуннским” вождем около 619 г (Чичуров И.С., 1980, с.159, 168). Прямолинейно связывать эти события до открытия новых погребений горизонта Шелюг в Северном Причерноморье, разумеется, преждевременно. Остается только надеяться, что п.1 к.3 Шелюг так же, как и оставшееся долгое время единственным п.1 к.1 Большого Токмака, со временем “образует” собственной группой.

Горизонту Шелюг восточнее Дона также пока достоверно соответствует лишь одно п.2 к.3 Иловатки (Смирнов К.Ф., 1959). Погребение совершено в подбое, скелет находился в дощатом гробу, ориентирован на СВ. Детали “геральдического” стиля из этого комплекса находят явное продолжение в комплексах горизонтов Сивашовки и Уч-Тепе (рис.49), но на их фоне выглядят “архаичными”. “Двурогаая” бляшка из Иловатки (рис.49, 39) явно дериватна двучастным бляшкам с боковыми вырезами 2-й пол. VI в. из Клярафалвы В (Balint Cs., 1992, Taf.56, 2-4), а поясной наконечник (рис.49, 40) выполнен в тех же пропорциях, что и наконечники из Шелюг (рис.48, 27, 28). Несмотря на хронологическую близость, наборы из п.1 к.3 Шелюг и п.2 к.3 Иловатки выполнены в различных традициях, репрезентируя две самостоятельные линии, что не позволяет относить погребения из Шелюг и Иловатки к одной культурной группе.

В целом же, кочевнические памятники Восточной Европы 1-й трети VII в. на сегодня наименее исследованы, поэтому большинство вопросов их интерпретации остаются открытыми до введения в научный оборот новых памятников этого круга.

VI.3. Памятники типа Сивашовки

В предыдущих разделах на конкретных примерах мы попытались дать детальную картину связей п.2 к.3 Сивашовки с другими синхронными погребениями Восточной Европы, дополненную параллелями погребений из Сивашского, Костогрызово, Малой Терновки и Родионовки. Общие характеристики этой группы памятников были даны в работе Р.С.Орлова (Орлов Р.С., 1985) и диссертационном исследовании А.В.Комара (Комар О.В., 2002а), здесь же мы попытаемся остановиться на некоторых дискуссионных моментах и на моментах, вызывающих трудности в интерпретации.

Как показывает пример монографии Р.Рашева (Рашев Р., 2004), не все исследователи разделяют мнение о доминировании в группе Сивашовки ориентировки в сектор СВ-В, полагая, что это лишь отклонение от северной ориентировки. Снять лишние вопросы помогает рис.50, где мы разместили погребения с достоверно установленной ориентировкой. Группа погребений с северной ориентировкой из Северного Причерноморья здесь представлена 5 погребениями в узком секторе 358-8° и 1 погребением с отклонением в 25°; по одному погребению известно в Восточном Приазовье (отклонение 2°) и Нижнем Поволжье (отклонение 0°). “Рубикон отклонения” основной массы погребений составляет рубеж в 30°. В секторе 30-45° находятся 12 погребений, в т.ч. и само п.2 к.3 Сивашовки, но нетрудно заметить, что 5 из них принадлежат к нижневолжской группе (Новоселки, п.2 к.3 Иловатки, п.7 к.1 Бережновки, п.5 к.9 Бородаевки, п.12 к.1 Верхне-Погромного). В секторе 45-60° расположены 8 погребений, из которых одно нижневолжское (п.1 к.111 Бережновки II) и одно восточноприазовское (п.3 к.30 Калининской). В секторе 60-90° представлены 15 погребений, из которых одно (Зиновьевка) нижневолжское и 2 восточноприазовской группы (п.6 к.13 Малаев, п.10 к.4 Калининской). В секторе 90-135° находятся 8 погребений (плюс, очевидно, п.3 к.24 Малой Терновки), и 1 погребение (п.2 Максимовки) ориентировано с азимутом в 140°. Еще 7 погребений находятся в секторе 210-315° – это несомненно погребения с “западной” ориентировкой.

Немногочисленные погребения западного сектора дают степень отклонения от строго запада +44° на север и +66° на юг. Погребения с достоверно восточной ориентировкой дают показатель отклонения в +50° на юг. Вполне очевидно, что столь большие смещения объясняются не ошибками в географическом ориентировании, а сезонным смещением солнца. Подавляющее большинство рассмотренных погребений (43) ориентированы в сектор 30-91°, т.е. на СВ-В, где находится точка восхода солнца с марта по конец сентября.

Очень показателен в плане способа ориентирования погребений бескурганый могильник Рябовка, оставленный, согласно выводам антропологов, родственниками, возможно, членами одной семьи (Обломский А.М., Терпиловский Р.В., 1993). Несмотря на то, что холмики погребений были явно видны на поверхности, и члены семьи даже проводили ритуальное вскрытие могил, ориентировка погребений не одинакова: пп.1 и 2 имеют азимут в 34-35°, а пп.3 и 4 в 59 и 65°, т.е. погребения этого могильника представлены сразу в трех секторах: 30-45°, 45-60°, 60-90°. Подобная картина одно-

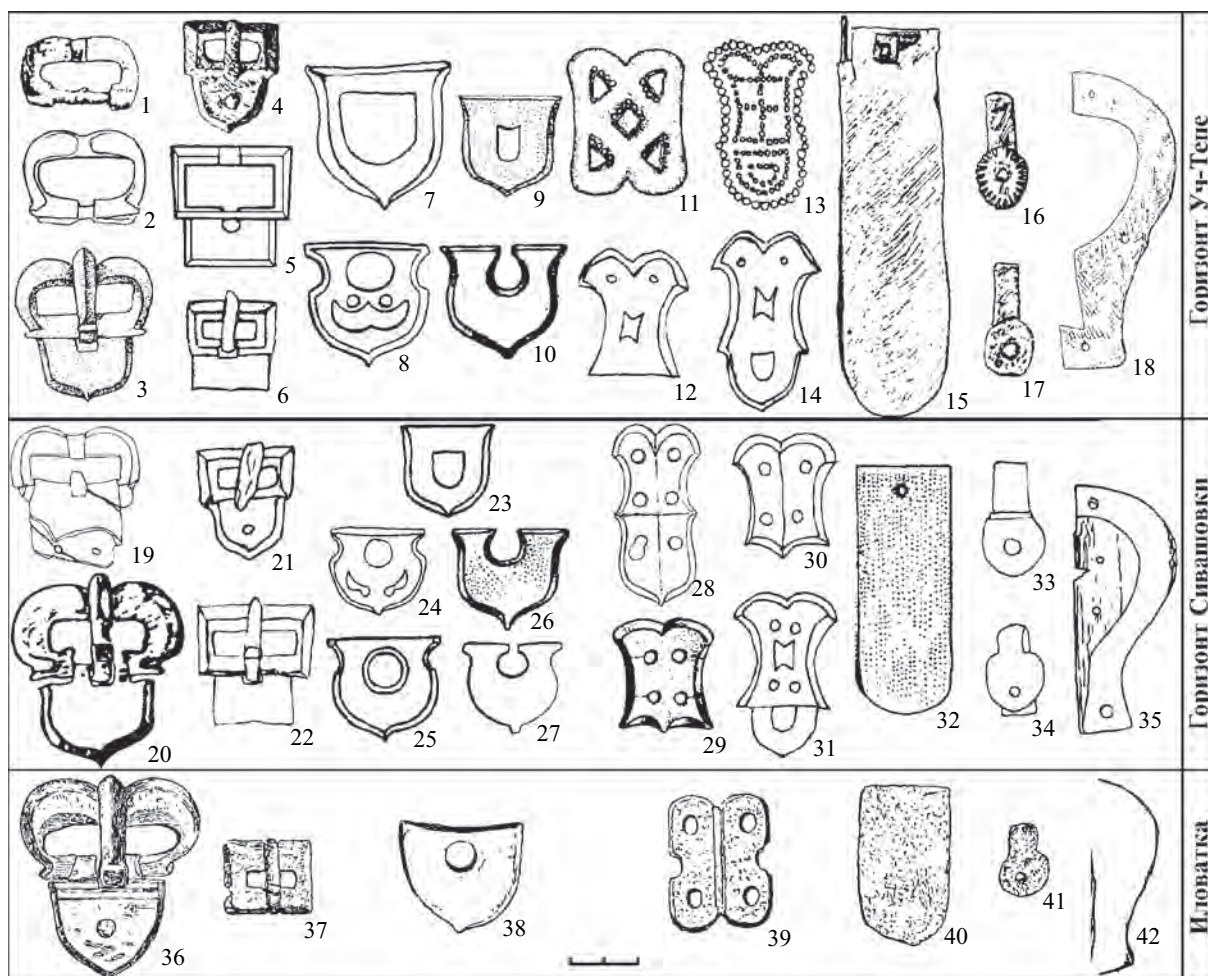

Рис. 49. Схема развития деталей “геральдического” стиля горизонта Иловатки: 1 – п.11 к.1 Ковалевки; 2 – п.2 к.5 Родионовки; 3, 9 – п.5 к.4 Крупского; 4, 16, 17 – к.17 Наташино; 5, 8, 18 – Арцибашев; 6, 11 – п.5 к.12 Портового; 7, 12, 14 – п.1 к.2 Васильевки; 10 – п.10 к.4 Калининской; 13 – Уч-Тепе; 15 – п.6 к.13 Малаев; 19, 24, 31 – п.11 к.1 Черноморского; 20, 30 – п.2 к.29 Чапаевского; 21 – п.12 к.8 Богачевки; 22 – п.12 к.7 Христофоровки; 23, 35 – п.3 к.5 Виноградного; 25 – “Царский курган”; 26, 29, 32, 33 – п.2 к.3 Сивашовки; 27 – п.7 к.1 Бережновки I; 28 – п.7 к.7 Христофоровки; 34 – Зиновьевка; 36-42 – п.2 к.3 Иловатки.

Fig. 49. The scheme of development of the “heraldic” style details of the Ilovatka horizon: 1 – burial 11 of Kovalevka barrow 1; 2 – burial 2 of Rodionovka barrow 5; 3, 9 – burial 5 of Krupskoie barrow 4; 4, 16, 17 – Natashino barrow 17; 5, 8, 18 – Artsybashev; 6, 11 – burial 5 of Portovoie barrow 12; 7, 12, 14 – burial 1 of Vasilievka barrow 2; 10 – burial 10 of Kalininskaya barrow 4; 13 – Uch-Tepe; 15 – burial 6 of Malaiev barrow 13; 19, 24, 31 – burial 11 of Chernomorskoie barrow 1; 20, 30 – burial 2 of Chapaevskoie barrow 29; 21 – burial 12 of Bogachevka barrow 8; 22 – burial 12 of Khristoforovka barrow 7; 23, 35 – burial 3 of Vinogradnoie barrow 5; 25 – “Tsar barrow”; 26, 29, 32, 33 – burial 2 of Sivashovka barrow 3; 27 – burial 7 of Berezhnovka I barrow 1; 28 – burial 7 of Khristoforovka barrow 7; 34 – Zinovievka; 36-42 – burial 2 of Ilovatka barrow 3.

значно свидетельствует об индивидуальном ориентировании каждого из погребений по солнцу, а также о несомненном единстве принципа ориентировок всего сектора 30-90°. Отметим, что полученная картина полностью совпадает “по диагонали” с ориентировкой погребений западного сектора: максимальные отклонения по линии СВ-ЮЗ со-

ставляют +60, +66°, а по линии СЗ-ЮВ – +55, +50°, т.е. использовавшийся принцип ориентирования одинаков.

Подчеркнем еще раз – кочевники всех исторических периодов великолепно ориентировались по сторонам света, что подтверждает и рассмотренная группа погребений с северной ориенти-

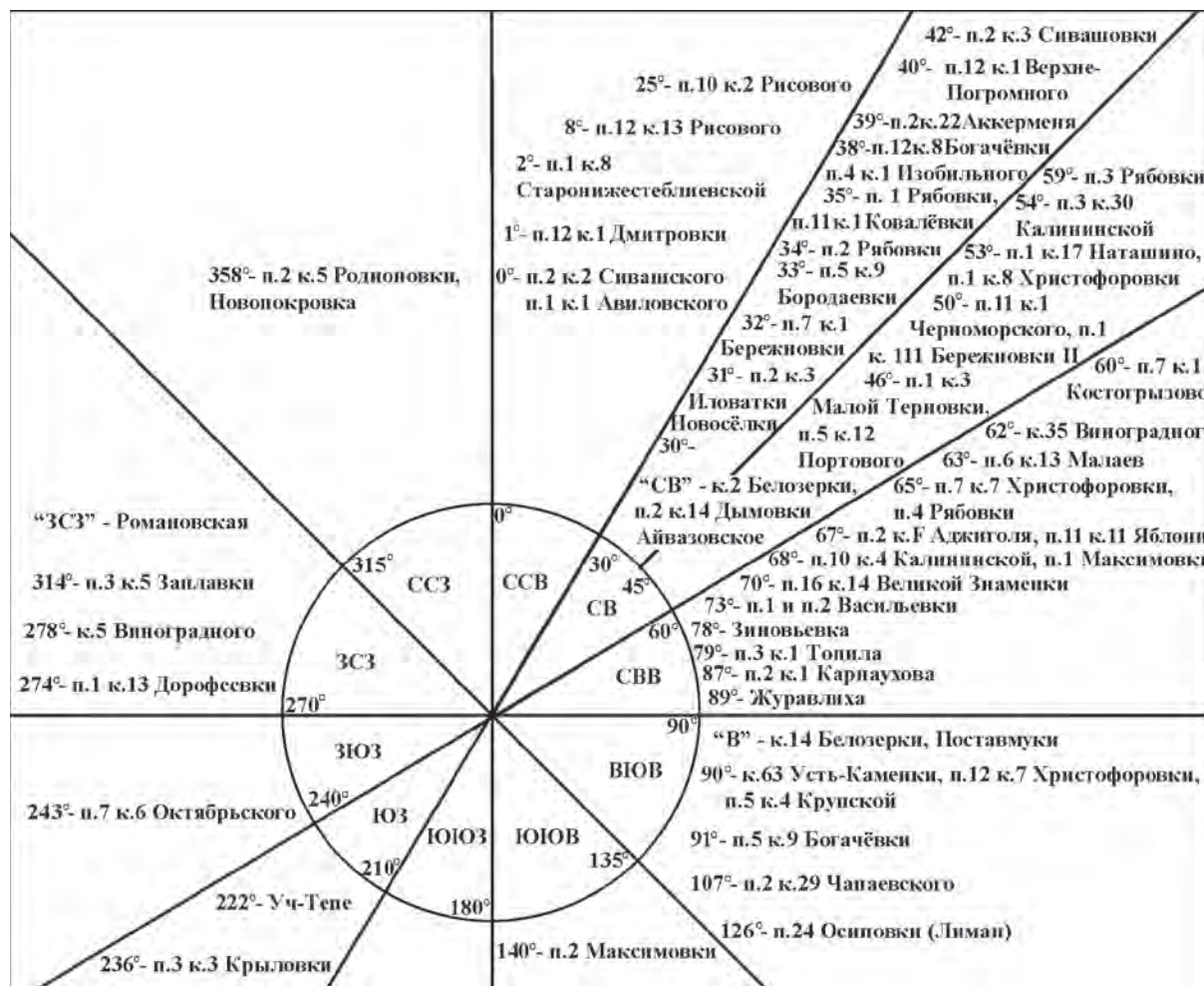

Рис. 50. Ориентировка кочевнических погребений Восточной Европы 2-й пол.VII – нач.VIII в.
 Fig. 50. The orientation of nomads burials of the East Europe of the 2nd half of the VII – the early VIII c.

ровкой, где зафиксированы отклонения в 2-8° и максимальное в 25°. Предположения же о возможности стабильной ошибки в определении севера в 30-91° лишено любого здравого смысла.

Полученный при анализе основной сектор ориентировок 30-91° соответствует точке восхода солнца с конца марта по конец сентября. Это период весенне-осеннего кочевания, причем основная масса погребений полупустынных Присивашья и Северо-Восточного Крыма попадает в наиболее жаркие периоды июня-июля, когда трава в этих регионах совершенно выгорает, а большинство источников воды пересыхает, оставляя лишь соленые озера. Ориентировки же в "осенне-зимний" сектор 90-140° наблюдаем, наоборот, в северной подзоне степи и лесостепи. Нет ли здесь противоречия, особенно учитывая, что степи Северного Приазовья в теоретических разработках исследователи традиционно отводят под зимники кочев-

ников (Тортика О.О., 1999; Аксенов В.С., Тортика А.А., 2001, с.196, 197; Рашев Р., 2004, с.91)?

Объяснить эту ситуацию могло бы предположение, что принцип ориентировки на самом деле предполагал ориентирование не головой в сторону восхода солнца, а ногами в сторону его захода. Но, в таком случае, большинство погребений сивашовского типа должны были быть совершены в самые холодные месяцы года – декабрь-январе, когда часто даже поиск небольших курганов, не говоря уже о рытье ямы, составлял немалые трудности. Еще более определенно этому предположению противоречат погребения из Сивашовки, Сивашского и Костогрызово, умершие в которых были одеты в тонкие кожаные летние сапожки и курточки, а не зимние войлочные чулки и теплые халаты. Также все скелеты северо-приазовской группы не носят признаков оконечения – на момент опускания тел в яму наклонялись головы и ступни, сдвигались

руки, слегка поворачивался корпус. Наконец, группа ритуально нарушенных погребений также противоречит их зимнему вскрытию, поскольку это было не просто трудно совершить, но и оставило бы затечные следы в заполнении.

Остается предполагать только другой вариант – для части рассматриваемой группы кочевников был характерен комплекс скотоводства именно на полупустынных и солонцеватых степных грунтах, близкий к хозяйственному укладу калмыков и казахов XVIII в., с соответствующим подбором пород лошадей и овец, не просто питавшихся, но и нуждавшихся в силу специфического обмена веществ в галофитах (Булатов В.Э., 2000; Масанов Н.Э., 2000). Привычность “сивашовского” скота к полупустынным климатическим условиям и растительности объясняет, почему рассматриваемое население могло находиться в Присивашье летом в длительный аридный промежуток 598-677 гг, по Ю.Л.Раунеру и Г.И.Швецу (Раунер Ю.Л., 1981, табл.1, рис.5; Швец Г.И., 1978, табл.6), в то время как для чуть более влажного VI в. здесь пока не известно ни одного погребения типа Лихачевки или Суханово. Оставаться в узкой полосе северо-западного побережья Азовского моря на протяжении всего сезона могла только очень ограниченная по численности группа населения. Количество известных на сегодня погребений типа Сивашовки действительно просто мизерно на фоне количества памятников других исторических эпох. С другой стороны, их ареал далеко не ограничивается южной подзоной степи и полупустынями, охватывая даже лесостепь и демонстрируя при этом интересную тенденцию преобладания в северной части ареала сектора 60-140°, т.е. именно “зимней” восточной, а не “летней” северо-восточной ориентировки. Почему же не срабатывает, казалось бы, столь детально разработанная с использованием этнографических и исторических параллелей теоретическая схема расселения кочевников Приазовья VII в. А.А.Тортики (Тортика О.О., 1999; Аксенов В.С., Тортика А.А., 2001)?

Очевидно, кроме общих тенденций, в каждом конкретном случае играла роль и специфика традиций кочевания конкретных племен, конкретных родов. К примеру, Н.Н.Крадин обратил внимание на факт отсутствия единой схемы кочевания у монголов и бурятов, придерживающихся разных вариантов перекочевков в зависимости от ландшафта, наличия снежного покрова и продуктивности пастбищ (Крадин Н.Н., 2000, с.146; 2002, с.74, 75). Также очень важна специфика климатических особенностей каждого исторического периода, не учтенная в работах А.А.Тортики, априори предполагающего для VII в. тождественность современным условиям (Тортика О.О., 1999, с.11).

Последние палеоклиматические и почвоведческие исследования позволили сформировать отчетливую картину VI-VII вв. как ксеротермальной аридной фазы суббореального климата с сильной минерализацией (засолением) почв (Раунер Ю.Л., 1981; Баранов И.А., 1990, с.17, 18; Боталов С.Г., Гуцалов С.Ю., 2000, с.186-189; Среда обитания человека..., 2002, с.76-81; Песочина Л.С., 2003, с.147-151). Резко континентальный суббореальный климат эпохи отличался от современного большей континентальностью: сухое жаркое лето сопровождалось суровой и длинной зимой. Греческие источники особо отмечают жестокие зимы 609 и 670 гг, когда замерзало море у Босфора (Афиногенов Д.Е., 1999, с.144, 145; Бучинский И.Е., 1963, с.81). Переход суббореальной эпохи к современному субатлантическому климату, по Ю.Л.Раунеру, начался только около 750 г, после чего наблюдается смягчение континентальности климата и уже постоянное возрастание увлажнения (Раунер Ю.Л., 1981, табл.1). Зимовка в открытой степи VII в., по сравнению даже с IX-X вв., не говоря уже о периоде формирования климатического оптимума XII-XVIII вв., отличалась повышенной степенью риска падежа скота, что несомненно вынуждало кочевников искать другие варианты.

Монголы Онона в схожей ситуации уходили на зиму в защищенные от ветра предгорные долины, а на лето спускались в открытые долины рек; также долинами рек в основном кочевали и буряты (Крадин Н.Н., 2000, с.146, 147). А.А.Тортика обратил внимание на именование болгарских племен 2-й пол.VII в. в “Армянской географии” по названием рек, закономерно предположив, что это отражает привязку их ареала к бассейнам рек (Тортика О.О., 1999, с.10). В свете же этнографических параллелей возможно и более буквальное понимание данной ситуации как отражение системы кочевания именно долинами рек. Чем объяснялась рациональность такой системы для Северного Причерноморья VII в.? Ответ, на наш взгляд, подсказывают рекордно суровые зимы 609 и 670 гг, явно связанные с затяжным аридным периодом 598-677 гг, поскольку годы повышенной солнечной активности всегда сопровождалась более холодными зимами (Абросов В.Н., 1996). В случае малоснежности трава в такие зимы покрывалась прочной ледяной коркой или вовсе вымерзала; а при более снежных зимах ее добывание превращалось в сложную задачу, особенно если процент лошадей в стадах был невысок. Еще один момент: привыкшие в исходном регионе миграции к условиям аридных степей и полупустынь “сивашовские” лошади вообще могли не уметь тебеневать, и на развитие этих навыков, несомненно, ушли бы годы. Выходом в таких ситуациях было использование потенциала низких

заболоченных участков пойм рек, где основу кормовой базы составляли морозоустойчивые камыш и рогоз, добываемые овцами и лошадьми без тебеневки. Вероятно, этим и объяснялось столь глубокое проникновение кочевников в лесостепь, где зафиксированы в основном осенне-зимние показатели ориентировки.

Вариант постоянного проживания кочевников в Приазовье и Присивашье также возможен, ведь и здесь возле заливов располагались богатые плавни. Но в таком случае крайнюю редкость погребений с “зимней” восточной ориентировкой следует объяснять через другую модель, например, наземные погребения, характерные для тюркских народов Сибири (Алексеев Н.А., 1980, с.177-224). Ближе всего здесь параллель с тюрками-тофаларами, практиковавшими летом обряд ингумации с восточной ориентировкой, а зимой сооружавшими небольшие наземные срубы (Алексеев Н.А., 1980, с.216). Но этой версии, в свою очередь, противоречит наличие погребений как с “весенне-осенней”, так и “зимней” (п.2 к.29 Чапаевского) ориентировкой в Восточном Приазовье.

Как видим, имеющихся в нашем распоряжении археологических материалов на сегодня, несомненно, мало для того, чтобы решить проблему маршрутов кочевания населения, оставившего памятники типа Сивашовки, тем не менее они не просто позволяют, а, скорее, даже заставляют, наконец, перевести проблему из чисто теоретической сферы в сферу анализа конкретных археологических реликвий.

Выделяются ли какие-либо закономерности ориентировки памятников сивашовского типа по признаку хронологии? Здесь наблюдается только два значимых факта. Из учтенных 7 погребений с западной ориентировкой 5 датируется нач.VIII в. и только 2 (п.3 к.5 Виноградного и Уч-Тепе) – VII в., указывая на явную тенденцию смены обряда в нач.VIII в. или же, что гораздо более вероятно, на приток нового населения – носителей, оставивших памятники типа Соколовской балки. Несколько другая ситуация в Восточном Приазовье: из 6 учтенных погребений 5 захоронений VII в. ориентированы в секторе 54-107°, т.е. на восток, и лишь п.1 к.8 Старонижестеблиевской нач.VIII в. ориентировано строго на север. Последнее заметно отличается и по другим признакам обряда: кости лошади и жертвенная пища расположены справа, а не слева от умершего, присутствует гончарный сосуд (Атавин А.Г., 1996, с.231; табл.23). Интересно, что именно эти “нетипичные” признаки – строгая северная ориентировка, жертвенная пища и гончарный кувшин слева от головы – мы наблюдали в болгарских погребениях VI в. типа Лихачевки и Суханово Северного Причерноморья, а в VIII-IX вв.

северная ориентировка характерна для могильников Болгарии, где находим и аналогичное расположение костей лошади справа от скелета – п.33 Нови Пазар (Станчев Ст., Иванов Ст., 1958, обр.8). Эти факты заставляют с полной серьезностью относиться к информации конца VII в. пространной редакции “Армянской географии”, располагающей к северу от р.Кубани народ “Огхондор Блкар – пришельцы” (Патканов К., 1883, с.29), т.е. указывая на появления в Восточном Приазовье новой группы болгар – унногундуров, проживавших до конфликта с хазарами где-то в другом месте.

В Северном Причерноморье группа погребений с северной ориентировкой менее выразительна. Ее главное отличие от других погребений заключается именно в меридиональной ориентировке, а хронологически погребения распадаются на 2 группы: п.2 к.2 Сивашского, п.12 к.1 Дмитровки, п.10 к.2 и п.12 к.13 Рисового принадлежат к горизонту Сивашовки, тогда как п.2 к.5 Родионовки и Новопокровка – к горизонту Уч-Тепе. Как видим, эти погребения синхронны основной массе памятников типа Сивашовки и составляют лишь примесь внутри крымской и североприазовской групп, тогда как к западу от Днепра, а также в целом в центральной и северной подзонах степи и в лесостепи погребений с северной ориентировкой нет. Близкая ситуация и в Нижнем Поволжье – единственное погребение с северной ориентировкой из к.1 Авиловского не имеет достаточных признаков для его выделения из группы по хронологии. Похоже, речь идет об органической примеси населения этой традиции в составе “сивашовцев”.

В VI-VII вв. меридиональная ориентировка была характерной для болгарских памятников Северного Причерноморья, для кочевников Приуралья (Мажитов Н.А., 1981) и курганов Восточного Приаралья (Левина Л.М., 1996) – это зона проживания племен западнотюркских диалектных групп, вполне возможно, общего происхождения, но несомненно различавшихся по племенной принадлежности и по особенностям материальной культуры. Но этот кочевнический массив не был единым, поскольку в степях Южного Приуралья и Казахстана в V-VII вв. доминировала другая обрядовая группа с преобладанием восточной ориентировки (Боталов С.Г., 2003, с.124). Как уже отмечалось выше, наиболее ранние погребения с северной ориентировкой из п.2 к.2 Сивашского, п.12 к.13 Рисового и к.1 Авиловского выделяются из общей группы наличием луков с длинными рукоятями, характерными для культуры Восточного Приаралья. В этом же регионе находим аналогии железным пряжкам с фиксаторами на язычках из Сивашского и редкой детали – использованию кольца для стрельбы. На фоне памятников типа Суханово и Иловатки эта

группа отличается также наличием “шкур” коня выше тела умершего, гробовища-колоды. В Северном Причерноморье интересным фактом является высокий процент сомкнутых (или связанных) ног погребенных с северной ориентировкой (4 погребения из 6 – п.10 к.2 и п.12 к.13 Рисового, п.12 Дмитровки, Новопокровка; п.2 к.5 Родионовки разрушено, а в п.2 к.2 Сивашского не исключено первоначальное сведение ног в коленях), тогда как в группе причерноморских погребений с ориентировкой на СВ-В достоверных случаев связывания ног только один – п.11 к.1 Ковалевки. Выше этот процент в Восточном Приазовье – здесь ноги сомкнуты как в погребении с северной ориентировкой (п.1 к.8 Старонижестеблиевской), так и в п.3 к.30 Калининской и п.6 к.13 Малаев с восточной ориентировкой. Как видим, с одной стороны, погребения с северной ориентировкой обнаруживают явные новые “восточные” черты в инвентаре, означающие прилив новых традиций и, возможно, населения, с другой стороны, они очень схожи по обряду с существующими памятниками типа Суханово.

Возможна ли прямая комплексная эволюция памятников типа Суханово в сивашовский тип? В оценке этой гипотезы мы сталкиваемся с первой же проблемой при сравнении количества известных памятников горизонтов Шелюг и Сивашовки, свидетельствующего о резком “демографическом” взрыве на этапе Сивашовки. Гипотезу “взрыва”, впрочем, позволяют “остудить” сравнительные данные географии распространения памятников и погребального обряда. В Северном Причерноморье группа из 3 погребений с северной ориентировкой, со связанными ногами и без сопроводительного погребения лошади сосредоточена в узкой полосе Северо-Восточного Крыма, а 2 других “меридиональных” погребения (Сивашское и Родионовка) – в Северо-Западном Приазовье. Еще один “выплеск” традиций предыдущего этапа в виде п.12 к.1 Дмитровки с северной ориентировкой и связанных ног из п.11 к.1 Ковалевки мы наблюдаем в Побужье. Контурно эти погребения намечают зону распространения памятников типа Суханово, причем их количественное соотношение равно (рис.1). Основную же массу погребений типа Сивашовки в этих регионах составляют погребения с ориентировкой на СВ-В, которая как бы накладывается “поверх” рассмотренной группы, но на самом деле синхронна ей. Эта группа населения не только проникает в Приазовье, Крым, Побужье, но и распространяется на север – в северную подзону степи и даже в правобережную и левобережную лесостепь (Комар О.В., 2002а; см. также: Комар А.В. “Перещепинский комплекс...” в настоящем сборнике, рис.1).

Горизонт Сивашовки приносит в Северное Причерноморье не только широтную ориенти-

ровку (СВ-В и З), но и целый ряд других новых признаков. К признаку I – ориентировка на СВ-В – добавляется и смена правой стороны, с которой преимущественно опускали тело в погребальные ямы на этапе Суханово, на левую. Исключения – погребения из Новопокровки, п.12 к.1 Дмитровки и п.1 к.8 Старонижестеблиевской – все с северной ориентировкой, и лишь п.4 к.1 Изобильного ориентировано на СВ. Признак II – в погребениях массово появляются целые скелеты и отдельные части коней, а также предметы снаряжения коня. Показательно, что костей коня не было и в савирском могильнике Чир-Юрт VII – нач.VIII в. в Дагестане (Магомедов М.Г., 1977; 1983), но на позднем этапе и здесь в курганах появляются предметы снаряжения коня. Похоже, за исключением поволжских памятников типа Шипово, продолжающих традиции гуннского времени, и пока не совсем ясного по дате и культурной принадлежности к.1 II Восточно-Малайского могильника, традиция погребения с конем не была характерной для восточноевропейских кочевнических племен VI в., распространяясь только в нач.VII в. Признак III – смена дощатых гробов-рам на легкие решетчатые или лубовые гробовища, закрытые дощатые гробы с наличием перекрытия и дна из досок (а не только сторон), и на тяжелые гробы-колоды. Признак IV – смена сомкнутого положения ног (возможно, связывания) на свободное, появление взамен случаев связывания рук умершего, а также более радикального обряда “обезвреживания” путем вскрытия могилы и нарушения скелета. Признак V – расположение жертвенной пищи в основном слева от головы умершего и преобладание укладки немясных частей туш баранов, вплоть до символического заменителя в виде одной шкуры (голова и конечности). Признак VI – замена “федератских” византийских поясов на оригинальный кочевнический тип наборного рангового пояса. Признак VII – изменение способа орнаментации лепной посуды расчесами и линиями на защипы по венчику. Признак VIII – появление в погребениях комплекса вооружения: сложного лука и стрел, мечей, боевых ножей. Признак IX – изменение типов железных предметов: ножей с горбатой спинкой на ножи с прямой спинкой и кривые; овальных кресал на калачевидные; появление “архаичных” железных язычков пряжек с фиксаторами на заднем конце. Признак X – появление берестяных тисненых предметов и ремесленных навыков обработки бересты и луба. Признак XI – появление группы предметов центральноазиатского происхождения: колчанов с расширенным карманом, седел тюркского типа, деревянных блюд-столиков, кресал с пряжкой для подвешивания к ремню, тупых деревянных наконечников стрел; а также группы предметов с вос-

точноприаральскими параллелями – уже упомянутые сложные луки “авиловского” типа, железные пряжки с язычком с упором, зеркала с ручкой, косяные кочедыки.

Признаки VI и VIII отражают, прежде всего, изменения социально-политические – формирование военизированного общества с развитой социальной и ранговой стратификацией. Тенденции развития поясных деталей восточноевропейских кочевников 2-й пол.VI – 1-й трети VII в. довольно очевидно указывают на заимствованный характер наборных поясных комплектов “геральдического” стиля. Население, оставившее памятники сухановского типа, под влиянием моды нижнедунайских федератов 3-й четв.VI в. не носило наборных поясов до конца VI в., и только на рубеже VI-VII вв. или в 1-й четв.VII в. к нему проникает уже развитая в другой (провинциально-византийской) культурной среде традиция наборного пояса со свисающими ремешками горизонта Садовец-Шелюги, причем именно этот стиль поясов с двучастными накладками у кочевников VII в. так и не прижился. Другую – “поволжско-приуральскую” линию развития наборов “геральдического” стиля наблюдаем в Иловатке. Проникновение этого стиля поясов к кочевникам также произошло на рубеже VI-VII вв., т.е. довольно поздно, когда в других культурах наборные пояса уже активно использовались. Эта линия с щитовидными и “двурогими” бляшками стала в степи VII в. доминирующей, как мы уже подчеркивали выше, благодаря ранговой нагрузке щитовидных бляшек. Благотворствовало такой ситуации, вероятно, все то же ранговое значение щитовидных бляшек в воинских поясах византийских федератов 2-й пол.VI – 1-й пол.VII в. Подунавья и Крыма (Плевен-Кайлка, п.1 с.74 Лучистого, мог.1867 г Керчи, склеп 449 Скалистого), а с другой стороны – появление щитовидных бляшек с прорезью внизу в составе китайских служебных поясов династии Тан (Balint Cs., 1992, Taf.2, 2), с которыми А.К.Амброз связывал и происхождение европейских поясов с псевдопряжками. Учитывая, что к 30-м гг VII в. кочевники Восточной Европы все еще находились под культурным влиянием союзника Византии и Китая – Западнотюркского каганата, отдельные “отголоски” влияния Китая не следует полностью отрицать. Создание же на этапе Сивашовки собственного кочевнического типа рангового пояса с использованием щитовидных бляшек византийского облика и золотых наборов с грануляцией сасанидского облика следует рассматривать как амбициозную попытку возвести себя в ранг мощнейших государственных образований Евразии – Византии, Персии, Китая, предпринятую новым политическим образованием кочевников Восточной Европы.

Признаки VII и IX могут отражать не только культурные, но и хронологические изменения. Признак X малопоказателен в силу плохой сохранности органики в погребениях. Признак XI отражает несомненный приток в Европу в сер.VII в. нового “восточного” населения, под политическим и культурным влиянием которого находилось население, оставившее памятники сивашовского типа. И только группа признаков I-V указывают на несомненную смену культурного типа, связанную с притоком нового населения с другими культурными традициями.

На этапе Сивашовки носители нового культурного типа проникают в Северное Причерноморье, Нижнее Подонье и Восточное Приазовье. Несколько иная ситуация вырисовывается в Нижнем Поволжье, где по сравнению с горизонтом Иловатки изменений гораздо меньше. Так, ориентировка большинства погребений горизонтов Сивашовки и Уч-Тепе здесь осталась такой же – в сектор 30-60° (признак I). Руки погребенного из п.2 к.3 Иловатки прижаты к тазу, ноги нарушены (признак IV); дощатый закрытый деревянный гроб находит аналогии в п.12 к.8 Богачевки горизонта Сивашовки (признак III). Пояс из Иловатки вмещает щитовидную и “двурогую” бляшки, находящие развитие в следующих горизонтах (рис.49) (признак VI). Боевой нож с Р-образными скобами, подвешенный горизонтально спереди на поясе, указывает на несомненно среднеазиатский способ его ношения (признак XI). Эти наблюдения позволяют предположить, что население саратовского Поволжья на этапе Сивашовки осталось в целом прежним, хотя и подверглось новой волне культурного влияния со стороны “сивашовцев”.

Вопрос “миграции” или “эволюции под внешним влиянием” для времени эпохи Великого переселения народов выглядит почти риторическим – рассчитывать на обнаружение прямой генетической линии кочевнических памятников восточноевропейской степи этого периода довольно проблематично. Но оценить степень миграции, направление связей каждой из вновь появившихся культурных групп вполне реально. Обратим внимание на вещевые наборы памятников типа Лихачевки, Суханово, Сивашовки.

Из характеристики комплексов типа Лихачевки (Комар А.В., 2004а) устанавливаются связи появившегося населения с Поволжьем, а по сережкам с ребристым утолщением – и более дальние, с Восточным Приаральем. В целом же облик культуры уже вполне “европеоидный”, т.е. это население мигрировало не далее как из зоны Заволжья – Приуралья и очень быстро включилось в орбиту европейских ремесленных и культурных связей.

Памятники типа Суханово отображают еще более тесную связь с европейскими традициями

– до момента миграции в Северное Причерноморье это население уже поддерживало тесные контакты с нижнедунайскими провинциями Византии, и лишь на позднем этапе в их составе появились предметы среднеазиатского ювелирного стиля, отражающие включение этой группы населения в зону “престижной моды” I Тюркского каганата.

На этапе Сивашовки мы наблюдаем продолжение выразительных византийских связей в типах пряжек и отдельных поясных деталях рядового населения, но целый ряд прямых параллелей с культурой населения Восточного Приаралья и тюркского населения Алтая указывают на несомненный новый культурный импульс из этого региона, связанный с притоком в Европу новой группы тюркского населения из Средней Азии. В предметах женских украшений со вставками продолжается тот же тюркский стиль круга Морской Чулэк – Глодосы, а вот мужские пояса с грануляцией обнаруживают не только выразительные параллели в оформлении сасанидских поясов и оружия этого времени (Balint Cs., 1978, fig.4; 8; 14; 1992, Taf.4; Орлов Р.С., Рассемакин Ю.Я., 1996; Комар О.В., 2000б), но и прямые свидетельства контактов, о чем говорят бляшка узды из п.3 к.5 Виноградного с пехлевийской надписью (Орлов Р.С., Рассемакин Ю.Я., 1996, рис.3, б) и перстень с пехлевийской надписью из Уч-Тепе (Иессен А.А., 1965, рис.34). По сравнению с погребениями типа Лихачевки и Суханово, это население обладало гораздо более выраженными “восточными” чертами, а вещевой набор комплексов сивашовского типа акцентирует внимание на трех главных осях культурных контактов: среднеазиатские тюрки, сасанидский Иран и Византия.

Откуда появилось “сивашовское” население, быстро занявшее на этапе Сивашовки ([post] 643 – [post] 669 г) столь обширные пространства степей Восточной Европы? Вполне очевидно, что истоки этой группы вряд ли восходят к небольшой группе погребений с восточной ориентировкой типа Суханово из региона Поднестровья – Побужья. В VI-VII в. погребения с восточной ориентировкой в сопровождении шкуры коня доминируют только в одном регионе – Южном Приуралье (Боталов С.Г., Гуцалов С.Ю., 2000; Боталов С.Г., 2003). Близкие тюркские погребения, но уже в основном с целым скелетом коня известны и в зоне расселения племен Западнотюркского каганата у р.Чу и Иссык-Куля (Шер Я.А., 1963; Абетеков А.К., 1967), в Средней Азии и Казахстане (Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г., 1994; Нурмуханбетов Б., 1969). На Алтае погребения с восточной ориентировкой и целым скелетом коня характерны для памятников берельского типа (V – 1-я пол.VI в.) (Гаврилова А.А., 1965; Савинов Д.Г., 1984). Позже восточная ориентировка здесь отмечена в памятниках катандинского (в основном

VIII в.) и курайского типов (IX-X вв.), а погребения VI-VII вв. с такой ориентировкой открыты в основном на Западном Алтае (Гилёво VIII) (Гаврилова А.А., 1965; Савинов Д.Г., 1982; Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г., 1994). В Туве к этому типу принадлежит погребение VI в. из Улуг-Хорума, позволившее Д.Г.Савинову отнести к VI-VII вв. всю группу тувинских погребений с восточной ориентировкой (Грач В.А., 1982; Савинов Д.Г., 1984). В целом же, по мнению Д.Г.Савинова, единство обряда и вещевого набора территориально отдаленных тюркских памятников VI-VII вв. связано с распространением одной группы населения – носителей этих культурных традиций. Исходную точку миграции исследователь связывает с Алтаем, а само население – с тюрко-телесскими племенами I Тюркского каганата, поскольку, согласно китайским источникам, “туцзюэсцы их силами геройствовали в пустынях севера” (Савинов Д.Г., 1984; Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г., 1994). Также с военной активностью I Тюркского каганата связывает появление подобных погребений в Южном Приуралье и С.Г.Боталов (Боталов С.Г., Гуцалов С.Ю., 2000; Боталов С.Г., 2003).

Суммируя изложенные наблюдения, можно заключить, что появление носителей, оставивших памятники типа Сивашовки, в Восточной Европе, скорее всего, было связано с “миграционной политикой” I Тюркского каганата или, скорее Западнотюркского. К 1-й трети VII в. это население должно было проживать где-то к востоку от Волги, но явные культурные контакты с Ираном, Византией, Восточным Приаральем и алтайскими тюрками заставляют искать такой исходный регион, который удовлетворял бы ситуации соседства. Другой вариант объяснения сводится к принадлежности “сивашовцев” к крупному политическому образованию, контактировавшему в одинаковой степени со всеми перечисленными регионами и государствами.

Последний вариант несомненно выводит нас на проблему соотношения памятников типа Сивашовки и памятников круга Перещепины, выделенных А.В.Комаром по признаку обряда в комплексы келегейского типа (см. Комар А.В. “Перещепинский комплекс...” в настоящем сборнике). Разница в имущественном положении уже сама по себе вызывает сомнения в том, что памятники круга Перещепины могут являться самостоятельной “сверхбогатой” культурной группой, детально же рассмотренные выше вопросы хронологического соотношения комплексов сивашовского типа с Перещепиной позволяют уверенно утверждать синхронность существования двух субкультур: рядового населения (погребения сивашовского типа) и высшей знати (комплексы келегейского типа). Комплексы келегейского типа распадаются на три

хронологических горизонта: горизонт Макуховки, соответствующий горизонту Сивашовки ([post] 643 – [post] 669 г), горизонт Келегеев, соответствующий горизонту Уч-Тепе ([post] 669 – [post] 698 гг), и горизонт Романовской (Вознесенки), соответствующий фазе I горизонта Шиловки ([post] 698 – около 725 гг). Первые два горизонта отражают период активного существования памятников типа Сивашовки, тогда как на этапе Шиловки фазы I в Северном Причерноморье фиксируются только два погребения с ориентировкой на СВ-В – п.11 к.11 Яблони и к.63 Усть-Каменки, зато возрастает доля погребений с западной ориентировкой. Следовательно, “сивашовское” население проживало в Северном Причерноморье в основном во 2-й пол.VII – нач.VIII в., синхронно собственникам богатейших комплексов из Перещепины, Глодос, Вознесенки.

Политические связи рядовых подкурганых погребений с комплексами келегейского типа маркируют и находки золотых византийских монет. В п.24 Осиповки находился солид Ираклия и Ираклия Константина 613-629 гг (Беляев О.С., Молодчикова И.О., 1978, рис.2, 4), подражание которому было в Келегеях; в погребении из Печеной найден аналогичный перещепинским солид Ираклия и Ираклия Константина 629-632 гг (Гошкевич В.И., 1903, с.29; Залеская В.Н. и др., 1997, с.28); в разрушенном кургане из Екатеринославской губернии (Голенко К.В., 1956) находились отливки с двадцатикаратного солида Константа II выпуска 643-646 гг, аналогичного солидам из Перещепины и Новых Санжар; солид Константа II выпуска 646-651 гг найден в погребении из Журавлихи (Стрѣхар М.М., 1992, с.197). Показателен еще один момент: погребения из Журавлихи и Осиповки расположены в лесостепи так же, как и группа комплексов высшей знати: Перещепина, Новые Санжары, Макуховка, Глодосы. Наряду с погребениями из Поставмук, Рябовки, Арцибашева, Березовки, Белой Церкви, Геленовки, эти комплексы отражают глубокое вторжение кочевников в лесостепь, вызвавшее массовое выпадение “антских” кладов (Артамонов М.И., 1990; 2002б; Щеглова О.А., 1990).

Как показывает анализ вещевого набора и элементов обряда комплексов высшей знати (см. Комар А.В. “Перещепинский комплекс...” в настоящем сборнике), культура представителей этого социального уровня в целом отражает тот же круг культурных и политических контактов, что и культура комплексов сивашовского типа – Византия, Иран, Согд, алтайские тюрки. Но “восточная” или “центральноазиатская” составляющая в них выражена гораздо ярче, что заставило еще А.И.Семенова поднять вопрос о наличии в Восточной Европе археологических следов тюрков (Семенов А.И., 1988). То же впечатление при анализе п.3 к.5 Вино-

градного возникло у Р.С.Орлова и Ю.Я.Рассамакина (Орлов Р.С., Рассамкин Ю.Я., 1996); а А.В.Комар пришел к выводу об этнической и культурной двукомпонентности рассматриваемого населения, включавшего тюркский (“центральноазиатский”) компонент, наиболее выразительно представленный в комплексах высшей знати, и “тюрко-телеский” компонент, в основном в виде рядового населения и многочисленной родовой знати.

Прослеженная на примере поясных наборов четкая ранговая система стратификации общества указывает на несомненно развитые традиции государственного управления. В этой системе отличие культуры высшей знати, имеющей, согласно представлениям древних тюрков, “божественное происхождение”, полностью отвечало государственной “имперской” идеологии. Древнетюркские Бугутская надпись (около 581 г) и более поздние надписи в честь Бильге-кагана и Кюль-тегина (735 и 732 гг) устами представителей каганской семьи декларируют идею божественного происхождения самой государственной власти и социальной структуры Тюркских каганатов, объявляя их основой единства народа и государства (Кляшторный С.Г., 2003, с.491-494).

На сегодняшний день есть все основания утверждать, что памятники сивашовского типа представляют собой лишь компонент общей государственной культуры, включавшей комплексы различного социального уровня. Название этой культуры – “перещепинская” – было предложено классиком отечественной номустики М.И.Артамоновым еще в 1975 г (Артамонов М.И., 2002б) и поддержано А.И.Айбабиным, С.А.Плетневой, Е.В.Кругловым, А.В.Комаром. Подразумевать же под термином “памятники сивашовского типа” следует общий пласт довольно разнообразной культуры рядового населения перещепинской культуры, для которого характерен обряд ингумации в вытянутом на спине положении с ориентировкой в восточном секторе, часто в сопровождении погребения костями коня. На сегодня термин “сивашовский тип” потерял свое локальное значение, поскольку региональные отличия восточноприазовской и нижневолжской групп не настолько значительны, чтобы заслуживать выделение в отдельные типы. Невозможно вложить в этот термин и жесткое обрядовое значение, поскольку в группе встречаются впускные, основные подкурганые и бескурганые погребения; подбои, “полуподбои”, простые ямы, ямы с заплечиками и катакомбы; рамчатые, дощатые, лубяные гробовища и гробы-колоды; связанные руки и связанные ноги умерших; “шкура” (растянутая, сложенная, набитая в чучело), часть или целая туша коня; “мясные”, “немясные” и “комбинированные” части овцы; керамические сосуды и

деревянные блюда и т.д. Разнообразие признаков погребального обряда и их комбинаций не позволяют считать обряд унифицированным, а следовательно, не существует “эталонных” комплексов. Вполне очевидно, что речь идет именно о субкультуре кочевников одного хронологического и социального срезов, объединенных в рамках одного политического образования.

Идентификация кочевнического политического объединения, оставившего памятники перещепинской культуры, на сегодня сводится к двум основным версиям: “булгарской” и “хазарской”, наверное, символично разделяемым двумя соавторами настоящей работы, соответственно, Р.С. Орловым и А.В. Комаром. Обе версии имеют свои основания, свою логику, свои сильные и слабые стороны. Но главное, сторонники существования в Восточной Европе сер. VII в. независимых государственных объединений кочевников – “Великой Булгарии” и Хазарского каганата – просто обречены обращаться в своих исследованиях к памятникам перещепинской культуры, поскольку другой группы археологических памятников восточноевропейских кочевников этого времени не существует. Мы надеемся, что толерантность рассмотрения проблемы в настоящей работе позволит перевести уже традиционно сложившееся историографическое “непримиримое противостояние” концепций в более продуктивное русло обсуждения реальных фактов, реальных научных вопросов, а не авторских дедуктивных конструкций.

Начнем с первой версии о соответствии перещепинской культуры объединению вождя уннундуров Куврата “Большой (Великой) Булгарии”, но попытавшись рассмотреть не общеисторические гипотезы, а пока мало разработанный вопрос исторической судьбы “сивашовского” населения.

Согласно гипотезе Д. Димитрова и Р. Рашева, рядовое население перещепинской культуры, отождествляемое с одним из булгарских племен: кутригурами, утигурами или уннундурами, не позднее 680 г должно было ожидать переселение в Болгарию, остатки же булгарского населения могли локализоваться в Прикубанье под предводительством Батбаяна. Другую версию предлагают Г.И. Матвеева, А.В. Богачев, Р.С. Багаутдинов и Д.А. Сташенков, предполагающие миграцию булгар-“сивашовцев”, не тождественных ни уннундурам, ни волжским булгарам, в самарское Поволжье.

Рассмотренная нами картина эволюции материальной культуры кочевнического населения степей Северного Причерноморья VI-VII вв. позволила отождествить с кутригурами и утигурами памятники типа Лихачевки и типа Суханово, находящие пока реальное продолжение в горизонте Сивашовки лишь в небольшой “группе Рисового”, т.е.

как возможные включения в состав “сивашовцев” отдельных этнических групп “сухановского” происхождения. В середине или 2-й пол. VII в. степи Северного Причерноморья и Восточного Приазовья занимает новая группа населения – “сивашовцы”, которые становятся доминирующим кочевым этносом Восточной Европы на протяжении всей 2-й пол. VII в. Погребение 5 к. III Мадары более чем прозрачно указывает, что до переселения в Болгарию уннундуров Аспаруха принадлежали к культурному кругу перещепинской культуры, но погребальный обряд и довольно определенные черты обряда прабулгарских могильников Болгарии VIII-IX вв. характеризуют уннундура как носителей северной ориентировки, для которых было характерно расположение целой или частей лошади в погребении справа от человека. Этот обряд наблюдаем в нач. VIII в. и в п. 1 к. 8 Старонижестеблиевской в Прикубанье, где, согласно “Армянской географии”, появляются в это время “Огхондор Блкар – пришельцы” (Патканов К., 1883, с. 29). В сер. VIII в. в Прикубанье возникает могильник Казазово, погребения которого ориентированы на СЗ-С и В-ЮВ, возможно, отражая смешение двух групп населения, известных в Восточном Приазовье в кон. VII – нач. VIII в., причем у многих погребенных ноги перекрещены (очевидно, связаны) (Тарабанов В.А., 1983).

И в п. 1 к. 8 Старонижестеблиевской, и в могильнике Казазово сопровождающая погребения посуда гончарная. Это же касается и прабулгарских могильников Болгарии VIII-IX вв., где известен целый ряд типов посуды “салтовской” традиции (Дончева-Петкова Л., 1977, с. 53-67, 70, 71, 78, 79; Fiedler U., 1992, Abb. 26-30), вызвавшей закономерное предположение, что уннундуров Аспаруха принесли ее в Болгарию с Северного Кавказа (Флёрв В.С., 1983, с. 105-107; Ангелова С., Дончева-Петкова Л., 1990, с. 63-67). Показательно в этом плане, что гончарный кувшин найден даже в кутригуро-утигурском п. 4 Животино 1-й пол. VI в. (Медведев А.П., 1990, рис. 29, 4), в то время как в погребениях сивашовского типа представлены только лепные горшки и кувшины.

Сравнивая погребальный обряд и традиции уннундуров кон. VII – VIII в. с “сивашовцами”, мы фиксируем их несомненное различие, никак не позволяющее провести возможность прямой генетической связи. Совершенно другая ситуация возникает при оценке гипотезы Г.И. Матвеевой о связи “сивашовцев” с населением, оставившим памятники VIII в. новинковского типа в самарском Поволжье (Матвеева Г.И., 1997; Багаутдинов Р.С. и др., 1998; Богачев А.В., 1998). Элементы сходства здесь включают ориентировку погребений, сочетание простых ям, ям с заплечиками и подбоев, ритуаль-

ное разрушение скелетов, наличие в погребениях “шкуры” коня и частей его туши, сходство типов лепных горшков и кувшинов, а также приемов их орнаментации, сходство типов седла, лука, серег, зеркал. Степень сходства памятников сивашовского и новинковского типа достаточно высока, чтобы говорить о родственности населения, а в сочетании со стыком хронологии можно с оговорками допускать и их прямую генетическую связь (Комар А.В., 2001а).

Памятники новинковского типа существуют в Поволжье до кон. VIII в. Дальнейшая судьба населения не известна, но наличие отдельных новинковских элементов культуры в ранних погребениях 2-й пол. VIII в. Кайбельского могильника (Стащенко Д.А., 2005) позволяет заключить, что часть новинковцев в это время была включена в состав волжских булгар и полностью ассимилировалась ими уже к нач. IX в. Другая часть населения основала Нетайловское поселение напротив Верхнего Салтова и оставила близкий по обряду новинковским Нетайловский могильник 2-й пол. VIII – нач. X в. (Комар А.В., 2001а).

Полученная картина заставляет совершенно по-другому взглянуть на состав населения “Большой Булгарии” Куврата в реконструируемой “археологической” модели. Ее основную и наиболее активную часть населения составляли “сивашовцы” – население, родственное тюрко-телесским племенам Южного Приуралья и Казахстана, но отличавшееся по обряду от булгарских племен VI в. – кутригуров и утигуров, а также и от уннугундуrow кон. VII – VIII в. Появившись на арене в сер. VII в., эта группа уже в 60-70-х гг VII в. пережила разгром Булгарии хазарами, но не ушла в Подунавье с Аспарухом, а оставалась на своих землях до нач. VIII в., когда мигрировала в Среднее Поволжье, оставив там памятники новинковского типа. Часть “новинковцев” оказалась в составе волжских булгар, другая – в салтовском ареале бассейна среднего течения Северского Донца (Нетайловка), третья составила компонент населения, оставившего могильник Казазово в Прикубанье. Этот неизвестный булгарский народ (например, “котраги” Феофана и Никифора, которые, в таком случае, не тождественны более ранним кутригурам), сыграв главную историческую роль в событиях VII в., неожиданно сошел с исторической арены, не оставив ошутимого следа.

Вне всякого сомнения, предложенная модификация “булгарской” версии вызывает много вопросов и противоречит многим высказанным ранее мнениям и концепциям, прежде всего, “уннугундурской” линии. Но в настоящей ситуации только такая модель может сочетаться с данными археологии, или же предпочтение следует отдать другой – “хазарской” версии.

Открытие памятников соколовского типа на время вызвало заметное оживление в хазароведении, позволив отождествить, наконец, конкретные кочевнические погребения с историческими хазарами. Тем не менее, хронология памятников этого круга не позволяет датировать их ранее нач. VIII в. (см. Комар А.В. “Перещепинский комплекс ...” в настоящем сборнике), в то время как хазары известны в Европе по письменным источникам со 2-й пол. VI в. Одновременно, памятники соколовского типа исчезают не позже кон. VIII – нач. IX в., что опять оголяет проблему хазар IX-X вв. Чем объясняется это противоречие, особенно в контексте того факта, что в нач. VIII в. наиболее богатые комплексы с наиболее яркими центральноазиатскими элементами культуры известны не к востоку от Дона, а в Поднепровье (Вознесенка, Глодосы, Ясиново, Новые Санжары), причем составляют одну культурную группу с Перещепиной и комплексами ее хронологического горизонта? И почему “соколовцы”, сыграв роль основного кочевого этноса в степях Хазарии VIII в., бесследно исчезают в IX-X вв.? Ответ на это вопрос лежит в плоскости понимания сути Хазарского каганата не как государства конкретно-го этноса, в как государства *династии*.

Источники VII-VIII вв. единогласно считают хазар племенем тюрков, причем наиболее информированные о тюрках китайские источники 1-й пол. VII в. локализируют “туцзюэский род Хеса” (“Кэса”) на север от Персии, на северо-восток от Византии и на северо-запад от Приаралья (Бичурин Н.Я., 1950, с.315, 326, 329; Малявкин А.Г., 1989, с.84, 272), уже в одних географических терминах четко очерчивая весь круг культурных контактов “сивашовского” населения. “Тюркская” принадлежность хазар объясняет наличие алтайских и центральноазиатских элементов культуры в целом, но не совсем понятным в таком случае становится, почему “сивашовцы” гораздо ближе не к непосредственно культуре алтайских тюрков, а к телесскому населению Казахстана и Южного Приуралья. Проясняет эту ситуацию уйгурская Тэсинская руническая надпись VIII в., называющая хазар и барсилор в числе предков уйгуров – племен телесской группы Западнотюркского каганата (Кляшторный С.Г., 1983). В реконструируемой модели раннего Хазарского каганата VII в. выделяются две основных группы населения, составлявшие костяк государства: тюркская верхушка (каган и его ближайшее окружение) и рядовое население телесского происхождения, чьими силами, по выражению китайских источников, тюрки “геройствовали в пустынях севера”.

Родственность хазар и барсилор помогает объяснить не только факт их взаимосвязи в источниках VII-VIII вв., а и происхождение нижеволж-

ской группы памятников, аналогичной по обряду сивашовским, но по расположению хорошо соответствующей локализации барсиллов “Армянской географии” (Патканов К., 1883, с.30, 31). Сейчас трудно оценить, насколько “сивашовцы” могут оказаться самими барсилами, воспринимаемыми как “хазары” (Цукерман К., 2001, с.329), но барсилами действительно могут быть “новинковцы”, поскольку это племя в IX-X вв. зафиксировано источниками в составе волжских булгар. Пример формирования Волжской Булгарии, искусственно составленной хазарами в Нижнем Прикамье из группы булгар, дагестанских савиров, нижеволжских барсиллов и местного мадьярского племени эскел, наглядно демонстрирует, что хазары мало обращали внимание на “заслуги” этих племен в VII – нач.VIII в., отдавая предпочтение актуальным военно-политическим запросам.

“Сивашовцы” появляются в Северном Причерноморье не ранее 2-й пол.VII в., иначе трудно объяснить наличие в Сивашовке алтайских типов седла и колчана, возникающих у самих тюрков только в это время, и однолезвийного меча с длинной рукоятью и двусторонней заточкой острия, также находящего продолжение в оружии кон.VII – VIII в. Формирование комплексов горизонта Сивашовки в основном приходится на 50-60-е гг VII в. – люди, оставившие их, достигали воинской зрелости и умирали в основном в рамках 3-й четв.VII в., причем показательный момент: среди достоверных погребений горизонта Сивашовки из детских и женских известно пока лишь одно п.2 к.22 Аккермена, другие принадлежат к следующим горизонтам. Эта ситуация очень близка обстоятельствам и времени хазарской экспансии в Северном Причерноморье – около 665 г (см. Комар А.В. “Перещепинский комплекс...” в настоящем сборнике). Во 2-й пол.VII в. “Армянская география” к северу от Кубани фиксирует уже “народы Турков и Болгар” (Патканов К., 1883, с.29), указывая на приток новых тюркских групп населения и сюда, на что, вероятно, следует обратить внимание Р.Рашеву, безапелляционно отбрасывающему возможность небулгарской принадлежности кочевнических памятников Восточного Приазовья (Рашев Р., 2004, с.114). Около 700 г упоминает Кубань в числе рек Хазарии и Раввенский географ (Подосинов А.В., 2002, с.191). Контроль этого региона хазарами несомненно объяснялся стратегическим значением Боспора, надолго превратившегося в один из опорных пунктов Хазарии. Наконец, откровенно трудно интерпретировать иначе как хазарские погребения кочевников 2-й пол.VII – нач.VIII в. из славянской лесостепи, особенно погребения Киевщины – Журавлиху, Геленовку, Белую Церковь, явно отражающие реальные исторические предпосылки возник-

новения легенды о полянской дани хазарам (Ипатьевская летопись, 2001, с.12).

В период 711-716 гг, когда основные войны хазар из Северного Причерноморья переместились назад на Северный Кавказ, “сивашовцы”, которые до этого составляли ударную силу каганата, неожиданно оказались на периферии событий оттеснившими их на “задний план” более активными и более полезными кагану новыми племенами, оставившими памятники соколовского типа. В этой модели “сивашовцы” выступают “истинными” хазарами, т.е. не тюрками, а именно тем племенем телесского союза *qasaq*, которое, собственно, и дало название всему объединению, несмотря на тюркскую династию Ашина во главе, определившую выразительно “центральноазиатский” облик комплексов круга Перещепины.

“Тюрко-хазарская” версия принадлежности перещепинской культуры хорошо объясняет происхождение всех ее культурных компонентов, развитую военно-социальную стратификацию, соответствует ареалу, общей хронологии образования Хазарского каганата и этапам его экспансии в Восточной Европе. Наконец, выразительные центральноазиатские элементы в вещевых наборах как высшей знати, так и рядового населения (которые не идут ни в какое сравнение с уже полностью “европеизированными” комплексами погребений VIII в. соколовского типа), датирующиеся именно 2-й пол.VII в. и находящие дальнейшее развитие в культуре алтайских тюрков и киргизов VIII-IX вв., отражают несомненный приток во 2-й пол.VII в. в Европу новой “восточной” волны кочевников, совпадающей с миграцией хазар. В определенном смысле “хазарская” версия соответствует и данным письменных источников о доминировании среди булгарских племен накануне хазарской экспансии союза уннугундугов, иначе возникает закономерный вопрос, какое племя все-таки отражают “сивашовцы”, и почему оно отличается по традициям от несомненно близких между собой булгарских памятников типа Лихачевки (кутригуры), Суханово (утигуры) и памятников уннугундугов кон.VII – VIII в.

В пользу “хазарской” версии работает еще одно обстоятельство, которое долгое время успешно использовалось скептиками, – возможность разделения кочевнических памятников рассматриваемого периода по этническому признаку. Распространенные представления о чрезвычайной близости культур булгар и хазар этого времени подразумевают существование единого культурно-экономического, а следовательно, и политического пространства, в рамках которого было возможно подобное сосуществование. Версии о вычленении “Великой Булгарии” и Хазарского каганата из Западнотюркского каганата обращают наше внимание на рубеж

630-632 гг, после которого культуры болгар и хазар должны были развиваться уже самостоятельными путями. Но именно этот рубеж и маркирует начало формирования перещепинской культуры, которое, как мы убедились, в основном приходится на 2-ю треть VII в. Совершенно очевидно, что в условиях реконструируемого историками политического и военного противостояния “Великой Булгарии” и Хазарского каганата, перещепинская культура могла принадлежать только одному из этих образований, тогда как второму просто не находится места в степях Восточной Европы VII в.

Проблему помогают решить болгарские источники. “Именник” болгарских князей, перечислив правителей из рода Дуло: легендарных “Авитохолу” (Агтилу) и “Ирника” (Эрнака), заместника “Гостуна”, Курта (Куврата) и “Безмера” (Батбаяна), сообщает, что “Сии 5 князь дрѣжаше княжение обоку страну Дуная лет 500 и 15 остриженами главами” (Тихомиров М.Н., 1946, с.87). По мнению М.И.Артамонова, данная ремарка восходит к представлениям народов, практиковавших ношение кос и длинных волос и воспринимавших “стриженные главы” как признак рабского, зависимого положения (Артамонов М.И., 1936, с.82, 83). Г.Г.Литаврин оценивает информацию “Именника” как отражение реальной зависимости болгар от других народов (гуннов, авар, тюрков) до момента образования Аспарухом ханства на Дунае (Литаврин Г.Г., 2001, с.327). Другими словами, “Именник” считал болгарских вождей “Первой” или “Большой” Булгарии – Куврата (Курта) и Батбаяна (Безмера) – в одинаковой степени зависимыми от хазар. В этом варианте единство культуры разноэтничных кочевников степей Восточной Европы 2-й – 3-й третей VII в. действительно возможно, но связано оно может быть только с политическим доминированием здесь Хазарского каганата.

Инвентарь болгарского п.5 кургана III Мадары принадлежит к горизонту Уч-Тепе – Келегеи и датирует его последней третью VII в. Ко времени совершения погребения (не ранее 681 г) унногундуры Аспаруха уже определенный период проживали отдельно от племен Хазарского каганата, тем не менее, репрезентированная мадарским погребением культура вполне вписывается в культурный контекст перещепинской. Этот факт несомненно свидетельствует, что до миграции болгар в Болгарию унногундуры, даже несмотря на явные различия в погребальном обряде с “сивашовцами”, все же входили в состав рассматриваемого нами культурного круга.

“Компромиссный” вариант разделения памятников типа Сивашовки между булгарами и хазарами уже предлагался А.И.Айбабиным. К сожалению, сделано это было по хронологическому признаку,

который не решает проблемы появления новых признаков культуры или нового населения на этапе Сивашовки. Если же попытаться учесть признаки обряда, то в отдельную группу можно выделить п.10 к.2, п.12 к.13 Рисового, Новопокровку и п.12 к.1 Дмитровки с “булгарскими” или “сухановскими” признаками обряда; также сюда условно можно отнести и п.2 к.2 Сивашского с северной ориентировкой, но уже с явным “сивашовским” влиянием. Теоретически, конечно, можно допустить, что эта группа лишь вплотную примыкает к горизонту Сивашовки, на самом деле датируясь 2-й четв.VII в. (условно: “горизонт Рисового”) и предшествуя появлению основной массы “сивашовцев”. Тогда в этом варианте мы просто получаем позднейшую группу погребений типа Суханово, но не разрываем культурного и этнического единства памятников типа Сивашовки и перещепинской культуры в целом, а следовательно, подобный “хронологический раздел” памятников лишь “очищает” сивашовский тип от иноэтничных примесей. Но, если хоть часть из упомянутых погребений все же синхронна горизонту Сивашовки, мы будем вынуждены констатировать наличие болгарского или родственного булгарам этнического компонента в составе населения перещепинской культуры.

Значение, которое в условиях противостояния “хазарской” и “болгарской” версий приобретает хронология, откровенно напоминает проблему расстановки запятой в вердикте “казнить нельзя помиловать”, но вряд ли найдется здравомыслящий исследователь, гарантирующий, что памятники перещепинской культуры исчезают из Северного Причерноморья строго после 665 г или появляются только после этого рубежа. “Люфт” в четверть века, который в других условиях несомненно был бы воспринят как обычная ситуация в археологии, в данном случае грозит утомляющей неопределенностью, заставляющей обращаться к общим культурно-историческим моделям для решения проблемы принадлежности перещепинской культуры. Совершенно очевидно и то, что ситуация просто иллюстрирует слабость нашего понимания рассматриваемого периода, действительно очень фрагментарно и противоречиво освещенного источниками.

Слабые стороны “болгарской” версии, рельефно проступившие в ходе нашего анализа, это:

– “восточное” (урало-казахско-центральноазиатское) происхождение перещепинской культуры для Восточной Европы VII в., в то время как булгары пребывали в Европе уже с кон.V в. и несомненно должны были представлять собой уже вполне “европеизированное” население, каким действительно перед нами предстают носители, оставившие памятники типа Лихачевки и Суханово кон.V – нач.VII в.;

– отсутствие прямой генетической связи “сивашовцев” с болгарскими памятниками Причерноморья горизонтов Суханово и Лихачевки, а также достоверно болгарскими культурами VIII-IX вв. Дунайской и Волжской Булгарий;

– отсутствие достоверных данных письменных источников о локализации в Поднепровье VII в. какого-либо политического центра болгар, а тем более главного;

– сохранение “сивашовцев” в Северном Причерноморье в достоверно хазарское время (после 665 г) и даже после переселения Аспаруха в Болгарию (после 680 г), несмотря на то, что письменные источники указывают на преследование хазарами болгар до самого Дуная (Коковцов П.К., 1932, с.92; Димитров Х., 1989, с.53);

– наличие погребений с “хазарскими” чертами обряда уже в ранней группе погребений горизонта Сивашовки (п.3 к.5 Виноградного) при отсутствии заметных следов притока нового населения в Северное Причерноморье в кон.VII в., несмотря на данные письменных источников о том, что в 705-712 гг хазарский каган лично появлялся в Крыму и базировался в пределах близкой досягаемости Крымской Готии и Боспора;

– концентрация в Северном Причерноморье кон.VII – нач.VIII в. (однозначно после 680 г, по всем существующим ныне системам хронологии) самых богатых кочевнических комплексов Восточной Европы этого периода, причем с включением выразительных центральноазиатских элементов: Вознесенка, Глodosы, Ясиново, Новые Санжары;

– отсутствие каких-либо данных письменных источников о вторжении или проникновении болгар в лесостепь, оправдывавших бы появление погребений сивашовского и келегейского типов в ареалах восточнославянских племен полян (Журавлиха, Белая Церковь, Геленовка), северян (Рябовка, Топыло, Постаवмуки, Березовка, Перещепина, Макуховка, Новые Санжары) и вятичей (Арцибашев), в то время как все эти племена в VIII в. фиксируются в составе хазарских данников;

– наличие в составе родственных “сивашовцам” памятников новинковского типа VIII в. группы курганов с “квадратными ровиками”, указывающих на явную родственность или тесные культурные контакты данной группы населения Поволжья с населением группы Соколовской балки (Комар А.В., 2001а).

Все “минусы” “болгарской” версии автоматически превращаются в “плюсы” “хазарской”, сла-

бые же стороны последней на сегодня сводятся к следующим пунктам:

– возможность датировки наиболее ранних комплексов сивашовского типа, а следовательно, и появления “сивашовцев” в Северном Причерноморье 2-й четв.VII в., т.е. как минимум на 20 лет ранее рубежа 665 г – наиболее реальной даты начала хазарской экспансии на запад;

– отсутствие прямой генетической связи памятников сивашовского и соколовского типов;

– периферийное по отношению к центру Хазарского каганата расположение в VIII в. родственного “сивашовцам” населения, оставившего памятники новинковского типа на Средней Волге, и “нетайловцев” на Северском Донце, из которых только северскодонецкая группа (Столбище, Нетайловка) имеет в своем составе детали золотых поясных наборов и византийские солиды VIII в. – свидетельства причастности этой группы населения к внешнеполитическим контактам Хазарии.

Как видим, реальность предлагает “неудобную” для обеих версий картину: комплексы правителей обнаружены не там, где должны находиться ожидаемые политические центры, а рядовое население не соответствует ни волжским, ни дунайским булгарам, ни “хазарам” волго-донских степей VIII в. Кем бы ни был “перещепинский” правитель, но похоже, что, по примеру тюркских каганов, в VII в. ему также приходилось “геройствовать в пустынях севера” “чужими руками” – силами западной части телесских племен, которым в VIII в. уже не нашлось места в конфигурации элиты населения Хазарского каганата, Волжской и Дунайской Булгарий.

Приблизилась ли хоть одна из рассмотренных версий к истине, несомненно, покажет время. К сожалению, количество известных нам памятников кочевников VI-VII вв., особенно периода VI – 1-й трети VII в., на сегодня крайне невелико и накапливается крайне медленно. Эта выборка для степей Восточной Европы “письменного” периода сравнима разве что с наиболее загадочным и слабоисследованным киммерийским периодом, что остро поднимает вопрос о характере самой эпохи VI-VII вв., первостепенную роль в которой, похоже, играл палеоклиматический кризис (Баранов И.А., 1990, с.17, 18; Боталов С.Г., Гуцалов С.Ю., 2000, с.186-189; Комар А.В., 2004а, с.194-199). Не удивительно, что даже спустя 20 лет после выделения памятников типа Сивашовки и 30 лет после времени выделения перещепинской культуры, окончательное решение проблемы все еще откладывается в ожидании новых открытий и исследований.

Summary

A.V.Komar, A.I.Kubyshev, R.S.Orlov (Kiev, Ukraine)

NOMAD BURIALS OF VI-VII C. FROM NORTH-WEST AZOV REACHES

The paper is devoted to a complete publication of 7 intake nomads burials of the 2nd half of the VI – VII c. in the North Sivash reaches and the Northwest Azov reaches. In the paper, a funeral rite and burials inventory as well as their analogies are considered in detail. As a result of this analysis, burial 1 of Malaya Ternovka barrow 22 with a buckle of “Suchidava” type (the 2nd half of the VI c.) is referred to monuments of the Sukhanovo type (the 2nd half of the VI – the 1st third of the VII c.) pointed out in the paper. This type is genetically linked neither with the preceding horizon of Kutrigursk burials such as Likhachevka (the end of the V – the 2nd half of the VI c.) nor with the later horizon of monuments such as Sivashovka. Burial 2 of Sivashovka barrow 3, which has become an eponym for the type of the nomads burials of the middle – the 2nd half of the VII c. distinguished by R.S.Orlov, is dated back to the 3rd quarter of the VII c. Burial 2 of Sivash barrow 2 and burial 3 of Malaya Ternovka barrow 24 are also referred to this chronological horizon. Burial 7 of Kostogryzovo barrow 1, burial 1 of Malaya Ternovka, barrow 3 and burial 2 of Rodionovka barrow 5 are referred to Uch-Tepe – Kelegei horizon and are dated back to the last third of the VII c. An estimation of chronology and social level of Sivashovka type burials has permitted us to confidently synchronize them with the horizon of forming Pereshchepina complex and other complexes of the highest social level (Makukhovka, Kelegei). This is indicative of their belonging to the integral complicated Pereshchepina Culture, whose monuments appear in Northern Black Sea Littoral at about the 3rd quarter of the VII c. as a result of a new surge of nomads migration.

Статья поступила в редакцию в августе 2005 г